

ИЗВЕСТИЯ

АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
РСФСР

38

МОСКВА • 1952

О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
А. С. МАКАРЕНКО

Т Р У Д Ы
ИНСТИТУТА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ПЕДАГОГИКИ

Ответственные редакторы
действительные члены
Академии педагогических наук РСФСР
Е. Н. МЕДЫНСКИЙ
и Н. А. КОНСТАНТИНОВ

Газетшено к печатанию
Редакционно-издательским советом
Академии педагогических наук РСФСР

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редакции	3
<i>И. С. Петрухин</i> — Педагогический опыт <i>А. С. Макаренко</i> и его теоретическое значение	5
<i>Г. С. Алексеевич</i> — Применение положений педагогической системы <i>А. С. Макаренко</i> в детских домах Алтайского края	59
<i>М. Е. Бобровская</i> — К истории детской трудовой коммуны имени <i>Ф. Э. Дзержинского</i> (Документальный очерк)	85
<u><i>А. Г. Тер-Гевондян</i></u> — Детский производительный труд в ком- муне имени <i>Ф. Э. Дзержинского</i>	107
<i>Н. В. Петров</i> — <i>А. С. Макаренко</i> (Воспоминания)	136
<i>В. Н. Тарасов</i> — В Полтавском учительском институте (Из воспоминаний об <i>А. С. Макаренко</i>)	143
<i>Н. А. Сундуков</i> — Переписка <i>Макаренко</i> с Горьким и его ра- бота над текстом «Педагогической поэмы»	151
Тексты писем <i>А. М. Горького</i> и <i>А. С. Макаренко</i>	230

Составил *В. Е. Гмурман*

Редактор *И. А. Томилина*

Техн. редактор *В. П. Гарнек*

A00621 Сдано в производство 11/X 1951 г.

Подписано к печати 12/1 1952 г.

Бумага 70×108¹/₁₆=8,38 бум. л.—22,95 п. л.

Уч.-изд. л. 22,52. Цена 13 р. 50 к.

Заказ 1984

Тираж 15 000

Типография, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск «Известий Академии педагогических наук» посвящается педагогической деятельности Антона Семеновича Макаренко.

В открывающей сборник статье И. С. Петрухина «Педагогический опыт А. С. Макаренко и его теоретическое значение» рассмотрены отдельные теоретические вопросы, связанные с творческой разработкой идей выдающегося советского педагога.

Некоторые из этих вопросов (например, о педагогике параллельного действия, о «методе взрыва» и др.) почти не освещались в педагогической литературе. Публикуя статью И. С. Петрухина, редакция исходила из того, что обмен мнениями по этим неразработанным темам позволит уточнить и исправить отдельные спорные положения.

Автор следующей статьи «Применение педагогической системы А. С. Макаренко в детских домах Алтайского края» кандидат педагогических наук Г. С. Алексеевич останавливается по преимуществу на вопросах практического характера.

Г. С. Алексеевич рассказывает не о личном опыте, а о деятельности других педагогов. Это обусловило известную фрагментарность описания; на некоторых оценках и суждениях автора неизбежно должна была отразиться субъективная точка зрения наблюдателя. Названный недостаток восполняется в большой степени тем, что Г. С. Алексеевич сравнивает и анализирует опыт нескольких детских домов (Бийского, Барнаульского, Малаховского, Ребрихинского, Аскатского, Каменского). Такое сопоставление позволило автору выделить типичное и отсеять случайное.

Это не означает, что весь изложенный в статье Г. С. Алексеевич опыт может быть безоговорочно рекомендован нашим детским домам.

Эта статья не носит инструктивно-методического характера, в ней излагается практический опыт, который требует еще дополнительного изучения и проверки.

Последующие работы содержат материал, который пополняет наши сведения об истории коммуны им. Ф. Э. Дзержинского и сообщает некоторые новые факты из биографии А. С. Макаренко.

Во второй раздел выпуска входят работы исторического характера. Они содержат материал, который пополняет наши сведения об истории коммуны им. Ф. Э. Дзержинского и сообщает некоторые новые факты из биографии А. С. Макаренко.

Очерк М. Е. Бобровской «К истории детской трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» и статья кандидата педагогических наук А. Г. Тер-Гевондяна «Детский производительный труд в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского» написаны на основе анализа архивных материалов. Такой анализ позволяет лучше понять опыт Макаренко и полнее использовать его.

Особенно актуален вопрос о соединении обучения с производительным трудом учащихся. А. Г. Тер-Гевондян убедительно показывает, что для решения этого сложного вопроса А. С. Макаренко сделал очень много.

Небольшая статья народного артиста РСФСР, лауреата Сталинской премии Н. В. Петрова не ставит проблем методики; автор рисует живой облик А. С. Макаренко-человека. И тем самым он помогает лучше представить А. С. Макаренко-педагога.

Доцент В. Н. Тарасов в своей статье «В Полтавском учительском институте» освещает один из наименее известных нам периодов жизни Антона Семеновича. Особенно ценны те сведения, которые В. Н. Тарасов приводит о подготовке А. С. Макаренко в области истории. Отличное знание истории играло немалую роль в формировании А. С. Макаренко как ученого. Оно позволяло ему выступать во всеоружии против различных пережитков буржуазных теорий, давало возможность рассматривать узловые проблемы науки в их историческом развитии.

В конце настоящего выпуска даны публикации Н. А. Сундукова «Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким и его работа над текстом «Педагогической поэмы». Здесь впервые публикуются обширные архивные материалы: письма А. С. Макаренко, правка, внесенная А. М. Горьким в текст «Педагогической поэмы», отдельные авторские тексты А. С. Макаренко, характеризующие творческую работу писателя.

Взятый в целом, весь этот материал представляет интерес не только для специалистов-педагогов, но и для литературоведов. Он может быть использован научными работниками, изучающими А. С. Макаренко, и исследователями горьковского наследия.

Впервые публикуется также полный текст авторской машинописи 12 главы 1-й части «Педагогической поэмы» «На педагогических ухабах». (Эта глава была дана в первом томе сочинений А. С. Макаренко в переводе с украинского, так как текст, написанный автором на русском языке, не был разыскан и считался утерянным).

В заключение нужно подчеркнуть, что вошедшие в настоящий выпуск материалы являются только первой попыткой осветить некоторые малоисследованные проблемы, связанные с разработкой и творческим освоением педагогического наследия А. С. Макаренко. Настоящий выпуск далеко не исчерпывает тематики лаборатории по изучению педагогического наследия А. С. Макаренко, а тем более плана исследований Института теории и истории педагогики АПН РСФСР в настоящее время. Результаты этих исследований, посвященных прежде всего применению идей А. С. Макаренко в практике советской школы, явятся предметом дальнейших публикаций.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ А. С. МАКАРЕНКО
И ЕГО ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ¹

И. С. ПЕТРУХИН

Советская наука за последние годы обогатилась выдающимся трудом товарища И. В. Сталина — «Марксизм и вопросы языкознания». Выход в свет этого труда знаменует собой крупное событие в развитии марксистско-ленинской теории. Он еще более возвеличивает советскую науку и указывает ей новые пути дальнейшего мощного подъема. В этом замечательном труде товарищ Сталин еще раз со всей глубиной и убедительностью продемонстрировал силу творческого марксизма и коренное отличие его от «марксизма» догматического. На конкретном примере научной разработки актуальных проблем советского языкознания, товарищ Сталин показал, как нужно развивать науку в любой области научного знания, творчески применяя и развивая марксизм-ленинизм. В этом труде товарищ Сталин дал теоретическое обоснование советского языкознания, поставил советское языкознание на прочные научные основы, вывел его из того тупика и застоя, в который завели его Марр и «марровцы».

В этом труде товарищ Сталин творчески развивает и общие вопросы марксистско-ленинской теории: учение марксизма-ленинизма о базисе и надстройке, о закономерностях развития общественных явлений в условиях социализма, о скачках и взрывах как особой форме скачка в развитии общества, о специфике некоторых общественных явлений, об отношении к культурному наследию прошлого и др.

Труды товарища Сталина по вопросам языкознания служат широкой программой дальнейшей разработки актуальных проблем не только в области языкознания, но и в других областях науки. Труды товарища Сталина имеют решающее значение в деле коренной перестройки преподавания русского языка в средней школе на строго научных, марксистских основах, ликвидации вредоносных марровских установок, которые насаждались в преподавании языка в школе последователями Марра, и серьезного повышения качества обучения учащихся средней школы. Новые труды товарища Сталина по вопросам языкознания имеют основополагающее значение и в деле дальнейшего развития всей советской педагогической науки.

Перед деятелями педагогики стоит актуальнейшая задача дальнейшей разработки коренных проблем педагогики на основе творческого применения марксизма-ленинизма, обобщения богатого опыта передовой советской практики воспитания и обучения подрастающего поколения.

В свете трудов товарища Сталина по вопросам языкознания советской педагогической науке предстоит дальнейшая разработка таких, на-

¹ Настоящая статья не претендует на полное и систематическое освещение педагогического опыта А. С. Макаренко и его теоретического значения. Она содержит лишь освещение некоторых общих вопросов. (Автор.)

пример, коренных проблем педагогики, как особенность воспитания как общественного явления, активный характер советской педагогики, отношение к педагогическому наследству прошлого, связь педагогической науки с практикой социалистического строительства и др.

Советская педагогика — подлинно научная теория коммунистического воспитания подрастающих поколений. Она зиждется на прочном научном фундаменте марксизма-ленинизма.

Основу советской педагогики как науки о воспитании, обучении и образовании подрастающих поколений составляют высказывания классиков марксизма-ленинизма о коммунистическом воспитании и просвещении, а также решения партии и правительства по вопросам народного образования.

Важным вкладом в советскую педагогику являются труды выдающихся деятелей Советского государства и просвещения: Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, Н. К. Крупской и др.

Прочным достоянием советской педагогики является обобщенный опыт многолетних творческих усилий миллионной армии советских учителей по строительству новой школы и воспитанию нового поколения советских людей.

Передовые учителя нашей страны своим творческим трудом обогащают и развивают советскую науку о воспитании. Они неустанно совершенствуют организацию и методику воспитания, обучения и образования подрастающих поколений, прокладывают новые пути в педагогике, выступают как подлинные новаторы на ниве просвещения.

Особое место в этом отношении занимает опыт выдающегося педагога-новатора А. С. Макаренко.

Педагогический опыт и педагогические высказывания А. С. Макаренко касаются по преимуществу вопросов воспитания, методики воспитательной работы. Вопросы обучения Макаренко специально не разрабатывал. Это объясняется прежде всего тем, что Антону Семеновичу Макаренко пришлось осуществлять свою педагогическую деятельность в условиях детских учреждений такого типа как колония им. Горького и коммуна им. Дзержинского.

То, что вопросы непосредственно воспитательной работы стояли в центре его внимания, Макаренко объясняет следующим образом:

«Лично мне, — говорил Макаренко, — и на практике пришлось воспитательную цель иметь как главную: поскольку мне в течение 16 лет поручалось перевоспитание так называемых правонарушителей, передо мной ставилась прежде всего задача — воспитать. Никто даже не ставил передо мной задачи — образовать. Мне давали мальчиков и девочек — правонарушителей, по-старому — преступников, мальчиков и девочек со слишком яркими и опасными особенностями характера и, прежде всего передо мной ставилась цель — этот характер переделать»¹.

Но опыт воспитательной работы А. С. Макаренко, его «практические выводы могут быть отнесены не только к беспризорным трудным детям, а и ко всякому детскому коллективу, и, следовательно, ко всякому работнику на фронте воспитания»².

Его опыт воспитательной работы содержит неисчерпаемый источник замечательных педагогических идей и теоретических выводов, которые еще ждут своей обстоятельной разработки. В настоящей статье мы остановимся лишь на отдельных вопросах педагогического опыта Макаренко, не ставя перед собой задачи общего его освещения.

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., Учпедгиз, 1946, стр. 70.

² Там же, стр. 68.

ЧУВСТВО НОВОГО — ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ КАЧЕСТВО СОВЕТСКОГО ПЕДАГОГА

Советская школа достигла замечательных успехов в деле коммунистического воспитания подрастающих поколений прежде всего потому, что во всей своей деятельности она руководствуется марксистско-ленинской теорией, учением Ленина и Сталина о коммунистическом воспитании, потому что учительство нашей страны творчески осуществляет это учение на практике, настойчиво двигает теорию и практику коммунистического воспитания вперед, упорно прокладывает новые пути, изыскивает новые методы и средства претворения марксистско-ленинских принципов воспитания в практике.

Сотни, тысячи передовых советских учителей работают каждый в своей области над совершенствованием педагогической теории и практики, вкладывая все свои силы и способности в общее дело улучшения коммунистического воспитания подрастающих поколений.

Советскому учительству, воспитанному партией Ленина—Сталина на всепобеждающих идеях марксизма-ленинизма, свойственно чувство нового — драгоценное свойство большевиков. Передовые советские учителя никогда не останавливаются на достигнутом, постоянно совершенствуют свои знания, свой опыт, пути и методы педагогической деятельности, формы и средства учебно-воспитательной работы. Они обогащают советскую педагогическую науку новыми достижениями, новыми идеями и выводами, обобщая свой передовой опыт.

Чувство нового было неотъемлемым качеством педагога-новатора А. С. Макаренко. Свои педагогические взгляды Макаренко вполне обоснованно именовал взглядами марксистскими, а отстаиваемую им «педагогическую логику» — логикой марксистской, диалектической¹. Он заявлял, что «нет более диалектической науки, чем педагогика, которая не терпит догматического подхода к разрешению сложных педагогических проблем... В общем, педагогика есть самая диалектическая, подвижная, самая сложная и разнообразная наука. Вот это утверждение и является основным символом моей педагогической веры», — писал Макаренко.

А. С. Макаренко выступил в области строительства советской педагогики как подлинный новатор. В борьбе за советскую педагогическую науку в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции Макаренко занимал активные, принципиально правильные позиции. Он исходил из того, что «нам необходима принципиально новая — наша советская теория педагогики... В этой теории должны быть учтены требования к новому человеку в новой обстановке, определены закономерности его формирования».

Для создания новой, советской педагогики, говорил Макаренко, неслется все необходимое. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла безграничные и невиданные еще в истории общества возможности для развития науки. А учение марксизма-ленинизма составляет тот теоретический фундамент, на котором успешно может развиваться любая отрасль научного знания, в том числе и советская педагогика.

Макаренко писал: «Если мы возьмем давно проверенный, установленный, точно сформулированный состав воспитательных приемов, утверждений, положений нашей партии, комсомола, высказывания товарищей

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 37.

Ленина и Сталина, то мы действительно в настоящее время, собственно говоря, имеем полную возможность составить настоящий большой кодекс всех теорем и аксиом воспитательного дела в СССР».

А. С. Макаренко с первых шагов своей педагогической деятельности в советских воспитательных учреждениях исходил из правильной предпосылки, что старая педагогика и старые методы воспитания не могут служить основанием нового, коммунистического воспитания молодежи, что необходимо создавать новую педагогику — педагогику коммунистическую, которая отвечала бы новым общественным условиям, новым политическим задачам, интересам рабочего класса в области обучения и воспитания подрастающего поколения.

В основу своей деятельности он положил указание В. И. Ленина о том, что «только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое, т. е. коммунистического общества»¹.

В этом отношении очень характерен разговор А. С. Макаренко с завгубнаробразом в начале «Педагогической поэмы».

Словами завгубнаробразом А. С. Макаренко выражает основную задачу, которая была поставлена пролетарской революцией перед рабочими народными просвещениями.

«Нам нужен такой человек вот... наш человек! — говорит завгубнаробразом. — Ты его сделай. Все равно, всем учиться нужно. И ты будешь учиться. Это хорошо, что ты в глаза сказал: не знаю. Ну и хорошо».

Характеризуя историю возникновения и развития колонии им. А. М. Горького, Макаренко писал, что «небольшая группа педагогов, людей обыкновенных и добродушных, по случайной раскладке заняла этот скромный участок революционного фронта. Во главе группы был Захаров, человек тоже обыкновенный. Необыкновенным и ошеломляющим в этом зачине было одно: Октябрьская революция и новые горизонты мира. И поэтому Захарову и его друзьям задача казалась ясной: воспитать нового человека!»².

Воспитание нового человека сталинской эпохи требует и новых методов, путей и средств воспитательной работы, постоянного совершенствования этих методов. Это было твердым убеждением А. С. Макаренко, которым он неуклонно руководствовался во всей своей практической деятельности.

«Русский революционный размах, — говорит Макаренко, — должен отличать нашу школу от всякой другой. Наше отношение к человеку, великие цели, которые обязана ставить перед собой воспитательная работа, социалистический гуманизм, воспитание активного деятеля социалистического общества, воспитание целых поколений закаленных, преданных революции, радостных и суровых деятелей, разве этого можно достигнуть без революционного размаха?»³.

Русский революционный размах при решении педагогических задач, говорит Макаренко, должен являться противоядием против косности, рутины, консерватизма, застоя мысли, рабского отношения к дедовским традициям в области воспитания молодого поколения.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, 4-е изд., стр. 259.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 3, стр. 137.

³ А. С. Макаренко, Избр. педагог. соч., 1949, кн. 4, стр. 244.

Педагогический опыт Макаренко свидетельствует о том, что он умел творчески анализировать педагогическую практику, подмечать то новое, что рождалось в процессе педагогической деятельности, видеть зародыши этого нового.

Обнаружив ростки нового, Макаренко со всей присущей ему страстью сосредоточивал все свои силы и способности на укреплении и развитии ростков нового. И несмотря ни на какие препятствия и трудности, несмотря на то, что ему часто приходилось сталкиваться с серьезным сопротивлением консервативных элементов, пробравшихся тогда к руководству делом просвещения на Украине, Макаренко настойчиво боролся за утверждение нового, революционного в педагогике.

Ярким эпизодом, характеризующим борьбу Макаренко за новое, прогрессивное в педагогике, может служить глава из «Педагогической поэмы», названная им «Командирская педагогика». В этой главе Макаренко писал: «Зима двадцать третьего года принесла нам много важных организационных находок, надолго вперед определивших формы нашего коллектива. Важнейшая из них была — отряды и командиры...»

В 1923 году, говорил Макаренко, никто не предполагал, что в нашем лесу создается важный институт, вокруг которого будет разыгрываться столько страстей... «Принципиальное значение системы наших отрядов, указывал он, стало заметно гораздо позднее, когда наши отряды потрясали педагогический мир широким маршем наступления и когда они сделались мишенью для остроумия некоторой части педагогических писак. Тогда всю нашу работу иначе не называли, как «командирской» педагогией, полагая, что в этом сочетании слов заключается роковой приговор»¹.

Организация отрядов была действительно важнейшим педагогическим открытием в педагогическом опыте Макаренко. Это открытие получило впоследствии широкое применение в воспитательной работе Макаренко.

Детский коллектив, который старался создать Макаренко с первых шагов своей деятельности в колонии им. Горького, не имел вначале какой-либо организационной формы. И только к 1923 г. ему удалось найти такую организационную форму, которая стала господствующей в колонии им. Горького и в коммуне им. Дзержинского. Эта найденная точка опоры в организации детского коллектива помогла Макаренко привести в движение коллектив воспитанников, превратить его в могучую воспитательную силу.

Создание отрядов в колонии им. Горького означало не только то, что найдена была организационная форма детского коллектива, а нечто значительно большее. С организацией отрядов был открыт детский коллектив как могучий воспитательный фактор, как «субъект» воспитательного процесса, а не только как объект воспитания.

Описывая, как произошло это замечательное открытие в области педагогики, Макаренко говорит, что дело началось с пустяка.

«Полагаясь, как всегда, на нашу изворотливость, нам в этом году не дали дров. Попрежнему мы пользовались сухостоем в лесу и продуктами лесной расчистки. Летние заготовки этого малоценного топлива к ноябрю были сожжены, и нас нагнал снова топливный кризис. По правде сказать, нам всем страшно надоела эта возня с сухостоем. Рубить его было не трудно, но, для того чтобы собрать сотню пудов этих,

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 195—196.

с позволения сказать, дров, нужно было обыскать несколько десятин леса, пробираться между густыми зарослями и с большой и напрасной тратой сил свозить всю собранную мелочь в колонию.

На этой работе очень рвалося платье, которого и так не было, а зимнюю топливные операции сопровождалось отмороженными ногами и бешеной склокой в конюшне: Антон и слышать не хотел о заготовках топлива.

— Старцойте сами, а коней нечего гонять старцовать. Дрова они будут собирать! Какие это дрова?

— Братченко, да ведь топить нужно? — задавал убийственный вопрос Калина Иванович.

Антон отмахивался:

— По мне хоть не топите, в конюшне все равно не топите, нам и так хорошо.

В таком затруднительном положении нам все-таки удалось на общем собрании убедить Шере на время сократить работы по вывозке навоза и мобилизовать самых сильных и лучше других обутих колонистов на лесные работы. Составилась группа человек в двадцать, в которую вошел весь наш актив: Бурун, Белухин, Вершнев, Волохов, Осадчий, Чобот и другие¹.

В лесу ребята поработали славно. Вечером Бурун рассказывал:

«— Наш отряд сегодня представил двенадцать возов, не меньше. Говорили вам, что к рождеству будет тысяча пудов, и будет!»...

«Слово «отряд» было термином революционного времени, того времени, — говорит Макаренко, — когда революционные волны еще не успели выстроиться в стройные колонны полков и дивизий. Партизанская война, в особенности длительная у нас на Украине, велась исключительно отрядами. Отряд мог вмещать в себе и несколько тысяч человек, и меньше сотни: и тому и другому отряду одинаково были назначены и боевые подвиги, и спасительные лесные труды».

Наши коммунары больше кого-нибудь другого имели вкус к военно-партизанской романтике революционной борьбы. Даже и те, которые игрою случая были занесены во враждебный классовый стан, прежде всего находили в нем эту самую романтику. Сущность борьбы, классовые противоречия для многих из них были и непонятны и неизвестны, — этим и объяснялось, что советская власть с них спрашивала немного и присылала в колонию.

Отряд в нашем лесу, пусть только снабженный топором и пилой, возрождал привычный и родной образ другого отряда, о котором были если не воспоминания, то многочисленные рассказы и легенды.

Я не хотел препятствовать этой полусознательной игре революционных инстинктов наших колонистов. Педагогические писаки, так осудившие и наши отряды, и нашу военную игру, просто не способны были понять, в чем дело. Отряды для них не были приятными воспоминаниями: они не церемонились ни с их квартирками, ни с их психологией и по тем и по другим стреляли из трехдюймовок, не жалея ни их «науки», ни наморщенных лбов.

Ничего не поделаешь. Вопреки их вкусам, колония начала с отряда...

Рубку дров кончили: к первому января у нас было больше тысячи пудов. Но отряд Буруна мы не стали распускать, и он целиком перешел на постройку парников во второй колонии. Отряд с утра уходил на работу, обедал не дома и возвращался только к вечеру.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 196.

Как-то обратился ко мне Задоров:

— Что же это у нас получается: есть отряд Буруна, а остальные хлопцы как же?

Думали недолго. В то время у нас уже был ежедневный приказ; отдали в приказе, что в колонии организуется второй отряд под командой Задорова. Второй отряд весь работал в мастерских, и в него вернулись от Буруна такие квалифицированные мастера, как Белухин и Вершнев.

Дальнейшее развертывание отрядов произошло очень быстро. Во второй колонии были организованы третий и четвертый отряды с отдельными командирами. Девочки составили пятый отряд под командой Насти Ночевой»¹.

Так вошла в жизнь и утвердилась система отрядов как организационная форма детского коллектива в колонии им. А. М. Горького. Здесь замечательны два обстоятельства.

Во-первых, то, что идея отряда была заимствована из нашей революционной практики, из борьбы рабочего класса нашей страны за новый мир, за новый социальный строй.

Это заимствование свидетельствует о том, что колония жила жизнью нашей Родины, интересами нашей страны, идеями пролетарской революции, она искала ответы на жгучие вопросы коммунистического воспитания молодого поколения в практике революционной борьбы рабочего класса за социализм.

Во-вторых, в этом факте обнаруживается со всей силой педагогический талант А. С. Макаренко. Владая марксистским диалектическим методом, Макаренко умел в зародыше разглядеть новое, передовое, прогрессивное в педагогической практике, подхватить это новое, развить и усовершенствовать его.

В этом заключается сила марксистско-диалектического метода, сила научного предвидения.

«Нужно было много терпения и оптимистических перспектив, чтобы верить в успех найденной схемы, не падать духом и не сворачивать с пути»².

С зимы 1923 г. открывается новый этап в жизни колонии им. Горького и в развитии педагогики Макаренко. Вместе со всей страной, с развитием и ростом нашего общества росла и развивалась колония им. Горького, рос и развивался педагогический опыт и талант А. С. Макаренко.

В своем произведении «Флаги на башнях» Макаренко, вспоминая историю зарождения и развития колонии им. Горького, писал: «Со всех сторон, от всех событий в стране, от каждой печатной строки, от всего чудесного советского роста, от каждого живого советского человека — приходили в колонию идеи, требования, нормы и измерители».

Антон Семенович Макаренко воспитывал в своих питомцах также чувство нового. Он учил их видеть новое в жизни, в окружающей действительности, стремиться к этому новому, решительно порывая со старым, отжившим.

Комсомолка колонии имени Горького Оля Воронова очень лаконично выражает эту мысль. В разговоре с Силантием Семеновичем Отченаш по вопросу о путях развития крестьянства в нашей стране Оля Воронова говорит: «Ты, Силантий, по-старому смотришь. По-старому. А кругом тебя новое».

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 198—199.

² А. С. Макаренко, Избр. педагог. соч., 1949, кн. 4-я, стр. 571.

Макаренко учил и воспитывал колонистов и коммунаров не только видеть в жизни новое и стремиться к нему, но и бороться за это новое, бороться против всего старого, отжившего, против всего мертвого в жизни, что мешает развиваться молодому, новому.

Макаренко умел придать каждому, даже небольшому событию, факту и явлению в жизни детского учреждения большой общественный смысл; он умел возвеличить будничные дела учреждения, возвысить их в глазах воспитанников до уровня больших общественных дел. Это умение в малом видеть большое, умение педагогически так «обставить» тот или иной факт, то или иное явление, что оно приобретает большое общественное значение, этот методический прием имеет исключительную воспитательную ценность.

Так исподволь, на любом конкретном факте, на небольших повседневных событиях и явлениях Макаренко формировал общественное сознание своих воспитанников, воспитывал у них навыки относиться к любому делу с большим уважением, видеть в нем общественный смысл, вырабатывал у них умение связывать свою повседневную деятельность с жизнью всей страны, с задачами всего социалистического общества.

Естественная приподнятость тона всей жизни детского учреждения, повседневная мобилизованность его коллектива, сознание большой общественной важности выполняемых детским учреждением и каждым отдельным его членом обязанностей, являются неотъемлемым элементом общего творческого ритма в жизни детского коллектива.

В некоторых наших школах, к сожалению, не уделяют должного внимания этой важной стороне организации всей жизни школы. В некоторых из них господствует, если можно так выразиться, «будничный» тон, который снижает творческий порыв, энтузиазм и мобилизованность сил нашей молодежи. Дух «повседневности», который доминирует в таких школах, лишает возможности видеть в будничных делах и событиях большую общественную значимость. Каждый день школы, отдельного класса, каждого ученика школы — это движение вперед, это шаг в будущее; одновременно это какой-то реальный успех, реальное достижение, это какая-то, пусть небольшая, радость. Из таких небольших радостей дня складывается большая радость будущего и не только каждого ученика в отдельности, но и класса в целом, школы в целом.

Овладевая основами наук, ученик должен не только знать, но и «ощущать», как говорит Макаренко, общественную необходимость и значение учения. Учителя и классные руководители, регулярно отмечающие успехи класса за неделю, приковывающие внимание учащихся к тем или иным положительным фактам, событиям в жизни класса и школы, хорошо знают, какое это имеет громадное воспитательное значение. Фиксируя внимание учащихся на достижениях и на недостатках класса в том или ином отношении, они ведут класс вперед, создают радостную перспективу, общий приподнятый тон жизни класса, школы. В жизни нашей школы в целом и каждого класса в отдельности очень много таких моментов, которые можно и необходимо сделать «узловыми линиями» в развитии всей жизни детского коллектива.

Этот метод воспитания наиболее полно раскрыт в теории «перспективных линий», которым Макаренко уделил большое место и внимание в своих высказываниях.

Теория и методика «перспективных линий» воспитания была глубоко разработана А. С. Макаренко. Теория «перспективных линий» в воспитании является одним из водоразделов между советской педагогикой и педагогикой буржуазной.

Современная буржуазная педагогика — педагогика пессимизма, упадка и деградации. Даже в лучшие для буржуазии времена, на заре капитализма, буржуазная педагогика могла внушать и проповедывать лишь индивидуалистические, эгоистические перспективы, никогда не доходя до признания научно-обоснованных общественных перспектив.

Макаренко считал главным отличием нашей воспитательной системы от буржуазной то, что у нас детский коллектив обязательно должен расти и развиваться, должен видеть впереди лучший завтрашний день и стремиться к нему в радостном общем напряжении, в настойчивой веселой мечте. В этом и заключается истинная педагогическая диалектика, говорил Макаренко.

Макаренко глубоко понял марксистскую истину, что не только в политике, но и в любом деле, и в особенности в педагогике, надо смотреть вперед, а не назад.

Последовательно осуществляя этот марксистский принцип в практике своей педагогической деятельности, Макаренко не допускал остановки, состояния покоя, малейшего застоя, прекращения движения в жизни и деятельности детского коллектива. Он совершенно законно и правильно утверждал, что малейшая задержка в движении детского коллектива, кратковременная потеря перспективы детским коллективом порождают условия для образования и появления нежелательных «линий» движения детского коллектива, антиобщественных поступков и настроений.

Чувство нового, стремление к этому новому, борьба за новое, — вот что лежит в основе его теории «перспективных линий».

Макаренко писал: «Какая чудесная, захватывающая диалектика! Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте. Всемирный закон всеобщего развития только теперь начинает показывать свои настоящие силы. Формы бытия свободного человеческого коллектива — движение вперед, форма смерти — остановка»¹.

Эта глубокая закономерность советской жизни служит одним из могучих педагогических средств воспитания молодежи. Каждый воспитанник, каждый учащийся должен понимать и чувствовать, что то, что он делает сегодня, имеет значение не только настоящего, но и перспективное отношение к будущему, к завтрашнему дню, что оно есть часть будущей большой радости, большой «перспективной линии».

Макаренко подробно анализирует пути и методы организации воспитательного процесса на основе близких и далеких перспектив детского коллектива, приводит яркие примеры из опыта воспитательной работы в коммуне им. Дзержинского.

Одной из самых существенных задач в развитии нашего воспитательного процесса, указывает Макаренко, является переход от более близких к более далеким перспективам.

«Однако, — говорит он, — эта задача в области перспективы еще недостаточна и принципиально ничем не отличает нашу педагогику от педагогики буржуазной. Наша работа в области перспективы заключается еще и в том, что мы все время должны воспитывать коллективные линии устремлений, а не только личные. Человек, у которого коллективная перспектива преобладает над личной, является уже человеком советского типа»².

Первой, основной и главной и в то же время наиболее общей, постоянно действующей перспективой Макаренко считал успехи нашей

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 379.

² А. С. Макаренко. Педагог. соч., 1948, стр. 180.

страны, ее движение вперед. Не только знать об успехах нашей страны, о ее еще более прекрасном будущем, не только говорить об этом и изучать, но и всеми чувствами переживать движение вперед нашей страны, ее работу, ее успехи, — вот высшая ступень в организации перспективных линий. Эту основную перспективу в деле коммунистического воспитания молодого поколения Макаренко всегда старался подчеркивать, доводить до сознания своих воспитанников, превращать ее в личную перспективу каждого воспитанника. Он ставил своей задачей — воспитать ребенка так, чтобы он умел свою собственную жизнь представить не иначе, как частью настоящего и будущего всего нашего общества.

Но наряду с этой общей перспективой, в плане этой общей перспективы Макаренко постоянно выдвигал перед коллективом то одну, то другую частную перспективу, то далекую, то близкую. И каждая из этих перспектив отвечала общей задаче коммунистического воспитания молодежи.

Особое место в системе близких и далеких перспектив Макаренко отводил перспективе развития данной школы, данного детского учреждения. Состояние школы, в которой учится ребенок, ее будущее, несомненно, должно служить одной из важнейших «перспективных линий» в жизни детского коллектива.

«Несмотря на то, что каждый воспитанник пребывает в учреждении временно, рано или поздно уйдет из него, — пишет Макаренко, — будущее учреждения, его более богатая и более культурная жизнь всегда должна стоять перед коллективом как серьезная и высокая цель, освещающая многие частности сегодняшней жизни»¹.

И как показал опыт советской школы, дети вовсе не безразлично относятся к перспективе своей школы, своего учреждения. «Воспитание такой перспективы, — говорит Макаренко, — является очень важным этапом в деле широкого политического воспитания, так как служит естественным, практическим переходом к более широкой перспективе — будущему всего нашего Союза»².

Воспитание чувства нового служит формированию у нашей молодежи диалектико-материалистического мировоззрения.

Дзержинцы и горьковцы воспитывались активными общественными деятелями нового, социалистического общества. Вся повседневная жизнь колонии имени Горького и особенно коммуны имени Дзержинского была органически связана с жизнью и деятельностью советского общества. Каждое мероприятие трудовой колонии, каждый шаг всего коллектива и отдельных воспитанников Макаренко и его помощники старались связать с общей борьбой советского народа за социализм, они указывали воспитанникам на связь их деятельности с общими задачами нашей страны, они возвышали повседневную, казалось бы будничную, деятельность коммунаров до больших общественных задач.

Рассказывая о декларации комсомольской организации колонии имени Горького, зачитанной на совместном собрании горьковцев и куряжан, Макаренко писал:

«Программа имеет великое значение в жизни человека. Даже самый ничемный человечик, если видит перед собой не простое пространство земли с холмами, оврагами, болотами и кочками, а пусть и самую скромную перспективу — дорожки или дороги с поворотами, мостиками, посадками и столбиками, — начинает и себя раскладывать по

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 185.

² Там же.

определенным этапикам, веселее смотрит вперед, и сама природа в его глазах кажется более упорядоченной: то — левая сторона, то — правая, то — ближе к дороге, а то — дальше»¹.

Поэтическим пафосом звучат простые и в то же время исключительно глубокие слова Макаренко: «Жизнь коллектива должна быть наполнена радостью, ... не радостью простого развлечения и удовлетворения сейчас, немедленно, а радостью трудовых напряжений и успехов завтрашнего дня»².

Макаренко говорит, что воспитание «перспективных линий» в детском коллективе должно строиться так, чтобы на каждом шагу показывать воспитанникам, что их работа и жизнь есть часть работы и жизни всей страны, показывать им героические и славные советские дни, не только в знании, но и в опыте, в труде и напряжении.

«Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — говорит он, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше»³.

В старой, дореволюционной педагогике, дореволюционной дидактике поднимался вопрос о воспитании интереса у школьника. Умение вызвать интерес у учащихся, умение заинтересовать учащихся учебным предметом являлось мерилом большого педагогического мастерства. И надо сказать, что встречались, действительно, мастера своего дела, обладавшие большим педагогическим талантом, оставлявшие у воспитанников память о себе на всю жизнь.

Но это было редким исключением из общего правила. Почему это было исключением? Отчасти потому, что в старой, буржуазной школе проблема воспитания интереса у учащегося строилась и держалась, в значительной мере, на субъективных психологических данных воспитателя, на его личных способностях и умении вызывать у учащихся соответствующие эмоциональные переживания. Интересы, созданные таким образом, являлись интересами субъективными, лишенными объективной основы. Отличаясь иногда большой эмоциональностью, подобного рода интересы не всегда опирались на сознание учащихся.

Таким образом, методологической основой решения проблемы воспитания интереса у учащихся в старой школе, по существу, являлись субъективно-идеалистические установки.

Макаренко поставил эту проблему на прочную научную почву. Он показал, что воспитание интереса у детей к учебе и работе в советской педагогике решается на принципиально иной, объективной основе воспитания, на основе воспитания общественной перспективы у детей в процессе их обучения.

Проблема воспитания интереса у учащихся ставится и в советской педагогической литературе, в учебниках по педагогике, в статьях по дидактике; но ставится она иногда без учета нового педагогического опыта советского воспитания.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 530—531.

² А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 183.

³ Там же, стр. 179.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЗНАНИЯ И ВОСПИТАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

В педагогических кругах подвергся обсуждению вопрос о том, что является главным в педагогическом опыте А. С. Макаренко. Одни высказались за то, что главным в его опыте является проблема детского коллектива. Другие считают, что главным у Макаренко являются его мысли и идеи по вопросу о педагогической логике. Третьи признают главным в педагогической деятельности Макаренко социалистический гуманизм, который был положен им в основу воспитания и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей.

Надо признать, что и первое, и второе, и третье утверждения в известной мере справедливы. Проблема детского коллектива, педагогическая логика и социалистический гуманизм занимают важное место в педагогическом опыте Макаренко. Но основной и главной задачей, которая пронизывает всю его педагогическую деятельность, которая является основой основ его педагогического опыта, была задача воспитания молодого поколения в духе коммунистической морали.

Если попытаться коротко определить основное значение педагогической деятельности Макаренко, то можно сказать, что оно заключается в творческой разработке новых, наиболее эффективных, методов воспитания коммунистических черт характера у подрастающего поколения, воспитания подлинно коммунистической личности. Эта идея является центральной во всем педагогическом опыте А. С. Макаренко и его теоретических выводах.

Накануне исторического XVIII съезда ВКП(б) Макаренко выступил с несколькими статьями, посвященными специально вопросам воспитания коммунистической морали. В этих статьях он изложил свои общие взгляды по вопросам коммунистической морали, ее коренного отличия от морали буржуазной.

Советская школа должна воспитывать у молодежи благородные моральные качества советских людей: советский патриотизм, преданность великому делу Ленина—Сталина — делу коммунизма, любовь к советскому народу, открывшему новую эру в истории человечества, социалистическое отношение к общественной собственности и к труду, большевистскую дисциплинированность и сознательность и другие качества, характеризующие коммунистическое поведение советского человека.

«Школа, — говорит Макаренко, — должна с первого же дня предъявлять к ученику твердые, непререкаемые требования советского общества, вооружать ребенка нормами поведения, чтобы он знал, что можно и чего нельзя, что похвально и что наказуемо».

Необходимо воспитывать у нашей молодежи чувство коммунистического долга и коммунистической чести, чувство гордости и достоинства советского человека, большевистскую деловитость и точность, умение подчиняться коллективу и приказывать другим, когда этого требует коллектив, ставить общественные интересы выше личных интересов, воспитывать чувство дружбы по отношению к товарищам и непримиримую ненависть к врагам нашей Родины; воспитывать молодежь жизнерадостной и бодрой, физически здоровой и морально устойчивой, уверенной в своих силах и стремящейся к единой цели — победе коммунизма.

Воспитывая у молодежи эти замечательные моральные качества советского человека, необходимо, говорил Макаренко, вести борьбу с возможным проникновением в сознание молодежи идеологии старого,

буржуазного общества и в первую очередь против идеологии буржуазного космополитизма, против раболепства и низкопоклонства перед иностранщиной, перед буржуазной культурой Европы и Америки, против религиозных пережитков и суеверий, против несоциалистического отношения к общественной собственности и к труду, против мелкобуржуазной расхлябанности и распущенности, недисциплинированности и нарушения правил социалистического общежития.

Борьбу с возможным проникновением в сознание молодого поколения буржуазной идеологии Макаренко считал важной и актуальной задачей. Наша молодежь растет и воспитывается не изолированно от общественной жизни, от событий, совершающихся в обществе. В среду нашей молодежи проникают и пережитки буржуазной идеологии.

Говоря о пережитках капитализма в сознании людей, Макаренко отмечает, что не следует слишком упрощенно понимать эти пережитки, которые «часто разлиты в обществе предательски незаметно, неощутимо для глаза, таятся в глубоко скрытых мотивациях поступков, намерений, желаний...

...Настоящая борьба с этими пережитками должна вестись организованно по всему их фронту, с учетом одного важнейшего обстоятельства: все эти остатки старого вовсе не случайный набор вредных атавизмов. Они образуют систему, в общей своей сложности представляют остаток доживающей, но живучей старой этики. Отдельные детали этой системы не просто соседят, они логически связаны, они поддерживают друг друга, и вредное значение всей системы гораздо больше, чем простой математической суммы отдельных пережитков»¹.

Макаренко решительно выступил против примиренческого отношения к недостаткам в деле воспитания нового советского человека. Он совершенно справедливо утверждал, что воспитание молодежи должно исходить из тех высоких требований к поведению советского человека, которые предъявляет к нам наша эпоха — эпоха завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму.

Макаренко отвергал встречающееся еще в практике воспитательной работы ошибочное мнение, что у человека «должны быть и достоинства и недостатки, и что если бы не было недостатков, то это была бы мертвая схема, а не живой человек, недостатки должны быть для красочности»². Он вполне резонно и справедливо спрашивает: «Почему должны быть недостатки? Кто это придумал: «Вот мои недостатки, вот мои достоинства». Актив — пассив, и все довольны: недостатки есть, достоинства есть — все в порядке. Я считаю, что педагог не должен допускать никаких недостатков, и наши ученики не должны думать, что они имеют право на недостатки. Мы должны требовать от человека идеального поведения»³.

Задача школы и каждого воспитателя, говорит Макаренко, совершенствовать воспитание до тех пор, пока не будет никаких недостатков. «И что вы думаете? — спрашивает Макаренко. — Получается схема? Нет! Получается прекрасный человек, полный своеобразия, с яркой личной жизнью».

Успешное разрешение задач коммунистического воспитания требует от нас, говорит Макаренко в статье «О коммунистической этике», создания творческой марксистской «стройной и практически реализуемой

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 53—54.

² Там же, стр. 71.

³ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., 1946, стр. 186.

цельной нравственной системы, выраженной, с одной стороны, в серьезнейших философских разработках, и, с другой стороны, в системе общественных этических традиций. По своей цельности, ясности, убедительности и привлекательности для широких масс, по своему соответствию живым потребностям нашей жизни и нашего развития такая система этики должна оставить далеко за собой решительно все моральные кодексы, когда-либо существовавшие в истории. И эта идейная цельность и чистота коммунистической этики облегчат и ускорят нашу победу над пережитками капитализма»¹.

Макаренко выдвигал перед советской педагогикой задачу разработки специальной программы по теории морали для молодежи и введения этого предмета в школьное преподавание.

«...Вся теория поступков, — писал Макаренко, — которые относятся к целому обществу или к коллективу, может быть предложена нашим ученикам в чрезвычайно убедительной и сильной форме.

Я считаю, что такая теория поведения, теория советского поведения имеет настолько много данных в общественной жизни, в нашей общественной практике, в истории нашей гражданской войны, в истории нашей советской борьбы и в особенности в истории коммунистической партии, что немного нужно усилий, чтобы такой предмет, как теория поступков, мораль, мог быть легко, красиво, убедительно предложен нашим ученикам»².

На опыте своей работы Макаренко пришел к заключению, что такой предмет, как теория морали, необходим в школе. «В своей практике, — говорит Макаренко, — я принужден был такую теорию морали в определенном виде, в программном виде своим ученикам предлагать...

Я на своем опыте даже имел уже разработанные конспекты таких бесед теоретического морального типа, имел время несколько совершенствовать свою работу в этом направлении, и я видел очень хорошие, большие результаты такой теории морали...»³.

Многие наши школы практикуют так называемые этические беседы и лекции, проводимые, правда, эпизодически. Такого рода лекции и беседы вызывают у молодежи большой интерес.

Особую ценность для разработки методики воспитания коммунистической морали представляют высказывания А. С. Макаренко о воспитании практических навыков и привычек коммунистического поведения.

Он совершенно правильно подчеркивал, что воспитание коммунистической морали не может быть ограничено только воспитанием коммунистического сознания молодежи.

Макаренко в своей педагогической практике при решении этого вопроса отправлялся от правильных предпосылок, выражающихся в том, что перед школой и воспитательными детскими учреждениями стоит прежде всего важнейшая педагогическая задача формирования основ научного мировоззрения, формирования сознания детей. Решение этой задачи достигается путем преподавания учащимся основ наук с марксистско-ленинских философских позиций и путем специальных воспитательных мероприятий, проводимых школой как в процессе классной и внеклассной, а также внешкольной работы.

По причинам, которые были указаны выше, А. С. Макаренко разрабатывал методы формирования мировоззрения детей в процессе спе-

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 52.

² А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., Учпедгиз, 1946, стр. 89—90.

³ Там же, стр. 89.

циально воспитательных мероприятий, проводимых им в повседневной работе в колонии имени Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Основной и главный путь формирования сознания учащихся в процессе обучения остался не освещенным в трудах А. С. Макаренко. Тем не менее, его методы и приемы формирования сознания детей в процессе воспитания, его опыт и обобщения в этой части представляют определенный интерес.

Отдавая должное формированию сознания детей в процессе обучения и воспитания, А. С. Макаренко понимал, что сознание, оторванное от живой действительности, не связанное с практикой и опытом, становится беспредметной, мертвой догмой. Он понимал, что формирование даже и правильного, марксистского сознания, не сопровождаемое привитием практических навыков, которые соответствовали бы этому сознанию, без воспитания положительного опыта детей не может дать необходимых результатов. Макаренко проводил большую воспитательную работу с детьми в форме лекций, бесед, докладов и выступлений.

Как мы уже указывали, у Макаренко была разработана целая серия бесед и лекций по вопросам коммунистической морали, которые читались воспитанникам преимущественно самим А. С. Макаренко.

Этому виду педагогической деятельности, направленной на формирование коммунистического сознания детей, А. С. Макаренко уделял исключительно большое внимание. Но вместе с тем, он считал, что этим решается только одна половина, несомненно, очень важная половина задачи воспитания подрастающих поколений, что полное, последовательное и правильное решение этой задачи возможно только тогда, когда эта, условно выражаясь, теоретическая деятельность будет дополнена деятельностью, направленной на создание необходимого опыта у детей, на воспитание практических навыков и привычек коммунистического поведения.

Таким образом, придавая большое значение и отводя большое место в педагогическом процессе формированию сознания своих воспитанников, А. С. Макаренко совершенно справедливо выступал против одностороннего решения этого вопроса, против одностороннего увлечения ролью сознания и недооценки практических навыков, непосредственного опыта детей, традиций и привычек в учебно-воспитательной работе. Для того, чтобы воспитать полноценную коммунистическую личность, выработать у детей не только коммунистическое сознание, но и практические навыки и привычки коммунистического поведения, коммунистические традиции в поведении, для этого недостаточно воздействия только на сознание детей, недостаточны только усилия по формированию их сознания. Для этого необходимо также создание определенной системы педагогических упражнений, организующих непосредственный опыт детей, воспитывающих у них практические навыки и привычки коммунистического поведения.

В статье «О коммунистической этике» Макаренко следующим образом определил основную задачу в этом отношении. «Самое важное, что нам предстоит, — писал он, — это накопление традиций коммунистического поведения. Мы иногда злоупотребляем словом «сознательный». Наше поведение должно быть сознательным поведением человека бесклассового общества, но это вовсе не значит, что в вопросах поведения мы всегда должны апеллировать к сознанию... Настоящая широкая этическая норма становится действительной только тогда, когда ее «сознательный» период переходит в период общего опыта, традиции, привычки, когда эта норма начинает действовать быстро и точно, под-

держанная сложившимся общественным мнением и общественным вкусом»¹.

В колонии имени Горького и коммуне имени Дзержинского и была создана целая система упражнений, обеспечивающая замечательные воспитательные результаты. Начиная с порядка подъема детей, утреннего рапорта командиру отряда и кончая большими и далекими походами колонистов, все должно было вести к одной цели — воспитанию коммунистического поведения подрастающего поколения.

А. С. Макаренко указывал, что «Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли. И воспитание этих привычек гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания»².

Он очень тонко подметил, что между сознанием того, как нужно поступить, и привычкой поведения, между осознанием поступка и самим поступком имеет место в некоторых случаях разрыв, «маленькая канавка», которая не заполнена опытом и которую необходимо заполнить опытом. В этом и заключается педагогическая задача.

«Мой опыт, между прочим, решительно утверждает, что расстояние между элементами чистого сознания и прямыми мускульными расходами довольно значительно и что совершенно необходима некоторая цепь связующих более простых и более материальных элементов»³.

Как на один из примеров, подтверждающих его мысль, Макаренко указывает на эпизод в Куряже.

«В день приезда горьковцев в Куряже очень удачно был разрешен вопрос о сознании. Куряжская толпа была в течение одного дня приведена к уверенности, что приехавшие отряды привезли ей лучшую жизнь, что к куряжанам прибыли люди с опытом и помощью, что нужно идти дальше с этими людьми... Но я приобрел на свою сторону только сознание, а этого было страшно мало. На другой же день это обнаружилось во всей своей сложности»⁴.

В этой связи он выдвигал одно очень важное в педагогическом отношении требование, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определенную систему привычек, навыков и традиций. Организация детской жизни как опыта, воспитывающего навыки и привычки коммунистического поведения, и составляет одну из важнейших задач в учебно-воспитательной работе школы.

«Создание нужного типа поведения, — говорил А. С. Макаренко, — это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно. И гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны».

Организация всей детской жизни в колонии им. А. М. Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского может служить ярким примером в этом отношении.

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 59.

² Там же, стр. 69.

³ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 554.

⁴ Там же, стр. 554—555.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП

Социалистический гуманизм является отличительной чертой педагогики Макаренко, как и всей советской педагогической науки.

Подлинный гуманизм, любовь и вера в человека, в его прекрасные задатки — вот что положил Макаренко в основу разработанной им системы воспитания и перевоспитания подрастающего поколения. Это то, что коренным образом отличает советскую систему воспитания от буржуазной и всякой другой несоветской системы воспитания.

Для буржуазного общества характерно пренебрежение к судьбе человека, голый расчет и цинизм в отношении к личности человека, безучастное отношение к детям трудящихся и их будущему. В капиталистическом обществе, в условиях обнищания рабочего класса, хронической безработицы, кризисов и войн, порождаемых капиталистической системой господства, миллионы детей трудящихся обречены владеть жалкое, нечеловеческое существование, обречены, по существу, на вымирание. Огромными толпами они бродят по улицам крупных капиталистических городов в поисках пищи и жилища. Голод и отчаяние толкают их на преступления.

В таких городах, как Нью-Йорк, Лондон, Париж и в других капиталистических городах, даже по официальным данным, неудержимо растет детская преступность — этот спутник буржуазного общества. Буржуазные идеологи, теоретики буржуазной философии и педагогики стремятся рассматривать детскую беспризорность и преступность как вечное и неизбежное зло всякого общества. Они пытаются подвести под это явление «биологические закономерности», объяснить его наследственными причинами или обосновать расовой принадлежностью.

Все это они делают с одной целью — скрыть истинные социальные причины детской преступности в буржуазном обществе, снять ответственность с буржуазии за это позорнейшее явление капиталистического общества, переложить вину на самих трудящихся, на их якобы «неполноценность» и плохую наследственность.

Марксизм-ленинизм осуждает подобные «идеи» и взгляды как реакционные, антинаучные, человеконенавистнические, вскрывает их социальную, классовую буржуазную природу.

В нашей советской стране навсегда ликвидирована детская беспризорность и преступность, ликвидированы условия, их порождающие. Макаренко как марксист-педагог с самого начала своей педагогической деятельности в колонии им. Горького понимал, что детская беспризорность и преступность, имевшие место в первые годы революции и доставшиеся нам в наследство от буржуазного общества, явления социального, а не биологического порядка. Он понимал, что те дети и юноши, которые поступали в его распоряжение, не представляют собой чего-либо особого в биологическом плане, что это такие же дети, как и все другие. Их «отличие» заключалось лишь в том, что в силу сложившихся общественных условий они очутились на улице, стали беспризорными, а некоторые из них даже несовершеннолетними преступниками. Это — дети, которые попали в исключительно трудные условия жизни и нуждались в большой помощи со стороны общества и государства.

Несмотря на то, что на первых порах своей деятельности в колонии имени Горького А. С. Макаренко пришлось пережить очень много исключительно тяжелых минут и дней, доходить до полного отчаяния, несмотря на все это, он не потерял веры в человека, веры в хорошие челове-

ческие задатки у беспризорных детей, поступавших в колонию имени Горького. В самые тяжелые минуты его не покидала вера в то, что «все-таки они люди». «Это важное обстоятельство», — говорил он.

В своих взаимоотношениях с воспитанниками колонии им. Горького Макаренко сумел найти то решающее звено, ухватившись за которое, он сумел вытащить всю сложную цепь воспитания и перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Под страшной коростой моральной и физической запущенности первых воспитанников колонии, под лохмотьями и повадками «зверенышей» Макаренко разглядел едва заметную, глубоко затаенную, еле-еле теплившуюся искру человеческих чувств и сознания. Вот эта искра и стала предметом повседневной заботы, бессонных ночей Макаренко. Ради того, чтобы разжечь эту искру и превратить ее в пламя человеческой личности, Макаренко потратил лучшие годы своей жизни, все силы и способности, и достиг замечательных результатов.

В жестокой схватке с наследием буржуазного прошлого Антону Семеновичу Макаренко иногда казалось, что все его усилия и труд его товарищей потрачены зря; казалось, что искра угасала совсем и не было никакой возможности добиться желанной цели. Но это были только мгновенья. Большевицкое упорство и оптимизм не покидали его даже и в эти особенно трудные минуты. Он настойчиво и уверенно шел к намеченной цели.

Истинный советский гуманизм, любовь к советским людям помогли Макаренко найти правильные пути и методы воспитания и перевоспитания многих сотен беспризорных и безнадзорных детей, воспитать из них поколение замечательных советских людей, которые самоотверженно работают на многих участках социалистического строительства.

Только в социалистическом обществе находит свое осуществление горьковское изречение «Человек — это звучит гордо». Действительно, впервые в истории человечества в социалистическом обществе созданы истинные человеческие условия существования для широких народных масс, только социалистический строй исходит из подлинного уважения к человеческой личности. Истинный гуманизм заложен в самой основе научного коммунизма, в самой его сущности. Во имя человечества объявил коммунизм борьбу старому миру, во имя победы нового, единственно справедливого общественного строя, коммунистического, где нет порабощения человека человеком, где нет эксплуатации и нищеты трудящихся масс, где торжествует истинная справедливость, свобода и светлая, радостная жизнь для народа. «Пролетариат жил по другим законам морали и этики, в основе свей глубоко человеческим»¹, — говорил А. С. Макаренко.

Принципы социалистического гуманизма А. С. Макаренко творчески превратил в один из важнейших педагогических принципов коммунистического воспитания подрастающего поколения. Его педагогический принцип — «как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему» — наиболее последовательно и глубоко отразил основы социалистического гуманизма в воспитании детей.

Личность человека в странах капитала интересует буржуазию постольку, поскольку она, эта личность, приносит или будет приносить выгоду капиталистам в той или иной форме, поскольку она обеспечивает или будет обеспечивать все более высокие прибыли и наживу, поскольку она не угрожает устоям капиталистического общества, построенного

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 4, стр. 31.

на эксплуатации человека человеком. В остальном буржуазия не только не интересуется развитием личности, но стремится всеми силами тормозить рост и развитие трудящихся масс, подавить их творческую инициативу, подчинить их своей воле и своим интересам.

О каком уважении к личности человека можно говорить в условиях буржуазного общества, которое покоится на материальном и духовном ограблении миллионов трудящихся, на унижении и оскорблении человеческой личности в угоду капиталу, в условиях буржуазного морального кодекса: либо ты грабишь и живешь за счет другого, либо тебя грабят и живут за твой счет.

Буржуазная филантропия, так же как и буржуазная «демократия» вообще, есть лицемерное прикрытие волчьего закона капитализма, слишком обнаженной диктатуры «чистогана»; лицемерное дополнение к откровенному, наглому, циничному отношению к личности как к товару. Буржуазная система воспитания, будучи выражением интересов эксплуататорских классов, не строится и не может строиться на принципе искреннего уважения к личности человека. Она не ставит своей задачей и не может ставить всестороннее и свободное развитие личности, всех ее творческих задатков и способностей.

Социалистическая революция, уничтожая эксплуатацию человека человеком и ликвидируя эксплуататорские классы, впервые в истории человечества создает все условия для свободного и всестороннего развития личности. Впервые в истории человеческого общества в нашей стране, стране победившего социализма, восторжествовал истинный гуманизм, гуманизм социалистический.

Принцип сочетания последовательной и категорической требовательности и полного и искреннего уважения к личности ребенка имеет большое педагогическое значение. Советская педагогика не может строиться только на том, чтобы предъявлять бесконечные требования, не считаясь с личностью ребенка, с его интересами и склонностями. Такая формальная требовательность превращается в голое принуждение, которое может вызывать у детей отрицательные реакции и снижать интерес к учебе.

Но этот принцип, принцип требовательности, приобретает большую положительную силу тогда, когда он осуществляется диалектически, в правильном, научно обоснованном взаимодействии с искренним и последовательным уважением к личности. Этот двуединый принцип советского воспитания, в котором диалектически сочетаются последовательные, неуклонные, категорические общественные требования к личности и полное, искреннее, глубокое уважение к личности ребенка, к личности человека, обеспечил замечательный успех А. С. Макаренко в воспитании молодого поколения.

Макаренко указывал, что в наших социалистических условиях уважение к личности человека находится в прямом взаимодействии с требованиями, которые предъявляет к ней общество. Чем больше мы питаем уважения к личности, тем большие требования мы к ней предъявляем.

Этот принцип пронизывает всю педагогическую систему Макаренко. На основе этого важнейшего принципа советского воспитания Макаренко организовал жизнь и деятельность детского коллектива, взаимоотношения между детьми, между воспитанниками и воспитателями. В свете этого принципа он решал основные вопросы воспитания коммунистической дисциплины. С этих позиций он определял свое отношение и к отдельным воспитанникам, пути и методы их воспитания и перевоспитания.

В качестве примера можно указать следующие факты. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского наибольшие требования предъявлялись к лучшим коммунарам. На их долю часто выпадала более трудная и менее привлекательная работа и обязанности. Более жесткие наказания применялись также в отношении лучших, допустивших тот или иной проступок, воспитанников. В этом коммунары видели особое доверие к ним, особое их уважение, и никогда не обижались на такое к ним отношение, а, наоборот, гордились этим. Особое уважение к лучшим коммунарам выражалось и в прямых, непосредственных формах. Они имели некоторые особые права по сравнению с другими воспитанниками.

Требование А. С. Макаренко уважать личность ребенка имеет глубокий педагогический смысл. В печати и в выступлениях часто повторяется советский педагогический принцип — «как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему». Но из этой двуединой марксистской формулы иногда берется во внимание только ее первая часть и предается забвению ее не менее важная как в теоретическом, так и в практическом отношении вторая часть — уважение к личности ребенка.

Уважение к личности ребенка в педагогическом плане означает прежде всего, что в ребенке надо видеть человека, растущего, формирующегося человека, надо рассматривать ребенка в развитии. Из этого положения следуют многие очень важные педагогические выводы.

Первый вывод, который сделал Макаренко для своей педагогической деятельности, — это следующее: он считал, что воспитание не может быть успешным, если оно построено на недоверии, в самом широком смысле этого слова, к детям, к воспитанникам, т. е. на недоверии к ребенку как к личности, на недоверии к его силам и способностям, на недооценке его активности.

Можно напомнить ряд эпизодов из «Педагогической поэмы», показывающих полное торжество советских принципов уважения и доверия к человеческой личности и непревзойденную силу их педагогического воздействия на личность.

Эпизод с посылкой С. Карабанова в город с доверенностью на получение денег, выражение доверия Буруну и многие другие эпизоды, характеризующие отношение Макаренко к своим воспитанникам, построенное на полном доверии к ним и уважении их. «Испытание» Семена Карабанова даже не было испытанием в полном смысле этого слова, это было скорее завершение всего воспитательного процесса в отношении Карабанова. Это был «последний удар», если так можно выразиться, со стороны Макаренко, который должен был окончательно «вырвать» Карабанова из «старого мира» и твердо поставить его на новую почву, ввести его в новую, полноценную советскую жизнь.

Психологический эпизод с Карабановым, с такой силой описанный Макаренко в главе «Хождение Семена по мукам», показывает, какой глубокий внутренний процесс перевоспитания прошел Карабанов в колонии Горького и как наступил такой критический момент, когда совершился окончательный «переход количества в новое качество», произошел психологический перелом в сознании Карабанова, и он окончательно порвал со всем прошлым и решительно встал на путь нового.

Решающим фактором превращения Карабанова, как и сотен других воспитанников Макаренко, был подлинный гуманизм Макаренко, чуткое, любовное отношение к своим воспитанникам, уважение человеческой личности воспитанника, вера в его способности быть полноценным советским гражданином.

Второй вывод, который сделал Макаренко для педагогической работы, — это необходимость чуткого, внимательного, аккуратного и нежного отношения к личности ребенка в процессе воспитания. Учитывая психические особенности развития ребенка, необходима исключительно тонкая, нежная «инструментовка» воспитательного воздействия на него.

Макаренко заложил первые камни так называемой «педагогике параллельного действия», которая имеет большой научный и педагогический смысл. «Педагогика параллельного действия» — это одно из глубоких коренных отличий советской педагогики от педагогики буржуазной.

«Педагогика параллельного действия» покоится на принципах социалистического гуманизма, на уважении человеческой личности, на уважении личности ребенка, на принципе развития самостоятельности детского коллектива, развития активности и самостоятельности детей.

Основное зерно, главная руководящая идея «педагогике параллельного действия» Макаренко заключается в чутком, внимательном отношении к личности ребенка, в нежном прикосновении к этой личности в процессе воспитания, в создании таких условий воспитания личности ребенка, чтобы ребенок чувствовал себя не столько объектом воспитания, сколько активным деятелем данного детского учреждения, советского коллектива.

«...Наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, — писал А. С. Макаренко в статье «Педагоги пожимают плечами», — он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив. Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик»¹.

Таким образом, «педагогика параллельного действия» заключается прежде всего в создании особой «инструментовки», как выразился А. С. Макаренко, прикосновения к личности ребенка, в особой организации педагогического процесса.

Особый характер педагогического процесса, «педагогика параллельного действия», выражается в том, что педагогическое воздействие на личность, формирование личности ребенка по форме происходит «не прямым и открытым путем», выражаясь условно, не непосредственным способом соприкосновения учителя, как субъекта воспитания и ученика как объекта воспитания, а опосредствованно, не воздействием непосредственно «в лоб», а воздействием опосредствованным, воздействием незаметным, или еле заметным, воздействием косвенным, параллельным.

В педагогической практике хорошо известно, что частые непосредственные приказания, распоряжения, частое непосредственное воздействие на ребенка вызывают у него иногда отрицательную реакцию и ведут к обратным результатам. Опытные учителя стараются каждый факт воздействия на ребенка или на коллектив детей опосредствовать, использовать побочные пути и средства, опереться на параллельные факты из жизни и практики.

У Макаренко, как известно, особой «инструментовкой» педагогического воздействия на личность был детский коллектив во всех его организационных формах. Именно детский коллектив служил тем звеном,

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, стр. 401.

посредством которого педагогический коллектив повседневно прикасался к личности.

Педагогика параллельного действия — это «организация личности особым способом», — говорит Макаренко. Она выражается в том, что официально, формально воспитатель и воспитательная организация никакого отношения не имеют к личности, они знают первичный коллектив, имеют дело с коллективом, а по существу имеется в виду личность, воспитание личности, формирование характера личности. Вот такого рода педагогический принцип, такую педагогику и называл Макаренко «педагогикой параллельного действия».

«Мы имеем дело только с отрядом, — говорил Макаренко. — Мы с личностью не имеем дела. Такова официальная формулировка. В сущности это есть форма воздействия именно на личность, но формулировка идет параллельно сущности. На самом деле мы имеем дело с личностью, но утверждаем, что до личности нам нет никакого дела»¹.

Исходя из марксистского понимания процесса развития ребенка, Макаренко совершенно по-новому формулирует проблему объекта и субъекта воспитания и приходит к важному теоретическому выводу о том, что советская педагогика, в отличие от буржуазной, не может и не должна рассматривать ребенка только как объект воспитания. В нашем педагогическом процессе ребенок должен выступать не только как объект воспитания, но и как его субъект, как сознательный и деятельный член школьного коллектива, как растущая, формирующаяся личность коммунистического общества.

«Мы не хотели, — говорит Макаренко, — чтобы каждая отдельная личность чувствовала себя объектом воспитания. Я исходил из тех соображений, что человек 12—15 лет живет, он живет, наслаждается жизнью, получает какую-то радость жизни, у него есть какие-то жизненные впечатления.

Для нас он объект воспитания, а для себя он живой человек и убеждать его в том, что ты не человек, а только будущий человек, что ты явление педагогическое, а не жизненное, было бы мне невыгодно»².

Решая диалектически проблему личности ребенка в педагогическом процессе, Макаренко одновременно показал, что личность ребенка выступает «как субъект воспитания, как субъект педагогического процесса» не сама по себе, не индивидуально, а только в коллективе. Только в деятельности коллектива, включенного в воспитательный процесс, как его активный элемент, личность воспитанника приобретает силу воспитательного воздействия, выступает не только как объект, но и как субъект воспитания. В коллективе, в требованиях коллектива, указывает Макаренко, «личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива».

Но не только в детском коллективе нашла свое воплощение в педагогической практике А. С. Макаренко так называемая «педагогика параллельного действия». Вся система педагогического воздействия на личность ребенка строилась на этом важнейшем педагогическом принципе — там, где это возможно и допустимо со всех точек зрения, необходимо воздействовать на личность ребенка не непосредственно, а опосредствованно, памятуя, что ребенок не только и не столько объект воспитания, сколько живая растущая, развивающаяся человеческая лич-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., 1949, кн. 4, стр. 64.

² Там же.

ность. Это тот советский принцип, который так четко сформулировал А. С. Макаренко применительно к теории воспитания, принцип: «Как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему».

Принцип уважения к личности ребенка как воспитательный принцип утвердился на основе марксистско-ленинского учения о личности в коммунистическом обществе, на основе социалистического гуманизма. Уважение к личности ребенка не следует понимать слишком упрощенно как бесконечную и безрассудную возню с этой личностью, как заискивание перед ней и т. п.

Макаренко, как известно, жестоко высмеивал бесконечную возню с «уединенной личностью», заискивание и заигрывание с ребенком, «подлаживание и сиюсюкание». Подобная «возня» с ребенком не есть уважение его как личности, а наоборот, она выражает собой, по существу, недооценку и неуважение личности ребенка. Вот почему дети сами часто инстинктивно протестуют в той или иной форме против такого «чрезмерно нежного» отношения к ним.

Подобные факты неправильного отношения к ребенку иногда встречаются в школе и чаще в семейной обстановке.

В основу уважения к личности ребенка должны быть положены не личные симпатии и чувства родителей и воспитателей, не личные симпатии и влечения, а общественные начала, уважение личности ребенка как будущего гражданина нашего общества, уважение общественной ценности и достоинства личности.

Недооценка личности ребенка, неуважение этой личности выражается иногда не в прямом, открытом пренебрежении к личности ребенка, игнорировании его личности, подчеркнутой недооценке сил и способностей ребенка, а в неправильном, метафизическом взгляде на ребенка, на его развитие, на формирование личности ребенка. Метафизичность во взглядах на ребенка, отжившие традиции такого взгляда на него еще встречаются в нашей педагогической теории и практике. Некоторые педагоги отправляются в своей педагогической деятельности от подсознательного положения, что «ученик — это еще не личность», что он не обладает еще в полной мере сознанием, что у него отсутствует какой-либо жизненный опыт, заслуживающий внимания. Короче говоря, еще встречаются тенденции недооценки развития сознания у ребенка, недооценки того, что ребенок с первых дней своего существования есть «человеческая личность», пусть в начальной стадии, но все же это человеческая личность, и развитие ребенка — это прежде всего развитие человеческой личности, обладающей от рождения человеческим сознанием. Пусть это сознание еще недостаточно развито, но это уже человеческое сознание. И оно бурно развивается. С каждым годом развития ребенка оно совершает поразительные изменения, рост и совершенствование. К школьному возрасту ребенок обладает уже достаточно развитым сознанием и самосознанием. Он уже осознает себя членом детского коллектива, членом семейного коллектива и коллектива школы. У него уже накопился относительно богатый жизненный опыт. Он уже выступает как личность, пусть еще в общественном отношении неполноценная личность, тем не менее, психологически уже в известной мере самостоятельная личность. Конечно, с каждым годом личность ребенка становится все более и более совершенной, его сознание становится более и более зрелым, его жизненный опыт становится все более и более разносторонним, более глубоким и богатым. Но из этого правильного, научного, марксистского положения, рассматривающего ребенка в становлении, рассматривающего ребенка как развивающуюся личность, не

следует делать неправильный вывод, что личность ребенка в каждый данный момент своего развития, до какого-то метафизического пункта, представляет собой отрицательную величину, или величину, равную нулю, что личность ребенка до этого момента не представляет собой какого-либо реального значения и что с ребенком можно не считаться, его можно игнорировать, его интересы и требования можно не брать в расчет. Встречаются еще такие учителя и особенно родители, которые готовы смотреть на ребенка только как на ребенка, а не как на развивающуюся человеческую личность, не только в младшем возрасте, но и тогда, когда учащийся стоит уже на пороге выхода в жизнь, когда он чувствует себя, и должен так чувствовать, способным вступить в общественную жизнь наравне с другими.

Можно было бы привести ряд примеров из практики семейного и школьного воспитания, подтверждающих наличие отживших традиций в воспитании, пережитков метафизического взгляда на ребенка. Достаточно указать на пережитки «метода заискивания перед ребенком», «метода сюсюкания», «метода подлаживания к ребенку», которые встречаются еще не только в практике семейного воспитания, но и в школьной практике.

Любопытно, что и тогда, когда говорят о возрастных особенностях детей, об учете этих возрастных особенностей в процессе обучения и воспитания, то часто имеют в виду то, что *еще неспособен усвоить ребенок, что еще он не в силах познать* и т. п., т. е. негативную сторону развития личности ребенка, а не позитивную, не то, что *может выполнить ребенок, что может познать он*, обладая уже известным жизненным опытом и сознанием. Одним словом, имеют в виду не живую конкретную личность ребенка, не его достигнутый уровень развития, не его наличное сознание, жизненный опыт, интересы, требования, а недостаточность развития этой личности ребенка, незрелость его сознания, ограниченность его жизненного опыта.

Метафизичность во взглядах на ребенка, недооценка *возрастного развития* ребенка наносит серьезный урон делу воспитания подрастающего поколения, создает ненужные и вредные коллизии, конфликты между личностью ребенка и учителем, тормозит развитие активности ребенка, чувство ответственности и самостоятельности учащегося, снижает образовательные и воспитательные успехи.

Метафизический подход к ребенку, взгляд на него как на абстрактную категорию, находящуюся вне времени и пространства, вне связи с общественно-историческими условиями жизни характерен для буржуазной педагогики. Она исходит из неизменной сущности ребенка, игнорируя диалектический процесс его развития.

Макаренко рассматривает ребенка, прежде всего, как существо социальное, развивающееся в определенных общественно-исторических условиях. Он исходит не из абстрактного взгляда на ребенка и коллектив детей, не из отвлеченного понятия «ребенок», «коллектив детей», а из конкретного представления о конкретном, живом коллективе мальчиков и девочек, составляющих «часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма»¹.

Критикуя антиисторическую концепцию Руссо, Макаренко писал, что «...ребенок в это самое время ощущает себя категорией во времени. Он живет не в первобытную эпоху, а в век электричества, он не вообще человек, а принадлежит к определенному классу, идущему к коммунизму;... он, наконец, уже знает, что существует техника, электричество, автомо-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., 1946, стр. 35.

били и машинное производство, знает и стремится ко всему этому. Очевидно, что правильное воспитание и должно исходить из этого стремления, которое в то же время выражает сущности общих наших классовых задач. Эта простая и лаконичная идея не оставляет никакого места для каких бы то ни было педагогических фокусов»¹.

Жизнь детского коллектива в целом и отдельной личности ребенка — это сложный, противоречивый процесс формирования человеческой личности, протекающий в определенных общественных условиях.

«Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка»².

Макаренко стоял на марксистских позициях в определении роли наследственности и среды в воспитании молодого поколения. Не отрицая значения наследственности в развитии ребенка, в определении его индивидуальных особенностей, Макаренко считал, что не наследственность является основным, главным, решающим фактором в формировании личности ребенка. Решающий, определяющий фактор Макаренко правильно видел в общественных условиях жизни и деятельности человека, в коммунистическом воспитании, которое сознательно и планомерно осуществляет социалистическое общество по отношению к молодому поколению.

Правильный, марксистский, подход к детям позволил Макаренко успешно решить одну из сложнейших в педагогическом отношении задач — задачу воспитания и перевоспитания малолетних правонарушителей, правильно наметить коммунистические методы отношения к этим детям и их воспитания.

В отличие от буржуазной педагогики и педологии, обрекающих таких детей на вечное, пожизненное, антиобщественное состояние, Макаренко видел причину того положения, в котором оказались малолетние правонарушители, не в них самих, не в том, что существуют какие-то неизменные наследственные факторы, а в том, что эти дети попали временно в неблагоприятно сложившиеся условия жизни и воспитания, в результате чего стали несовершеннолетними правонарушителями, и Макаренко скоро убедился на практике, что изменение условий жизни этих детей коренным образом меняет их поведение, решительно способствует изжитию у них отрицательных черт.

Макаренко с самых первых шагов своей педагогической деятельности в колонии им. Горького самым решительным образом отбросил чуждый, антинаучный буржуазный взгляд на этих детей, как на «особого сорта людей». Он объявил беспощадную борьбу подобному несоветскому подходу к детям. Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, опираясь на свой практический педагогический опыт, Макаренко вполне обоснованно утверждал, что и эти дети, несовершеннолетние правонарушители, ничем особенным не отличаются от других детей, что и эти дети сохраняют всю прелесть и чистоту своих душевных качеств, что и эти дети в условиях коммунистического воспитания становятся полноценными советскими людьми.

«Я пришел к заключению, что нет детей-правонарушителей, а есть люди, не менее богатые, чем я, имеющие право на счастливую жизнь, не менее, чем я, талантливые, способные жить, работать, способные быть счастливыми и способные быть творцами»³.

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 111.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 4, стр. 20.

³ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 61.

А. С. Макаренко успешно воспитал около трех тысяч детей, бывших так называемых беспризорных и безнадзорных. Многие из них стали выдающимися общественными деятелями нашей страны, учеными и инженерами, врачами и агрономами, учителями и командирами производства.

Макаренко вполне обоснованно утверждал, что он не знает ни одного случая, когда бы при правильном воспитании в советских общественных условиях получались бы отрицательные результаты. Этим самым Макаренко признавал безграничные возможности коммунистического воспитания подрастающего поколения и в корне отрицал какую-либо наследственную предопределенность судьбы ребенка.

Макаренко исключительно глубоко, по-советски, решил сложный вопрос — об отношении педагогического и детского коллектива к прошлому воспитанника.

Педологи, как известно, решали вопрос об отношении к прошлому того или иного воспитанника в идеалистическом, мистическом духе, в духе обреченности личности. Они считали, что ребенок отягощен тяжелым грузом наследственности, который и определяет весь процесс его развития и от которого он не в силах избавиться ни при каких обстоятельствах.

Вслед за Ломброзо, педологи утверждали, что люди рождаются с преступными наклонностями, которые якобы сказываются даже на физическом строении организма. Педологи и педология, таким образом, насаждали реакционные, фашистские взгляды на ребенка и его развитие. Они проповедывали биологическую предопределенность и фаталистическую обреченность детей с самого раннего возраста. При помощи различных тестов они классифицировали детей по их способностям на различные, неизменные, раз навсегда данные группы. Ребенок, будучи однажды зачислен при помощи педологических трюков в группу умственно-отсталых, обрекался пожизненно оставаться в разряде неполноценных людей. Разработанная ими обширная система обследования умственного развития и одаренности школьников являлась, по существу своему, издевательством над советскими детьми.

Макаренко, проводя последовательную борьбу с лженаукой педологией, разоблачал ее классовую, буржуазную природу. Он указывал, что, несмотря на то, что педологи и педология стараются скрыть свою классовую сущность и выступают под знаком аполитичности, на самом деле они проводят сугубо классовые, реакционно-буржуазные взгляды в области педагогики, что они преследуют определенные классовые, буржуазные интересы.

Макаренко, вопреки всему, выступил с новой, революционной, точкой зрения по этому очень важному, очень тонкому, деликатному вопросу, отстаивая принципы советского гуманизма в воспитании молодого поколения.

Макаренко решил самым категорическим образом изгнать из колонии даже малейшее напоминание о прошлом воспитанника, точно оно и не существовало. И это было действительно мудрое решение. Психологически необходимо было как можно скорее и как можно решительнее вытравить из сознания все прошлое, антисоциальное, нездоровое и создать новые впечатления, новые мысли и переживания, новый психический мир у ребенка, отвечающий современным общественным условиям жизни, задачам и требованиям.

Воспоминания о прошлом, возня с этим прошлым мешали, тянули назад и тормозили возможность создания новых качеств личности и из-

жития отрицательных черт, полученных в результате неблагоприятной обстановки.

А. М. Горький в письме от 17 августа 1925 г. целиком разделил позицию, занятую А. С. Макаренко по вопросу о так называемой «деликатности». В этом письме он писал: «То, что Вы сказали о «деликатности» в отношении к колонистам, и безусловно правильно и превосходно. Это — действительно система перевоспитания и лишь такой оно может и должно быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вредит».

РОЛЬ ДЕТСКОГО КОЛЛЕКТИВА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Важнейшей закономерностью советской педагогики является воспитание детей в коллективе, посредством коллектива и для коллектива. Эта закономерность нашей педагогики нашла свое отражение в высказываниях М. И. Калинина о коммунистическом воспитании, в трудах Н. К. Крупской и других советских педагогов.

Воспитание коллективности М. И. Калинин рассматривал как один из важнейших элементов коммунистического воспитания молодого поколения.

В одном из своих выступлений М. И. Калинин указывал, что «коллективность в практической жизни нашего общества играет большую роль, ибо оно зиждется на базе коллективизма. Мы противопоставляем капиталистическому обществу коллективизм-коммунизм, убежденные в его огромном превосходстве. От успешности внедрения коллективных навыков в производстве, общественной жизни и быту зависит в значительной степени и успешность коммунистического строительства»¹.

И дальше: «...Внедрение коллективности должно занимать видное место в коммунистическом воспитании. Я имею в виду, здесь, — говорил М. И. Калинин, — не теоретические основы коллективизма, а внедрение в производство, в быт, в жизнь общественных навыков, создание таких условий, при которых коллективность составляла бы неотъемлемую часть наших привычек, норм поведения, чтобы действия эти совершались не только обдуманно, сознательно, а вытекали инстинктивно, органически»².

Воспитание коллективизма М. И. Калинин считал важнейшей заботой комсомола. Он указывал, что «развитие внутри комсомола духа коллективности, прививка человеку коллективистских качеств, это — один из необходимейших факторов воспитания комсомольской организации. Надо прямо сказать, что это — одна из труднейших практических проблем, стоящих перед всеми нами, ибо это значит заставить миллионные массы людей совершенно переродиться.

Но трудно — не значит непреодолимо. И если, начиная с комсомольской организации, человек в своей практической работе будет срабатывать с другими людьми, будет одолевать индивидуалистические черты, то, несомненно, что у него коллективные навыки, умение совместно жить и работать с другими, умение координировать свои поступки с интересами других разовьется в довольно значительную сумму харак-

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании и обучении. М.—Л., изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 66.

² Там же.

терных особенностей нового человека — члена социалистического общества»¹.

Очень много внимания и места уделяла вопросу воспитания коллективизма у детей Н. К. Крупская. Во многих своих выступлениях и особенно в выступлениях, посвященных пионерам и пионерскому движению, она специально останавливалась на этом вопросе. Так, в одной из своих статей, посвященных пионерскому движению, Н. К. Крупская указывала, что «среди навыков, которые должна дать советская школа ученику, главный навык — это навык общественника, причем не общественника-одиночки, а общественника-коллективиста»².

В статье «Пионердвижение как педагогическая проблема», напечатанной в «Учительской газете», Н. К. Крупская писала: «Если взрослое население надо перевоспитать в духе социализма, то молодое поколение тем более надо воспитывать в этом духе. Что же это за воспитание в духе социализма? Владимир Ильич расшифровывал этот новый дух в очень простых словах. Он говорил на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев: «Раньше говорили: «каждый за себя, а бог за всех», и сколько зла от этого вышло. Теперь мы говорим: «один за всех, все за одного». В этих словах, хотя они говорились и не в связи с вопросами воспитания, по-моему, уже дается ясная установка всей воспитательной проблемы нашего времени. Надо из ребят воспитывать коллективистов. Как это сделать? Тут встает серьезная педагогическая проблема»³.

В другой своей работе «Международная детская неделя» Н. К. Крупская говорила: «Юные пионеры стремятся воспитать в своих членах коллективистические инстинкты, потребность разделять и радость и горе с коллективом, привычку не отделять своих интересов от коллектива, мыслить себя как члена коллектива, воспитать в своих членах коллективистические навыки, т. е. умение работать и действовать коллективно, организовано, подчиняя свою волю коллективу, проводя свою инициативу через коллектив, завоевывая мнение коллектива, и, наконец, воспитать коммунистическое сознание ребят, помогая им осознать себя членами рабочего класса, борющегося за счастье человечества, членами великой армии международного пролетариата»⁴.

И во многих других своих трудах Н. К. Крупская всесторонне рассматривает принципиальные основы воспитания советских детей в духе коллективизма.

Но особенно обстоятельно и всесторонне проблема детского коллектива была разработана в трудах А. С. Макаренко.

Учение Макаренко о воспитании в коллективе является краеугольным камнем разработанной им методики коммунистического воспитания молодого поколения.

Проблема детского коллектива как педагогическая проблема могла возникнуть и быть разработана в той постановке, как это имеет место в трудах А. С. Макаренко, только на основе марксистско-ленинского учения о коммунистическом воспитании. Проблема коллектива не могла быть и поставлена буржуазной педагогией. Глубокие, непримиримые классовые противоречия капиталистического общества находят свое отражение и в педагогике, определяют собой жизнь и направление дея-

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании и обучении, М.—Л., изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 25—26.

² Н. К. Крупская, О юных пионерах, 1949, стр. 13.

³ Там же, стр. 45.

⁴ Там же, стр. 34.

тельности школы. Проблема коллективности, воспитания коллективизма принципиально неприемлема для буржуазной педагогики, противоречит всем основам буржуазной идеологии и законам капиталистического строя. В основе буржуазной педагогики лежит индивидуалистический принцип воспитания молодого поколения. Он находит свое выражение в целях и задачах буржуазной педагогики, в форме и содержании воспитания молодежи, в средствах и методах педагогической деятельности.

Опираясь на высказывания Ленина и Сталина о коммунистическом воспитании, Макаренко пришел к твердому и глубокому убеждению, что основанием нашего советского воспитания является коллектив. Приступая к решению важнейшей задачи — коммунистического воспитания молодого поколения, — писал Макаренко, — «...мы не имеем уже возможности возиться только с отдельным «ребенком». Перед нами сразу встает коллектив как объект нашего воспитания. И проектировка личности от этого приобретает новые условия для решения. Мы должны выдать в качестве продукта не просто личность, обладающую такими или иными чертами, а члена коллектива, при этом коллектива определенных признаков»¹, т. е. социалистического коллектива.

Макаренко руководствовался марксистским положением о том, что при решении педагогических проблем, как общих, так и частных, необходимо исходить из условий общественной жизни, из основных закономерностей общественного развития. Советское общество зиждется на принципиально иных, коренным образом отличных от всех предшествующих обществ, основах. Экономическая, политическая и культурная жизнь нашей страны целиком определяется и направляется социалистическими принципами. Эти социалистические принципы лежат и в основе советской системы воспитания, в основе советской педагогической науки и практики.

Вся советская страна есть большой социалистический многонациональный коллектив народов Союза Советских Социалистических Республик, скрепленный единой моралью и едиными политическими убеждениями и целями. Принцип коллективизма является господствующим в нашей стране. Он пронизывает деятельность советских людей. Каждое предприятие, каждое учреждение, каждое отдельное звено нашего общества представляет собой маленький социалистический коллектив, дружный, целеустремленный, крепко спаянный единой волей к победе коммунизма в нашей стране.

«О коллективе в Советской стране будут писать книги, потому что Советская страна по преимуществу страна коллективов»², — писал Макаренко в «Педагогической поэме».

Советский коллектив сам по себе является могучим воспитательным фактором. В советском коллективе личность находит необходимые условия для полного проявления своих способностей и сил. В коллективе складываются и формируются черты характера советского человека, в коллективе находит достойную оценку поведение каждого человека. В коллективе личность черпает могучие побудительные стимулы для творческого труда и общественной деятельности, только в коллективе человек живет полноценной, красивой, вдохновляющей, подлинно человеческой жизнью.

* По отношению к обществу взрослых считается давно установленным и общепризнанным громадное воспитательное значение мнения социалистической общественности. Силу и могущество общественного мнения мы

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 90.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 638.

ощущаем на каждом участке нашей общественной жизни, и эта сила превратилась в материальный, реально осязаемый фактор коммунистического воспитания советских людей. Основанием и источником силы и могущества воспитательного воздействия общественного мнения является политика большевистской партии и социалистического государства, непревзойденный авторитет партии Ленина—Сталина в народных массах. Политика Советского государства и большевистской партии является руководящей и направляющей силой всего нашего общества, всей общественной жизни нашей страны.

Под мощным воздействием нашего советского общества формируются и воспитываются советские люди. На фабриках и заводах, в шахтах и рудниках, в колхозах и совхозах, в научных учреждениях и лабораториях — повсюду растет новый человек сталинской эпохи, всюду чувствуется организующая и направляющая сила социалистического общества. По отношению же к детскому обществу, к школьному коллективу почему-то иногда игнорируется этот мощный воспитательный фактор общественного воздействия, слабо используется как метод, как средство воспитания подрастающего поколения часто более верное и более сильное, чем непосредственное воздействие учителя на учащихся.

К детскому коллективу Макаренко подошел не только с точки зрения воспитания чувств коллективизма у детей, но, что особенно важно в педагогическом отношении, с точки зрения превращения детского коллектива в активный фактор советского воспитания. Он посмотрел на детский коллектив не только как на объект воспитания, но и как на «субъект» воспитания.

Часто все еще приходится читать статьи в педагогической печати, посвященные проблеме детского коллектива в учебно-воспитательной работе школы, в которых приводятся многочисленные примеры воспитания коллективных чувств у детей, воспитания дружбы и товарищества, но не показывается место и роль детского коллектива в учебно-воспитательной работе, не показывается детский коллектив, если так можно выразиться, в действии, детский коллектив как важный фактор воспитания, не показываются пути и методы создания детского коллектива в школе, борьба этого коллектива за свои права и обязанности в школе.

Макаренко совершенно правильно указывал, что все принципы коллективного воспитания правильно и по-настоящему будут осуществлены только тогда, когда и *на практике* будет создан детский коллектив, когда ученики и *на практике* будут следовать идеям коллективизма, когда они будут воспитываться в живом, деятельном детском коллективе.

Педагогическое мастерство учителя заключается не столько в том, чтобы непосредственным путем воздействовать на учащихся, не столько в том, чтобы во всех случаях жизни «действовать непосредственно своими собственными обнаженными нервами», как говорит Макаренко, своим собственным авторитетом, сколько в том, чтобы использовать всю совокупность воспитательных средств и приемов воздействия на ребенка. И, в первую очередь, суметь привести в движение школьный ученический коллектив, комсомольскую и пионерскую организации как авангард школьного ученического коллектива, включить их в педагогический процесс как активный элемент, использовать школьный ученический коллектив в полной мере в воспитательном отношении как могучий общественный фактор.

Деятельность общешкольных организаций, и в первую очередь комсомольских и пионерских организаций в нашей школе, показывает, какую серьезную воспитательную силу представляет собой детский коллектив.

В тех же школах, где слабо поставлена комсомольская и пионерская работа, где школьный ученический коллектив не стал еще в полной мере активной, действующей силой учебно-воспитательного процесса, там серьезно страдает учебная и воспитательная работа школы, там плохо обстоит дело с дисциплиной.

«Мастерство в том именно и состоит, — пишет Макаренко, — чтобы, сохраняя строгое соподчинение, ответственность, дать широкий простор общественным силам школы, общественному мнению, педагогическому коллективу, школьной печати, инициативе отдельных лиц и возвращенной системе школьного самоуправления»¹.

В детском коллективе Макаренко увидел могучий воспитательный фактор, неисчерпаемый источник общественной воспитательной силы. Он убедился на своем опыте, что детский коллектив является могучим средством коммунистического воспитания подрастающего поколения.

В «Педагогической поэме» Макаренко ярко и образно показывает, в каком тяжелом, прямо-таки безвыходном, положении он очутился перед лицом нескольких десятков беспризорных ребят в начале организации колонии им. Горького, когда не было еще крепкого детского коллектива.

Макаренко ясно представлял себе, что старые, дореволюционные методы, распространенные в приютах, с их палочной системой воспитания, в корне враждебны советской системе. С другой стороны, как он сам об этом говорит, он перечитал всю дореволюционную педагогическую литературу и не нашел в ней ответа на коренные вопросы воспитания. И только путем долгих размышлений, изучая высказывания классиков марксизма-ленинизма о воспитании, анализируя каждый шаг своего педагогического опыта и опыт других воспитателей, Макаренко нашел, наконец, правильные пути и методы советского воспитания в коллективе, посредством коллектива, для коллектива.

В статье «Педагоги пожимают плечами» А. С. Макаренко писал: «Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию — добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность. Коллектив является воспитателем личности... Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность»².

В колонии им. Горького, и особенно в коммуне им. Дзержинского, А. С. Макаренко достиг замечательных успехов в организации коллектива воспитанников. Коммунары-дзержинцы представляли собой крепкий, дружный, сплоченный и организованный коллектив, который действовал четко и безупречно, как хорошо налаженный механизм. Он обладал ясной общественной перспективой движения, целеустремленностью, хорошими положительными навыками и традициями, четким порядком всей жизни, коллективным тоном жизни и деятельности, твердо установленными нормами поведения, нравственным кодексом.

Активным, руководящим началом в коллективе коммунаров являлась комсомольская организация. Комсомольский состав коммуны был представлен наиболее крепкими, наиболее выдержанными, дисциплини-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., Учпедгиз, 1946, стр. 47.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 400—401.

рованными и активными коммунарами, которые задавали тон в коллективе. Комсомольская организация решала и направляла многие особо важные стороны деятельности детского коллектива.

А. С. Макаренко отводил большое место и значение роли комсомола в педагогическом процессе. Известно, с каким упорством, с какой настойчивостью добивался А. С. Макаренко организации комсомольской ячейки в колонии имени Горького, сколько труда и времени посвятил он этому важному делу, пока, наконец, не добился своего.

«В 1923 году, — пишет Макаренко, — стройные цепи горьковцев подошли к новой твердыне, которую, как это ни странно, нужно было брать приступом, — к комсомолу»¹. После многих испытаний, летом 1923 г., в колонии имени Горького была создана комсомольская ячейка.

Комсомольская организация играла большую роль в жизни колонии имени Горького и особенно коммуны имени Дзержинского. Комсомольский коллектив являлся основным ведущим звеном в общем коллективе воспитанников колонии имени Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Комсомольцы под руководством А. С. Макаренко задавали и создавали общий тон в жизни коллектива, они цементировали коллектив, выступали инициативной и авангардной частью всего коллектива воспитанников, они были самыми активными помощниками и проводниками идей А. С. Макаренко.

Достаточно указать в качестве примера на роль комсомольской организации в «завоевании» Куряжа. Комсомольская ячейка колонии имени Горького выступила со своей программой коренного переустройства жизни Куряжской колонии. Декларация комсомольской ячейки была зачитана Жоркой Волковым на общем собрании горьковцев и куряжан. Она состояла из 13 пунктов. «Несмотря на свою внешнюю простоту, декларация произвела на всех очень сильное впечатление. Даже нас, ее авторов, она поражала жестокостью определенностью и требовательностью действия, — вспоминал Макаренко. ...Даже для многих горьковцев решительные строчки декларации были новостью; куряжане же все встретили Жоркино чтение в полном ошеломлении»². Это был самый критический, переломный момент в жизни Куряжской колонии. С этого момента было положено начало «преображению» Куряжа, которое завершилось полной победой коллектива колонии имени Горького. В этой победе ответственная роль принадлежала комсомолу.

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского была по своему составу пионерско-комсомольской. «Комсомольской ячейке коммунаров, — писал Макаренко, — работы по горло»³. Комсомольская ячейка коммуны им. Ф. Э. Дзержинского была не только по составу значительно более мощной, но и по своему удельному весу и значению она занимала значительно большее место в жизни коммуны, чем комсомольская ячейка в колонии имени Горького. Вся политико-просветительная и культурно-массовая работа в коммуне проводилась, прежде всего, силами комсомольцев при их активном и энергичном участии; все большие и ответственные вопросы производственной деятельности коммуны решались при помощи и непосредственном участии комсомольцев. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского была пионерская организация, которая требовала большого к себе внимания со стороны комсомольской ячейки.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 212.

² Там же, стр. 532—533.

³ Там же, т. 2, стр. 92.

«Самое трудное дело для нашего комсомола, — писал Макаренко, — труднее всех производственных тонкостей — дела пионерские»¹.

Но, к сожалению, ценный опыт организации комсомольской и пионерской работы в колонии имени Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, методика комсомольской и пионерской работы остались недостаточно освещенными в трудах и высказываниях А. С. Макаренко. Это является, несомненно, существенным пробелом в его статьях и выступлениях. Тем не менее, никто в педагогической литературе, — да и не только в педагогической, но и в художественной литературе, — не показал с такой силой и яркостью, так обстоятельно живой детский коллектив в борьбе за воспитание коммунистической морали, как это сделал Макаренко в «Педагогической поэме», «Флагах на башнях» и других произведениях.

Макаренко считал, что в каждой школе должны быть созданы крепкие, активно действующие классные коллективы. Этот классный коллектив должен сплотиться на основе коллективных усилий, коллективной борьбы всего класса за честь класса, за лучшие показатели класса в учебе, за лучшую дисциплину и порядок в классе, за лучшие показатели внешкольной деятельности, за активное, передовое место класса в школе, за честь школы.

Воспитательное значение школьного ученического коллектива не только и не столько в том, что он дисциплинирует детский ученический коллектив, воспитывает коллективные моральные нормы поведения учащихся, создает здоровый советский тон жизни коллектива, — но особенно в том, что он создает естественные условия для всестороннего развития личности советского человека, приводит в движение, укрепляет и развивает все его способности, все его внутренние интеллектуальные и физические силы, воспитывает у него крепкий, стойкий общественный характер, повышает общий жизненный тонус как коллектива, так и отдельной личности; содействует улучшению всей учебно-воспитательной работы в школе.

Такие классные детские коллективы, как и общешкольные детские коллективы, создаются под руководством учителей и классных руководителей. Они создаются в результате длительной и настойчивой работы педагогов. При этом следует особо отметить такое принципиально важное положение. В своих высказываниях о роли детского коллектива Макаренко отпирывался от признания коллектива в советских условиях, в советской школе, как объективного фактора, объективного явления, объективной закономерности жизни советских детей. Но, признавая детский коллектив как объективную закономерность в жизни советских детей, Макаренко указывал, что когда детский коллектив создается и действует стихийно, без направляющей и организующей роли педагога, тогда этот коллектив может принять — и иногда принимает — неправильные формы и направление.

Классный коллектив учащихся Макаренко рассматривал как первичный коллектив, который должен являться составной частью общешкольного коллектива. Единый общешкольный коллектив должен стремиться к единой цели — к борьбе за честь своей школы, за лучшие показатели в учебе, за лучшую дисциплину и порядок, за крепкий, дружный советский школьный коллектив. Он должен связывать каждый шаг своей учебы и общественной деятельности с жизнью советского общества, с его задачами, с будущей перспективой своего участия в строительстве новой жизни.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, стр. 93.

«Только создав единый школьный коллектив, — писал Макаренко, — можно разбудить в детском сознании могущественную силу общественного мнения, как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора»¹.

Советский учитель призван создавать образцовую организацию школьного детского коллектива, беречь ее, улучшать. «...Тактичное и мудрое руководство правильным ростом коллектива — вот его призвание»².

Макаренко указывал, что крепкий школьный коллектив нельзя создать одним мановением руки, что он требует большой, длительной и упорной работы, что его нельзя создать «законодательным путем».

«Если мы возьмем, — говорил Макаренко, — школу, где нет никакого коллектива, где все разрозненно, где, в лучшем случае, каждый класс живет обособленной жизнью и встречается с другими классами, как мы на улице встречаемся с обычной публикой, то, чтобы из такого аморфного собрания детей сделать коллектив, — конечно, нужна (не год и не два) длительная, настойчивая и терпеливая работа... И такой коллектив, особенно в школе, где ребенок находится 8—10 лет, должен быть драгоценным, богатейшим инструментом воспитания».

Макаренко справедливо отмечал, что многие недостатки в области воспитания дисциплины в школе объясняются слабостью школьного ученического коллектива и, прежде всего, слабостью пионерских и комсомольских организаций.

Почему отрицательные поступки находят иногда среди детей более живой и непосредственный отклик, чем положительные поступки? Почему влияние отрицательных фактов бывает иногда более доходчивым и сильным, чем влияние положительных примеров? Это объясняется отнюдь не какой-то прирожденной склонностью детей, не тем, что ребенок от природы больше склонен к озорству, к анархизму и недисциплинованности, к отрицательному поведению, чем к положительному. Нет. Это объясняется двумя основными причинами, сводящимися, в конце концов, к воспитанию. Во-первых, это объясняется часто тем, что некоторые школы не умеют организовать повышенную активность, большую жизнедеятельность детского коллектива и дети сами, стихийно, неорганизованно ищут пути и средства реализации своей активности. Во-вторых, это объясняется также тем, что детский коллектив плохо организован, он еще не стал активным воспитательным фактором, где господствующий в детском коллективе тон задают наиболее организованные, наиболее дисциплинированные дети.

Макаренко справедливо указывает, что «самые первосортные мальчики в рыхлых организационных формах коллектива очень легко превращаются в диких зверенышей».

Сильное влечение детей к героике, к героическим поступкам передается, естественно, из поколения в поколение как инстинктивное влечение. Будучи воспитанным в процессе развития человеческого общества, это чувство, как и многие другие, превратилось в безусловный инстинкт. Стремление детей и юношей к героическим поступкам поддерживается и развивается нашим обществом, оно культивируется всем укладом общественной жизни. И вот это прекрасное и благородное чувство, которым наделен человек, педагог должен умело развивать и направлять, воспитывая смелых, честных, преданных героев нашей Родины, пламенных патриотов страны социализма. К сожалению, в наших школах еще имеют место факты, когда это прекрасное и благородное чувство у де-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., Учпедгиз, 1946, стр. 45.

² А. С. Макаренко, Избр. педагог. соч., 1949, кн. 4-я, стр. 226.

той развивается в ложном направлении. Мы знаем, что среди мальчиков ложный героизм принимает даже уродливые формы. На почве такого ложного героизма мальчики, подражая взрослым, стараясь казаться взрослыми среди своих сверстников, учатся курить, ругаться. Хулиганские поступки того или иного мальчика в школе, на улице рассматриваются как «геройские» поступки. Маленькому хулигану постепенно начинают подражать и другие дети. Хорошие поступки в глазах таких мальчиков начинают выглядеть как отрицательные факты. Хорошее поведение в школе, в семье, на улице становится для этих мальчиков предосудительным — таким поведением, которое достойно только презрения и иронического к себе отношения. Очень показателен в этом отношении эпизод с Осадчим, описанный Макаренко в «Педагогической поэме» в главе «Осадчий». Макаренко особенно остро ощущал всю опасность и вред засилия такого ложного и чуждого героизма.

* * *

Проблему коллектива Макаренко решает в тесной и неразрывной связи с проблемой воспитания личности.

Учение о роли коллектива в коммунистическом воспитании детей, о формировании личности в коллективе, через коллектив и для коллектива опирается прежде всего на марксистско-ленинское учение об обществе и личности.

Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин доказали, что истинная свобода личности, всестороннее ее развитие, наиболее полное и последовательное осуществление личных потребностей и интересов человека возможны только в условиях победы социализма. Только при социализме антагонизм между личностью и обществом, неразрешимые конфликты и противоречия между ними, существующие в классовом эксплуататорском обществе, окончательно уничтожаются и вступает в силу гармоническое сочетание интересов личных и общественных.

Товарищ Сталин учит, что в социалистическом обществе «непримиримого контраста между индивидуумом и коллективом, между интересами отдельной личности и интересами коллектива не имеется, не должно быть. Его не должно быть, так как коллективизм, социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива. Социализм не может отвлекаться от индивидуальных интересов. Дать наиболее полное удовлетворение этим личным интересам может только социалистическое общество. Более того, — социалистическое общество представляет единственно прочную гарантию охраны интересов личности»¹.

Этот закон социалистического общества был положен А. С. Макаренко, как и всем советским учительством, в основу коммунистического воспитания детей и организации детского коллектива: «Для меня, — говорит Макаренко, — общие цели являются не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными целями. Очевидно, детский коллектив только так может быть построен».

Макаренко подвергает критике одностороннее, метафизическое решение проблемы общего и индивидуального в воспитании детей: с одной стороны, стремление остричь всех одним номером, втиснуть человека в стандартный шаблон, воспитать узкую серию человеческих типов; с другой стороны, пассивное следование за каждым индивидуумом, безнадёжную попытку справиться с миллионной массой воспитанников при

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 602.

помощи возни с каждым человеком в отдельности, «гипертрофию «индивидуального» подхода».

«И тот и другой метод, — говорит Макаренко, — не советского происхождения, и педагогика, направляемая этими методами, не наша педагогика: в первом случае она будет приближаться к старым казенным нормам, во втором случае — к педологии»¹. В советской педагогической науке и практике эта очень важная принципиальная проблема решается глубоко научно, диалектически, т. е. в гармоническом сочетании общих задач коммунистического воспитания личности, воспитания общих черт и качеств личности с индивидуальными наклонностями, индивидуальными особенностями личности.

«Советское воспитание, — говорит Н. К. Крупская, — направлено на то, чтобы в каждом ребенке развить все его способности, поднять его активность, его сознательность, всесторонне развить его личность, его индивидуальность. Поэтому методы воспитания у нас иные, чем методы воспитания в буржуазной народной школе. Но наши методы воспитания в корне отличаются и от методов воспитания детей буржуазии. Буржуазия стремится воспитать из своих ребят индивидуалистов, которые свое «я» ставят превыше всего, которые противопоставляют себя массе. Мы стараемся воспитать из наших ребят всесторонне развитых, сильных телом и сознанием людей, но не индивидуалистов, а коллективистов, не противопоставляющих себя коллективу, а составляющих его силу, поднимающих значение коллектива на новую ступень. Коммунистическое воспитание пользуется другими методами. Мы считаем, что лишь в коллективе личность ребенка может наиболее полно и всесторонне развиться. Коллектив не поглощает личности ребенка, но влияет на качество воспитания, на его содержание»².

Макаренко успешно осуществлял эту важнейшую задачу советской педагогики — задачу воспитать человека социалистического общества, воспитать коммунистическую личность, полную индивидуальных красок и оттенков.

В полном соответствии с этим Макаренко диалектически решает и проблему коллективного метода воспитания и индивидуального подхода к ребенку, учета индивидуальных особенностей ребенка, его личных склонностей и способностей.

«В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива, и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива.

...Школьный коллектив, ячейка советского детского общества, прежде всего должен сделаться объектом воспитательной работы. Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приеме. В каждый момент нашего воздействия на личность эти воздействия обязательно должны быть и воздействием на коллектив. И, наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив»³.

Макаренко не отрицает индивидуального подхода, индивидуального изучения ребенка. Наоборот, он решает эту проблему глубоко научно. Он рассматривает ребенка в определенных общественных условиях,

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв. 1946, стр. 28.

² Н. К. Крупская, О юных пионерах, изд-во АПН РСФСР, М., 1949, стр. 45.

³ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв. 1946, стр. 28—29.

в определенном, конкретном коллективе и взаимоотношениях с этим коллективом. Только в условиях коллектива, в условиях общественной деятельности, доступной ребенку (учеба, пионерская и комсомольская работа и т. п.), и можно изучать ребенка, можно определить его способности и наклонности.

Изучение ребенка вне коллектива, вне общества не может дать надлежащих правильных результатов. Только на фоне коллектива, в условиях коллектива наиболее ярко и сильно сказываются особенности ребенка, только в коллективе быстрее и нагляднее обнаруживаются и достоинства и недостатки каждого ребенка. Благородной задачей воспитателя является во-время подметить индивидуальные особенности ребенка, поддержать, закрепить положительные его качества и помочь изжить, преодолеть, при помощи детского коллектива, отдельные отрицательные черты. Сочетание коллективного метода воспитания с индивидуальным подходом к ребенку, с индивидуальным его изучением есть единственно правильный путь воспитания в нашей советской школе.

«Индивидуальный подход к детям, — говорит Макаренко, — не означает возню с уединенной капризничавшей личностью. Под флагом индивидуального подхода не следует протаскивать мещанское индивидуалистическое воспитание. Беспомощен тот педагог, который потворствует недостаткам ученика, слепо следует его капризу, подыгрывается и сюсюкает вместо того, чтобы воспитывать и переделывать его характер. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребенка, имеющего определенные обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребенку в том и заключается, чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным, достойным членом своего коллектива, гражданином Советского государства»¹.

«Достоинной нашей эпохи организационной задачей, — пишет Макаренко в статье «Опыт методики работы детской трудовой колонии», — может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохранять свою индивидуальность, идти вперед по линиям своих наклонностей»².

О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Много нового, ценного и интересного в научном и практическом плане внес Макаренко в такую важнейшую проблему советской педагогики, как проблема учителя и педагогического коллектива.

Роль учителя, роль педагогического коллектива в коммунистическом воспитании детей исключительно велика. Товарищ Сталин в приветствии Всесоюзному учительскому съезду писал: «Фаланга народных учителей составляет одну из самых необходимых частей великой армии трудящихся нашей страны, строящих новую жизнь на основе социализма»³.

Проблема учителя в буржуазной педагогике решается с субъективно-идеалистических позиций. Педагогическая деятельность, деятельность учителя рассматривается как какая-то особая, ничем не похожая на другие виды общественной деятельности. И основывается она якобы на каких-то особых, таинственных, неуловимых, субъективных качествах и свойствах педагога. Педагог, утверждают буржуазные теоретики, дол-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., 1946, стр. 45—46.

² А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 90.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 3.

жен обладать особой, одному ему присущей, «душой». «Душа» — это то, что определяет якобы характер деятельности учителя. От свойств его «души» зависит успех педагогической деятельности, успех воспитания и обучения подрастающего поколения.

А свойство «души» и качество этой мистической категории даются учителю, как утверждают буржуазные «теоретики», от природы, являются признаком наследственным. Практически это означает в буржуазном обществе, что не все учителя обладают необходимой для удовлетворения буржуазных требований «душой».

Эта идеалистическая категория не случайно была выставлена буржуазной педагогикой как один из руководящих принципов деятельности учителя. За этой идеалистической завесой скрываются истинные цели и принципы буржуазного воспитания, осуществляемые школой в буржуазном обществе.

В буржуазной школе учитель не может осуществлять педагогическую деятельность свободно, так, как подсказывает ему его совесть, так, как он считал бы нужным и наиболее справедливым. Учитель в буржуазной школе, если он не выполняет или плохо выполняет социальный заказ буржуазии, увольняется с работы и подвергается преследованию.

Многочисленные примеры такого положения можно привести из американской действительности, где пресловутая «комиссия по расследованию антиамериканской деятельности» берет на учет всех, кто отстаивает свободу личности, свободу деятельности и борется за мир и демократию. Многие сотни учителей лишились работы и средств к существованию только потому, что в той или иной форме выразили несогласие с реакционной политикой, проводимой в Америке.

Положение учительства в нашей стране коренным образом отличается от положения учителей в капиталистических странах. В нашей стране, в стране строящегося коммунизма, создана новая интеллигенция, советская интеллигенция, которая всеми корнями связана с народом, выражает и отстаивает интересы широких народных масс, интересы социалистического государства. Учительство в нашей стране пользуется всеми правами, наряду со всеми гражданами, в политической, экономической и культурной областях жизни. Учитель в СССР занимает такое положение, которого он не имел, не имеет и не может иметь в буржуазном обществе.

Не только в широкой общественной области, но и в области специальной педагогической, совсем по-иному решается проблема учителя в советских условиях. Она решается на прочной научной основе диалектического и исторического материализма.

Макаренко придавал исключительно большое значение учителю и педагогическому коллективу в деле коммунистического воспитания молодежи. Он писал, что проблема длительности педагогического коллектива «должна сделаться одной из главнейших забот наших администраторов и организаторов коммунистического воспитания. Нужно, чтобы эти лица, наконец, поняли, что как раз в этом пункте и решается половина всех вопросов советской педагогики»¹.

Макаренко указывает, что буржуазная система воспитания опирается на отдельного воспитателя, на его индивидуальные способности и качества. «...Воспитательская проблема разрешается в границах отношения воспитателя к воспитаннику... Воспитатель в каждый момент своей работы должен стоять перед воспитанником или перед коллективом детей с обнаженной собственной личностью... Только, орудяя своими живыми

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 663.

нервами, вскрытыми окончаниями нервов, непосредственно направленными на ребенка, «воспитатель преобразует что-то» в душе ребенка...»¹. Для буржуазной школы характерна обособленность учителя от ученика, от коллектива учащихся и обособленность его от коллектива учителей и воспитателей. Буржуазный индивидуализм, капиталистическая конкуренция, зависть и подсиживание как спутники буржуазного общества глубоко развращают учительский коллектив, создают нездоровую атмосферу беспринципной борьбы и разобщенности.

Макаренко, критикуя буржуазную индивидуалистическую концепцию решения проблемы учителя, дает этой проблеме научное, марксистское освещение.

Педагогическую деятельность в наших условиях Макаренко рассматривает как одну из важнейших областей общественной деятельности. И как таковая она не может основываться на каких-то случайных, привходящих, не существенных субъективных качествах личности педагога, учителя.

От советского учителя требуются прежде всего необходимые знания марксистско-ленинской теории и той дисциплины, которую он преподает, знание психологии и возрастных особенностей детей, умение доступно изложить учебный материал. Все это не требует каких-то «сверхъестественных» способностей учителя и не может рассматриваться как область, доступная только одиночкам, «подвижникам» педагогического дела.

«...Мы имеем право, — говорит Макаренко, — подойти к нашему делу, как к производству, и посмотреть на воспитателя, как на человека труда, на рабочего, которому ввернется серьезная деловая функция, ставится точная, пусть и трудная, но все же посильная задача, не требующая от него гипертрофии сердца или другого какого-нибудь не менее важного органа, не лишающая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость»².

Важнейшим условием правильной воспитательной и образовательной работы в школе Макаренко считал наличие единого педагогического коллектива. Он считал существеннейшим отличительным признаком советской системы воспитания — наличие деятельного творческого коллектива учителей. «Педагогический коллектив — это важнейший инструмент воспитательной работы», — говорил Макаренко.

Он утверждал, что там, где нет такого педагогического коллектива, где нет единого плана работы, единого тона, единого точного подхода к ребенку, там воспитательная и всякая другая педагогическая работа будет поставлена слабо, там школа не сумеет мобилизовать коллективных усилий на преодоление трудностей, на успешное движение вперед. И только там, где такой коллектив создан, где такой коллектив учителей умело направляется руководителем школы на разрешение общих целей, там успехи несомненны.

В 1935 г. Антон Семенович Макаренко разработал специальную докладную записку о мерах повышения качества работы нашей массовой школы. Этот документ убедительно показывает, что Макаренко очень внимательно следил за жизнью нашей школы, глубоко анализировал пути ее развития и намечал меры повышения всего процесса воспитания и обучения подрастающего поколения. Этот документ, так же как и другие груды Макаренко, свидетельствует и о том, что отдельные несерьезные попытки отгородить Макаренко от школы, противопоставить его си-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 658.

² Там же, стр. 660.

стему педагогических взглядов нашей советской педагогике, квалифицировать его только как практика, а его педагогику — как «беспризорную педагогику», — совершенно не выдерживают критики.

В докладной записке А. С. Макаренко предусматривал ряд мер, направленных на улучшение работы советской школы. Среди этих мер Макаренко предусматривал следующее: длительность работы учителей в одной школе, длительность педагогического коллектива¹. Макаренко указывал, что в школе не должно быть учителей, имеющих 2—3 урока в неделю, так как это мешает создать крепкий педагогический коллектив школы. Педагогический коллектив школы — это творческая лаборатория, где обсуждаются и решаются многие важнейшие вопросы педагогической практики и теории. Здесь создается коллективная мысль, направленная на улучшение воспитания, обучения и образования подрастающего поколения.

Посредством активно действующего педагогического коллектива директор школы осуществляет свое руководство как школой в целом, так и каждым отдельным классом, каждым отдельным участком школьной деятельности. При помощи педагогического коллектива устанавливается единство методов, приемов и средств воспитательной и образовательной работы, осуществляется обобщение лучшего опыта педагогической работы и внедрение его во все звенья школы, создается единый стиль в жизни и деятельности школы, общий тон поведения учащихся.

Передовые школы нашей страны все более настойчиво работают над обобщением богатого педагогического опыта и внедрением передовых научных методов воспитания и обучения молодого поколения. Организация методических объединений непосредственно в самих школах активизировала творческую педагогическую мысль учительского коллектива школ, способствовала повышению качества преподавания всех дисциплин; оживилась работа педагогических советов, они все более и более превращаются в действительные центры, объединяющие коллективные усилия учителей, обобщающие методический опыт школ, внедряющие лучший опыт передовых учителей в работу всех школ.

Макаренко указывал, что необходимы специальные меры, чтобы работа учителя в данной школе была как можно более длительной — «увольнение учителя или перевод его в другую школу должны быть затруднены».

Макаренко предлагал готовить в высших учебных заведениях и иметь в семилетней и средней школе преподавателей по определенному циклу. И «каждый цикл предметов должен составлять в практике школы совершенно определенную норму нагрузки на одного преподавателя. Эта норма классной нагрузки плюс определенный объем, собственно, воспитательной работы в ученическом коллективе и должны составлять среднюю рабочую долю для каждого учителя»².

В этом документе Макаренко намечал ряд изменений в программах педагогических высших учебных заведений и школ, направленных к улучшению подготовки педагогических кадров. Среди них — требование более широкого образования будущего учителя, независимо от избираемого им цикла предметов.

Особенный интерес представляет предложение А. С. Макаренко — предусмотреть в программах педагогических учебных заведений раздел:

¹ Эту проблему А. С. Макаренко более обстоятельно разобрал в одном из фрагментов подготовительных материалов к «Педагогической поэме» под названием «Длительность педагогического коллектива».

² А. С. Макаренко, «Некоторые соображения о школе и наших детях». (Неопубликованный архив А. С. Макаренко).

«О семье, структуре семьи, методике воспитания в семье и о средствах педагогической помощи семье».

Макаренко предлагал организовать выпуск специальной литературы для родителей и вообще литературы по вопросам воспитания в семье, краткосрочные обязательные курсы для родителей, родительские коллективы в больших домах и квартирах, их инструктирование, привлечение к постоянной работе в школе (система дежурств и др.).

Надо отметить, что этот очень важный и назревший вопрос советской педагогики еще ждет своего решения.

«МЕТОД ВЗРЫВА»

В свете труда товарища И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» особого внимания заслуживает очень важное общетеоретическое положение, выдвинутое А. С. Макаренко по вопросу о медленном, постепенном методе воспитания и о «скачках», о решительном качественном изменении методов воспитательного воздействия воспитательной работы, всего процесса воспитания личности, об эволюции и скачках в педагогике и психологии.

В последнем труде товарища И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» мы имеем дальнейшее развитие одной из важнейших черт марксистского диалектического метода, характеризующей закон перехода количественных изменений в природе и обществе в изменения качественные, закон перехода от одного качества к другому качеству, от старого к новому. В работе «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин дал новое определение скачкам, происходящим в обществе. Он указал, что развитие такого, например, общественного явления, как язык, «переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»¹.

Этим самым товарищ И. В. Сталин указал, что скачки в обществе, переход от одного качества к другому качеству могут происходить двумя путями: путем постепенного длительного скачка и путем взрыва, т. е. путем разового уничтожения старого качества и появления нового качества.

При этом товарищ И. В. Сталин указал: «Вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов»².

Теоретическое положение о двух путях, о двух формах скачка, перехода от старого качества к новому качеству «имеет всеобщий характер, оно развивается дальше и конкретизирует основные положения марксистского диалектического метода, углубляя все наше научное познание как явлений природы, так и явлений общественной жизни»³.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 27.

² Там же, стр. 28—29.

³ Журнал «Большевик», 1951, № 15, стр. 20.

Формы скачка зависят «от двух основных обстоятельств, — во-первых, от природы самого явления, и прежде всего от типа внутренних противоречий, лежащих в основе его развития, и во-вторых, от условий и характера внешних противоречий, внешней среды, в которой возникает и развивается новое явление»¹.

«...Взрыв, как особая форма скачка, закономерен там и тогда, где и когда на пути возникновения и развития нового стоят препятствия или оковы, которые можно уничтожить лишь путем одновременного натиска всех сил нового, путем взрыва этих оков»².

Постепенный, длительный путь разрешения противоречий возможен лишь тогда, «когда противоречие носит неантагонистический характер или когда нет таких препятствий на пути рождения нового, которые исключали бы возможность возникновения и постепенного роста нового, без взрыва»³.

Закон перехода количественных изменений в изменения качественные; переход от одного качественного состояния к другому, от старого к новому имеет место в своей особой специфической форме и в педагогике и психологии. И в этом отношении педагогический опыт А. С. Макаренко дает много интересного и ценного.

В основе своей Макаренко правильно решал этот важный теоретический вопрос в тех конкретных условиях, в которых протекал его опыт. Он не отрывал эволюции от скачка, постепенный метод педагогического действия от решительного, мгновенного метода педагогического действия. Он умел сочетать их диалектически.

В работе «Опыт методики работы детской трудовой колонии» Макаренко утверждал, что если и в природе и в обществе все процессы протекают диалектически, включая в себя процессы и эволюционные и скачкообразные, то и советская педагогика не может не исходить из этого непреложного закона, из этого единственного научного мировоззрения.

«Моя работа, — говорит Макаренко, — состоит из непрерывающегося ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда имеющих, так сказать, инкубационный период, когда накапливаются потенциальные силы для действия, а потом оно вдруг приобретает характер открытый».

Он редко прибегал к решительному действию без длительной подготовки. Он также не ограничивал свою педагогическую деятельность только повседневной, будничной, медленной, постепенной работой, не завершая этой деятельности решительным переходом от одного качественного состояния воспитания к новому качественному состоянию, с одной нижней педагогической ступеньки — к высшей.

Основным методом, которым пользовался А. С. Макаренко в своей педагогической практике, был метод постепенного, медленного накопления элементов нового качества, постепенного, медленного преодоления элементов старого качества, метод постепенного воздействия на личность и коллектив.

Но педагогический опыт Макаренко протекал в особых условиях, в условиях, где на первом плане стояли задачи *п е р е в о с п и т а н и я*. В силу этого А. С. Макаренко должен был нередко прибегать к так называемому «методу взрыва».

¹ Журнал «Большевик», 1951, № 15, стр. 15

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 16.

По вопросу о «методе взрыва» были высказаны взгляды, что, так как он представлен у Макаренко, он якобы является антипедагогическим, антинаучным, противоречащим положениям товарища Сталина, высказанным им в последних трудах по вопросам языкознания.

Высказывания А. С. Макаренко по вопросу о «методе взрыва» в педагогике заслуживают серьезного рассмотрения.

Можно ли говорить о «методе взрыва» в педагогике? Имеют ли место взрывы как одна из форм скачка, т. е. перехода от одного качества к другому, в педагогике и психологии. Или в педагогике и психологии имеет место только одна форма перехода от одного качественного состояния к другому, от одного качества к другому качеству, от старого качества к новому качеству, форма постепенного, медленного накопления элементов нового качества, постепенного, медленного отмирания старого качества.

Под «взрывом» в развитии общественных и естественных явлений, как об этом говорилось выше, понимается такой момент, когда переход от одного качества к другому происходит путем разового уничтожения старого и построения нового.

Скачок в форме взрыва происходит «тогда, где и когда на пути возникновения и развития нового стоят препятствия или оковы, которые можно уничтожить лишь путем одновременного натиска всех сил нового, путем взрыва этих оков»¹.

«Методом взрыва» Макаренко называл мгновенное и концентрированное воздействие на личность и коллектив детей, одним ударом переворачивающее все представления и желания человека, все его укоренившиеся стремления.

«Под взрывом... я имею ввиду мгновенное воздействие, переворачивающее все желания человека, все его стремления», — говорил Макаренко. Он указывал, что «...выправление характера гораздо лучше производить методом, если хотите, взрыва»².

Понятие «взрыв» в данном случае применимо с учетом всех особенностей, присущих процессу воспитания. Его следует рассматривать здесь в том смысле, что устранение препятствий на пути движения вперед дела воспитания или разрешение педагогического конфликта, назревшего в процессе движения, совершается одним кратковременным натиском всех сил педагогического воздействия, решительным разовым ударом, устраняющим имеющиеся препятствия или оковы на этом пути.

Термин «метод взрыва» и сам Макаренко считал недостаточно удачным, но другого термина, как он говорит, он не нашел для определения данного явления в педагогике. Но дело не в термине, а в самом существовании данного педагогического явления. Нас должно интересовать: имеют ли место в педагогике, в воспитании и обучении детей, в методике учебно-воспитательной работы скачки в форме «взрыва».

Одним из наиболее ярких примеров «взрыва» в педагогике Макаренко может служить эпизод организованного сбора беспризорников на станции Харьков и приема их в коммуну Ф. Э. Дзержинского, описанный им в книге «Флаги на башнях». Это поистине потрясающий эпизод. Причем это действительно «взрыв» педагогического и психологического характера.

Всему, что несли с собой беспризорные дети — физическую и моральную запущенность, антисоциальные навыки и привычки — был положен решительный конец. И эти, только что бывшие беспризорники,

¹ Журнал «Большевик», 1951, № 15, стр. 14.

² А. С. Макаренко. Избр. педагог. произв., Учпедгиз, 1946, стр. 194.

неожиданно растворились в крепком, хорошо слаженном, организованном коллективе и вынуждены были начать жить по новым правилам и законам.

Подобные педагогические приемы концентрированного воздействия на личность, или группу детей, одним ударом переворачивающие все укоренившиеся представления, желания и стремления, А. С. Макаренко называл «методом взрыва».

Другим, не менее ярким и потрясающим примером педагогического и психологического «взрыва» является «завоевание Куряжа».

Завоевание Куряжа Макаренко вполне справедливо рассматривал как самый критический момент в своей педагогической практике и, может быть, самый интересный момент в жизни колонии. Это был действительно рискованный педагогический шаг и замысел, который требовал напряжения всех сил и способностей А. С. Макаренко как руководителя.

Стояла задача — в максимально короткий срок, одним решительным ударом произвести переворот в жизни двухсот воспитанников Куряжа, переворот в их сознании. Надо было одним, почти мгновенным ударом покончить с той запущенностью и распушенностью, до которых доведены были дети Куряжа бездарными руководителями этой колонии.

Характеризуя состояние Куряжской детской колонии, Макаренко писал в письме к Горькому:

«Трудно представить себе большую степень запустения хозяйственного, педагогического, просто человеческого. 200 детей живут, не умываясь, не зная, что такое мыло и полотенце, загаживают все вокруг себя, потому что нет уборных, отвыкли от всякого подобия работы и дисциплины»¹.

«Куряж» представлял собой «огромный клубок копошащихся в грязи распушенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани».

В другом письме к А. М. Горькому Макаренко писал: «Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне еще не приходилось сразу нагружать свою волю и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв»².

А. С. Макаренко наметил план педагогического наступления и «завоевания Куряжа». С этой целью необходимо было перебросить 130 колонистов-горьковцев в Куряж. В письме к А. М. Горькому Макаренко выражал некоторое опасение сразу перебросить колонистов в Куряж. Это значило бы, пишет Макаренко, «создать там сразу два враждебных лагеря. Наши будут задирать носы и задаваться, куряжане от стыда и старого озлобления будут смотреть на нас, как на завоевателей»³.

Он решил сначала отправить один в Куряж.

Отправляясь в Куряж один, Макаренко ставил задачу, как он об этом писал в письме к Горькому, «заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность (Вашей верой). Тогда, — говорит Макаренко, — они смогут встретить наших хлопцев с некоторым достоинством, тем более, что я постараюсь их организовать и поставить на работу»⁴.

После некоторой кратковременной подготовки А. С. Макаренко перебросил колонистов-горьковцев в Куряж. И вот... 17 мая 1926 г. горьковцы вступили в Куряж. «Строй горьковцев и толпа куряжан стояли друг против друга на расстоянии семи-восьми метров, — писал Макаренко. — ...И куряжане и горьковцы молчали: первые — в порядке некоторого

¹ Из письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому, май 1926 г.

² Из письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому, 8 мая 1926 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

обалдения, вторые — в порядке дисциплины в строю при знамени»¹. «Преображение началось немедленно после общего собрания, — пишет Макаренко, — и продолжалось часа три, — срок для всякого преобразования рекордный»². Сила организованного детского коллектива горьковцев, под опытным руководством такого педагога, как Макаренко, победила. В течение короткого времени, говорит Макаренко, сознание куряжан было приведено к полной уверенности, что приехавшие отряды горьковцев привезли им лучшую жизнь и что с этими людьми нужно идти и дальше. Этим самым был совершен коренной перелом в сознании куряжан. Но дальше предстояла еще большая, кропотливая, систематическая работа по воспитанию новых навыков, привычек и традиций поведения.

3 июня 1926 г. А. С. Макаренко получил письмо от А. М. Горького.

В воскресенье, 13 июня, после доклада о жизни и деятельности А. М. Горького, А. С. Макаренко прочитал воспитанникам письмо Горького. «Когда я читал его при получении, — пишет Макаренко, — мне казалось, что запущенные, одичавшие ребята не поймут великой любви Вашей к Человеку и Вашей веры в человеческую культуру, и я думал, что мне придется много им объяснять, но когда я прочитал письмо на общем собрании и увидел, как блестели глаза набежавшей слезой, я понял, что эти оборванные, худые дети тоже имеют отношение к человеческим идеалам и что это Вы силою своего слова заставили их это почувствовать»³.

Это письмо Горького послужило, как пишет Макаренко, поворотным пунктом в истории борьбы с куряжской разрухой. «Благодаря «горьковскому дню», как наши воспитатели называли воскресенье, первый, самый тяжелый, период овладения Куряжем окончился вдруг в один день нашей блестящей победой»⁴.

Эта победа была одержана «методом взрыва», методом решительного удара, мгновенного и сокрушительного педагогического воздействия на сравнительно большой и трудный в воспитательном отношении коллектив детей.

Можно привести и ряд других примеров, характеризующих применение «метода взрыва» в педагогической практике А. С. Макаренко.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что А. С. Макаренко в своей практической деятельности по перевоспитанию многих сотен беспризорных детей, несовершеннолетних правонарушителей, правильно сочетал постепенный, медленный метод педагогического действия с методом мгновенного и решительного воздействия на личность.

Надо сказать, что вся история воспитания и перевоспитания колонистов колонии им. Горького, не говоря уже о воспитательной работе в коммуне им. Дзержинского, наглядно свидетельствует об умелом и правильном решении важной теоретической проблемы.

Приступая к разрешению куряжского конфликта, А. С. Макаренко хорошо понимал опасность постепенного пути перевоспитания большой группы запущенных воспитанников Куряжа. Он опасался, что постепенность будет содействовать не только перевоспитанию куряжан, но и заражению отрицательными явлениями самих горьковцев. И это опасение было совершенно правильно. Вот почему Макаренко выбрал «метод

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 520.

² Там же, стр. 538.

³ Из письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому, 16 июня 1926 г.

⁴ Там же.

взрыва», — путь одновременного натиска всех сил нового против всего старого, вредного, что накопилось в коллективе куряжан.

Но и этот решительный метод воздействия возможен был только на основе большой, кропотливой, постепенной педагогической деятельности, подготавливающей условия для последнего и решительного «удара».

Педагогическая деятельность А. С. Макаренко в колонии имени Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского свидетельствует, во-первых, о том, что и при решении задач перевоспитания Макаренко пользовался, главным образом, медленным, постепенным методом воздействия на личность ребенка и на коллектив детей и что к так называемому «методу взрыва» прибегал только в особых и редких случаях, когда педагогическая запущенность детей представляла крайние формы, как это имело место в Куряже. И в этом отношении его заявление является убедительным, когда он говорит, что в опыте своем он убедился, что, «как бы хорошо ни был организован общий порядок, как бы хорошо, радостно и правильно ни жил коллектив, никогда нельзя полагаться только на спасительное значение одной эволюции. Во всяком случае, самые тяжелые характеры, самые убийственные комплексы привычек никогда эволюционно не разрешаются. В эволюционном порядке собираются, готовятся какие-то предрасположения, намечаются изменения в духовной структуре, но все равно для реализации их нужны какие-то более острые моменты, взрывы, потрясения».

Но отсюда неправильно было бы сделать вывод, что «метод взрыва» Макаренко ограничивал только областью перевоспитания. Нет, он, хотя и очень осторожно, как это видно из приведенной цитаты, но все же считал, что так называемый «метод взрыва» имеет общепедагогическое значение. В известной мере это и правильно.

И в обычной школьной педагогической практике бывают такие моменты, которые требуют применения в той или иной форме так называемого «метода взрыва». И в обычной школьной практике иногда назревают такие конфликты, которые медленным, постепенным, эволюционным путем разрешить трудно, бывают такие обстоятельства, когда препятствия, возникающие на пути движения школьного коллектива, необходимо устранить решительными и кратковременными мерами. Но это только в особых и редких случаях имеет место в педагогической деятельности школы.

Основным, главным, постоянно действующим методом педагогического действия в системе воспитания является метод постепенного, медленного накопления элементов нового качества, метод постепенного, кропотливого и настойчивого формирования новых качеств коммунистической личности. И даже в тех случаях, когда приходится решать задачи перевоспитания, все равно необязательно всегда прибегать к так называемому «методу взрыва». И задачи перевоспитания в наших условиях решаются прежде всего методом постепенного педагогического воздействия.

Отсюда следует вывод, что «метод взрыва» имел большое педагогическое значение и применение в условиях колонии имени Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. И он был вполне оправдан теми особыми условиями, в которых протекал педагогический опыт А. С. Макаренко. Он, «метод взрыва», в особых случаях может иметь место и в обычной школьной практике, но он не может применяться как один из основных, постоянно действующих методов педагогического действия. Основным, главным, постоянно действующим методом педагогического действия является метод постепенного педагогического действия.

В трудах Макаренко имеются и другие высказывания, освещающие общие теоретические принципы, лежащие в основе советской методики воспитания. Как на один из важнейших принципов разработки новых методов воспитания и обучения Макаренко указывал на то, что ни один метод воспитания, как бы совершенен он ни был, не может служить универсальным средством коммунистического воспитания молодого поколения. Только диалектическое взаимодействие многих средств и методов воспитательного воздействия может дать надлежащий воспитательный эффект.

«Диалектичность педагогического действия, — писал Макаренко, — настолько велика, что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не корректируется всеми другими средствами, применяемыми одновременно с ним»¹. Макаренко исходил при этом из правильной предпосылки, что человек воспитывается не по частям, а в результате всей суммы влияний, которым он подвергается. Поэтому отдельно взятое средство может иметь значение в зависимости от условий его применения и взаимодействия с другими средствами. Решающим в данном случае, как указывает Макаренко, будет не уединенная логика данного средства, «а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных»².

«...Я убежден, — говорил Макаренко, — что никакое средство нельзя рассматривать отдельно взятое от системы. Никакое средство вообще, какое бы ни взяли, не может быть признано ни хорошим, ни плохим, если мы рассматриваем его отдельно от других средств, от целой системы, от целого комплекса влияний»³.

Макаренко практически доказал, что признание сложности и изменчивости методов и средств воспитания, их диалектическое взаимодействие, где решающим фактором является идейная их направленность, является единственно правильным.

Макаренко критикует метафизический путь решения этого вопроса, изыскивающий то или другое «уединенное» средство воспитательного воздействия. Некоторые педагоги возлагали все надежды в деле воспитания детей как на единственное спасительное средство на выработку системы мер наказания. Другие видели всю мудрость педагогики в индивидуальном подходе к ребенку, в индивидуальном, изолированном от социальной среды, психологическом изучении ребенка. Третьи признавали только словесный метод воспитания, метод словесных убеждений и т. п.

Макаренко убедительно показал всю ошибочность и ненаучность метафизического способа решения такого сложного вопроса, как вопрос выбора метода воспитания и обучения. Он убедительно показал, что ни один метод, будучи вырван из общей системы воспитательных средств, не может дать необходимого воспитательного результата. Только диалектическое взаимодействие многих средств воспитательного действия ведет к правильному решению проблемы методов воспитания и обучения.

«Указанная выше диалектичность педагогического процесса, — писал Макаренко, — необходимо требует от педагога большого охватывающего внимания, относящегося к целой системе средств»⁴.

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 38.

² Там же.

³ А. С. Макаренко, Избр. педагог. произв., 1946, стр. 73.

⁴ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 40.

Пережитки метафизического подхода к определению методов воспитания еще встречаются и в нашей педагогической практике. Особенно в семейном воспитании существует еще такой взгляд, что есть какой-то универсальный способ, универсальный метод воспитания детей, или, как его называет Макаренко, «педагогический секрет», который сообщает его обладателю всемогущую педагогическую силу. Заблуждаясь, некоторые воспитатели думают, что такой «педагогический секрет» действительно существует, и что, открыв его, можно без всяких усилий достигать педагогического успеха. Но этот несомненно ошибочный взгляд коренится отчасти в старом, неправильном, ограниченном представлении о воспитании детей, когда всю «педагогическую мудрость» видели в том, чтобы привести личность к повиновению.

Следующим, очень важным положением Макаренко по вопросу о методах воспитания является утверждение, что нет вечных, неизменных, раз навсегда данных методов и средств воспитания. С изменением общественных условий воспитания, с изменением конкретной обстановки педагогического процесса изменяются пути и средства воспитательной деятельности.

Макаренко утверждал, что никакая система средств никогда не может быть мертвой и застывшей нормой, что она всегда изменяется и развивается, хотя бы уже потому, что растет и ребенок, входит в новые стадии общественного и личного развития, растет и изменяется и наша страна. «Поэтому никакая система воспитательных средств, — пишет Макаренко, — не может быть установлена навсегда... Она должна быть так построена, чтобы отражать необходимость движения и отбрасывать устаревшие и ненужные средства»¹.

Он на своем педагогическом опыте убедился, что никакое педагогическое средство, даже самое общепринятое, не может быть признано всегда абсолютно полезным и положительным. «Самое хорошее средство, — говорит Макаренко, — в некоторых случаях обязательно будет самым плохим. Возьмите даже такое средство, как коллективное воздействие, воздействие коллектива на личность. Иногда оно будет хорошо, иногда плохо. Возьмите индивидуальное воздействие, беседу воспитателя глаз на глаз с воспитанником. Иногда это будет полезно, а иногда вредно». Поэтому никакая система средств воспитания не может быть рекомендована как система постоянная, вечная и неизменная. С изменением конкретных условий воспитания, естественно, должно измениться соответствующим образом и средство воспитания.

О ТВОРЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ НАСЛЕДИЮ А. С. МАКАРЕНКО

Макаренко скромно называл себя рядовым учителем, стахановцем на фронте воспитания молодого поколения. Он справедливо указывал, что в условиях социалистического общества передовые практики, новаторы производства, двигают науку вместе с учеными, обогащают ее новыми открытиями и изобретениями, передовым опытом во всех отраслях хозяйственной и культурной деятельности.

А. С. Макаренко никогда и нигде не утверждал, что все его педагогические выводы и высказывания являются окончательными и абсолютно неизменяемыми, как это пытаются представить некоторые педагоги. Наоборот, он не раз заявлял, что многие выводы, к которым он пришел в практике своей педагогической деятельности, нуждаются еще в опыт-

¹ А. С. Макаренко, Педагог. соч., 1948, стр. 40.

ной проверке в массовой школе, а некоторые утверждения он сам рассматривал как его личные и не обязательные для всех. Поэтому странно выглядят отдельные попытки представить, нет сомнения, замечательный в своей основе, педагогический опыт Макаренко как цельное, стройное, законченное учение, которое представляет собой якобы всю советскую педагогику. Сам Макаренко не рассматривал и не мог рассматривать так свой педагогический труд.

Некритический подход и начетничество являются вредными в любой научной деятельности, в том числе и в педагогике. И в отношении к педагогическому наследию А. С. Макаренко было бы недопустимым проявить талмудизм и начетничество, некритическое отношение к его педагогическому опыту, механическое перенесение этого опыта в школу и другие детские учреждения.

Макаренко сам выдвигал как одно из принципиальных положений — творческое применение различных методов, учет конкретной обстановки при выборе и применении того или иного метода.

Он утверждал, как об этом уже было сказано, что методы воспитания нельзя рассматривать метафизически, как раз навсегда данные, застывшие, мертвые и неизменные, что при выборе и применении того или иного метода необходимо сообразоваться с конкретной обстановкой, конкретными условиями, в которых протекает педагогический процесс, с учетом данного, конкретного педагогического случая.

Отсюда следует, что передовой опыт и теоретические выводы, которые изложил Макаренко в своих трудах, следует также творчески развивать и применять в условиях массовой школы.

Возьмем к примеру вопрос о детском коллективе. Даже этот наиболее разработанный и проверенный раздел опыта А. С. Макаренко не может быть механически перенесен в школу. Было бы недопустимой ошибкой заимствовать целиком организацию и методы деятельности детского коллектива колонии имени Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Колония и коммуна — воспитательные учреждения особого типа, существенно отличавшиеся от школьной организации. Все это накладывало особый характер и на организацию и деятельность детского коллектива.

Как известно, детский коллектив колонии и коммуны был организован по отрядному принципу. В условиях этих учреждений это носило вполне закономерный характер и целиком себя оправдало. Отряды организовывались не по возрастному, а по особому, производственно-бытовому принципу. Производственно-бытовой принцип организации отрядов также вполне был оправдан условиями трудовой колонии. Каждому ясно, что подобный отрядный характер организации детского коллектива совсем не может быть принят для школы.

Еще одно очень важное обстоятельство, которое необходимо иметь в виду, когда встает вопрос об использовании опыта Макаренко в отношении организации детского коллектива, это слабое отражение в его трудах и высказываниях, как об этом уже говорилось, методики комсомольской и пионерской работы в колонии имени Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

Другой пример. Производительный труд воспитанников, как известно, занимал большое место в жизни колонии имени Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Макаренко уделял ему, по вполне понятным причинам, большое внимание.

Этот опыт А. С. Макаренко имеет несомненную теоретическую ценность. Однако многое из того, что осуществлялось в коммуне им. Дзер-

жинского, не может быть в настоящее время перенесено в массовую школу.

Таким образом, и в данном случае было бы неправильно, если бы мы захотели механически перенести методы трудового воспитания, соединения производительного труда с обучением, применяемые А. С. Макаренко в колонии имени Горького и в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, в школу, хотя в этой части педагогического опыта Макаренко, как и во многих других его частях, мы имеем замечательные, глубокие мысли и идеи, которые должны войти в общий фонд советской педагогики.

В жизни и деятельности колонии имени Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского большое место, после труда и учебы, занимала игра. И это вполне понятно. Но нам представляется, что в своих выводах по вопросу о роли игры в воспитательном процессе А. С. Макаренко допускал известную переоценку.

Игра, несомненно, занимает большое место в жизни ребенка, она имеет большое педагогическое значение. Но игра и в детском и в юношеском возрасте существенно отличается и должна отличаться от работы. Забыть это различие, значит допустить методологическую и методическую ошибку.

«Нужно, прежде всего, сказать, — говорил А. С. Макаренко, — что между игрой и работой нет такой большой разницы, как многие думают»¹. На этом основании он считает возможным утверждать, что «каков ребенок в игре, таков во многом он будет в работе, когда вырастет. Поэтому воспитание будущего деятеля происходит прежде всего в игре. И вся история отдельного человека как деятеля и работника может быть представлена в развитии игры и в постепенном переходе ее в работу»².

Какое бы большое значение в деле воспитания человека мы ни придавали игре, все же преувеличивать роль игры было бы неправильно. Игра остается игрой. Решающее значение в воспитании человека все же остается за трудом. Труд по сравнению с игрой имеет первостепенное значение в деле воспитания человека. Можно сказать, что каков человек в труде, таков он и в жизни, что очень хорошо и убедительно показано и у самого Макаренко.

Н. К. Крупская справедливо указывала, что ребята есть ребята и что широкое место в жизни детей занимает игра, но что не одной игрой занимаются дети, что «современные дети слишком много видели и слышали, и у них есть желание принимать участие в борьбе за счастье человечества, в строительстве новой жизни»³.

Труд общественно-полезный и труд домашний, дошкольный и школьный рано начинает занимать большое и серьезное место в развитии ребенка, в формировании его сознания и характера, имея при этом не меньшее, а большее значение, чем игра. Особо важное значение в этом отношении имеет школьный труд — учение и труд общественно-полезный, который осуществляет наша школа. Школьный и общественно-полезный труд закладывают прочные основы в формировании человека, во многом определяют отношение молодого человека к труду вообще, к общественным обязанностям человека, к жизни и к людям.

Круг педагогических проблем, которые разработаны и могли быть разработаны в опыте Макаренко, по условиям его деятельности в особых

¹ А. С. Макаренко, Лекции о воспитании детей, 1949, стр. 44.

² Там же, стр. 43.

³ Н. К. Крупская, О юных пионерах, 1949, стр. 35.

детских учреждениях ограничен. Это прежде всего вопросы методики непосредственно воспитательной работы. Поэтому напрасно было бы искать в трудах Макаренко ответа на такие кардинальные вопросы педагогики, как основы советской дидактики, содержание и методы обучения, на вопросы воспитания в процессе обучения.

При использовании педагогического опыта Макаренко по вопросам методики воспитания мы должны иметь в виду это очень важное обстоятельство и не копировать механически все приемы и методы, применявшиеся А. С. Макаренко в специфических условиях колонии имени Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

В области разработки методики воспитания у Макаренко, как это было показано, имеется много замечательных идей и выводов. Задача педагогической теории и заключается в том, чтобы творчески вычленив рациональные элементы педагогического опыта Макаренко и сделать их достоянием советской педагогической науки, преодолеть недостатки и недоработанность отдельных положений в трудах Макаренко.

На этих вопросах мы остановились не для того, чтобы подвергнуть сомнению педагогический опыт А. С. Макаренко в целом и отрицать большую теоретическую ценность многих его замечательных выводов и положений, о значении которых говорилось выше, а только для того, чтобы еще раз показать, что некритическое, начетническое отношение к педагогическому опыту Макаренко может только повредить нашему общему делу коммунистического воспитания молодого поколения, которому посвятил всю свою жизнь и все свои силы А. С. Макаренко.

Механический подход к педагогическому опыту Макаренко способен только умалить ценность и значение его выдающихся успехов в педагогике. Механический подход особенно не терпим в педагогике, как говорил не раз сам А. С. Макаренко, в этой наиболее сложной общественной деятельности, имеющей дело с живым, развивающимся человеком.

* * *

А. С. Макаренко был пламенным патриотом своей Родины. Все свои способности и силы отдал он борьбе за осуществление великих идей партии Ленина — Сталина, за торжество коммунизма в нашей стране. Интересы страны социализма, интересы советского народа были для Макаренко превыше всего. Работе на том скромном и в то же время благородном участке социалистического строительства, который поручила ему страна — на участке коммунистического воспитания советской молодежи — Макаренко отдал весь свой талант педагога и писателя.

В ответной статье по поводу награждения его орденом Трудового Красного Знамени А. С. Макаренко писал: «Орден, полученный мною, прежде всего подчеркивает идею моей ответственности, и поэтому прежде всего я должен знать, в чем я отвечаю. Я отвечаю за то, чтобы в моей работе было прямое, политическое боевое влияние, тем более сильное, чем больше мое художественное дарование.

Я отвечаю за то, что в своей работе я буду честен и правдив, чтобы в моем художественном слове не было искажений перспектив и обмана.

Там, где я вижу победу, я должен первым поднять знамя торжества, чтобы обрадовать бойцов и успокоить малодушных и отставших. Там, где я вижу прорыв, я должен первым ударить тревогу, чтобы мужество моего народа успело, как можно раньше, прорыв ликвидировать. Там, где я вижу врага, я должен первым нарисовать его разоблачающий пор-

трет, чтобы враг был как можно раньше уничтожен»¹. Этих принципов придерживался Макаренко во всей своей практической деятельности.

Макаренко жил интересами Родины, радовался ее успехам и достижениям. В 1938 г., когда были опубликованы тезисы доклада товарища В. М. Молотова о третьем пятилетнем плане развития народного хозяйства, в которых было сказано, что СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму, А. С. Макаренко писал: «Эти слова — праздник всей моей жизни, и они должны быть праздником для каждого мыслящего, для каждого настоящего советского патриота».

Макаренко гордился успехами, достигнутыми нашей страной в течение исторически короткого отрезка времени. То, что капиталистическая Европа в технико-экономическом отношении сделала с большим напряжением в течение веков, Великая Октябрьская социалистическая революция совершила на протяжении менее двух десятков лет. Мы, современники, говорил Макаренко, не всегда можем понять всю пленительность этой картины, этого грандиозного движения, столь несоизмеримо по масштабам с капиталистической культурой.

Макаренко понимал, что только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла путь к счастью для человека, для всего нашего народа, что это счастье куется самим народом, строящим коммунизм. И он видел свой долг в том, чтобы отдать все свои силы нашему общему делу и воспитывать молодое поколение в духе самоотверженного служения социалистической Родине. «...Быть героем и совершать подвиги, — говорил Макаренко, — как можно больше дать государству и обществу... Такими должны быть наши дети. Они должны отдать себя, когда это нужно, не оглядываясь»².

Эпоха социализма знаменательна именно тем, что героями и творцами жизни страны стали миллионные массы народа. Советский народ — это народ-герой. Его воспитала коммунистическая партия — ум, честь и совесть всего прогрессивного человечества, его воспитали Ленин и Сталин.

«Да, у нас есть Герои Советского Союза, — писал Макаренко, — но, посылая их на подвиг, наше правительство не устраивало им особого экзамена. Оно выбрало их из общей массы граждан. Завтра оно пошлет на подвиг миллионы людей и не будет сомневаться, что эти миллионы обнаружат такую же нравственную высоту».

Свою воспитательную деятельность Макаренко рассматривал как часть большого патриотического дела, которое вершится в нашей стране. Он сознавал, что на учителей возложена почетная задача — воспитать молодое поколение в духе советского патриотизма, в духе преданности партии Ленина—Сталина и советскому народу.

Макаренко воспитал сотни выдающихся строителей социализма и защитников нашей Родины: ученых, инженеров, врачей, учителей, офицеров Советской Армии.

Успех педагогической деятельности, успех советской системы воспитания Макаренко видел в том, чтобы воспитывать молодое поколение в борьбе, в коллективном напряжении, в требовательной и даже суровой дисциплине, в труде, в тесной связанности с Родиной, со всей страной, с именем Сталина.

¹ Статья «Литература и общество», «Литературная газета», 1939, № 7, от 5 февраля.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 4, стр. 459.

«Сталин! В этом дорогом имени— мировая слава русского народа, новая эпоха мировой истории», — писал Макаренко.

Сознание величия происходящих исторических событий в СССР, сознание неразрывной связи своей педагогической деятельности с грандиозным общественным движением нашей эпохи определило замечательные успехи А. С. Макаренко в области педагогики.

Макаренко глубоко верил во всепобеждающую силу коммунистического воспитания. Он видел, как не по дням, а по часам растут могучие силы советского человека, растет новый, социалистический человек — богатырь сталинской эпохи.

Он последовательно и непримиримо боролся за торжество марксистско-ленинской науки, боролся против проникновения в педагогику и литературу чуждых, реакционных взглядов и «теорий». В области педагогики, как уже было показано, он непримиримо боролся с буржуазной псевдонаукой педологией. В области литературы он также выступал против грязных попыток антипатриотов очернить достижения нашей советской жизни.

Макаренко выступал против буржуазного формализма, буржуазного эстетства в критике и в литературе, против старых, отживших «канонов» и косных традиций, против носителей этих «канонов» в литературе и литературной критике, к которым относился и Ф. Левин, пытавшийся опорочить нашу замечательную советскую действительность и успехи социалистического строительства.

Есть такие критики, писал Макаренко, которые «не замечают новых требований социалистической литературной эстетики. У них в руках закорюченные критические каноны, и они пользуются ими как шаманы своими инструментами: шумят, стучат, кричат, пугают, — устрашают «злых духов». И смотришь находятся нервные люди, — побаиваются»¹.

Макаренко отстаивал новый, социалистический принцип в литературе и литературной критике, принцип социалистического реализма.

Глубокая вера в победу коммунизма, вера в правоту этого великого дела, вера в непобедимые силы советского народа — вот что было отличительной чертой А. С. Макаренко.

Счастье и радость жизни советских людей, прекрасное будущее наших детей — завоеваны Великой пролетарской революцией и обеспечены советским строем. В единстве нашего народа, в верности партии и великому Сталину — счастье и сила наших людей, — говорил Макаренко.

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагог, произв., 1949, кн. 3, стр. 456.

ПРИМЕНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ А. С. МАКАРЕНКО
В ДЕТСКИХ ДОМАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Г. С. АЛЕКСЕЕВИЧ

*Кандидат педагогических наук
(Бийский учительский институт)*

А. С. Макаренко умел видеть тончайшие органические связи мельчайших деталей педагогического процесса со всеми их воспитательными последствиями, умел додумывать до конца свои педагогические выводы, не боялся брать на себя ответственность за педагогический риск и со смелостью новатора осуществлял полученные выводы на практике.

И оттого его педагогические взгляды полны такой силой и логикой искренней убежденности, а его педагогическая деятельность дала не только теоретически обоснованную систему положений, но и живую нить педагогических поступков. Мы учимся у него логике педагогического мышления, искренности и целеустремленности педагогического действия, высокому умению подчинять все методы педагогической работы единой задаче коммунистического воспитания.

В основе педагогической системы Макаренко лежит мысль о том, что при коммунистическом воспитании вся жизнь молодого поколения должна быть организована как опыт жизни и деятельности в коллективе и для коллектива. Главным достижением Макаренко является созданная и разработанная им методика организации детского коллектива и руководства им.

Макаренко писал: «И мы видим прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, ...он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив. Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик. Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде — по своим силам»¹.

У Макаренко мы должны учиться созданию коллектива детей, жизнь которого, являясь процессом коммунистического воспитания, в то же время была бы жизнью граждан Советского Союза. Макаренко не признавал возможности коммунистического воспитания вне такого молодежного коллектива.

«Только через большой коллектив, интересы которого вытекают не из простого общения, а из более глубокого социального синтеза, возможен переход к широкому политическому воспитанию»².

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 401.

² А. С. Макаренко, Избр. педагогич. произв., 1946, стр. 109.

Под руководством Макаренко его коллектив вырос до осознания воспитательных задач по отношению к отдельным его членам и до ответственности за каждого из его членов.

Именно на этом и строил Макаренко метод параллельного педагогического действия.

Действие на личность происходило при этом через коллектив, в котором эта личность воспитывалась. Этим достигалось очень многое. Личность чувствовала себя не объектом воспитания, а членом коллектива, с которым она связана определенными обязанностями и ответственностью. Коллектив приобретал ценный опыт руководства и ответственности за своих членов.

Широко применяя метод параллельного педагогического действия, Макаренко достигал того, что чувство ответственности каждого члена коллектива повышалось именно потому, что он как член коллектива отвечал и за себя и за своего товарища.

Особенностью системы Макаренко является то, что воспитание происходит при участии самих воспитанников, сознающих воспитательные задачи своего коллектива.

Средством организации коллектива и воспитания его у Макаренко являлась умелая инструментовка системы перспективных линий. Секрет успеха его работы с коллективом лежит в умении создавать перспективы, т. е. в наличии перспектив в жизни всего коллектива (общие перспективы) и в жизни каждого воспитанника (личные перспективы, сгармонизированные с общими перспективами всего учреждения).

Коллектив должен видеть перед собой лучший завтрашний день и стремиться к нему в бодром и радостном напряжении, — утверждал Макаренко.

Никто из педагогов до Макаренко не обращал должного внимания на этот важный закон, не осознал с такой силой его значение для воспитания и не использовал все его богатые возможности.

С большой убедительностью Макаренко показал нам, что формирование личности, ее моральная и политическая высота определяются характером перспектив, на осуществлении которых эта личность воспитывается. Система перспектив стимулирует деятельность молодого коллектива, представляет тот цемент, который сплавливает и организует его.

Перспективы не просто сменяют одна другую, создавая новизну и разнообразие в жизни коллектива; перспективы развиваются, постепенно поднимаясь «до перспектив целого Союза».

Коллектив, осуществляющий общественно ценные перспективы, представляет наиболее благоприятную среду для непрерывного упражнения в деятельности, необходимой для жизни в социалистическом (а затем и в коммунистическом) обществе и для воспитания качеств советского человека. Ведь «...может быть такое положение, когда у школьника будут правильные, советские патриотические представления, но не воспитана правильная советская привычка»¹.

Это особенно важно, когда речь идет о воспитании таких качеств, как терпение, умение преодолевать длительные затруднения, брать препятствия не рывком, а давлением. «Сколько бы вы ни прививали правильных представлений о том, что нужно делать, но если вы не воспитываете привычки преодолевать длительные трудности, я имею право сказать, что вы ничего не воспитали. Одним словом, я требую, чтобы детская жизнь была организована как опыт, воспитывающий определенную группу привычек»².

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. произв., 1946, стр. 179—180.

² Там же, стр. 180.

Труд у Макаренко был, в первую очередь, формой участия в общественной жизни и средством осуществления перспектив. Ни в коем случае труд не был бесперспективным упражнением в трудовых процессах (да и то невысокого уровня), каким он в настоящее время является еще во многих детских домах (имею в виду, главным образом, труд в мастерских). Нам следует учиться у Макаренко и его смелости в постановке трудового воспитания и его вере в трудовые возможности подростка.

Мы можем и должны научиться искусству организации деталей. Надо согласиться с утверждением Макаренко о том, что вся детская жизнь должна быть организована как опыт, создающий группу привычек, из которых главной и самой глубокой (согласно формулировке Макаренко) должна стать «привычка к моральному действию», а все привычки в их органическом единстве формируют советски дисциплинированного человека.

Макаренко неопровержимо доказал на практике, что «воспитательная работа есть прежде всего работа организатора». Он показал нам, что «мелочи», учтенные и организованные, перестают быть мелочами. Они становятся деталями единого воспитательного процесса. Даже своими отдельными высказываниями и замечаниями по поводу таких «мелочей» Макаренко внес неоценимый вклад в педагогику. Его высказывания учат понимать взаимосвязь деталей в воспитательном процессе и предвидеть их возможные последствия.

Наконец, нельзя умолчать о том, что Макаренко выдвинул совершенно новое понимание дисциплины и дисциплинированности. «...В советском обществе дисциплинированным человеком, — говорит Макаренко, — мы имеем право назвать только такого, который всегда, при всяких условиях сумеет выбрать правильное поведение, наиболее полезное для общества, и найдет в себе твердость продолжать такое поведение до конца, несмотря на какие бы то ни было трудности и неприятности»¹.

К этой цели и была направлена вся воспитательная работа Макаренко.

Мы упомянули лишь об основных положениях педагогической системы Макаренко, от которых прежде всего зависит общий успех воспитания и которые определяют выбор отдельных методов и приемов воспитательной работы.

Идеи Макаренко с каждым годом получают все более широкое распространение. Но в то же время приходится признать, что влияние их на педагогическую практику только начинается и что за двенадцать лет, прошедших со дня его смерти, сделано непростительно мало.

Почему же проникновение идей Макаренко в практику воспитательной работы идет так медленно?

Это объясняется следующими двумя причинами. Первая из них — это недостаточное распространение произведений Макаренко, а отсюда и недостаточное знакомство с его деятельностью и воззрениями. Вторая причина состоит в том, что успех системы Макаренко нередко объясняют особыми личными качествами и талантом самого Макаренко, а опыт его рассматривают как нечто уникальное, обязанное своим существованием исключительной талантливости самого Макаренко.

Это совершенно ошибочное утверждение порождено непониманием роли педагогической теории и мастерства педагога.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 4, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 362.

Лица, относящие успех воспитания на долю талантливости педагога, забывают, что именно педагогическое мастерство является фактором успеха в педагогической работе.

Опыт детских домов, успешно работающих над применением педагогических положений Макаренко, является лучшим подтверждением этой решающей роли педагогической науки и педагогического мастерства.

В системе наших детских домов нет нескольких, очень важных условий, которые Макаренко заботливо создавал в своих учреждениях.

1. Пребывание воспитанников в учреждениях, которыми руководил Макаренко, было более длительным, нежели в обычных детских домах. Воспитанники Макаренко жили в своем родном коллективе до 17—18 лет. Следовательно, влияние коллектива и педагогов оставляло более глубокие следы и, кроме того, требования к воспитаннику, степень и виды его участия в труде и жизни коллектива изменялись с возрастом воспитанника, и последний воспитывался, участвуя в более сложной деятельности, чем воспитанник обыкновенного детского дома. Как бы хорошо ни было поставлено воспитание в детском доме, четырнадцатилетний выпускник обычного детского дома — это не восемнадцатилетний юноша-выпускник Макаренко. Между ними большое расстояние в смысле умственной, культурной и моральной зрелости.

2. В коммуне имелась полная средняя школа, которой нет в обыкновенном детском доме. Ее окончание обеспечивало выпускникам более широкий кругозор и культурный уровень. Школа давала возможность поступить по личному выбору в любой вуз и, таким образом, открывала для каждого более значительную личную перспективу — могучий стимул движения вперед.

3. В колонии и коммуне имелось серьезно поставленное производство: в колонии — сельскохозяйственное, в коммуне — индустриальное; поэтому уже в стенах учреждения воспитанники получали достаточно высокую трудовую квалификацию. Кроме того, овладение квалификацией давало воспитаннику еще дополнительную перспективу.

Указанные три условия — значительно больший срок пребывания воспитанника в воспитывающем коллективе, полная средняя школа и серьезно поставленная, дающая квалификацию, работа на производстве — в наших детских домах отсутствуют.

Различие в условиях воспитания у Макаренко и в современном детском доме несколько изменяет течение воспитательного процесса. Но оно нисколько не ликвидирует необходимости или возможности творческого применения педагогической системы Макаренко в современном детском доме; наоборот, ее применение позволяет необычайно повысить и качество воспитательной работы и прочность ее результатов. Наши педагогические усилия должны быть направлены на разработку отдельных методов и приемов, наиболее применимых к подростковому возрасту. Мы должны стремиться к наиболее совершенному творческому применению системы Макаренко в современном детском доме.

Современное положение в детских домах, когда дети остаются в них до четырнадцатилетнего возраста, соответствует потребностям настоящего момента. При воспитании в семье не каждый ребенок обязательно оканчивает десятилетку и идет в вуз. При воспитании в современном детском доме наиболее способные воспитанники направляются для дальнейшего образования в техникумы или оканчивают полную среднюю школу, а затем поступают в вуз, пользуясь полной поддержкой и помощью своего детского дома.

Современная система детских домов требует улучшения только в одном. Желательно сообщить делу дальнейшего образования более организованный характер с тем, чтобы из поля нашего зрения не выпал ни один способный воспитанник. Пребывание в детском доме в течение еще трех дополнительных лет представляет возможность дальнейшего продолжения воспитательного процесса, сохраняя весь ход развития под наблюдением педагогов.

Следует заимствовать у Макаренко его опыт сочетания средней школы с серьезно поставленным производством. Для этого надо организовать в детских домах, предназначенных для детей старшего возраста, обучающихся в десятилетке, серьезно поставленное производство, которое, с одной стороны, давало бы воспитаннику дополнительную квалификацию и, с другой, — помогало бы окупить, если не полностью, то отчасти, расходы по содержанию детских домов для воспитанников старшего возраста. О воспитательном же значении участия воспитанников в производстве спорить не приходится.

Надо надеяться, что с каждым годом будет возрастать число детских домов, педагогические коллективы которых будут ставить своей целью осуществление педагогической системы Макаренко.

Такие детские дома существуют, но, к сожалению, они мало известны. Правда, этих детских домов еще немного и еще нельзя сказать, что педагогическая система Макаренко осуществлена ими; но можно с полным основанием утверждать, что ряд детских домов проводит вполне целеустремленную работу по применению педагогических положений Макаренко, причем ее ведут не воспитатели-одиночки, а целые коллективы.

Настоящий доклад имеет целью рассказать об опыте некоторых детских домов Алтайского края.

Пропаганда педагогических идей Макаренко в Алтайском крае приняла сравнительно систематический характер, начиная с 1946 г.; ее ведут, главным образом, кабинет детских домов краевого Института усовершенствования учителей и кафедра педагогики и психологии Бийского учительского института.

Кабинет детских домов организовал кустовые семинары по отдельным вопросам педагогической системы Макаренко — в городах Барнауле и Бийске, в районах Алтайском, Косихинском и Зональном. Темы занятий следующие:

1. Жизнь и педагогические взгляды А. С. Макаренко.
2. Макаренко — организатор и руководитель детского коллектива.
3. Трудовое воспитание в педагогической системе А. С. Макаренко.
4. Индивидуальное действие в системе А. С. Макаренко.
5. Макаренко о дисциплине и ее воспитании.

На кустовых методических объединениях работников детских домов Алтайского района воспитатели познакомились с трудом Макаренко «Методика организации воспитательного процесса». На каждом из кустовых объединений присутствовало от 30 до 50 работников детских домов.

Стенограммы лекций, прочитанных на семинарах, разосланы многим детским домам края.

Организируются и отдельные лекции по вопросам педагогики Макаренко в детских домах.

Так, были прочитаны лекции в Плешковском детском доме (Зональный район), Енисейском детском доме (Марушинский район), в Барнаульском детском доме № 1, в Бийском дошкольном детском доме, в Бийском детском приемнике и т. д.

Ежегодно на всех курсах по повышению квалификации воспитателей детских домов читаются лекции о Макаренко.

В краевом методическом кабинете имеется обширный методический материал по вопросам применения системы Макаренко в детских домах (тексты лекций, доклады студентов института, материалы, освещающие опыт детских домов края).

С кабинетом детских домов Института усовершенствования учителей сотрудничает кафедра педагогики и психологии Бийского учительского института. Работа кафедры протекает в различных формах. К ним относятся: а) лекции и доклады, б) выступления по радио, в) руководство семинарами, г) студенческие конференции, посвященные деятельности и педагогической системе Макаренко, д) участие в научных конференциях, е) обсуждение вопросов педагогической системы Макаренко на открытых заседаниях кафедры.

Лекции о Макаренко, организуемые кафедрой педагогики Бийского Учительского института, читаются, главным образом, в коллективах педагогов (в отдельных школах и на семинарах директоров и заведующих учебной частью при горно и районо), в педагогическом училище, для учащихся школы рабочей молодежи и т. д. Было прочитано несколько лекций о Макаренко для работников райкома ВКП(б) по их желанию. Во время сессий заочникам института, как правило, также читаются одна-две лекции о Макаренко в целях распространения знаний о Макаренко в широких массах учительства.

Работники кафедры неоднократно выступали с лекциями о Макаренко по радио. По инициативе кафедры педагогики, радиовещание дважды полностью передавало «Лекции о воспитании детей» А. С. Макаренко, прочитанные в свое время самим автором по радио для родителей.

Крайком комсомола организовал более 10 лекций о Макаренко для учащихся десятых классов школ Барнаула и Бийска.

Кафедра педагогики придает большое значение студенческим конференциям, посвященным Макаренко. Будущие педагоги, готовясь самостоятельно к докладам, знакомятся со взглядами и произведениями замечательного советского педагога, углубленно продумывают их и, таким образом, выходят на практическую работу уже знакомыми с идеями Макаренко. В изучении произведений Макаренко участвуют не только студенты-докладчики. Конференциям предшествует предварительная работа, в которую вовлекается значительное число студентов, а на конференциях присутствует подавляющее большинство их. Кроме того, на конференции приглашаются учителя, учащиеся педагогического училища и старших классов школы. Всего за 1946/1950 гг. в институте были проведены четыре конференции, посвященные Макаренко, с общим количеством участвующих более 800 человек. На конференциях студентами делались доклады: «Трудовое воспитание в системе А. С. Макаренко», «Роль коллектива в системе А. С. Макаренко», «А. С. Макаренко о воспитании сознательной дисциплины» и др.

Некоторую роль в пропаганде идей Макаренко сыграли и те открытые заседания, которые время от времени организует кафедра педагогики Бийского учительского института. На открытых заседаниях обсуждались отдельные вопросы педагогической системы Макаренко, например: «Формирование характера как основная цель коммунистического воспитания у А. С. Макаренко», «Дисциплина как результат воспитания», «Индивидуальное действие в системе А. С. Макаренко».

В последнее время в работу по пропаганде педагогического наследия Макаренко включился в Барнаульский педагогический институт. Институт провел конференцию, посвященную вопросам педагогической

системы Макаренко, в которой участвовали студенты и профессорско-педагогический состав института, работники Института усовершенствования учителей и школ г. Барнаула.

Изучение наследия Макаренко в детских домах Алтайского края принимает все более широкий характер.

В некоторых детских домах вопросы педагогической системы Макаренко становятся предметом обсуждения на методических совещаниях коллективов этих домов. В их методических материалах мы встречаем доклады, составленные самими работниками детских домов. Доклады касаются непосредственно деятельности и взглядов Макаренко, а некоторые из них рассматривают работу самого детского дома в свете идей Макаренко; последнее особенно ценно. Такой материал мы можем видеть в Бийском детском доме, в Барнаульском детском доме № 1, в Малаховском детском доме и некоторых других.

Летом 1950 г. состоялась первая краевая конференция работников детских домов Алтайского края. Она явилась заключительным этапом работы предыдущих лет и стимулом к дальнейшей, более широко поставленной работе по практическому освоению педагогических идей А. С. Макаренко. Конференции предшествовала большая подготовительная работа. В детских домах было организовано глубокое изучение трудов Макаренко. За период подготовки к конференции было прочитано более 350 докладов о Макаренко, составленных самими работниками детских домов. Было проведено немало коллективных обсуждений произведений А. С. Макаренко. Благодаря этой работе ряд коллективов детских домов сумел подвести итоги тому, как используется в практике их работы педагогическое наследие Макаренко, какие достигнуты результаты, какие имеются недостатки. В ходе подготовки к конференции выявились и докладчики, с которыми кабинет детских домов провел подготовительную работу.

Подготовка к конференции заметно оживила методическую работу внутри детских домов и позволила выявить новый методический актив кабинета среди воспитателей детских домов.

Вся эта работа — только начало в систематической пропаганде идей Макаренко. В будущем эта пропаганда должна строиться на гораздо более широкой основе. Ею должны быть охвачены не только педагоги, но и широкие массы родителей. Сами же педагоги должны настолько изучить педагогические произведения Макаренко, чтобы, с одной стороны, играть активную роль в деле пропаганды идей Макаренко и, с другой — быть способными творчески проводить эти идеи в жизнь школы и детского дома.

Переходим к детским домам Алтайского края, которые проводят в жизнь педагогические положения Макаренко.

Значительный интерес в этом отношении представляет Малаховский детский дом, Косихинского района. В 1943 г. в детский дом пришел работать директором П. Г. Ледников, который любит и знает Макаренко. Работу с педагогическим коллективом он начал с воспитания самих воспитателей в духе идей Макаренко, с выявления тех, кто окажется в этом вопросе «единомышленником», кто пожелает также работать в данном направлении. В настоящее время в коллективе имеется ясная целеустремленность: Макаренко для педагогического коллектива Малаховского детского дома — образец и педагога и человека. Свою работу с детьми большинство воспитателей строят, «равняясь на Макаренко». За эти годы в Малаховском детском доме проведена большая работа по организации детского коллектива, и хотя педагогам детского дома предстоит еще многое сделать и многому научиться, работа по ор-

ганизации детского коллектива в Малаховском детском доме представляет ценный опыт, заслуживающий изучения.

Ценность этого опыта в том, что здесь на протяжении семи лет осуществлялась задача применения педагогической системы Макаренко в условиях обычного детского дома, и коллективу удалось добиться значительных успехов в этом направлении. В детском доме имеется сплоченный детский коллектив. Закон жизни коллектива — движение, осуществляется здесь в непрерывных и бодрых темпах. Детский коллектив всегда имеет перед собой перспективы, на которые устремлена энергия его членов. Он обладает всеми признаками здорового детского коллектива. В нем есть бодрая готовность к разумному, полезному действию, борьба за честь детского коллектива, есть осознание связи с обществом. Кроме того, существует еще одно обстоятельство, привлечшее наше внимание к этому детскому дому. Большинство детских домов начинает свою жизнь в нормальных рабочих условиях. Дети, поступающие в такой детский дом, легко привыкают к требованиям педагогов и сравнительно легко и быстро организуются в коллектив. Совершенно иная обстановка складывается в том случае, если воспитанники прожили некоторое время в условиях развала детского дома. Работа по организации детского коллектива значительно усложняется. Однако сам процесс оздоровления детского коллектива и отдельных ребят представляет для педагога особый интерес: в нем чрезвычайно ярко выступает роль тех методов, которые способны оздоравливать запущенный и активизировать здоровый коллектив детей.

Эффективность воспитательных методов и приемов особо подчеркивается тем, что они оказались успешными и в очень трудных условиях.

В Малаховском детском доме был именно такой трудный период. Поэтому здесь приходилось начинать с создания, прежде всего, нормальных бытовых условий и с того, чтобы подчинить жизнь детей определенному режиму. Надо было разбить недоверчивость и враждебность к воспитателям. Надо было создать стимулы к труду, создать перспективы. Педагогический коллектив начал широко применять поощрение, считая, что оно повышает чувство собственного достоинства. Ребятам в то время еще очень недоставало уверенности в собственных силах. Слишком часто их до этого бранили и грубо попрекали. Руководствуясь указанием Макаренко о том, что начинать можно и с примитивных перспектив и поощрений и постепенно переходить к более высоким, т. Ледников не затягивал этого периода. Первым поощрением добросовестно работавших были примитивные премирования. Через несколько недель детей ожидало более сильное переживание. В один из праздников лучшие по учебе и работе воспитанники были премированы хромом на сапоги.

Дело было отнюдь не в материальной ценности премии. Этим премированием была «восстановлена справедливость»: хром предназначался переросткам, снискавшим благоволение прежнего руководства подхалимством и угодничеством и терроризировавшим детей. Следующей зимой две воспитанницы, много поработавшие для колхоза, были представлены дирекцией к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Воспитательное значение этого факта оказалось исключительно большим.

Упорядочение бытовых условий и явное улучшение их постепенно снижало накопившееся раздражение ребят. Ласковое, простое, терпеливое обращение воспитателей производило свое действие. Воспитателям надо было объединиться в едином подходе к детям. Единство подхода выразилось не только в этом дружелюбном тоне, но и в том, что коллектив воспитателей поставил своей обязанностью быть систематически

требовательным. Приходилось нам учиться быть последовательно и разумно требовательными. К этому времени относятся выработанные воспитателями «Правила поведения воспитанников детского дома». Другой формой проявления требовательности было: не допускать невыполнения приказа, не принимать небрежно выполненную работу, не допускать, чтобы у воспитанников «накапливался опыт непослушания». Но для того, чтобы эта работа была действительно общей и повседневной, нужно было проводить систематическую работу с воспитателями. Эта работа проводилась и в форме организационной (ряд приказов, «Обязанности дежурного воспитателя», выработанные при участии самих воспитателей и т. д.) и в форме методической. Главное внимание уделялось повышению идейно-политического уровня работников детского дома, политическому просвещению.

Методическая работа началась с изучения статей Макаренко, опубликованных в «Учительской газете» за 1940 г.

На протяжении следующих лет изучены были «Лекции о воспитании детей» и некоторые главы «Педагогической поэмы».

Воспитатели выросли настолько, что стали выступать на методическом объединении и на кустовых совещаниях с докладами по методическим вопросам. Планы выступлений стали более конкретными.

Настойчивость в работе руководства детского дома принесла свои плоды. Оформились на заочное обучение пять воспитателей; три воспитательницы детского дома были отправлены в Горно-Алтайское педагогическое училище; закончил педагогический институт заведующий учебной частью детского дома.

Малаховский детский дом сделался центром кустового методического объединения; в работе этого объединения значительное место уделено изучению педагогического наследия Макаренко.

Внимание к вопросам идейно-политического воспитания распространялось и на коллектив воспитанников. Пожалуй, именно в этом внимании к вопросам идейно-политического воспитания заключается одна из наиболее характерных особенностей Малаховского детского дома.

В настоящее время в детском доме имеется очень большая и активная пионерская организация. Пионерская организация следит за успеваемостью и поведением пионеров, большинство которых учится на «4» и «5».

Много внимания уделяется пионерским сборам. С каждым годом они становятся содержательнее и интереснее. С наибольшим успехом проходят тематические сборы. Так, к сбору, посвященному дню советской артиллерии, пионеры подготовили большой макет, подготовили и провели спортивные игры. На одном из сборов дружины ставилась инсценировка некоторых глав романа Н. Островского «Как закалялась сталь». Рассказ старшей пионервожатой о жизни писателя служил введением к инсценировке. После сбора библиотека не успевала удовлетворять спрос своих юных читателей на книгу «Как закалялась сталь». Решили читать книгу коллективно. Этот сбор был также важным звеном в подготовке старших воспитанников к вступлению в комсомол. Позднее пионеры и комсомольцы изготовили макет на тему: «Комсомол — нашей партии сын».

В Малаховском детском доме проводится большая и разнообразная работа по изучению с детьми биографий В. И. Ленина и И. В. Сталина. Беседы о вождях были спланированы таким образом, чтобы в них постепенно, в доступной для детей форме раскрывалась жизнь вождя партии и советского народа. Для воспитателей это была очень ответственная работа. Надо было подготовить беседу так, чтобы она была

серьезна по содержанию, интересна по форме, эмоционально действенна. Надо было подготовить к каждой беседе необходимые иллюстрации. Воспитатели и дети после бесед оформили альбомы на темы: «В. И. Ленин и И. В. Сталин — организаторы Советского государства», «Ленин и Сталин — друзья советских детей», «Дружба В. И. Ленина и И. В. Сталина».

Весь детский дом с любовью готовился к празднованию семидесятилетия И. В. Сталина. Еще в начале учебного года совет дружины и детский совет с помощью воспитателей разработали план подготовки и проведения празднования. С планом познакомили всех ребят. Занятия в первое полугодие проходили под лозунгом: «Отличная учеба — лучший подарок И. В. Сталину».

Каждая группа детского дома разучивала песни, посвященные И. В. Сталину. Драматический и хоровой кружки готовили литературный монтаж. Оркестр разучивал произведения советских композиторов, а декламаторы готовили стихотворения о Сталине.

Коллектив Малаховского детского дома торжественно отпраздновал семидесятилетие И. В. Сталина не только в стенах детского дома. Воспитанники выступали в сельском клубе, районном центре, свеклосовхозе, в МТС. В этой общественной работе дети ярче пережили радость праздника и почувствовали спаянность своего коллектива.

Воспитанники послали И. В. Сталину письмо. Многие писали от себя лично, вкладывая в строки письма всю свою детскую любовь к тому, кто дал им счастливое детство.

Часто тематическим пионерским сборам предшествовала работа всего коллектива воспитанников. Например, задолго до сбора, посвященного памяти С. М. Кирова, в группах проводилось коллективное чтение книги «Мальчик из Уржума».

Каждая группа воспитанников получает экземпляр «Пионерской правды». Прежде, чем пойти в подшивку, газета прочитывается всеми ребятами. Комсомольцы получают «Комсомольскую правду».

Задачи коммунистического воспитания в детском доме выполнимы только при условии, если дети будут сами сознавать себя коллективом, борющимся за общие цели, и если они действительно будут представлять такой коллектив. Работа педагогов детского дома направлена на укрепление детского коллектива через создание деятельных детских организаций.

Сейчас в Малаховском детском доме имеется детский совет и секции, являющиеся органами детского коллектива.

Детский коллектив Малаховского детского дома — сплоченный, дружный коллектив. Детский совет здесь — большая сила. Многие вопросы выносятся и на общее детское собрание. Ведет собрание председатель детского совета. Авторитет детского совета и общего собрания очень велик. Перед детским советом отчитываются отдельные ребята. Совет может вызвать любого воспитанника. Он может передать дело общему собранию. Детский совет поощряет отличившихся: выносит благодарность, ходатайствует о премировании и т. п. Одним из видов поощрения является письмо к родным воспитанника о его поведении и успеваемости, подписанное детским советом. Особую силу имело это поощрение в годы Великой Отечественной войны, когда такое письмо нередко шло к отцу на фронт и читалось там фронтовиками.

«Дорогие мои, письмо ваше я прочел в подразделении своем. Дорогие товарищи, я ваше письмо не мог прочитать без слез...», — так пишет отец Тони и Гоши Наторовых. Ответы родственников читаются на

общих собраниях и в группах. Воспитательное влияние их очень велико.

В каждом отдельном случае детский совет разбирается в мотивах, побудивших товарища действовать так, а не иначе.

Например, когда воспитанник детского дома Кудряшев стал плохо учиться, дети поняли, что причиной этому — не простая лень. Мальчик очень беспокоился о судьбе своей единственной сестры. Он ничего о ней не знал. И детский совет постановил: взять Кудряшева под контроль, принять меры, чтобы разыскать его сестру. Сейчас Кудряшев перешел в следующий класс с хорошими оценками. Он уже знает, где его сестра: недавно получен ее адрес, и между братом и сестрой возобновилась переписка.

Особенно привлекательные формы принимает деятельность детских организаций, когда она касается малышей или «новеньких».

Макаренко высоко ценил связь детей младших и старших возрастов и находил, что воспитательное значение ее очень велико.

В Малаховском детском доме в этом давно убедились на опыте, и поэтому связь между старшими и младшими воспитанниками усиленно культивируется.

Последние дни каникул. Впервые семилетки сядут за парты. Необходимо заранее подготовить их к школе, рассказать о школьных порядках, об их будущих обязанностях. Детский совет выделяет в помощь воспитателям учащихся старших классов для того, чтобы проводить беседы с малышами. Старшие ребята берут под личную опеку малышей. В детском доме говорят: «Выбирают себе братишек и сестренки». Старшие берут на себя заботу об успеваемости и поведении своих подопечных. Они за них отвечают. То же и по отношению к «новеньким».

В детском доме любят книгу. Дети много читают. В привитии любви к чтению есть доля участия и детского совета.

Например, в первое время, по постановлению детского совета, был введен «час литературного чтения». Дети шли с воспитателем в библиотеку. Там им помогали выбрать интересную книгу, а затем все ребята усаживались на час — читать полученные книги. При этих условиях у детей легче возникали беседы о прочитанном и обмен мнениями. Многие хотели рассказать содержание прочитанной книги. Такие беседы очень объединяли ребят.

С детьми проводится много разнообразных бесед. Самые ответственные беседы проводит директор или заведующий учебной частью. Но и сами дети проводят некоторые беседы, и это имеет очень большое значение. Помимо того что подготовка и проведение беседы обогащают речь воспитанника и расширяют его кругозор, выигрывают также слушающие товарища: они ведь оценивают его работу, критикуют, высказывают собственное мнение. Беседа, сопровождаемая обменом мнений, способствует сплочению коллектива. Следует сказать, что проведение бесед воспитанниками — инициатива самих детей.

В Малаховском детском доме — большое разнообразие форм культурно-массовой работы, причем отрядным фактом является большая самостоятельность и инициативность детей в этой области. Особенно гордятся воспитанники своим кукольным театром. Все в театре сделано их собственными руками: и декорации, и костюмы, и куклы. Дети с удовольствием исполняют роли, и спектакль проходит оживленно и слаженно. Дружно идет работа драматического кружка. Но самой большой гордостью детей являются оркестры — домбровый и духовой. И здесь воспитанники Малаховского детского дома многому научились у Макаренко.

В оркестр принимают не всякого желающего. Недостаточно иметь музыкальные способности, надо получить еще согласие детского совета. Детский совет всегда может наложить «вето» на того, кто своим поведением не заслужил этой чести. Участники кружков художественной самодеятельности выступают нередко в порядке общественной работы, поддерживая добрую славу детского дома. Сознание пользы, приносимой выступлениями, побуждает детей со все большим рвением участвовать в кружковой работе, а признание их работы общественными организациями укрепляет в них чувство законной гордости за свой детский дом, что весьма способствует сплочению детей в дружный коллектив.

Каждое выступление, каждое участие детей в общественных кампаниях и прочих мероприятиях коллектив педагогов старается организовать как «близкую» или «среднюю перспективу».

И дети и воспитатели прилагают много стараний к тому, чтобы выходной день проходил как можно веселее и интереснее. Уже в середине недели (в четверг или пятницу) воспитатель, которому придется дежурить в выходной день, совместно с членами культмассовой комиссии составляет план проведения выходного дня. Намечаются воспитанники — организаторы того или другого мероприятия. К проведению выходного дня привлекается как можно больше детей.

Еще больше внимания уделяется разработке плана и подготовке к зимним и летним каникулам. Разработанный детским советом совместно с воспитателями план обсуждается на общем собрании, и лишь после этого план утверждается и входит в силу. Появляется еще одна «средняя перспектива».

В Малаховском детском доме широко и обстоятельно поставлено трудовое воспитание. Труд способствует сплочению детского коллектива. Воспитанники детского дома работают охотно и по-деловому. Не раз они удивляли воспитателей, выполняя гораздо больше того, на что воспитатель считал их способными. Но, как говорят воспитатели: «Для того, чтобы дети работали хорошо, надо, чтобы сам воспитатель работал наравне с ними и больше их». Тогда детьми овладевает соревнование. Они объединяются в общем стремлении не отстать от воспитателя.

Труд объединяет ребят. Веселый отдых после работы еще более укрепляет дружбу. Таких объединяющих моментов в процессе труда возникает много. В тех случаях, когда ребята выполнили какое-либо особенно трудное и важное задание, весь детский дом в строю присутствует при вынесении благодарности группе работавших.

В Малаховском детском доме дети работают на огороде или в поле не в одиночку, а звеньями. Звено выступает как одно целое. Между звеньями идет соревнование. Звено, работающее лучше всех, награждается красным флажком. Детский совет обсуждает работу отдельных воспитанников и целых звеньев, выносит благодарность или, наоборот, порицание, ходатайствует перед директором о премировании и т. д.

Дети знают радость труда для своего родного детского дома. Знакома детям и радость труда на пользу общества. Их детский дом пользуется признанием и уважением, получает премии, почетные грамоты, о них пишут в печати. Дети гордятся своим коллективом.

Важнейшей частью всей педагогической системы Макаренко является учение о перспективах. «Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути», — утверждал Макаренко. «Неудачи многих детских учреждений, детских домов и колоний зависят от слабости и неясности перспективы». «Даже хорошо оборудованные детские учрежде-

ния, если они этого не организуют, не добьются хорошей работы и дисциплины»¹.

Когда жизнь детей наполнена интересной коллективной деятельностью, перспективы возникают на каждом шагу. В повседневной жизни Малаховского детского дома дети охотно учатся, много работают. Они не слоняются без дела, не зная, куда себя девать. В доме нет ни казенной муштровки, ни бессмысленной скуки.

У детей Малаховского детского дома нередко возникают и «средние перспективы» — «коллективные события, несколько отодвинутые во времени» (Макаренко). Эти события стоят впереди как радостный праздник, к ним задолго готовится весь детский дом. Такими событиями являются, например, новогодняя елка, участие в олимпиаде, экскурсия за пределы района.

Макаренко считал, что «далекая перспектива» прежде всего и легче всего воплощается в заботу о жизни своего детского дома: «Будущее учреждения, его более богатая и более культурная жизнь всегда должна стоять перед коллективом, как серьезная и высокая цель, освещающая многие частности сегодняшней жизни». К далекой перспективе нельзя приступать сразу, в самом начале работы по организации детского коллектива. Сперва нужно, чтобы дети почувствовали себя коллективом и полюбили свой детский дом так, чтобы его честь и будущее кровно интересовали их.

В Малаховском детском доме «далекая перспектива» коллективного порядка возникла, когда была начата постройка нового жилого корпуса. Два года дети ждали этого дня, усиленно трудились для его приближения. Благодаря работе, проведенной воспитателями, они научились смотреть на жизнь в новом доме как на время, когда жить будет удобнее и вести себя надо будет особенно хорошо. Постепенно переход в новый корпус сделался в сознании детей началом нового периода с повышенной ответственностью всех вместе и каждого в отдельности. Таким образом эта перспектива сделалась отправной точкой для будущей воспитательной работы.

Наконец, в жизни детского дома практически подготавливается и уже ощущается переход к еще более широким перспективам — «перспективам целого Союза». Это осуществляется через многие воспитательные мероприятия: политинформации, чтение газет и художественной литературы и, наконец, через общественную работу детей, заслуживающую признание общественности.

Интересную работу по применению педагогических положений Макаренко проводит в течение трех лет Ребрихинский детский дом (с. Ребриха, Ребрихинского района, Алтайского края).

Много сил и внимания уделяют работники детского дома, во главе с заведующим учебной частью, овладению мастерством и техникой воспитательного процесса. Наши воспитатели начинают осознать значение мастерства и работать над ним. Впервые на совещании директоров прозвучали слова о том, что воспитатели в детском доме работают над постановкой своего голоса, так как «одну и ту же фразу можно сказать со многими интонациями и впечатление от нее будет различным»; они тщательнейшим образом трудятся над нелегким искусством проведения бесед с детьми. Некоторые из них уже приобрели значительный опыт в этом деле. Воспитатели детского дома имели возможность на опыте убедиться в том, что порой одна удачно проведенная беседа оказывает «прямо-таки оздоравливающее влияние». Так было, например, в

¹ А. С. Макаренко, Педагогич. соч., 1948, стр. 179—180.

вопросе о куренье в детском доме. Среди ребят было немало курящих. Запреты не привели бы ни к чему положительному. Подростки, по свойственному их возрасту стремлению быть самостоятельными, продолжали бы курить вопреки запрету. Коллектив решил испытать влияние беседы. Беседа была тщательно продумана и заботливо подготовлена. Она сопровождалась показом наглядных пособий. И вот, после этой единственной беседы количество курильщиков резко упало. По словам воспитателей, мысль об организации беседы с показом наглядных пособий о вреде куренья была им наваяна Макаренко, который в одном из своих выступлений упоминает, как нередко младших коммунаров, начавших курить, поручали вниманию доктора, и тот при первом удобном случае поднимал тревогу из-за того, что якобы у такого курильщика «все легкие пропитались никотином», что это грозит его здоровью и жизни и т. п., и часто слова врача оказывали влияние сильнее любого убеждения. Так и ребрихинские воспитатели решили заговорить языком фактов; они сумели это сделать так, что язык фактов стал красноречивым для ребенка.

Особое внимание воспитатели Ребрихинского дома уделяют организации перспективных линий. Воспитатели в этом отношении чрезвычайно изобретательны. Так, например, в детском доме начал работать кружок изобразительной лепки. Сами по себе занятия кружка увлекательны и могут дать его участникам целый ряд близких перспектив. Воспитатели сумели насытить и эту работу большим идейным содержанием. Перед кружковцами была выдвинута перспектива: создать памятник пионеру Павлику Морозову и поставить его на территории детского дома. Вопрос о памятнике был обсужден в комсомольской и пионерской организациях и на общем собрании детского дома. Мысль о памятнике, созданном собственными руками, воодушевила ребят.

Началась работа. Сперва дети создавали пробные модели из глины, причем их авторы «творили» свободно, согласно собственным замыслам. «Проекты памятника» всякий раз обсуждались, и эти обсуждения все больше захватывали детей. Они читали книги о Павлике Морозове, слушали беседы о нем.

Наконец, один из проектов был утвержден ребятами, и руководитель кружка начал работу над фигурой Павлика Морозова в натуральную величину; он вырезал ее из дерева, а кружковцы помогали ему отделять менее ответственные и трудные детали. Они же трудились и над постаментом памятника. Открытие памятника состоялось в день вручения знамени местной пионерской организации. Воспитанники детского дома шли в первой колонне. Им выпала честь нести знамя. Их сопровождал оркестр детского дома. Знамя после митинга было отнесено в помещение райкома ВЛКСМ для хранения. Воспитанники детского дома в этот день с особой силой ощутили красоту своего коллектива.

Большая подготовительная работа предшествовала и краеведческим походам, которые проводил коллектив детского дома. Дети подготовили выступления струнного оркестра, разучили пьесу Л. Кассиля «Обыкновенные ребята», причем в пьесе принимали участие и воспитатели детского дома. Дети сами приготовили декорации, костюмы и парики.

В каникулы состоялись два близких похода и один дальний. Первый поход через села Белово, Паново, Подстепное, расположенные приблизительно на расстоянии 15 км одно от другого. В селах дети ставили спектакли и устраивали концерты.

Другой короткий поход был проведен по маршруту: Ключки — Боровлянка — Космарленка.

Большой поход, на протяжении около 90 км, состоялся по маршруту Ребриха — Шелаболино — Барнаул. Обратный путь туристы совершили на пароходе. Во время похода дети осматривали местные достопримечательности, побывали на производстве, беседовали со старожилками, руководителями колхозов, колхозниками, школьниками. Многие из детей вели дневники. Некоторые делали зарисовки. Поход оставил яркие и радостные воспоминания. Педагогический коллектив намерен добиться такого положения, чтобы походы сделались традицией детского дома.

Педагогический коллектив детского дома сделал поучительные выводы из критики «парной педагогики», которую дал Макаренко. Воспитатели систематически работали над созданием детского коллектива, над организацией общественного мнения детей и добились того, что общественное мнение сделалось реальной силой в детском доме. С глубоким удовлетворением воспитатели констатируют: «В Ребрихинском детском доме детский коллектив уже есть». Свидетельством тому — активность детей на собраниях. Второклассники свободно и смело выступают на собраниях с критикой своих товарищей и, что особенно интересно, старшие ребята прислушиваются к этой критике. «Критики на собраниях они боятся больше, чем замечаний воспитателя», — свидетельствуют сами воспитатели.

О наличии детского коллектива свидетельствует и активная, самостоятельная работа детских организаций и удачный опыт сводных отрядов. Правда, здесь они не носят этого названия. Педагоги Ребрихинского детского дома заимствовали у Макаренко его опыт: они объединяют ребят под руководством и под ответственностью одного из воспитанников для выполнения единовременных заданий. Эти задания вошли в быт детского дома. Дети в таких отрядах работают очень дружно и со своими задачами справляются успешно.

Наконец, самым ярким подтверждением силы детского коллектива является следующий факт: когда из детского дома ушли на трудоустройство старшие ребята и среди них — самые лучшие, воспитатели опасались, что детский коллектив в целом ослабеет, что активность и дисциплина в нем, хотя бы временно, снизятся. Ничего подобного не случилось. Здоровый коллектив рождает новых активистов, в нем появляются новые организаторы и хорошие помощники воспитательского коллектива.

Идеи Макаренко начинают укореняться, начинают овладевать людьми. Пусть это пока слабые ростки. Но этим нежным росткам принадлежит будущее.

Работа Аскатского детского дома носит несколько иной характер.

В работе педагогического коллектива ведущей является мысль Макаренко о том, что коллектив должен жить так, чтобы в его жизни и работе отражалась жизнь советского общества. Тот факт, что Макаренко сумел так организовать труд в коммуне, что все это учреждение могло жить на самоокупаемости и не стоить государству никаких затрат, увлек директора этого детского дома. Директор повел за собой и воспитателей. Пусть условия детского дома во многом иные, чем в коммуне у Макаренко. Пусть дети детского дома моложе по возрасту, но борьба за материальное благополучие детского дома должна в глазах детей быть формой их участия в построении коммунистического общества. Детский дом тоже должен иметь свой пятилетний план — часть общего государственного плана; он должен принять участие в борьбе за избыток продуктов. Поэтому трудовая деятельность всего коллектива детского дома направлена на то, чтобы детский дом получил возможность

отказаться от государственного снабжения в виде нарядов на жиры, масло, мясо, овощи. Путь к этому лежит через повышение урожайности.

По данным 1950 г., на полях детского дома был получен урожай зерновых в среднем — 20 ц с 1 га и корнеплодов — свыше 20 т с 1 га. Средняя урожайность в детском доме растет с каждым годом. Так, по овощам в первый год было собрано 11,7 ц с 1 га, во второй — 43 ц, на третий год — 100 ц и на четвертый — 204 ц с 1 га. В настоящее время детский дом с избытком удовлетворяет свою потребность в овощах для стола и в кормах для животных. Детский дом постепенно переходит к рентабельному животноводству. Уже в 1949 г. хозяйством детского дома было покрыто 75% годовой потребности в мясе и дано 113% государственной нормы молока. Кроме того, всем детям были связаны носки и рукавицы из шерсти собственных животных, государству были сданы 164 шкуры овчин и кож и 53 килограмма шерсти, а колхозам и учреждениям продано 117 просят.

Эти цифры показывают, что может быть сделано в этом отношении коллективом детей и сотрудников детского дома без ущерба для их учебной и культурной работы. Жизнь в детском доме понимается педагогическим коллективом как опыт, подготавливающий к жизни в коммунистическом обществе. Поэтому работа и достижения детского дома не рассматриваются изолированно. Коллектив обязательно в той или иной форме отмечает достижения района, области, края, ставя собственные достижения в связь с достижениями общими.

Педагогический коллектив заимствовал у Макаренко стремление к крупному производству, заимствовал он и некоторые формы и методы организации коллектива. Так, в Аскатском детском доме мы находим организацию труда бригадами, постоянными и временными. Бригады разделяются на звенья, которые соревнуются друг с другом. Каждый член звена или бригады, трудясь, чувствует обращенное к нему требование своего первичного коллектива. Поэтому воспитатели имеют возможность широко и эффективно применять параллельное педагогическое действие.

В будущем предполагается организовать секции животноводов, овощеводов и т. д. Это продиктовано стремлением дать выпускникам детского дома некоторую квалификацию и помочь им в выборе будущей профессии. Это стремление тоже заимствовано у Макаренко.

Барнаульский детский дом № 1 считается по праву одним из лучших домов края. Он награжден почетной грамотой РСФСР. В нем исключительно сплоченный педагогический коллектив и очень дружный, приветливый, «мажорный» коллектив детей. Известно, как высоко ценил Макаренко единый в своих устремлениях педагогический коллектив и какое значение он придавал длительности работы воспитателя; он считал нормальным такое положение, когда стаж работы воспитателя не короче, а длительнее времени пребывания воспитанника в детском доме. Большинство работников Барнаульского детского дома № 1 — люди с длительным стажем работы в данном детском доме. Есть здесь и молодые воспитатели, они выросли и воспитались в этом же доме, затем окончили педагогическое училище, а теперь вернулись и работают в своем родном коллективе. Еще будучи воспитанниками, они усвоили и стиль, и порядки, и требования детского дома; они были членами коллектива еще до того, как стали педагогами. Оттого так слаженна жизнь этого детского дома и оттого так едина и целенаправленна деятельность его педагогов.

Коллектив детского дома хорошо знаком с произведениями Макаренко. Работа по изучению произведений Макаренко протекает уже несколько лет. Здесь были организованы лекции, прочитанные специали-

стами, доклады самих воспитателей, коллективное чтение произведений Макаренко с последующим обсуждением.

Основная задача, которую поставил перед собой педагогический коллектив детского дома, — воспитание коллективизма у детей. Основным путем к достижению этой цели педагоги считают труд, направленный на осуществление перспектив. Никаких особенно оригинальных, неожиданных перспектив здесь нет; вы найдете здесь те же перспективы, что и во многих детских домах, те же, которые мы уже видели в действии в жизни Малаховского, Ребрихинского и других, хорошо работающих, детских домов. Новое здесь — в том особенном тоне прямоты, простоты и искренности, который способен побуждать детей на многое, желательное воспитателю, который делает воспитателя авторитетным, а воспитанника — доверчивым и правдивым; секрет здесь в той доброте без приторности и наигранности, которая вызывает ответные душевные движения у детей.

В одном из своих выступлений Макаренко сказал: «...Если ваши ученики знают, что вы, директор, а все ваши помощники, учителя, весь педагогический коллектив — люди с открытой душой, люди справедливые, прямые, то... как бы вы ни поступили, у учеников всегда будет ясное представление, что это сделали вы, — человек, известный каждому ученику как открытая личность, и всегда у него возникает мысль о том, что вы правы, и именно к вам он пойдет за советом, поговорить, подумать о том, что ему делать»¹.

Кажется, просто, а эта простота — очень трудное дело: она требует и большого мастерства и большой души. В сущности, здесь воспитание происходит через пример самих воспитателей.

Здесь авторитет воспитателя особенно силен. Не всегда и не в каждом педагогическом коллективе качества воспитателей имеют такое большое влияние, как в данном детском доме. В этом — главная особенность и главное достоинство педагогического коллектива и его работы.

В детском доме очень ясно выражен тот прямой, открытый искренний тон, который Макаренко считал обязательным в воспитании; нет хитрых, боязливых взглядов; нет скрытности; нет лукавых уловок воспитанников; дети не имеют нужды прибегать к ним.

Дети одинаково ведут себя и при воспитателях и будучи предоставлены самим себе. Мне пришлось несколько раз ночевать в этом детском доме. Однажды это произошло в такое время, когда несколько воспитателей, и даже ночная няня, были больны. Единственным взрослым человеком в детском доме в этот вечер оказался ночной сторож. Я видела, как после ужина дети мирно занялись своими делами — чтением, рукоделием, пряжей — каждый по своему выбору. Старшие заботливо следили за поведением малышей. Несколько девочек играли в «школу»; одна из них была учительницей и диктовала из книг остальным, после чего все с интересом проверяли ошибки. Ни ссор, ни драк, ни крика не было.

Мне указали диван, на котором я могла бы отдохнуть. Я попросила какую-нибудь книгу, — и передо мною гостеприимно раскрылись дверцы книжного шкафа. Меня приятно порадовало полное отсутствие назойливого любопытства или каких бы то ни было проявлений не деликатности по отношению ко мне, новому для детей человеку.

Впоследствии я неоднократно и в самых различных ситуациях наблюдала у детей хорошо развитую способность ориентировки, то чув-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. произв., 1946, стр. 170.

ство собственного достоинства, которое Макаренко считал важным признаком здорового детского коллектива.

В положенное время старшие дети уложили младших, а немного позже отправились спать сами. Две дежурных девочки произвели уборку рабочих комнат, помыли в зале полы и, окончив работу, осторожно, ласково разбудили нескольких самых маленьких дошкольников и сводили их в уборную. Только тогда дежурные легли спать. Все делалось спокойно, деловито. Видно было, что такое поведение является для детей привычным. У детей имеется постоянная бодрая готовность к полезному действию — еще одна особенность здорового коллектива. Все работы по самообслуживанию производятся руками детей, производятся дружно, споро, по-хозяйски. Ремонт мебели, работа в кастаньянской, уборка территории, — где бы ни работали дети, они все делают охотно и дружно. Вы не увидите хмурых, недовольных физиономий, бесполезной суеты. У детей хорошо развита способность торможения.

Летом в детский дом съезжаются бывшие воспитанники. Они сразу же включаются в жизнь детского дома: работают на подсобном хозяйстве, на заготовке топлива, по ремонту помещения и т. д.; работают усердно, увлекая своим примером детей. Когда лучшие по успеваемости воспитанники, окончивая школу, становятся студентами, они успевают и хорошо учиться и вести общественную работу.

Интересен случай с Милей Черемухиной, сейчас уже окончившей Иркутское художественное училище. Когда Миля в сопровождении воспитательницы приехала держать испытания в училище, в общежитии не оказалось свободного места для приехавших на экзамены. Директор училища предложила Миле и ее воспитательнице на эти дни поместиться в небольшой комнатке ее собственной квартиры, извинившись, что комната давно не белена, так как в ней никто не живет. Гости с благодарностью приняли предложение. «А есть ли у вас известка?» — спросила Миля, перенесла вещи в указанную комнату. Получив известку, она между делом выбелила комнату и прилегающую к ней кухню. Здесь сказались готовность к полезному действию и привычка к чистоте, ставшая потребностью¹.

Барнаульский детский дом № 1 уже в течение ряда лет ведет работу по применению положений педагогической системы Макаренко. И коллектив воспитателей за эти годы успел вырасти и «сбиться в одном стиле и тоне» (выражение Макаренко). У этого дома есть собственный тон, собственное «лицо». А это очень много.

Но есть детские дома, которые еще совсем недавно поставили перед собою эту цель и педагогические коллективы которых делают свои первые шаги и в изучении системы Макаренко и попутно в применении ее на практике. Они учатся работая. Таким является Каменский детский дом № 21. Здесь труды Макаренко не просто читают, а изучают. Детский дом № 21 является центром кустового методического объединения, он направляет изучение произведений Макаренко в других детских домах г. Камня.

Уже первые шаги педагогов этого дома по пути формирования детского коллектива дали обнадеживающие результаты. Дети стали свободнее выступать на собраниях, чаще проявлять инициативу, более мажорным стал общий тон детского дома. Пока коллектив еще не сложился, приходилось много внимания уделять частичным перспективам, выявляе-

¹ Сравним этот факт со словами воспитанника Макаренко Е. О. Ройтенберга: «Контроль заставлял нас следить за чистотой, и она стала для нас необходимостью, без которой трудно жить» («Воспоминания о Макаренко», журн. «Советская педагогика», 1944, № 5—6).

нию и пробуждению интересов отдельных детей. По ряду причин в жизни детского дома не хватало именно бодрого стремления вперед. Среди воспитанников было много детей, эвакуированных во время войны из Ленинграда, на которых пережитые страдания наложили тяжелую печать. Такие дети требовали особо умелого подхода: надо было во-время создать соответствующие стимулы к деятельности, вызвать радостные перспективы, активизирующие и объединяющие детей в коллектив.

Большое внимание уделили воспитатели работе с отдельными детьми. Педагоги находили то живое, что повышало весь психический тонус ребенка, что вызывало у него интерес и положительное отношение к своему детскому дому. Воспитатели старались в таких случаях выявить основной интерес ребенка и через предоставление ему возможности действовать для удовлетворения этого интереса, активизировать его. Интересы часто оказывались совершенно неожиданными для педагога, они долгое время оставались скрытыми от воспитателя и не получали удовлетворения. Теперь воспитатели на собственном опыте убедились, что часто, для того, чтобы заставить ребенка выполнять режимные требования или с большим старанием относиться к своим школьным обязанностям, надо помочь ему смастерить какую-либо клетку для птички или предоставить в его распоряжение набор цветных карандашей.

В том, что ребенок, ранее не руководимый старшими, активизируется через удовлетворение интересов, не имеющих еще ничего общего с интересами детского дома и детского коллектива в целом, ничего отрицательного нет. Если нет коллектива — неоткуда возникнуть коллективным интересам и перспективам. Все зависит от того, как педагог использует и направляет частный интерес ребенка. Переключит ли он его и придаст ему общественную направленность или же, предоставив ребенку возможность удовлетворения частного интереса, ничего не сделает для его преобразования в более высокую форму и тем самым допустит остановку в развитии своего воспитанника или искривление этого развития в сторону индивидуализма и эгоцентризма.

Работники Каменского детского дома № 21 чрезвычайно заинтересованы изучением личности каждого воспитанника; они ищут пути активизирования детей, выявления их интересов и склонностей и пути дальнейшего переключения здоровых интересов и склонностей воспитанника в область коллективных перспектив и коллективных переживаний. Для выполнения этой задачи нужна большая наблюдательность, чуткость, мастерство. Изучение идей Макаренко помогает педагогам найти верные методы и приемы сплочения детей в коллектив и воспитания коллективизма.

Совершенно особое место в ряду детских домов, работающих над применением положений педагогической системы Макаренко, занимает Бийский детский дом № 1. Это — дошкольный детский дом. Работа этого детского дома представляет настоящий педагогический эксперимент.

Воспитывая по своей системе, Макаренко получал прочные и поразительные результаты и в тех случаях, когда к нему направляли 8—9-летнего ребенка, и тогда, когда к нему поступал подросток и даже юноша.

Естественно, возникает вопрос, применима ли система Макаренко к детям-дошкольникам, и если применима, то в каких пределах. Как известно, влияние воспитания тем более глубоко, чем раньше оно начинается и чем длительнее срок, в течение которого человек подвергается влиянию определенной системы воспитания. И если система Макаренко в некоторых существенных частях окажется применимой и в воспитании до-

школьников, то ее воспитательное значение еще более возрастет. Разрешить этот вопрос можно только практически.

Бийский детский дом № 1 — один из лучших дошкольных детских домов Алтайского края.

Коллектив детского дома поставил своей основной задачей — «воспитание в детях любви к труду и самостоятельности». Весь коллектив стремится осуществить в трудовом воспитании основные положения Макаренко. Над достижением этой цели коллектив работает уже несколько лет. Он накопил богатый и удачный опыт, заслуживающий самого обстоятельного анализа. Эта работа в руках опытного воспитателя нередко принимает форму эксперимента. Так, экспериментом явилась работа детей небольшими группами. Перед воспитателем, по его собственным словам, «встала задача выяснить, насколько уже в дошкольном возрасте возможно начинать с детьми систематическую работу по формированию коллектива, ответственного за задание»¹.

Воспитательница старшей группы т. Камышева организовала детей в небольшие группы. Каждая такая группа отвечает за определенный участок работы (например, за поддержание порядка в групповой комнате, спальне, на участке и т. п.). Группа выполняет порученную ей работу в течение месяца. Воспитательница имеет в виду осуществить следующее указание Макаренко: «Перед ребенком должна быть поставлена некоторая задача, которую он может разрешить, применяя то или другое трудовое средство... Она может иметь длительный характер... Важно то, что ребенку должна быть предоставлена некоторая свобода в выборе средств, и он должен нести некоторую ответственность за выполнение работы и за ее качество». Выполнение отдельного поручения менее ценно, чем выполнение длительных заданий, потому что: «В первом случае вы поставили перед ребенком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную; последняя гораздо выше и полезнее»².

Кроме бригад, в группе есть дежурные. Они сменяются по очереди каждый день и выполняют работу по групповой комнате и по кухне. Дежурные должны распределить между собою обязанности так, чтобы работа выполнялась быстро, аккуратно и вовремя. Приведу пример.

Дети встают с постели. Дежурят Нина, Валя, Нюра, Физа. Уже заправляя койки во время утреннего подъема, они договариваются: «Вы, Валя и Нюра, идите сегодня на кухню, а мы с Физой будем дежурить сегодня по комнате, — говорит Нина, очевидно, продумав это предложение заранее. — У вас лучше получается. Вы уже умеете чистить картошку, а Физа новенькая. Мы с ней останемся в комнате, и я ей покажу, как надо дежурить по комнате». Девочки охотно соглашаются с предложением Нины, довольна и новенькая Физа тем, что Нина хочет помочь ей дежурить. На другой день дежурства дети обычно меняются обязанностями, овладевая всеми видами работы дежурного.

Приведенный пример показывает, что дети уже в дошкольном возрасте пробуют распределять свои силы в интересах общего дела. У ребенка есть забота о хорошем выполнении своих обязанностей. Ребенок проявляет внимание к товарищу и делится с ним своим маленьким опытом. Собственно говоря, разделение обязанностей в этом возрасте чаще всего имеет место в игре. Воспитательница т. Камышева перенесла это в трудовые занятия детей.

¹ Из дневника воспитательницы Камышевой.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 4, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 399—400.

Педагог должен добиваться самостоятельного выполнения детьми их обязанностей и проявления инициативы. Вот зачем воспитатель предлагает детям подумать и самим распределить между собой работу. В конце каждой недели дети рассказывают о проделанной ими работе. Они очень заботливо относятся к своим обязанностям, чувствуют ответственность за порученное им дело, неисполнительность товарища их беспокоит, и они ищут путей воздействия.

Чем больше дети привыкают к порядку, тем реже прямое вмешательство воспитателя. Дети сами ищут, как приучить товарища к порядку. Коля, например, говорит: «Толика я уже приучил все складывать на место, а Маруся никак не может привыкнуть. Но все-таки я и ее приучу».

Маленькие отчеты детей перед воспитателями своей группы хорошо влияют на отстающих, заставляют подтягиваться и подчиняться общим требованиям. В работе группами у детей создается взаимная трудовая зависимость. Ребенок начинает чувствовать себя членом коллектива, привыкает трудиться в коллективе и для коллектива, подчиняться требованиям коллектива и радоваться его успехам.

Воспитание самостоятельности, ответственности, любви к труду проводится во всех группах этого детского дома; при этом педагогический коллектив детского дома руководствуется положением: как можно больше уважения к человеку, как можно больше требований к нему. Требование пробуждает силы личности. Снижение требовательности Макаренко называл «моральным оппортунизмом». В детском доме к детям предъявляют очень высокие требования, и дети отвечают на них высокими результатами. Сравнение детей этого детского дома с детьми, воспитанными в семье, и даже с детьми, посещавшими такие детские сады, в которых воспитательная работа ведется менее организованно и не направлена на развитие самостоятельности, показывает преимущество воспитанников этого детского дома.

Приучать детей к самообслуживанию начинают уже в младшей группе. В этой группе нет еще коллективной деятельности и коллективного выполнения общих задач: воспитатель имеет дело с детьми 3—4-летнего возраста. Каждый ребенок индивидуально учится выполнять отдельные операции по самообслуживанию. Воспитатель применяет и фронтальный показ, как нужно делать ту или иную работу, и показ нужных приемов отдельным детям. Он следит за работой каждого ребенка, причем уделяет особое внимание качеству детской работы. Воспитатель еще до начала работы создает у детей установку на отличное выполнение ее; он обращает внимание детей на тех, кто еще не умеет справиться со своим делом. Дети сразу и охотно идут на помощь. Случаи взаимопомощи в младшей группе не являются исключением, они — обычное явление.

При всякой возможности используется стремление ребят включиться в труд взрослых, помогать им, сделать что-нибудь для коллектива.

Воспитание умения трудиться и обслуживать самого себя — работа кропотливая; в ней должно быть предусмотрено все. Методические разработки воспитателей свидетельствуют об этой предусмотрительности. В результате этого уже на протяжении двух первых лет пребывания в детском доме ребенок овладевает многими трудовыми навыками и притом такими, которые в обыкновенной семье и в обыкновенном детском саду становятся достоянием ребенка в более позднем возрасте.

Уже в раннем возрасте мы наблюдаем у детей чувство ответственности за порученное задание, заботу о качестве выполнения, стремление прийти на помощь товарищу, заинтересованность в результатах общего труда, горячее желание помогать взрослым и т. д. На основе указанных эмоций и высокой активности воспитанников могут и должны быть куль-

тивированы социальное поведение и коллективный труд. Поскольку все упомянутые качества и проявления наблюдаются уже в дошкольном возрасте, педагог дошкольного детского дома обязан упорно работать над их воспитанием. Воспитатели Бийского дошкольного детского дома № 1 идут именно в этом направлении.

Наблюдая за поведением детей этого детского дома, мы видим много случаев, когда дети поддерживают порядок по собственной инициативе. Например, гуляя на участке, Нина заметила, что ящик из-под песка стоит не на месте. Нина предложила его убрать. К ней на помощь подбежали другие дети, все вместе подхватили ящик и отнесли на место.

Воспитатели детского дома используют и стимулируют в своей работе влияние перспективы. Конечно, в дошкольном учреждении возможности создания перспектив и организации усилий детей в борьбе за перспективу значительно меньше, чем в коллективе школьников. Но это вовсе не исключает возможности создания некоторых перспектив. Например, очень большое место в этом отношении занимает подготовка к праздникам. Праздники в детском доме всегда проходят очень весело и красочно; дети получают много ярких впечатлений и долгое время после праздника живут ими.

Результаты работы педагогического коллектива Бийского детского дома очень значительны; они показывают, что коллективные переживания у дошкольника могут быть вызваны очень рано и рано приведены в действие. Воспитание состоит в том, чтобы закрепить и развить эти слабые ростки. Ведь то, что рано пробуждается и воспитывается, имеет больше шансов в будущем стать «второй натурой» человека.

Каковы же результаты такого трудового воспитания детей-дошкольников?

Прежде всего необходимо сказать о той пользе, которую приносит трудовое воспитание психическому развитию ребенка. Результаты продуманной и организованной работы педагогов Бийского детского дома особенно бросаются в глаза при сравнении детей этого дома с другими детьми при поступлении их в школу. Я позволю себе воспользоваться наблюдениями преподавателя Бийской школы № 11 т. Яковлевой, которая работала с первыми классами, где были дети и из детского дома № 1. Вот как она отзывалась о них:

«У детей очень заметно коллективное воспитание. Они легче осваиваются в новой обстановке, чем дети, пришедшие в школу из семьи и даже из детских садов. Они смело берутся за новую работу. Привычка детей к коллективному труду сказывается и в том, что они прекрасно играют на переменах и охотно выступают в роли организаторов, помогая учителю. Их кругозор шире. У них более правильные и богатые представления о мире. Устная речь их богаче. У них имеется более концентрированное внимание и большая усидчивость. Большинство из них аккуратны и бережны в обращении с книгами и пособиями. Все эти качества позволяют значительно сократить добукварный период и, с другой стороны, значительно облегчают воспитательную работу первых недель пребывания ребенка в школе и дают возможность сделать ее более содержательной. К сожалению, этого нельзя осуществить, так как другие дети подготовлены к школе в меньшей степени. Если бы все дети стояли на уровне детей детского дома № 1, работа педагога могла бы быть построена иначе и быть гораздо продуктивнее».

Правильная постановка трудового воспитания в дошкольном возрасте позволяет ответить на ряд вопросов, а именно:

1) Какие достижения в области труда доступны дошкольникам разных возрастных групп. Опыт работы в детском доме № 1 показывает,

что эти достижения могут быть гораздо выше, чем мы обычно наблюдаем.

2) В дошкольном возрасте проявление инициативы и творческий труд (вернее, зачатки последнего) имеют место очень рано. Первые проявления их наблюдаются уже в младшей группе, а в старшей группе они становятся общераспространенным явлением.

3) Дает положительный ответ на вопрос о том, возникают ли в этом возрасте зачатки организованного коллектива; мы имеем их в виде проявлений общественного мнения, в виде требовательности к товарищу и подчинения товарищу, в виде выполнения длительных заданий группами детей.

Ценный опыт Бийского детского дома № 1 должен быть проверен в других дошкольных детских домах.

* * *

В настоящей статье мы рассказали о нескольких детских домах Алтайского края, в которых работа по творческому применению педагогических идей Макаренко достаточно отчетливо выражена, ведется более или менее продолжительное время и уже принесла вполне ощутимые результаты.

Материальные и бытовые условия, в которых находятся эти дома, — самые обычные. Персонал по образовательному уровню и педагогической подготовке ничем не превосходит педагогические коллективы других детских домов. Словом, никаких преимуществ перед другими детскими домами края у них нет, если, конечно, не считать одного, весьма важного, обстоятельства; оно заключается в том, что педагогические коллективы упомянутых нами детских домов объединены единством цели и вытекающим отсюда единством педагогических усилий. Они поставили перед собой задачу — применить положения Макаренко в своих детских домах. Эта цель является их педагогической перспективой. В ней — тот радостный «завтрашний день», к которому они ведут свои детские дома. Пример этих детских домов еще раз подтверждает правильность заявления Макаренко о том, что даже слабые воспитатели, объединенные единой воспитательной целью, могут добиться большего, чем сильные, но работающие каждый сам по себе.

Наши детские дома еще не обеспечены, к сожалению, достаточно квалифицированными педагогическими кадрами. Но они представляют коллектив, и это решает успех.

Результаты работы детских домов Алтая позволяют сделать некоторые выводы.

1. Опыт Макаренко показал возможность создания великолепного детского коллектива. Но в этом коллективе имелись юноши и девушки, гораздо более старшего возраста, чем воспитанники наших детских домов. Естественно, возникает вопрос: возможно ли создание коллектива из воспитанников более юного возраста и притом такого коллектива, в котором органы коллектива и его уполномоченные (детский совет, секции, комиссии и т. п.) не просто формально существуют, а активно выполняют свои обязанности, в котором общественное мнение является вполне реальной силой и в котором поэтому возможно применение параллельного педагогического действия (роль последнего в педагогической системе Макаренко очень велика и совершенно оправдана практикой).

Опыт детских домов Алтайского края позволяет ответить на данный вопрос утвердительно. Создание жизнеспособного детского коллек-

тива, представляющего наилучшую социальную среду для коммунистического воспитания в условиях современных детских домов, вполне возможно.

2. В то же время опыт показывает, что методика работы по организации более молодого коллектива и по руководству им имеет свои, еще не достаточно вскрытые, особенности. Разработка этой методики должна составить ближайшую задачу. При этом в методике организации коллектива детского дома значительное место следует уделить вопросу «разработке системы перспективных линий».

Опыт рассмотренных нами детских домов подтверждает огромное значение объединяющей, организующей и мобилизующей перспективы. Педагоги этих детских домов все более и более овладевают искусством создания многообразных перспектив и сочетания их в систему перспективных линий; деятельность их в этом направлении будет продолжаться, опыт возрастать и накапливаться. В будущем этот опыт следует попытаться и обобщить. Мы увидим, какие богатые возможности имеет детский дом, мы разработаем их конкретно. Мы получим некоторый комплекс методов работы по созданию перспектив, и так как в разработке данных вопросов необходимо участие большого числа педагогических коллективов, надо надеяться, что на основании уже полученных и изученных данных работа будет продолжаться.

3. По мере того как работа по организации детского коллектива совершенствуется, педагогические коллективы все более чувствуют и сознают значение тщательной, продуманной организации «мелочей», т. е. мельчайших деталей жизни и быта воспитанников. Макаренко дал много ценнейших указаний по этому вопросу в своих произведениях и выступлениях, в частности, в своем труде «Методика организации воспитательного процесса». Воспитателям детских домов предстоит конкретизировать далее эти указания в своем опыте. Такие детские дома Алтайского края, как, например, Малаховский детский дом, уже подошли к той стадии, когда воспитательная работа уже дает свои плоды и когда педагогический коллектив остро ощущает всю важность и необходимость организации «мелочей» — тщательной организации и учета всех моментов процесса воспитания; эта стадия неизбежно наступает в жизни каждого детского дома.

Обобщение опыта, накапливающегося в этом направлении, — еще одна важная очередная задача.

4. Практическая работа по организации и воспитанию детского коллектива и по организации перспективных линий показала в ряде случаев необходимость выявления личных интересов и склонностей воспитанника и создания личных перспектив с целью их включения в дальнейшем в перспективы коллективные или с целью переключения направленности воспитанника на более социально нужные перспективы. Часто этот путь является самым правильным путем в отношении некоторых детей. Отсюда возникает необходимость изучения личности воспитанника и овладения искусством индивидуального подхода к нему в целях пробуждения его активности через создание личной перспективы. Нередко здесь существует и «парная педагогика». Воспитатель и воспитанник непосредственно встречаются лицом к лицу. Но «парная педагогика» существует здесь на принципиально новой основе; она здесь — только звено в процессе включения личности в коллектив на пути к дальнейшему воспитанию ее через коллектив.

5. Опыт Бийского дошкольного детского дома № 1 свидетельствует о том, что основные положения Макаренко применимы и при воспитании дошкольников. Работа коллектива воспитателей Бийского детского

дома показывает, что к дошкольнику можно и должно «подходить с оптимистической гипотезой» и что при высокой требовательности и тщательной организации воспитательной работы вскрываются большие возможности развития дошкольника. Одновременно опыт Бийского дошкольного детского дома показывает, что в дошкольном возрасте уже возможны и коллективные переживания и создание зачатков коллектива. Опыт этого детского дома должен быть повторен и проверен другими дошкольными детскими домами.

6. Педагоги детских домов, в которых по некоторым причинам, наряду с детьми школьного возраста, имеются и дошкольники, единогласно свидетельствуют о том благотворном влиянии, которое оказывает на старших детей присутствие в детском доме малышей. Воспитатели стараются использовать это обстоятельство для воспитания у старших чувства заботливости, братской любви, для воспитания ответственности за тот пример, который старшие подают малышам. Общение старших детей с младшими является полезным с воспитательной точки зрения. Кругозор малышей делается шире, язык богаче. В лице старших они имеют более понятный и доступный пример для подражания. Педагоги обязаны позаботиться о том, чтобы пробудить и укрепить у старших детей чувство ответственности за дошкольников, чтобы старшие дети чувствовали себя в известной степени их воспитателями.

Настало время серьезно продумать вопрос о возрастном составе детских домов. Пора прислушаться к голосу Макаренко, который был горячим сторонником дружбы между детьми различных возрастов и в последние годы своей деятельности составлял отряды из воспитанников различных возрастов. Пора прислушаться и к голосу воспитателей. Существующее ныне деление детских домов на школьные и дошкольные лишает нас многих ценных возможностей воспитания.

Кроме того, переход из одного детского дома в другой наносит младшим ребятам тяжелую травму. Ребенок, выросший в детском доме, часто и не помнит себя вне этого детского дома, и уход из него является для такого ребенка равносильным разлуке с родной семьей и переживается им очень тяжело.

Не следует ли перейти к типу смешанных детских домов, тем более, что это обеспечит более длительное влияние одного педагогического и детского коллектива на воспитанника? Пора прислушаться и к словам Макаренко о том, что смена коллективов вредна для воспитания.

7. Следует поставить на обсуждение и вопрос организации детских домов для старшего возраста, имеющих десятилетку и серьезно поставленное производство, так как в настоящее время продолжение образования воспитанниками детских домов не организовано и проходит в зависимости от местных условий и различных случайных обстоятельств, что не может считаться нормальным.

8. Мы охарактеризовали опыт нескольких детских домов, поставивших перед собою одну и ту же цель — воплотить в жизнь педагогическую систему Макаренко. Эта работа находится в упомянутых детских домах на различных стадиях развития; отсюда различен и их облик. Но есть и еще одна причина их различия.

При более глубоком изучении педагогических коллективов этих детских домов мы увидим, что причина своеобразия каждого дома лежит в своеобразии педагогических коллективов, в особенностях их состава. Отсюда — стиль дружелюбия и открытости, господствующий в Барнаульском детском доме № 1, продуманность и организованность жизни в Бийском дошкольном детском доме, несколько строгая и требовательная атмосфера Малаховского детского дома, трудовая устремленность Аска-

ского детского дома и отчетливое звучание перспектив в Ребрихинском детском доме. Таким образом, осуществление одной и той же цели вовсе не означает стандарта; наоборот, если цель достаточно высока и благородна, борьба за ее осуществление помогает найти самого себя как педагога, помогает обнаружить и широко осуществить свои воспитательные возможности. Каждый детский дом качественно своеобразен.

9. Изучение опыта детских домов, работающих в одном направлении, дает возможность установить некоторые, еще не изученные, закономерности и разработать вопрос о составе и особенностях педагогического коллектива. Тем самым мы разрешим задачу, поставленную перед нами Макаренко: коллектив педагогов должен быть собран не случайно, а составлен разумно. По законам построения педагогического коллектива в будущей педагогике должен быть составлен целый том.

Работа по применению положений педагогической системы Макаренко в Алтайском крае еще только начинается. Нет сомнения, что число детских домов, где воспитание идет по пути Макаренко, будет расти с каждым годом.

К ИСТОРИИ ДЕТСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ
ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

(Документальный очерк)

М. Е. БОБРОВСКАЯ

Восемь лет — с 1927 по 1935 год — работал А. С. Макаренко в детской трудовой коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Многие положения коммунистического воспитания, применявшиеся им ранее в колонии имени М. Горького, были развиты именно здесь, в коммуне, более глубоко и многогранно.

Как известно, инициатива организации этого учреждения принадлежит Государственному политическому управлению (ГПУ) Украины.

В связи с приближением годовщины со дня смерти Феликса Эдмундовича Дзержинского в 1927 г. Коллегия ГПУ Украины приняла решение увековечить его память организацией «социально-культурного учреждения»¹ — детской трудовой коммуны.

«Чекисты создали памятник великому Дзержинскому, — писал о коммуне Макаренко. — Они обнаружили ясность и четкость в понимании задачи, последовательность и решительность в ее выполнении»².

Сделать вчерашнего беспризорного сознательным советским квалифицированным рабочим — таков был первоначальный замысел. Трудовое воспитание посредством организации учебно-производственных мастерских и сельскохозяйственного труда — таким представлялся метод осуществления этого замысла.

Всеукраинская комиссия по увековечению памяти Ф. Э. Дзержинского приступила к мобилизации средств, чтобы построить для коммуны специальное здание. Необходимые средства составились не только из сумм, отпущенных Комиссией и различными учреждениями, но также из отчислений от заработной платы сотрудников ГПУ.

«Наш дом выстроили чекисты Украины за счет отчислений из своей заработной платы»³, — вспоминал впоследствии Макаренко.

На собранные таким образом 250 000 рублей в поселке Новый Харьков (пригород Харькова) был выстроен и оборудован в течение одного строительного сезона — 1927 года — вместительный двухэтажный дом, с подвальным помещением и дворовыми строениями. Постройка отвечала всем требованиям новейшей строительной техники. Здесь были не только водопровод, канализация, центральное отопление, но и приточно-вытяжная вентиляция со специальной камерой для нагревания и увлажнения воздуха, горячее водоснабжение (душевые и ваннные комнаты), механизированные столовая и прачечная. В доме были оборудованы интернат и классные комнаты на 100—150 детей, а также мастерские: де-

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 1/К. Проект постановления Совнаркома УССР об организации Детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, 1927 г., апрель.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 15.

³ Там же, стр. 15.

ревообделочная, слесарно-механическая, столярная, пошивочная, сапожная¹.

Детская трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского находилась в ведении Государственного политического управления в качестве самостоятельной организации, на началах хозяйственного расчета, обладала правами юридического лица и была освобождена от налогов и сборов. Учреждение имело свою печать². Руководство учебно-воспитательной частью в коммуне, как и во всех детских учреждениях, принадлежало Наркомпросу УССР.

Таким образом, была установлена с самого начала и постоянно поддерживалась необходимая организационная и методическая связь коммуны с общей системой детских учреждений Украины.

Коммуна не числилась на государственном бюджете. В течение первых двух лет ее содержание относилось за счет полупроцентного отчисления от зарплаты сотрудников ГПУ УССР, ежемесячной государственной дотации и сумм, полученных за выполненные коммунарами в мастерских заказы³. Правда, на первых порах учебные мастерские давали иногда убыток, так как не располагали оборотным капиталом и производство находилось в процессе организации, но позднее они стали приносить значительный доход.

17 января 1928 г. коммуне на правах бесплатного пользования был передан совхоз «Красные зори» с живым и мертвым инвентарем⁴. Коммуна недолго пользовалась правом владения этим совхозом. В ней быстро развивалось производство индустриального типа, которое и стало ее основной материальной базой. Этот переход к индустриальному труду имел не только экономическое значение. В колонии имени М. Горького Макаренко успешно соединял обучение колонистов с их работой в социалистическом сельском хозяйстве. Условия коммуны открыли новые широкие возможности. Основа для оборудованных мастерских уже имелась, и Макаренко поставил своей задачей — практически соединить обучение с индустриальным трудом на социалистическом предприятии.

Еще до официального открытия коммуны, в июне 1927 г. Макаренко предложили заведовать будущим детским учреждением. Это предложение Макаренко принял, и уже в августе он принимал самое активное участие в распланировке внутренних помещений строящегося здания.

Подробное описание коммуны, расположения комнат, оборудования и оформления представляет значительный интерес во многих отношениях. Как известно, Макаренко считал, что в воспитании нет мелочей, и организовывал весь быт коммуны педагогически целесообразно; даже при решении такого, казалось бы, технического вопроса, как расположение отдельных комнат, принимались во внимание самые различные стороны жизни и деятельности коллектива.

В дни Великой Отечественной войны фашистские варвары презрительно здание коммуны в руины. Для того чтобы восстановить в деталях картину коммуны, приходится обращаться к воспоминаниям сотрудников и воспитанников Макаренко.

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 1/К. Объяснительная записка ГПУ УССР в Совнарком УССР. 1928 г., май и дело № 9/К. Докладная записка председателю Комиссии по постройке дома для беспризорных «Трудкоммуна имени товарища Дзержинского», 1927 г., 28 июля.

² Там же. Дело № 4/К. Выписка из протокола заседания Совнаркома УССР № 29/57, 1928 г., 7 июня.

³ Там же. Дело № 3/К. Выписка из протокола № 1 экстренного заседания Коллегии ГПУ УССР, 1928 г., 2 января.

⁴ Там же. Дело № 4/К. Выписка из протокола заседания Совнаркома УССР № 29/57, 1928 г., 7 июня.

Темносерый двухэтажный дом коммуны, оштукатуренный терезитом, стоял на опушке леса. Дом отличался стройной и изящной архитектурой: при достаточной вместительности он не казался внешне большим и громоздким. От главного корпуса шли вглубь три крыла, часто расположенные окна обеспечивали отличное освещение всех внутренних помещений. Красная черепичная крыша, два выступа по сторонам парадного входа, вывеска с золотыми буквами на сетке над фронтоном, флагштоки на башенках составляли украшение фасада.

Вся усадьба коммуны занимала площадь в 3¹/₂ гектара¹. Около дома находился фруктовый сад, цветники, площадки для физкультурных упражнений, тенниса, волейбола, крокета и других игр.

Тяжелая дубовая дверь в центре здания вела в небольшой вестибюль; здесь справа и слева в специальных нишах помещалась гардеробная, стояли дубовые вешалки для верхней одежды. Несколько широких ступеней вели на площадку просторной арки; на ее простенках были симметрично расположены две большие, белого мрамора с золотом, доски: на одной был выгравирован текст постановления Правительства УССР об организации Детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, на другой — список учреждений, принимавших участие в создании коммуны. Возле памятных досок стоял дубовый диванчик, у которого находился пост коммунара-дневального. Направо и налево от площадки под аркой тянулся освещенный окнами коридор.

На первом этаже были расположены кабинет начальника коммуны, комната бюро комсомола, комната совета командиров и др.

Кабинет начальника находился налево от площадки. «...эта небольшая комната имеет в коммуне огромное значение... Кабинет никогда не бывает пустым, — в нем всегда люди, и всегда шумно»², — писал Антон Семенович.

Кабинет был центром всей жизни учреждения. В этой комнате протекала большая часть жизни Макаренко. Он обставил ее в соответствии с условиями работы и своим вкусом. У окон против входной двери стояло бюро — письменный стол. За этим столом Антон Семенович записывал рождавшиеся в процессе работы мысли, фиксировал отдельные наблюдения; здесь он создал многие свои произведения.

Рядом находился столик для пишущей машинки; по сторонам у стен помещались два больших книжных шкафа; ближе к двери — два кабинетных дивана, перед ними — круглые столы с газетами и журналами. Вдоль свободных стен тянулись неширокие мягкие диваны.

Комната совета командиров находилась рядом с кабинетом и сообщалась с ним. В середине комнаты стоял восьмигранный стол и венские стулья, у окон — небольшие письменные столики: секретаря совета командиров, дежурного по коммуне и дежурного по хозяйственной части. Вдоль стен тянулся мягкий диван. В этой комнате хранились знамена коммуны. Они стояли в дубовых стойках на специальном постаменте.

До 1931 г. двери из коридора вели в три классные комнаты, рассчитанные на 25—30 человек каждая. В классах стояли небольшие дубовые столики и перед ними — двухместные дубовые диванчики.

Дверь налево, в глубине коридора, вела в зал «Громкого клуба». В этом помещении разрешалось «шумно развлекаться»: играть на различных инструментах, петь, танцевать, проводить всевозможные подвижные игры. В помещении «Громкого клуба» находились сцена, киноустановка

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 3/К. Выписка из протокола № 1 экстренного заседания Коллегии ГПУ УССР, 1928 г., 2 января.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 76.

и рояль, позднее были поставлены хорошие венские стулья, изготовленные в мастерской коммуны.

Направо от вестибюля находилась учительская, обставленная комфортабельной мебелью. Из того же коридора можно было пройти в просторное помещение, где были расположены столовая и кухня, разделенные стеклянным витражом. В столовой — дубовые столики, на четыре человека каждый, были накрыты клеенками и скатертями.

Комната рядом со столовой отводилась для кабинета заведующего хозяйственной частью коммуны.

В глубине вестибюля одна дверь вела в большое помещение учебной деревообделочной мастерской, находившейся здесь до 1931 г., другая — в душевые и ваннные комнаты. Здесь же располагалась курительная комната для персонала коммуны и туалетная, предназначенная для того, чтобы в ней воспитанники чистили одежду и обувь.

Оформление коммуны было предметом пристального педагогического внимания и заботы Макаренко. Единый стиль всех помещений учреждения был строгим, художественно выдержанным. Белые шелковые гардины на больших окнах «Громкого клуба», золоченый орнамент потолка придавали залу праздничный, мажорный вид. Здесь было собрано «...все то великолепии... тлетворным влиянием которого нас попрекали»¹, — писал Макаренко. Специальные горки с цветущими растениями в столовой, большие квадратные зеркала, украшавшие вестибюль, и просторные площадки лестницы, — все это подчеркивало парадность. Макаренко в своем опыте доказал, что оформление детского учреждения воспитывает детей: приучает их умело и бережно пользоваться вещами и ухаживать за ними, способствует развитию эстетического чувства и пробуждает потребность в высокой бытовой культуре.

«Правильная организация поведения человека требует, чтобы он представлял себя в пространстве», а потому зеркала, по мнению Антона Семеновича, необходимы в детском учреждении. Зеркала являлись своеобразным «тормозом» излишней жестикюляции, способствовали культуре позы и мимики, как бы напоминали о настоящем требовании — подтянутости воспитанника.

Из вестибюля вела на второй этаж широкая парадная лестница, расположенная против главного входа. Освещение здесь было верхнее, свет проникал через остекленную в этом месте крышу.

На втором этаже, справа от лестничной площадки, находился большой зал «Тихого клуба». В клубе не полагалось громко разговаривать: здесь читали, играли в шахматы, шашки, домино и другие настольные игры. Макаренко считал, что каждый воспитанник при желании должен иметь возможность побыть в тишине, отдохнуть в некотором уединении от непрерывного движения юного жизнерадостного коллектива.

Второй этаж был оформлен так же тщательно, как и первый. Стены «Тихого клуба» были расписаны, плафоны — лепные. На окнах висели драпировки. Вдоль стен тянулся такой же бесконечный диван, как и в комнате совета командиров. В трех местах он прерывался, уступая место небольшим возвышениям, устланным коврами. Здесь на мраморных пьедесталах стояли бронзовые бюсты Ленина, Сталина, Дзержинского, а на стенах соответственно располагались портреты вождей и картины из их жизни.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 10.

В других местах зала были развешаны портреты знаменитых писателей, художников, музыкантов. В зале стояли четыре восьмигранных стола и вокруг них — полумягкие стулья.

За стеклянной раздвижной стеной — дверью, в глубине зала, помещалась библиотека для коммунаров; ко дню ее открытия в ней насчитывалось больше шести тысяч томов. В дальнейшем на пополнение библиотеки затрачивались значительные суммы.

Создана была также библиотека для педагогов и отдел справочной литературы.

В коммуне читали много. В свободные от занятий часы всегда можно было увидеть коммунаров, углубленных в чтение. Даже отбывающий наказание в кабинете начальника обычно читал, и только дневальному на посту читать не полагалось.

На втором этаже были расположены спальни мальчиков и девочек — просторные, светлые комнаты на 4—8 человек; в каждой спальне имелся платяной шкаф для общего пользования и небольшие шкафчики-тумбочки возле кроватей. Мебель была окрашена белой эмалевой краской. Постели содержались в полном порядке, на них не полагалось сидеть.

Во всех комнатах полы были паркетные, в вестибюле, коридоре и кухне — кафельные.

Блеск паркета и чистоту в помещении коммуны воспитанники поддерживали сами.

На втором же этаже находились: кладовая с инвентарем для уборки; комната, далеко вынесенная в левое крыло здания, где хранились музыкальные инструменты и происходили репетиции оркестра, а также гардеробная с бельем и платьем.

У коммунаров была единая форма одежды. Детской одежде Макаренко придавал большое значение и, несмотря на свою занятость, находил время для того, чтобы присутствовать при окончательных примерках костюмов воспитанниками.

«Я считаю, что дети должны быть так красиво одеты, чтобы они вызывали удивление», — говорил он. «Это очень хороший клей для коллектива»¹, — сказал Макаренко на одном из публичных выступлений.

Одежда была пошита в мастерских колонии имени М. Горького ко времени открытия коммуны. Антон Семенович и здесь следовал принципу: «Коммуна должна быть организована до конца и сдана детям в совершенно готовом виде»².

До 1932 г. в полуподвальном этаже, с противоположной стороны фасада, помещались электрифицированные мастерские: слесарно-механическая, столярная и пошивочная.

В правом крыле здания в изолированных комнатах, имевших выход на особую лестницу, намечалась по плану квартиры начальника коммуны. Макаренко отказался от этой квартиры и разместил здесь амбулаторию и изолятор.

23 декабря 1927 г. комиссия, в которую входили представители строительных организаций и уполномоченные ГПУ УССР, произвела осмотр здания. По заключению комиссии, «строительные работы были выполнены технически правильно, из материалов хорошего качества». Здание по акту было передано в эксплуатацию³.

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., изд-во АПН РСФСР, 1949, кн. 4, стр. 31—32.

² А. С. Макаренко, Педагогич. соч., изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 106.

³ Архив А. С. Макаренко. Дело № 10/К. Акт комиссии по приемке вновь отстроенного здания коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 1927 г., 21—23 декабря.

Таковы общие сведения о коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. В дальнейшем отдельные события из жизни коммуны мы будем излагать по годам.

1927 год

Первый персонал коммуны был официально назначен 20 октября 1927 г. Небольшой штат состоял из начальника коммуны А. С. Макаренко, его заместителя — Т. Д. Татарина, заведующего хозяйственной частью, медицинской сестры и повара. До назначения в коммуну эти товарищи работали в колонии имени М. Горького. Все они разместились в нескольких старых одноэтажных домиках, которые еще оставались в первые годы на территории коммуны. В одном из них поселился Макаренко со своей матерью.

Первых воспитанников нужно было, по мнению Макаренко, подобрать так, чтобы не рисковать оборудованием и не допустить его расхищения и порчи. Поэтому набор основного ядра детей в коммуну решено было произвести из числа воспитанников колонии имени М. Горького. Это вовсе не означало, что из колонистов были выбраны самые дисциплинированные и одаренные. Необходимо было только, чтобы дети имели некоторые организационные и культурные навыки.

25 декабря 1927 г. в готовый и оборудованный во всех деталях дом прибыли из колонии имени М. Горького 50 мальчиков и 10 девочек, большинство в возрасте 13—15 лет, но были и юноши 16—17 лет.

На третий день после прибытия первой группы детей, т. е. 28 декабря 1927 г., состоялись выборы совета командиров первого созыва, которые положили начало организации самоуправления в коммуне.

29 декабря, в день празднования десятилетия ЧК (ГПУ), в присутствии представителей правительства и общественности Украины Детская трудовая коммуна имени Ф. Э. Дзержинского была торжественно открыта. Во время этого праздника представители ГПУ УССР вручили коммунарам знамя — эмблему коммунарской чести¹.

1928 год

2 января 1928 г. на специальном заседании в ГПУ УССР было принято решение об учреждении органов управления делами коммуны. Предусматривались следующие органы: а) Совет — 21 член и 4 кандидата с участием начальников местных хозяйственных органов ГПУ УССР, Коллегии и некоторых сотрудников ГПУ УССР; б) Правление — 5 членов и 2 кандидата для повседневной работы; в) Ревизионная комиссия — 3 члена и 1 кандидат.

По разработанному Уставу коммуны члены указанных органов избирались сроком на один год. Совет собирался по приглашению председателя Совета, по мере надобности. Правление собиралось так же, как и Совет, по мере надобности, но не реже двух раз в месяц².

Первое правление коммуны было избрано 9 января 1928 г. Макаренко разработал план и программу учебно-воспитательной деятельности коммуны, а также правила приема новых воспитанников.

16 января 1928 г. эти документы были утверждены правлением коммуны.

Одновременно Антон Семенович работал над «Конституцией коммуны», или, как он ее называл, «Конституцией страны ФЭД». На основе обобщения и критического анализа восьмилетнего опыта колонии имени

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 405.

² Архив А. С. Макаренко. Дело № 2/К. Устав Детской трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 1928 г.

М. Горького, он наметил в «Конституции» организационную структуру коллектива, определил правила поведения воспитанников и нормы, устанавливающие порядок дня, ход жизни и работы в коммуне.

К работе над «Конституцией страны ФЭД» Макаренко привлек «старых» воспитанников, которые хорошо знали правила жизни колонии имени М. Горького. Совет командиров выделил для этой цели коммунаров: Козыря, Сторчакову, Жмуцкого и Красную¹.

Первоначальный проект «Конституции» правление коммуны утвердило 4 февраля 1928 г.

14 марта 1928 г. Макаренко сделал доклад на заседании Секции социального воспитания Украинского научно-исследовательского института педагогики в Харькове о принципах, которые легли в основу всей этой системы. В своем докладе он заявил: «Классовую установку я клал в основу проекта»... «Наш проект основан на том, что все воспитание должно опираться на политическое воспитание».

Комментируя отдельные пункты проекта, Макаренко пояснял: «Тот момент, что рабочий класс является не только классом трудящихся, но и классом-организатором, хозяином, я в своем проекте отразил путем поручения детям не только трудовых функций, но и функций организаторских».

Некоторые сотрудники института считали, что проект недостаточно детализирован.

Макаренко — сторонник «активных методов воспитания» и творческого педагогического процесса — защищал «законную» неясность отдельных мест проекта и говорил: «Нужно дать возможность детскому коллективу творить формы своей жизни и быта — слишком точно определить каждый шаг коммунаров представлялось бы излишним, ибо это значило бы не оставлять свободы для развития детского общества и общества педагогов, согласно тем условиям, в какие они попали, тем данным, какие имеют на будущее, и тем силам, какими обладают...»².

Положенные в основу этой структуры научные принципы оставались и в дальнейшем, но система средств и техника воспитания и обучения постоянно изменялись и обогащались.

Одним из основных принципов являлось систематическое школьное обучение. В своем опыте Макаренко успешно соединял умственный труд с физическим, осуществляя одно из основных положений марксистской педагогики. Коммунары впоследствии, как известно, четыре часа в младших и пять часов в старших классах учились в общеобразовательной школе, а четыре часа работали на производстве с новейшим техническим оборудованием. Но решающее значение в становлении нового человека Сталинской эпохи имело, по мнению Макаренко, образование; об этом он много говорил и писал.

Школе в коммуне всегда отводилось хорошее помещение. Обучение в школе для всех коммунаров было обязательным. Каждый новый воспитанник в первые же дни зачислялся в школьную группу соответственно своим знаниям. Дежурства, хозяйственные работы, наряды не освобождали воспитанников от посещения школы. Работа на производстве, развивая и закаляя многие необходимые черты большевистского характера, обогащала воспитанников производственными навыками и ценными зна-

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 74/К. Протокол заседания Совета командиров № 80, 1930 г., 18 марта.

² Архив А. С. Макаренко. Дело № 20/К. Стенографический отчет заседания секции соц. воспитания Украинского н.-и. института педагогики совместно с Правлением Трудкоммуны им. Дзержинского и представителями Наркомпроса УССР, 1928 г., 14 марта.

ниями. Бывшие воспитанники коммуны, особенно окончившие технические вузы, с большой признательностью говорят о том, какой знакомой и родной была для них заводская обстановка, когда они переходили к практическим занятиям.

Школа была открыта в первые же дни организации коммуны в составе второй, третьей и четвертой групп, по принятой тогда терминологии. С первого же года существования коммуны Макаренко значительно расширил требования, ту общую установку, которая была дана правлением при организации учреждения. Уже в 1928 г. он ставил вопрос о средней школе в полном объеме.

Позже, когда управление коммуной было передано в хозяйственный отдел НКВД УССР, Антон Семенович положил много сил на борьбу с тенденцией некоторых хозяйственников — увеличить рабочий день коммунаров, а школу организовать на принципах добровольности.

В январе 1928 г. в коммуну были приняты еще 40 детей из других колоний и Харьковского коллектора. В дальнейшем ряды коммунаров-дзержинцев пополнялись не только беспризорными, но и сиротами, детьми из разных семей, в частности детьми сотрудников ГПУ УССР, погибших при исполнении служебного долга¹.

Принимать детей из семьи Макаренко считал абсолютно необходимым, чтобы не делать «беспризорность привилегией, не создавать чрезмерно замкнутого общества, внести в коллектив несколько иные привычки и характеры»².

В коммуне была изжита «идея» своеобразной «беспризорной гордости», когда ребенок из семьи считался чужаком.

15 января 1928 г. в коммуне состоялось первое собрание комсомольской ячейки, насчитывающей 15 человек. Так же, как и в колонии имени М. Горького, комсомол в коммунарском коллективе, руководимый партийной организацией ГПУ Украины, являлся центром политической жизни учреждения. Комсомольцы добивались улучшения качества учебы, организовывали политические кампании, принимали активное участие в решении производственных вопросов, заметно влияли на дисциплину и быт воспитанников, выдвигали кандидатов в органы самоуправления и т. д.

Отмечая факт организации комсомольской ячейки, Макаренко писал в дневнике: «Первой работой комсомольской ячейки было организовать пионеротряд. Большинство коммунаров принадлежало к пионерскому лагерю»³.

К середине января того же года был организован оркестр коммунаров. Антон Семенович уделял много внимания музыкальному развитию воспитанников. От своего шефа — ГПУ УССР — коммуна получила в подарок 30 труб белого металла. Эти инструменты послужили основой для духового оркестра. Коллектив музыкантов увеличился позже до 60 человек. Оркестр на Всеукраинском соревновании был признан одним из лучших самодеятельных коллективов. Коммунары исполняли произведения Мусоргского, Чайковского, Бетховена и др.

Уже в первый год существования коммуна вызывала большой интерес в разнообразных кругах советской и иностранной общественности. Ее посещали советские и зарубежные делегации, среди них большое количество рабочих коммунистических делегаций. Прием гостей начинался

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 24/К. Список детей погибших сотрудников органов ЧК ГПУ, подлежащих определению в Трудкоммуну им. Ф. Э. Дзержинского.

² Там же. Дело № 39/К. Замечания к акту обследования коммуны. Начало 1934 г.

³ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 406.

обычно беседой, которую проводил начальник коммуны, затем гости осматривали учреждение в сопровождении дежурного командира.

9 июля 1928 г. в коммуну приехал А. М. Горький. С вниманием и любовью осматривал Алексей Максимович все учреждение. Свои впечатления он описал в статье «По Союзу Советов».

В сентябре 1928 г. коммуна была пополнена новыми кадрами детей (20 девочек и 30 мальчиков). Таким образом, к концу года число воспитанников достигло 150 человек.

Небольшой штат, с которым учреждение начало свою работу, был уже недостаточен, и Макаренко пригласил новых сотрудников. К концу года штат состоял из 25 человек: начальника коммуны, его заместителя, 8 воспитателей, они же преподаватели, фельдшерицы, капельмейстера, 3 инструкторов по труду, заведующего производством, заведующего хозяйством, бухгалтера, кладовщика, повара, сторожа, судомойки, полотера, 2 прачек¹.

Основу педагогического коллектива составляла группа сотрудников, прибывших в коммуну из колонии имени М. Горького. Среди них должны быть названы Татаринев Т. Д., — заместитель начальника, педагог, прошедший рука об руку с Макаренко весь путь плодотворного труда в колонии и коммуне; Терский В. Н. — выдающийся специалист по организации внешкольной работы, развернувший ее в разнообразных и интересных формах; Калабалин С. А. — ученик Антона Семеновича, талантливый воспитатель, в первые годы существования коммуны работавший спортивным организатором.

К данным 1928 г. остается добавить, что бюджет коммуны равнялся 60 873 руб., из них 57 849 руб. поступило от правления и 3 024 руб. — от производства. Расходы на учебную часть составляли значительную сумму².

1929 год

За год существования коммуны комсомольская организация увеличилась вдвое. К 1 января 1929 г. она насчитывала 32 человека. Комсомол вел активную работу не только внутри коммуны, но и в подшефном хуторе Шишковка.

«В работе самоуправления всего коллектива, — писал Макаренко, — мы опираемся на комсомол... политическое воспитание заключается также в организации постоянных связей между колонией и окружающим миром»³.

Комсомольцы вовлекали сельскую молодежь в политико-просветительную работу коммуны, привлекали их к политзанятиям и к работе своего драматического кружка. По инициативе комсомольской организации, в хуторе Шишковка была открыта школа.

Весной 1929 г. руководитель коммуны наметил перспективу первого летнего похода в столицу Советского Союза — Москву. Это вызвало большой подъем среди коммунарков. Горячее желание побывать в Москве — городе славного прошлого и величайших достижений настоящего, вдохновляло коммунарков к усиленному труду в школе и на производстве.

Заметно возросла прибыль, получаемая от мастерских. 4 000 руб. из этих сумм Макаренко счел нужным употребить на расходы по организации летнего похода-отдыха коммунарков в Москву.

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 21/К. Материалы к докладу о работе коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Конец 1928 г.

² Там же.

³ Там же. Из письма А. С. Макаренко к нач. Управл. соц. воспитания Наркомпроса УССР, 1929 г.

17 июля в 6 часов утра коммунары выехали в столицу, где находились в течение двух недель. «На другой день после приезда были у гроба Ленина... Из Москвы мы приехали новыми, иными — более сильными, уверенными, еще больше чувствуя связь со всем пролетариатом нашего Союза», — писал по поводу этого похода Макаренко в «Марше 30 года». Летние походы сделались впоследствии ежегодной традицией коммунаров.

Первые два года материальное положение коммуны было затруднительным. Коммунары не имели определенного твердого бюджета. Существовать в дальнейшем на процентное отчисление от заработной платы сотрудников ГПУ и небольшой доход от учебных мастерских не представлялось возможным. Необходимо было перейти на государственный бюджет или расширить производство и обеспечить полную самокупаемость.

Макаренко, коллектив педагогов и воспитанников решили избрать второй путь.

Огромная энергия руководства коммуны в целом и высокая работоспособность коммунаров были залогом успеха при организации серьезного производства

1930 год

На третьем году в коммуне появились настоящие производственные установки. Коммуна переходит от учебных мастерских к производству полукустарного типа.

Начальником производства был назначен энергичный и деловой человек — С. Б. Коган. Антон Семенович с теплотой и юмором упоминает о нем, описывая жизнь и деятельность коммуны.

В начале 1930 г. было приобретено несколько старых токарных станков и литейный барабан. Слесарно-механическая мастерская освоила производство медной арматуры, кроватных углов и масленок; деревообделочная — выполняла заказы учреждений Харькова на стандартную мебель; пошивочная — принимала заказы на белье.

Доходы от мастерских дали коммунарам возможность к 1 июня 1930 г. перейти на самокупаемость и отказаться от материальной помощи чекистов.

В это же время, по инициативе Макаренко, была введена заработная плата для коммунаров, которую он рассматривал как средство воспитания.

В докладной записке в Совнарком УССР Макаренко писал: «На получаемой зарплате колонист воспитывается координировать личные и коллективные интересы, приучается к личному бюджету, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально входит в класс пролетариата, становясь на совершенно общие позиции со всяким другим рабочим»¹.

После всех текущих взносов: на свое содержание, в «фонд командиров», на содержание младших товарищей, на займы (коммунары всегда были подписчиками), комсомольские взносы, карманные деньги, размер которых для каждого воспитанника Макаренко определял сам, оставшаяся сумма от заработка как неприкосновенный фонд хранилась на сберегательной книжке коммунара до момента выхода его в «Жизнь», в большинстве случаев до поступления в вуз.

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 47/К. Доклад А. С. Макаренко в Совнарком УССР. Начало 1935 г.

В коммуне очень быстро возникли новые, высшие формы производственного труда — социалистическое соревнование и ударничество.

Широко была распространена в коммуне стимулирующая форма поощрения — премирование. Виды его носили самый разнообразный характер, но всегда глубоко продуманного педагогического воздействия.

В связи с усилением производства и увеличением числа коммунаров, назрела необходимость расширить мастерские и вывести их из центрального здания. В течение июня 1930 г. был выстроен сборный цех деревообделочной мастерской. В повести «ФД-1» Макаренко посвятил истории этой постройки много страниц¹. Это было просторное помещение в 60 метров длиной и 20 метров шириной, крайне примитивное по своей конструкции. Тем не менее, располагая им, коммуна могла увеличить прием заказов по деревообделочной мастерской и выпускать на рынок массовой продукции на 3 000 руб. в день.

Вслед за сборным цехом постепенно были выведены из главного здания и другие цеха деревообделочной и слесарной мастерских. Освободившееся помещение переоборудовали для спортивного зала.

Летом 1930 г. был выстроен жилой дом для рабочих коммуны.

Еще весной 1930 г. Макаренко поставил перед коммунарами «оптимистическую перспективу» летнего похода в Крым. Средства для похода, благодаря напряженному, усиленному труду в мастерских, заработали коммунары.

29 июля, разделившись на три эшелона, коммуна в полном составе отбыла в крымский поход. Все переходы от Севастополя до Ялты были сделаны пешком в течение трех дней.

В Ялте, на берегу моря, разбили палатки. Здесь коммунары провели август, совершая походы и экскурсии.

На обратном пути Макаренко организовал в Севастополе цикл лекций и экскурсий для воспитанников, знакомил их с историческими памятниками города, увенчанного бессмертной славой, города, защищая который в дни Великой Отечественной войны, многие коммунары отдали свою жизнь.

Ежегодные летние походы были в жизни коммунаров самым радостным событием. Воспринимая их тогда как отдых и развлечение, коммунары, конечно, даже не подозревали о том, какое громадное воспитательное значение придавал этим походам Макаренко. Непосредственное знакомство с родиной, с историческими местами, социалистическим строительством великой страны активизировало юношеские патриотические чувства и убеждения, которые с годами учебы и работы становились неотделимой частью мировоззрения коммунаров. Организуя своих воспитанников для преодоления всех трудностей, связанных с переездами и лагерно-походной жизнью, начальник коммуны знал, каким могучим фактором культурно-политического, социального роста и физической закалки коммунаров являлись походы.

Воспитанники Макаренко, участники Великой Отечественной войны, все говорят о том, что эти тренировки во многом способствовали их подготовке к труднейшим напряжениям, неизбежным на фронте.

Коллектив воспитанников коммуны очень быстро рос и развивался, приобретая знания и культуру. Существующая школа уже не могла удовлетворять запросов учащихся, как это и предвидел с самого начала ее организации Макаренко. Необходима была школа, дающая полное среднее образование. На заседании совета командиров совместно с бюро

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 171—179.

комсомола было принято решение об открытии рабфака¹. Ссылаясь на отсутствие вакансий на первых курсах харьковских рабфаков, недостаток стипендий и общежитий, Антон Семенович в недельный срок добился учреждения в коммуне рабфака Харьковского машиностроительного института.

Преподаватели и профессора для занятий были приглашены из высших учебных заведений Харькова. Были оборудованы физический и химический кабинеты, специальная библиотека; все было организовано по принципу — во всех начинаниях добиваться с самого начала высокого качества.

15 сентября 1930 г. коммуна торжественно отпраздновала открытие рабфака 1-го и 2-го курсов.

В дальнейшем (в 1934 г.) рабфак был заменен полной средней школой-дестилеткой, так как желания и дарования всех коммунаров были шире и разнообразнее и их не мог удовлетворить только Харьковский машиностроительный институт.

К осени 1930 г. коллектив воспитанников был уже четко дисциплинированной, крепко слаженной организацией. Культурный и нравственный уровень членов этого коллектива был достаточно высок, и 16 октября Макаренко упразднил должность штатных воспитателей коммуны. Партийное руководство, высокий авторитет комсомольской организации, воспитательная работа преподавателей школы, производство и четко организованная жизнь коллектива были уже достаточно мощными воспитывающими средствами.

В середине октября того же года коммунары принимали участие в работе, имевшей большое значение для дальнейшего культурного и производственного роста учреждения, — постройке дороги к Белгородскому гидронному шоссе. Значительная часть земляных работ для мостовой длиной в 1 250 метров была выполнена силами коммунаров.

Новая дорога ликвидировала бездорожье, о котором Макаренко писал: «...мы положительно изнемогали от бездорожья. Даже пешеходы добирались до шоссе ценою великих страданий и сложной обходной стратегии»².

29 декабря 1930 г. коммуна праздновала трехлетие своего существования. Не только усадьба коммуны, но и весь путь от Белгородского шоссе до коммуны были иллюминированы электрическими фонариками, факелами и кострами на поворотах новой шоссеиной дороги.

После официальной части состоялся концерт оркестра коммунаров и было показано обозрение: «Постройка стадиона». Стихотворный текст к нему написал Антон Семенович. В этой постановке в юмористической форме были отражены учебно-производственные дела коммуны.

Вечер закончился товарищеским ужином в нарядной коммунарской столовой.

1931 год

1931 год был знаменательным в жизни коммуны. В этом году предполагалось осуществить намерение руководства коммуны и мечту коммунаров — перейти от полукустарных мастерских к заводу с новейшим оборудованием. Кроме того, предполагали увеличить число коммунаров на протяжении года вдвое, до 300 человек.

Уровень интеллектуального развития и сознательной дисциплины воспитанников позволил Макаренко осуществить в одном учреждении соединение полного среднего образования с высококвалифицированным произ-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 410.

² Там же, стр. 219.

водительным трудом; это и обеспечило, как показал опыт, исключительное богатство воспитывающих и организующих влияний.

Весной 1931 г. руководство коммуны предложило инженерам-специалистам ознакомиться с коммунарским производством и наметить пути его реконструкции на основе следующих принципов: новое производство должно быть нужным и полезным для страны, технологический процесс его — интересным и полезным для воспитанников, оно должно обеспечить коммуне самостоятельное существование.

Тщательному анализу были подвергнуты различные объекты производства, в результате чего руководством коммуны при участии коммунаров было принято решение строить новый завод переносного электроинструмента — сверлилки. Электрические сверлилки ввозились тогда из-за границы, и их освоение должно было дать государству значительную экономию в валюте.

13 марта был утвержден проект строительства нового завода и корпуса спален на 300 человек, а 13 мая состоялась торжественная закладка новых зданий.

В связи с капитальным строительством на территории коммуны произошли большие изменения. Для строительной площадки завода пришлось пожертвовать старым фруктовым садом. Перспектива своего завода настолько увлекла воспитанников, что они отнеслись к этому факту с должным хладнокровием. Правда, одновременно производилась посадка фруктового молодняка на новом участке.

По плану новые двухэтажные постройки симметрично располагались справа и слева от центрального здания и соединялись с ним переходными мостиками-галереями. Левый корпус предназначался для спален, в нем же проектировалась небольшая больница, гардеробная и подвальное помещение. В каждом этаже планировалось по 23 спальни различной величины.

В правом корпусе по последнему слову техники конструировался из железобетона завод с большими окнами и балконным вторым этажом.

Центральное здание подвергалось полной перестройке: спальни второго этажа обращались в пять просторных аудиторий рабфака, «Тихий клуб» и смежные спальни девочек перестраивались в одно большое помещение — театр на пятьсот человек. «Тихий клуб» переводился в первый этаж, в помещение «Громкого клуба». За счет классных комнат и коридора в первом этаже расширяли столовую, кухню же переводили в подвальное помещение.

Одновременно строился гараж, так как коммуна имела собственный автотранспорт. Строился и четырехэтажный дом для инженерно-технических работников, где с конца 1931 г. на втором этаже находилась квартира Макаренко.

Для осуществления проектов новых зданий была получена от государства ссуда, с последующим погашением, согласно существовавшему общему для всего индустриального строительства положению.

Коммунары со всем энтузиазмом юности помогали осуществлению строительства ударной работой в мастерских и, несмотря на устарелое оборудование полукустарного производства, выдвинули на первый квартал 1931 г. жесткий встречный промфинплан. Мастерские должны были дать за год продукции по себестоимости на сумму в полмиллиона рублей, из которых 300 000 руб. решено было выделить на текущий счет строительства.

Необходимо было ускорить отъезд коммунаров в летний поход, так как вся территория коммуны превращалась уже в строительную площадку.

Работы предполагалось закончить к 1 сентября, к новому учебному году.

15 июля рано утром коммунары разместились в специально отведенных вагонах поезда, отбывающего на Кавказ.

Этот поход по замыслу и осуществлению был весьма сложным. Маршрут пришлось изменить на ходу. Из-за ливней и горного обвала переход по Военно-грузинской дороге, начатый 17 июля, был сорван. Коммунары вернулись в Орджоникидзе и по железной дороге поехали в Баку. Организованная посадка коммунаров в Беслане, нагруженных личными вещами, ящиками с продовольствием, музыкальными инструментами, в переполненный пассажирский поезд, описана Макаренко в повести «ФД-1». Это описание дает полное представление о дисциплинированности воспитанников.

Три дня коммунары находились в Баку. Нефтяные промыслы Азербайджана представляли для коммунаров громадный интерес. «...коммунары, разбежавшись по промыслу десятками групп, через полчаса уже со всеми перезнакомились и успели залезть во все щели и закоулки и расспросить о самых таинственных деталях», — пишет Макаренко в повести «ФД-1».

Из Баку коммунары направились в Батуми. Отсюда на пароходе «Абхазия» 29 июля уехали в Сочи, где уже были разбиты палатки; так как все лагерное имущество было заранее отправлено непосредственно в Сочи. Отдыхая, коммунары не переставали интересоваться строительством завода в коммуне. Шла оживленная переписка с заведующим производством С. Б. Коганом.

После месячного отдыха в Сочи, коммунары на теплоходе «Армения» отправились в Одессу. Здесь им пришлось задержаться почти на две недели, так как из коммуны поступали вести о том, что строительство еще не закончено.

14 сентября, получив разрешение правления, воспитанники выехали в Харьков.

Здание коммуны стояло еще в лесах. Совет командиров объявил «штурм строительства». Коммунары принялись с рвением за работу: разборку лесов, бетонирование, подноску кирпича, планирование площадок перед домом и пр. Была поставлена задача — к Октябрьским дням закончить реконструкцию центрального корпуса, закончить строительство производственного корпуса и начать установку станков.

Коммунары затрачивали много энергии и сил, но это не мешало их школьным занятиям. Они шли обычным, нормальным темпом.

«Только работа этого коллектива над собой, только школа и книга могут определить наше движение вперед. Завод — только часть общей работы над коллективом», — писал Макаренко в письме к члену правления коммуны¹.

Историческое постановление ЦК ВКП(б) о школе 5 сентября 1931 г. было встречено с энтузиазмом педагогическим коллективом, возглавляемым Макаренко.

На комсомольском активе было принято решение: несмотря ни на какие трудности, в срок начать учебный год и всемерно добиваться высокой успеваемости учащихся.

7 ноября на торжественном заседании в честь Великой Октябрьской социалистической революции коммунары рапортовали об успешном окон-

¹ Архив А. С. Макаренко. Из письма А. С. Макаренко к члену правления коммуны (письмо без даты).

чании постройки завода, спален и переоборудовании центрального корпуса.

Напряженный творческий для коллектива коммуны период — лето и осень 1931 г., вдохновивший Макаренко на создание ряда произведений, был ознаменован еще одним значительным достижением — приемом новичков. Сильный, советского стиля, коллектив коммунаров должен был в кратчайшее время «переварить» их и подготовить для учебы в школе и работы на новом производстве. Привлечение коммунаров к этой работе и дальнейшая борьба за изживание примитивных черт характера у новичков, за «социализацию личности» имели большое педагогическое значение, так как в процессе этой борьбы выявлялись и закреплялись уже приобретенные положительные навыки и привычки. Взаимосовершенствовались обе стороны.

30 сентября из числа коммунаров были организованы вербовочные комиссии для набора этого пополнения. Комсомольская организация выделила лучших своих членов для проведения кампании. Комсомольцы направились в различные города Украины. За первую половину октября поступили первые 50 человек. 13 ноября была организована встреча вновь прибывших на Харьковском вокзале; Макаренко описал ее в произведениях «ФД-1» и «Флаги на башнях». Коммунары утверждали, как писал Антон Семенович, что для «обработки» вновь поступивших им достаточен срок в четыре месяца.

Процесс приобщения новичков к культуре быта, учебе и производственному труду не был, конечно, легок. Коллектив педагогов и коммунаров приложил много усилий, чтобы его крепкая, стройная организация привела к сознательной дисциплине отдельных «индивидуалистов», в сложной обстановке, в которую новички попали осенью 1931 г.

В последних числах декабря 1931 г. коллектив воспитанников коммуны приближался к цифре 300.

1932 год

После окончания строительства завода началась работа по монтажу станков, которая закончилась в первых числах января 1932 г.

7 января в коммуне состоялось большое торжество — открытие (пуск) первого в Советском Союзе завода электрических сверлилок коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, получивших марку «ФД-1» (Феликс Дзержинский, выпуск 1-й).

Первый инструмент был выпущен заводом 11 января (вместо 1 апреля по плану).

Трудности пускового периода были велики, но смелая уверенность Макаренко и педагогического коллектива, умение глубоко продумать каждое отдельное мероприятие в общей образовательно-воспитательной системе и упорный труд талантливой советской молодежи помогли преодолеть все трудности. Макаренко всегда оставался педагогом — цель и методы советского воспитания имели для него первенствующее значение.

На июль коммунары приняли уже повышенную программу производства в 1 000 штук электросверлилок, чтобы покрыть свой долг за прошлое отставание от плана.

Завод работал на хозрасчете.

На производстве у станков работали воспитанники 14-летнего возраста и старше, которые вообще составляли большинство коммунарского коллектива; воспитанники моложе 14 лет выполняли всевозможные поручения по переноске и доставке инструментов, деталей и другие легкие

работы. К ним предъявлялось основное требование — учеба в школе. Много времени они отдавали организованной внешкольной деятельности, увлекаясь самыми разнообразными занятиями, богато представленными талантливым организатором этого дела В. Н. Терским.

29 мая 1932 г. был произведен еще один набор новых воспитанников, взятых преимущественно с Харьковского вокзала. Их было 30 человек. Таким образом, число воспитанников коммуны перешло уже за третью сотню.

Комсомольская организация состояла в это время из 180 человек, она объединяла семь цеховых ячеек. Круг деятельности комсомольской организации за пять лет сильно расширился. Пионеров насчитывалось 110. Эти цифры указывают на то, что все воспитанники коммуны вступали в пионерскую и комсомольскую организации.

После интенсивной ударной работы конца предыдущего и начала текущего года коммунары провели свой заслуженный отдых (август) в Бердянске, на берегу моря. В течение этого месяца была развернута в полном объеме внешкольная работа, которая всегда преследовала цели культурного и политического роста воспитанников.

За месяц пребывания в Бердянске коммунары успели выпустить пять номеров газеты «Дзержинец в походе». Коммунары были страстными «газетчиками». С самых первых дней организации учреждения существовала своя газета «Дзержинец». Ее редактировал Макаренко. Материал всегда был в изобилии. Вторая газета — «Шарошка» — достигала иногда пяти метров в длину. Ее иллюстрировали молодые художники-коммунары.

Над коммуной шефствовали многие организации. Оживленную связь поддерживали коммунары с экипажем крейсера «Червона Украина». К десятилетию шефства комсомола над морским флотом коммунары послали свою делегацию к морякам с подарком — продукцией своего завода. В свою очередь на Октябрьские празднества делегация крейсера приезжала в коммуну.

Осенью тринадцать коммунаров поступили в Харьковский машиностроительный институт и пять — в Военно-инженерный. Макаренко всемерно поддерживал стремление коммунаров к высшему образованию.

В середине ноября по заданию НКВД УССР, при участии Макаренко, инженеры приступили к составлению технического проекта завода пленочных фотоаппаратов типа «Лейка», производительностью 30 000 аппаратов в год. 16 ноября было утверждено организационное бюро по постройке нового завода.

Выпуск первых трех фотоаппаратов состоялся еще 26 октября, они были сделаны в помещении Харьковского оружейного завода. Экспертиза одобрила фотоаппарат, сделанный коммунарами, и отметила высокое качество его оптической части.

Выпуск первой серии фотоаппаратов типа «ФЭД» (Феликс Эдмундович Дзержинский) датируется 28 декабря. Они были изготовлены также в помещении оружейного завода.

Хозяйственный и политический рост коммуны становился все более значительным. Коммунары стали подлинными строителями социализма, они неуклонно повышали свой культурный и политический уровень, овладевали сложнейшей современной техникой.

29 декабря 1932 г. коммуна в присутствии представителей НКВД и гостей торжественно праздновала 15-ю годовщину Великого Октября и свое пятилетие. К этому празднику была организована в коммуне большая выставка. Выставки устраивались очень часто, в связи с различными

знаменательными датами. В подготовке материала для них всегда принимали участие члены изокружков. Экспонировались также проекты и планы строительства учреждения и заводов и многие «трофеи», которые привозили коммунары из летних походов.

На вечере было показано обозрение. Текст составил Антон Семенович¹. Темой обозрения служили учебно-производственные успехи и неудачи. Коммунары исполняли куплеты на мелодии классиков русской музыки. В заключение был устроен традиционный праздничный ужин, на котором присутствовали многочисленные гости. Коммунары славились своим гостеприимством.

1933 год

Лето 1933 г. было временем разворота грандиозного, для масштабов детского учреждения, капитального строительства на усадьбе коммуны. Но на этот раз строительные работы не отражались на жизни детского коллектива, так как здания возводились на противоположной стороне шоссе-ной дороги. Конструировалось из железобетона и стекла здание завода пленочного фотоаппарата марки «ФЭД», строилось двухэтажное просторное здание школы, возводился корпус спален, так как с развитием производства непрерывно возрастало и число воспитанников. Заканчивалось строительство второго дома для инженеров и рабочих, начатое осенью 1931 г.

В приказе по коммуне № 66 от 28 июня 1933 г. значилось: «В результате полугодичной работы коммунары-дзержинцы под испытанным партийно-чекистским руководством, на основе шести исторических условий товарища Сталина, выполнили 67% годового плана, выпустив 7 668 электросверлилок.

Рабфак коммуны охватил 338 человек, 25 июня успешно закончил испытания после учебного года.

Трудкоммуне имени Дзержинского с 1 июля предоставляется полуторамесячный отпуск, во время которого перед коммуной стоит задача — создать все необходимые предпосылки для здорового культурного отдыха, добиваясь максимального улучшения состояния здоровья коммунаров и изучения ряда крупнейших социалистических предприятий.

Посещение ряда городов Союза должно проходить в обстановке сближения с чекистскими коллективами, внимание всего состава коммуны должно быть приковано к лучшим достижениям передовых предприятий, к изучению их опыта в области освоения производства, техники, улучшения партийной и комсомольской работы. Это обязывает весь состав коммунаров на все время движения и отдыха к величайшей выдержке, сохранению коммунарской дисциплины, максимальной физической закалке и внимательному изучению всех объектов показа»².

Приводимая выписка, характеризуя содержание и форму летних походов, показывает, что Макаренко учил коммунаров не только хорошо трудиться, но и разумно отдыхать.

1 июля 1933 г. Макаренко, некоторые педагоги, организатор спорта и физкультуры, медицинский и технический персонал — всего 16 человек, вместе с коллективом воспитанников отправились в летний поход, который по размаху и организационным трудностям считался в истории коммуны первым.

¹ Текст обозрения хранится в Архиве А. С. Макаренко.

² ЦГЛА МВД, фонд № 332, опись № 2, ед. хран. № 6. Выписка из приказа № 66 по коммуне им. Ф. Э. Дзержинского, 1933 г., 28 июня.

Колонна коммунаров состояла из 10 взводов. Шли, как обычно, военным строем, с оркестром и со знаменем. Во время похода коммунары подробно осмотрели: музей имени В. И. Ленина в Ульяновске, Горьковский автозавод, Балахнинскую бумажную фабрику, Сталинградский тракторный завод, цементные заводы в Новороссийске.

Путь был далекий, приходилось пользоваться различными видами транспорта. Прибыв по железной дороге из Харькова в Горький, вся группа на пароходе спустилась по Волге до Астрахани, отсюда по железной дороге — до Новороссийска, из Новороссийска на теплоходе — в Сочи. Здесь, в палатках, коммунары провели свой летний отдых, как всегда давший им новые знания, богатый опыт и тренировку, которые нельзя было получить в повседневной трудовой жизни в коммуне.

Макаренко со своими воспитанниками провел в Сочи ряд местных краеведческих и горных экскурсий. В конце августа весь коллектив двинулся в обратный путь на теплоходе по Черному морю до Севастополя. В Севастополе коммунары побывали в гостях у своих шефов — моряков крейсера «Червона Украина».

После возвращения из похода производство пленочного фотоаппарата можно было уже развернуть в специальных зданиях, которые были построены против завода электроинструмента.

В двухэтажном корпусе завода «ФЭД» помещалось конструкторское бюро, в прилегающем одноэтажном — машинный цех.

С огромным упорством и выдержкой осваивали коммунары новый сложный вид производства.

Многие коммунары под руководством инженеров трудились в конструкторском бюро. Так, за короткое время они разработали чертежи и подготовили технологический процесс электрошлифовалок типа «ФД-2», выпуск которых начался еще в первом квартале 1933 г.

Воспитательное значение производительного труда в коммуне в настоящее время уже широко известно. Макаренко точно определил ту гармоническую пропорцию, при которой учеба, производительный труд и физическое развитие воспитанников, дополняя друг друга, являлись в то же время основанием для развития и роста каждой отдельной личности, коллектива и всего учреждения.

Учеба в новом здании школы шла успешно по утвержденным программам. По окончании 1932/33 уч. г. из 50 человек, окончивших школу, больше половины пошли в вузы.

В 1933 г. коммуна праздновала пятилетие комсомольской организации. Были устроены специальные вечера. Все коммунары-комсомольцы получили комсомольские значки.

В 1933 г. Макаренко организовал для воспитанников военный кабинет. В дни мира он не забывал о враждебном окружении и готовил своих воспитанников к всевозможным неожиданностям.

Осенью над коммуной взял шефство Харьковский театр русской драмы. Макаренко всемерно шел навстречу этому. Н. В. Петров — ныне лауреат Сталинской премии — и народный артист УССР А. Г. Крамов возглавили художественное руководство драматическим кружком коммуны. Театральные постановки выявили одаренных воспитанников, которые посвятили себя впоследствии сценическому искусству¹.

«В театре русской драмы мы были своими людьми, мы имели свою ложу на каждый день на 10 человек, и она не пустовала. Театр сыграл

¹ Борискина, Клеточкина, Терентюк, Ткачук и др.

«большую роль в сознании коммунаров, в их мировоззрении и привил нам большую любовь к искусству». Так отзывался о театре воспитанник коммуны Ефим Ройтенберг¹.

С первых лет существования коммуна имени Ф. Э. Дзержинского считалась лучшей среди других детских воспитательных учреждений Государственного политического управления Украины. Ко дню празднования 6-й годовщины коммуны Макаренко издал приказ-обращение к коммунарам, в котором говорилось: «К 6-й годовщине коммуны и к XVII Партийному съезду нашей коммуны, как лучшей и образцовой школе грудового коммунистического воспитания на Украине, надо продемонстрировать свои лучшие школьные, бытовые и производственные показатели. Надо идти под знаком завоевания права быть названными перед Партийным съездом в числе лучших показательных школ коммунистического воспитания, и это право сохранить за собой»².

1934 год

В начале 1934 г. в коммуне было 370 воспитанников, к концу — 510. В связи с ростом числа воспитанников возникла нужда в большом помещении для общих собраний, и «Тихий клуб» был переоборудован под рекреационный зал.

Макаренко писал об этом периоде: «Никогда в истории коммуны активное напряжение производственной, учебной, внешкольной общественной и комсомольской работы не достигало такой степени, как сейчас. Коллектив ведет большую борьбу на нескольких фронтах»³.

В 1934 г. в коммуне была организована школа-десятилетка, созданы специальные курсы по подготовке в высшие учебные заведения и курсы типа фабзауча по повышению квалификации и технических знаний коммунаров. Это обеспечивало воспитанникам все условия для поступления в вузы и способствовало успешной работе на производстве.

8 июля комсомольский комитет постановил, в ознаменование 15-летия комсомола Украины, принимая во внимание ведущую роль комсомольской организации коммуны, выделить стипендии имени 15-летия ЛКСМУ лучшим организаторам и преданным коммунарам-комсомольцам, поступившим в вузы. Решено было выдавать учащимся 50 руб. ежемесячно до окончания учебного заведения. Такие стипендии стали потом традицией коммуны. Стипендии получали также коммунары, призванные в ряды Красной Армии. Перспектива регулярной материальной поддержки в будущем давала детям спокойную уверенность в дальнейшей жизни по выходе из коммуны и стимулировала, в известной степени, стремление продолжать образование.

По постановлению педагогического совета коммуны, воспитаннику, получившему среднее образование, выдавалось единовременное пособие при поступлении в вуз. В зависимости от степени успеваемости и дисциплинированности были установлены пособия трех категорий: для первой категории — 600, второй — 400 и для третьей — 300 руб.

Из сводки важнейших показателей воспитательной части коммуны за 1934 г. можно составить представление о национальном составе коммунаров.

¹ Е. Ройтенберг, Воспоминания об А. С. Макаренко, журн. «Советская педагогика», № 5—6, 1944.

² ЦГЛА МВД. Фонд № 332, опись № 2, ед. хран. № 8. Выписка из приказа № 160 от 27 декабря 1933 г. по коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

³ Архив А. С. Макаренко. Из письма А. С. Макаренко к члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 1934 г.

Из 508 воспитанников

русских	167 чел.	поляков	7 чел.
украинцев	283 "	татар	2 "
белоруссов	2 "	прочих	13 "
евреев	34 "		
		Всего	508 чел.

Интересны также следующие данные:

Самовольных уходов	5
Переведено в другие коммуны	8
Отпущено общим собранием (к родителям)	8
Исключено за проступки	12
Умерло	1
Всего выбыло	34 чел. ¹

Эти цифры свидетельствуют о том, что борьба коллектива за сознательную дисциплину шла настойчиво и непрерывно. С упорными нарушителями дисциплины коллектив поступал строго.

Макаренко чрезвычайно строго относился к оценке состояния коммуны, к оценке своей работы. Много он требовал и от воспитанников. Эта требовательность в высокой степени способствовала дисциплинированности учреждения.

Сочетание требовательности к людям с искренним доверием к человеку создавало атмосферу, в которой совместное воспитание юношей и девушек не являлось особой проблемой.

Макаренко писал: «В целом Союзе, а может быть и во всем мире, наша коммуна единственное учреждение, которое взялось за совместное воспитание юношей и девушек в условиях общего интерната, и даже больше, в условиях общего коридора спален»².

В начале существования коммуны комсомолу пришлось затратить много энергии, чтобы поднять активность девочек, пробудить в них интерес к общественной жизни. В 1934 г. старшие девочки уже были комсомолками, все девочки работали в кружках, даже таких, как планерный.

В коммуне проводился точный учет внешкольных занятий, в конце месяца представлялись сводки о работе каждого кружка и каждого кружковца. Руководил кружками клубный совет — орган комсомольской общественности. Клубный совет издавал газету «Резец»; ее критические выступления в духе требовательной самокритики немало содействовали общественно-политическому воспитанию коммунаров.

В августе 1934 г. коммунары отдыхали в Красногорске, в живописной местности, на берегу реки Донец; они жили в лагере, как всегда, в палатках. Выбор места отдыха и на этот раз не был случайным: Антон Семенович считал необходимым ознакомить своих воспитанников с промышленным районом Донбасса. Он организовал смычку коммунаров с шахтерами. Здесь были показаны постановки драматического кружка коммуны, которые, по инициативе Антона Семеновича, устраивались на плоту, на реке. Берег служил амфитеатром для зрителей. Богатая иллюминация и феерический вид этих представлений привлекали большое количество посетителей, среди которых было много шахтеров.

29 декабря 1934 г. коммуна торжественно отпраздновала свое семилетие. Во время этого праздника одна воинская часть поднесла комму-

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 40/К. Сводка важнейших показателей по воспит. части коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 1934 г.

² Архив А. С. Макаренко. Дело № 39/К. Замечания к акту обследования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 1934 г.

нарам в подарок самолет. Макаренко считал, что этот подарок увеличил интерес коммунаров к авиации. Многие коммунары, как известно, посвятили свою жизнь авиационному делу и доблестно защищали Родину во время Великой Отечественной войны.

1935—1936 годы

Макаренко писал о том, что «...коллектив не должен быть обособленным в своем успехе и в своей стройности», что «...все детские колонии могут переживать гордость своей организации на фоне общего развития»¹; исходя из этого, он установил живую связь коммуны с рядом украинских детских учреждений, с колониями: Дергачевской, Гиевской имени Т. Шевченко, колонией имени М. Горького, с харьковскими 82-й и 55-й школами для слепых (в данном случае Антон Семенович также преследовал цели гуманистического воспитания) и другими организациями. Общение между ними, часто организуемые спортивные состязания, обмен опытом заметно обогащали каждое учреждение.

В коммуне, как уже упоминалось, итоги учебно-воспитательной работы подводились ежегодно. Здесь часто устраивались производственные и художественные выставки. В связи с этим из года в год накапливался большой материал, который дал возможность в 1935 г. организовать музей-архив. Это был специальный зал рядом с библиотекой, где были богато представлены экспонаты учебно-производственного и художественного характера.

В 1935 г. заводы коммуны достигли полной производственной мощности. Коммунары успешно перевыполняли годовой производственный план. Показатели производительности труда за январь 1935 г. свидетельствуют о том, что большинство коммунаров превысило намеченную программой норму. Например, Семенов дал 379% плана, Стрелянный — 280%, Яровой — 228%, Гашко — 206% и т. д. Среди коммунаров были рационализаторы. Так, например, Ваня Ткачук² внес ценное усовершенствование в производство фотоаппаратов³.

Коммуна непрерывно росла. В 1935 г. число воспитанников достигло 600 человек.

Новый завод фотоаппаратуры состоял уже из четырех корпусов. Перед заводом был разбит сквер, устроены цветники, на дорожках стояли скамьи для отдыха.

Коммуна в целом производила впечатление культурного индустриального городка с юным жизнерадостным населением, уверенным в своей созидательной силе. Это были молодые строители социализма, которые твердо шагали по Сталинскому пути.

Такой оставил Макаренко коммуны имени Ф. Э. Дзержинского — свое детище — 1 июля 1935 г., уезжая в Киев на новую работу.

Макаренко был назначен заместителем начальника детских трудовых колоний НКВД УССР. Работа большого диапазона в Киеве не прерывала его живого участия в дальнейшем в жизни коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, куда Макаренко приезжал много раз для разрешения важнейших вопросов.

¹ Архив А. С. Макаренко. Из письма А. С. Макаренко к члену правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, 1934 г.

² И. Ткачук — ныне артист Центрального детского театра в Москве.

³ Архив А. С. Макаренко. Дело № 46/К. Показатели производит. труда по электропроизводству коммунаров-дзержинцев за январь 1935 г.

В мае 1936 г. в Киеве была организована Отделом трудовых колоний НКВД УССР олимпиада, в которой участвовали воспитанники всех детских домов.

Коммунары-дзержинцы прибыли в Киев, где радостно встретились с Антоном Семеновичем. 1 Мая они принимали участие в параде. Колонну возглавлял Макаренко. 4 мая состоялся показ художественной самодеятельности. В составлении программы выступлений коммунаров Антон Семенович принимал непосредственное участие. Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского заняла среди соревнующихся первое место.

В июне 1936 г. коммунары выступали в клубе НКВД СССР в Москве. В некоторых видах художественного показа коммунары и здесь сохранили первенство¹.

Большие достижения, к которым пришла коммуна за восемь лет, создали ей широкую известность в Советском Союзе и за рубежом; ее посещали многочисленные делегации иностранных рабочих и отдельные лица. В архиве Макаренко хранится книга отзывов, которая была заведена в день открытия коммуны — 29 декабря 1927 г.

На ее страницах записаны на языках многих народов пяти частей света горячие отзывы посетителей.

* * *

Во время Великой Отечественной войны фашистские дикари разрушили здания коммуны — взорвали светлый памятник, созданный советскими людьми, проникнутыми глубоким чувством патриотизма.

Но педагогический опыт Макаренко, осуществленный в коммуне, остается ценным вкладом в советскую педагогическую науку и служит великому делу воспитания новых людей коммунистического общества.

¹ Архив А. С. Макаренко. Дело № 62/К. Олимпиада художеств, самодеятельности трудовых коммун и колоний НКВД УССР, 1936 г., май.

**ДЕТСКИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В КОММУНЕ
ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО**

А. Г. ТЕР-ГЕВОНДЯН

Педагогический процесс в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского был основан на сочетании обучения с производительным трудом, теории с практикой.

В основном этот процесс прошел три стадии развития, а именно:

1. Организация производительного труда воспитанников коммуны в мастерских (1927—1929).

2. Организация производительного труда воспитанников в цехах полкустарного производства (1930—1931).

3. Организация производительного труда воспитанников на современном заводе, оборудованном по последнему слову новейшей техники (1932—1936).

К организации детского производительного труда в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского А. С. Макаренко приступил с теоретически осмысленным педагогическим опытом в этом направлении, накопленным еще в колонии имени А. М. Горького. Поэтому, прежде чем говорить о содержании и характере производительного труда детей в коммуне, остановимся вкратце на предшествующем периоде.

**КРАТКИЙ ОЧЕРК ОРГАНИЗАЦИИ ДЕТСКОГО ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОГО ТРУДА
В КОЛОНИИ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО
(1920—1927)**

В самом начале организации трудовой жизни в колонии имени А. М. Горького Макаренко исходил из того, что труд сам по себе не может служить средством воспитательного воздействия на детей; он видел, что большинство воспитанников не питало отвращения к труду, что многие из них умели живо и весело работать. Вместе с тем это желание работать сопровождалось у многих воспитанников отрицательным отношением к учебе и полным отсутствием у них планов и перспектив на будущее.

Продолжая свои наблюдения, Макаренко пришел к важному педагогическому заключению, которое было сформулировано им в следующих словах: «...трудовой процесс, рассматриваемый отдельно, быстро и легко становится автономным механическим действием, не включенным в общий поток психологической жизни, чем-то наподобие дыхания или ходьбы. Он отражается на психике только травматически, а не конструктивно, потому его влияние на создание новых общественных мотиваций совершенно ничтожно»¹.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. I, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 649.

Перед Макаренко встал вопрос о воспитательной ценности труда в зависимости от его характера.

Ремесленный труд в мастерских, по мнению Макаренко, стоит выше самообслуживания, так как он имеет свою внутреннюю логику, основанную на некотором разделении труда. Идея ответственности представлена в ремесленном труде более выразительно, чем в труде по самообслуживанию.

Но вместе с тем в ограниченной замкнутости ремесленного труда кроется опасность возникновения антисоциальных мотиваций поведения. Не только у себя, но и в других колониях, где работа строилась на воспитании ремесленника-отличника, Макаренко наблюдал у некоторых воспитанников появление самоуверенности в суждениях, соединенной с невежеством, ограниченности мысли и бедности речи, мелкобуржуазных идеальчиков, мелочной завистливости и т. п.

Но достаточно было небольшого усилия, говорит Макаренко, чтобы заметить, что улучшение морального состояния воспитанников происходит параллельно с развитием хозяйства, по мере того, как коллектив входит в руководство этим хозяйством. Отсюда Макаренко сделал вывод, что развитие хозяйства, которое содержит в себе «постоянный заряд напряжения и работы, если это движение вызывается к жизни сознательным стремлением и пафосом коллектива, обязательно создаст самое главное, что необходимо колонии: морально здоровый фон, на котором более явственный моральный рисунок уже не так трудно будет выполнить»¹.

Первым шагом к организации коллективного труда в горьковской колонии было создание отрядов по производственному принципу.

Сначала в колонии имени А. М. Горького существовали так называемые первичные отряды с командирами во главе. Все командиры отрядов, вместе взятые, составляли совет командиров, руководивший всей жизнью колонии. Отряды были распределены по мастерским и другим производственным единицам.

В дальнейшем, в связи с развертыванием сельскохозяйственных работ, были организованы сводные отряды. Сводные отряды как временные организации, составившиеся из воспитанников первичных отрядов, должны были вывести колонистов из ограниченного круга ремесленных интересов и включить их в общий поток коллективного труда.

Говоря об усложнении организации коллективного труда путем создания сводных отрядов, Макаренко подчеркивал: «Это усложнение, собственно говоря, было самым важным изобретением нашего коллектива за все тринадцать лет нашей истории. Только оно позволило нашим отрядам слиться в настоящий, крепкий и единый коллектив, в котором была рабочая и организационная дифференциация, демократия общего собрания, приказ и подчинение товарища товарищу...»².

Сводные отряды послужили прекрасным средством воспитания организационных навыков, так как они возглавлялись в большинстве случаев рядовыми колонистами, приобретающими в роли командиров опыт руководящей работы.

Вместе со сводными отрядами был введен четкий график работ с указанием рабочего времени и времени отдыха.

Небезынтересно отметить, что впервые Макаренко применил опыт коллективной организации детского производительного труда по отрядной системе еще в 1917—1919 гг. в Крюковском железнодорожном выс-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. I, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 652.

² Там же, стр. 200.

шем начальном училище. Это был первый шаг, сделанный Макаренко по пути практического осуществления идеи советской трудовой школы. Училище, в котором преподавал Макаренко, имело свои сады и огороды. Все дети от 12 до 16 лет были распределены по отрядам — садоводов, огородников. Каждый из отрядов делился на подразделения в зависимости от трудового задания. Так были созданы подразделения свекольников, капустников, яблочников и др. Каждый из участников работы носил на рукаве отличительный знак с изображением плода (свеклы, моркови, груши и др.).

На работу ученики собирались у школы. В назначенный час по звуку горна рабочий коллектив выстраивался на площадке перед школой. Впереди стояли знаменщик, горнист и барабанщики. Выходу Макаренко предшествовала команда «смирно». Он торжественно принимал рапорт, вступал в командование рабочей колонной и вел ее на место работы походным маршем. После работы ученики возвращались в школу тем же походным маршем. У здания школы Макаренко произносил краткую речь об итогах дня, и дети расходились по домам.

Таким образом, творческие искания Макаренко в области организации производительного труда детей восходят к тому времени, когда только начинала создаваться советская трудовая школа.

Возвращаясь к организации труда в колонии имени А. М. Горького, необходимо указать, что, несмотря на ограниченность материальных ресурсов, хозяйство колонии было передовым. Елизавета Федоровна Григорович, выведенная в «Педагогической поэме» в образе Екатерины Григорьевны, в своем выступлении на одном заседании, посвященном памяти А. С. Макаренко, сказала: «Одних свиней у нас было 150 штук. Да какие это были прекрасные породистые свиньи! У нас была замечательная пшеница, селяне приходили смотреть ее, удивлялись!»¹.

Агрономом колонии были разработаны рационы кормления скота и составлен график их использования.

Сев производился по шестипольной системе. Все поле было разбито на отдельные участки для разных культур. Участок от участка отделялся надписью с указанием названия культуры и количества затраченного посевного материала. Кроме того, был выделен опытный участок.

Колонистов увлекала красота и стройность агрономической техники.

Влияние коллективного сельского хозяйства на местное население, особенно на молодежь, было огромным.

Одним из наиболее ярких признаков социалистической организации труда колонии было соревнование, которое охватило всех воспитанников. Оно нашло свое выражение в отношении к труду как нравственной обязанности члена коллектива, в высокой производительности труда, товарищеском отношении к отстающим, в рациональной организации производственных процессов, в дружной работе воспитанников.

Благодаря сознательному отношению к поставленной цели, всякая работа выполнялась колонистами весело и бодро. Эту приподнятость духа в социалистическом труде Макаренко отметил словом «мажор», придав ему значение той высокой политической сознательности, которая служит источником жизнерадостности советского человека.

С особой торжественностью в колонии имени А. М. Горького отмечались итоги продолжительного и упорного труда. Во время уборки урожая, например, первое перевесло вручалось наиболее отличившейся в труде колонистке, лучшему косарю вручалась коса, перевязанная

¹ Стенограмма заседания кафедры педагогики Харьковского государственного педагогического института иностранных языков от 25 ноября 1940 г.

красным бантом. Всем хорошо известны волнующие страницы «Педагогической поэмы», где даются картины молотьбы и описание праздника первого снопа.

В романтике социалистического труда Макаренко нашел источник эмоционального воздействия на детский коллектив, средство коммунистического воспитания детей. Детский производительный труд был внутренне связан со школой, со всей системой разнообразной культурно-воспитательной работы.

В колонии имени А. М. Горького существовали школа в составе шести классов и группы подготовки на рабочие факультеты. Макаренко всячески расширял образовательные идеалы воспитанников. Стремление колонистов к поступлению на рабфак красной нитью проходит через всю «Педагогическую поэму».

«Наши школьные занятия, — писал Макаренко, — очень много давали колонистам и сильно углубили их политическое образование»¹.

Уже в ту пору совершенно ясно определилось отрицательное отношение Макаренко к комплексному методу обучения, т. е. искусственному подчинению образовательного материала трудовым процессам в ущерб систематическому прохождению основ наук. Проблемы коммунистического воспитания детей в колонии имени А. М. Горького решались Макаренко на основе соединения обучения с производительным трудом.

ДЕТСКИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В МАСТЕРСКИХ КОММУНЫ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО (1927—1929)

В период с 1927 по 1929 год в коммуне имени Дзержинского существовали учебные мастерские: слесарно-механическая, деревообделочная, швейная и сапожная. Кроме того, была организована кузница. Задача учебных мастерских заключалась в том, чтобы приобщить воспитанников, бывших беспризорных детей, к трудовой жизни и в условиях борьбы за создание советского коллектива воспитать черты коммунистической личности. Кроме того, на фоне общего трудового воспитания коммунары овладевали определенной рабочей специальностью, что сообщало им чувство уверенности относительно их материального благополучия после выхода из коммуны. Таким образом, обучение в мастерских представляло собой своеобразную форму подготовки рабочих кадров, хотя и не совпадающую полностью с задачами школ ФЗУ. Это своеобразие было обусловлено тем, что обучение специальности происходило вне фабрично-заводской обстановки, независимо от плана воспроизводства рабочей силы на предприятии. Поскольку подготовка специалиста сочеталась с участием в общей трудовой жизни коммуны, установление точных, определенных сроков производственного обучения в рассматриваемых условиях не имело значения. Однако обучение все-таки производилось по программам, которые разрабатывались инструкторами мастерских с участием работников отдела народного образования, а для определения рабочей квалификации коммунаров периодически назначались комиссии. Так, например, в учебно-производственном плане коммуны за 1928 г. читаем: «Подготовить учебные мастерские 1 августа к проведению экзаменационных работ для опреде-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 213.

ления квалификации каждого коммунара, для чего подготовить соответствующие рабочие книжки и все сведения о каждом коммунаре, о пройденном им курсе и выполненных заданиях»¹.

Уже спустя год после организации коммуны, наметилась тенденция развития мастерских «в сторону серьезного производства», — как это отмечает Макаренко в «Материалах к докладу о работе коммуны им. Дзержинского». Задачи мастерских на этом этапе Макаренко определил следующим образом: «Нужно найти средний путь: сохраняя общий деловой производственный уклон с применением стандартизации, в то же время обеспечить постоянный процесс рабочего совершенствования ребят». Таким образом, коммуна пошла по пути разумного сочетания учебных и хозяйственных задач.

Это направление соответствующим образом отразилось в построении программ производственного обучения. В программах видное место было отведено изготовлению законченной продукции, а отдельные операции и тренировочные работы были сведены до необходимого минимума. В обучении преимущество отдавалось предметному методу, т. е. навыки, умения и приемы приобретались коммунарами, главным образом, в процессе изготовления отдельных предметов. Предметный метод, в свою очередь, требовал подготовки специалиста широкого профиля, способного выполнить от начала до конца все операции, связанные с производством данной вещи. Многообразие рабочих функций давало возможность перебросить коммунаров с одного места на другое в зависимости от нужд производства.

В коммуне возникла практика учебно-производственных заданий, представляющих собой план выпуска мастерскими готовой продукции. В задания включались программные и другие посильные работы, выполняемые для собственных нужд коммуны и в порядке заказов от различных организаций. В результате этого у коммунаров воспитывалось отношение к труду как к общественнополезной деятельности. Целе-направленный труд дзержинцев служил могучим стимулом для повышения эффективности производственного обучения.

Работа в мастерских происходила в две смены, по три с половиной часа в каждую смену, чередуясь с обучением в школе. Что же касается пресловутой «увязки» школьной программы с производственным обучением в мастерских путем «комплексирования», «интегрирования» или «синтезирования», то по этому вопросу Макаренко высказался впоследствии в своем докладе «Из опыта работы», прочитанном на совещании учителей Ярославской железной дороги 29 марта 1939 г. Он говорил: «Вы помните, наверное, предрассудок, что трудовой процесс должен быть связан с учебной программой. Сколько мы поломали головы на этом проклятом вопросе. Вот он делает табуретку и надо, чтобы это было связано с географией и с математикой. Я очень плохо себя чувствовал, когда приезжала комиссия и не находила согласованности между табуреткой и русским языком. Потом махнул рукой и прямо стал утверждать, что не должно быть никакой связи». Так Макаренко утвердил независимую логику систематического расположения учебного материала, исключаящую внешнюю, формальную, искусственную связь между теоретическим и производственным обучением.

Учебная слесарно-механическая мастерская помещалась в тесной комнате, в которой могло разместиться за рабочими местами лишь десять коммунаров. Ее оборудование состояло из тисков, токарно-

¹ Архив коммуны им. Дзержинского, дело № 18.

винторезного станка, двух самоточек, болторезного станка, двух фрезерных станков, шепинга, двух сверлильных станков, универсального станка для точки инструментов. Чтобы составить представление о характере работы, выполняемой слесарно-механической мастерской, достаточно привести одно из производственных заданий. Так, например, с 15 июня по 15 августа 1929 г. мастерская выполняла учебные работы по программе и заказы для Южных железных дорог на металлические лунки (ячейки для билетов городской станции). Было изготовлено 180 лунок, на сумму 1 500 руб.

Рядом со слесарно-механической мастерской находились две деревообделочные мастерские — учебная и промышленная, расположенные в одном помещении. Оборудование деревообделочных мастерских состояло из трех токарных станков, ленточной пилы, циркулярной пилы, строгального и малого фрезерного станков, станка для заделки шипов, торцевального и фуговального станков, точильного автомата и другого вспомогательного оборудования. В помещении было тесно — нехватало места для материала и готовой продукции. Поэтому в первый же год существования коммуны был построен складочный сарай и оборудована сушилка.

Для характеристики целевой установки каждой из деревообделочных мастерских приведем следующие данные:

1) Задание учебной мастерской с 15 июня по 15 августа — выполнение учебных работ и заказов, связанных с программой (рамы, табуреты, шкафики для инструментов, тумбочки, витринки, шкафики для рубильников), на сумму до 350 руб.

2) Задание промышленной мастерской на то же время — изготовление 18 кабинок для Южных железных дорог на сумму до 1 200 руб., изготовление мебели (72 стула, 5 шкафов и 3 письменных стола) на сумму до 1 500 руб.

В учебной мастерской коммунары обучались под руководством инструктора производственного обучения. В промышленной мастерской работали наемные рабочие на началах сдельной оплаты, а коммунары старших возрастов, имеющие квалификацию по 2-му разряду, привлекались в качестве подручных.

Из приведенных данных мы видим, что в учебной мастерской объем продукции, выраженный в стоимости затраченного на заказы труда, был невелик; в промышленной же мастерской выполнялась более квалифицированная, трудная и сложная работа. Общая стоимость труда значительно выше. Следовательно, в первом случае, учебная работа явно преобладала над производственной, что является доказательством правильной постановки обучения.

В швейной мастерской работали девочки. Они обучались шитью белья и простейшей верхней одежды (гимнастерки, брюки, блузки, юбки). 12 девочек, работая по три с половиной часа в день в течение января—марта 1928 г., обшили всех воспитанников коммуны, которых к этому времени насчитывалось более 80 человек. За этот срок они выпустили из мастерской 168 штук верхней одежды, 462 штуки крупных бельевых изделий, 188 штук мелких вещей, а всего 818 изделий. Кроме того, швейная мастерская принимала заказы. Учебно-производственное задание на время с 15 июня по 15 августа 1928 г. включало пошивку белья и костюмов для коммуны и трусов для спортивного общества «Динамо» на сумму 450 руб.

В сапожной мастерской обучались дети младшего возраста. Но уже спустя месяц после организации коммуны, Макаренко увидел, что сапожная мастерская оказывается слишком непривлекательной для вос-

питанников, слишком кустарной по сравнению с электрифицированными деревообделочными и слесарно-механической мастерскими; пришлось в скором времени мастерскую закрыть. В своем докладе в Правление коммуны Макаренко по этому поводу писал: «Коммунары 1-го отряда (сапожники) представляют поставленными в слишком узкие производственные условия: несложный сапожный инструмент, однообразная и простая работа составляют чересчур большой контраст с другими мастерскими. Этот контраст при этом не только кажущийся, и в действительности комплекс воспитывающих и организующих влияний в сапожной мастерской беден для других влияний коммуны».

Макаренко пришел к заключению, что наиболее целесообразным, с педагогической точки зрения, будет создание для детей младшего возраста универсальной свободной мастерской. Мысль эта возникла на основе наблюдений за деятельностью малышей в изокружке, где с помощью простейших инструментов изготавливались из самого разнообразного материала модели аэропланов и машин, игры, буафория для театральных постановок и другие вещи. Эта мысль была аргументирована Макаренко в том же докладе следующим образом:

1. Универсальная свободная мастерская назначается для регулярных занятий детей младшего возраста и свободных занятий всех коммунаров в клубные часы.

2. В мастерской сосредоточены материалы и первичные инструменты по всем видам работы: по дереву, металлу, коже, гипсу, картону, электричеству и пр.

3. Она имеет целью подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей и дать ему возможность проявить себя в свободном трудовом усилии.

4. Она не может иметь никакого производственного уклона, но из нее могут выходить интересные вещи, как-то: игрушки, модели, мелкие вещи комфорта, детали.

5. Она вначале может быть бедна, но с течением времени будет обогащаться новыми видами работы и инструмента.

6. Будучи свободной мастерской, она должна все же обязательно приучать воспитанников к серьезному отношению к работе, к ответственности.

В коммуне имени Дзержинского все дети были распределены по производственным отрядам, состав которых был точно определен количеством рабочих точек в той или иной мастерской. Отряд имел не только производственное, но и бытовое значение. Из производственных отрядов еженедельно выделялось для работ по самообслуживанию определенное количество коммунаров. Исключительно производственными ячейками являлись рабочие бригады, на которые подразделялся отряд. Во главе каждого отряда стоял командир, избираемый на общем собрании сроком на 3 месяца. Все командиры составляли совет командиров, который и являлся органом самоуправления. Воспитанники младшего возраста были сведены в 3 запасных отряда и в большинстве своем были заняты на работах по самообслуживанию.

Отрядная система способствовала укреплению дисциплины и выполнению учебно-производственных заданий. Благодаря отрядам успешно была проведена техническая реконструкция коммуны: кустарные мастерские были реорганизованы в цеха полукустарного производства, а впоследствии был организован совершеннейший в техническом отношении завод.

Сделаем некоторые выводы относительно педагогического содержания труда в описанных условиях.

Чередование умственного и физического труда положительно действовало на воспитанников; в процессе трудовой деятельности у них вырабатывались ценные психо-физические качества.

Наличие коллективной перспективы повышало интерес коммунаров к труду. Даже неинтересная работа, включенная в общий поток политической насыщенной жизни коллектива, становилась привлекательной для воспитанников.

Производительный труд привлекал коммунаров ощутимостью своих результатов и сравнительной быстротой их достижения. В условиях коммуны производительный труд был решающим условием приобщения бывших беспризорных детей к трудовой деятельности вообще.

По мере овладения рабочей специальностью, у коммунаров росла и крепла уверенность в невозвратимости прошлой жизни и в материальном благополучии после выхода из коммуны.

В производительном труде воспитанники коммуны приобретали специальные рабочие навыки и умения, знакомились на практике с технологией материалов, овладевали элементарными сведениями по технике и организации простейшего производства. В производительном труде рождались и возникали научные интересы, требовавшие широкого общего образования.

Представление о ценности человеческого труда расширялось у коммунаров благодаря широкой программе производства, далеко выходящей за пределы самообслуживания и удовлетворения личных потребностей. В сознании дзержинцев производительный труд приобретал значение общественнополезной деятельности. Это сознание служило источником социалистического отношения к труду. Воспитание социалистического отношения к труду было постоянной заботой руководства, партийной и комсомольской организации коммуны.

Упражнения в различных видах деятельности, достигаемые соединением производительного труда с обучением, содействовали многостороннему развитию коммунаров.

ДЕТСКИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ЦЕХАХ ПОЛУКУСТАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА КОММУНЫ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО (1930—1931)

В начале 1930 г. производственная база коммуны подверглась серьезной реконструкции. Мастерские были реорганизованы в цехи объединенного предприятия полукустарного типа. Новое производство состояло из следующих цехов:

1. Механического (слесарчо-токарный) цеха.
2. Машинного цеха деревообделочной мастерской.
3. Сборного цеха деревообделочной мастерской.
4. Литейного цеха.
5. Никелировочного цеха.
6. Пошивочного цеха.

Было приобретено новое оборудование для цехов, список которого дан Макаренко в романе «ФД-1»:

1. Токарных станков	14 шт.
2. Шлифовальных станков	4 "
3. Экстаустанов	2 "
4. Вагранок	1 "
5. Прессов	3 "
6. Револьверных станков	1 "
7. Опок	30 пар

Оборудование было изношенным и устаревшим.

Вместе с оборудованием, доставленным из Киева, прибыли квалифицированные мастера. Для размещения оборудования и наемных рабочих были построены новые помещения: жилой глинобитный дом и огромный деревянный сарай, прозванный коммунарами «стадионом». В двух комнатах подвального этажа главного корпуса разместился машинный цех деревообделочной мастерской; в «стадионе», расположенном неподалеку от главного дома, — сборный цех. Слесарно-токарный цех обосновался в новом каменном доме, к которому был пристроен небольшой деревянный сарайчик для литейного цеха. Подвальное помещение было отведено под никелировочно-шлифовальный цех. В жилом доме, кроме квартир для рабочих, были расположены пошивочный цех, столовая, бухгалтерия и красный уголок.

Производственный процесс в некоторых случаях ограничивался одним цехом; например, шитье трусиков — в пошивочном цехе; в иных случаях он объединял два цеха. Так было при производстве аудиторных и чертежных столов и стульев. Из машинного цеха деревообделочной мастерской выходили отдельные детали с шипами и пазами; в сборном цехе они приводились в более блестящий вид, а затем собирались в целую вещь. Несколько сложнее протекал технологический процесс при производстве кроватных углов; они отливались в литейной, их цилиндрические плечи очищались резцами на токарных станках, а после этого кроватные углы поступали в никелировочный цех.

Большое разнообразие цехов Макаренко мотивировал в «Марше 30 года» необходимостью удовлетворить разнообразные вкусы и наклонности коммунаров, дать возможность детям различных возрастных групп (от 13 до 17 лет) выбрать тот фабуауч, который им больше по душе или к которому у них есть определенные способности.

Что же конкретно представляло собой новое производство коммуны?

В механическом цехе в смену работало 14 мальчиков под руководством мастера, его помощника и 7 квалифицированных рабочих — токарей и слесарей. Здесь коммунары обтачивали медные углы для кроватей и медные масленки. Работа протекала при большой производственной активности, напряженно, и механический цех бесперебойно отправлял на склад готовую продукцию.

В случае каких-либо неполадок коммунары работы не останавливали, но и не забывали о случившемся; неполадки обязательно обсуждались на ближайшем производственном совещании.

В машинном цехе деревообделочной мастерской работало по 8 коммунаров в смену. Целыми штабелями лежали под стенами и у машин ножки, царги, проножки, планки и прочие полуфабрикаты, предназначенные для сборного цеха. Коммунары работали у шипореза, у циркулярной пилы и у фуговального станка.

Сборный цех построен был очень примитивно. Стены его были сделаны из двойного ряда горбылей и засыпаны внутри стружками. Двери были сделаны из дикта и скреплены обрезками деревообделочного производства. Крыша была покрыта толем. Пол был составлен из многочисленных отрезков разной длины, ширины и толщины. Кругом были нагромождены табуретки, стулья, части столов, козелки и разные детали. Около сборного цеха штабелями грузили на подводы театральные кресла, аудиторные столы и стулья и другие изделия.

Техническую основу литейного цеха составляла медеплавильная печь примитивной конструкции. Она представляла собой горизонтально установленный цилиндр с боковым завалочным люком. Этот же люк служил для выпуска расплавленного металла. Процесс плавки осуще-

ствлялся с помощью нефтяной форсунки, приделанной к барабану и питающейся нефтью от прикрепленного к стене бака. В первое время литейная всегда была полна дыма. Самое совершенное, что мог придумать мастер для устранения дыма, была железная труба, укрепленная при помощи проволочных растяжек на крыше литейной. У отдельных верстаков малыши были заняты изготовлением шишек из специальной шпильной массы.

На полу литейной были расположены опоки, в которых коммунарами старшего возраста производилась формовка деталей.

Ярким показателем высокой производительности труда коммунаров, работавших в литейном цехе, являются цифры, приведенные Макаренко в «Марше 30 года». Многие коммунары изготовляли за четырехчасовой рабочий день 200 шишек вместо установленных нормой 100. В связи с этим бригада шпильщиков сокращалась, а старшие коммунары этой бригады переводились в другие цехи.

Никелировочный цех состоял из двух отделений: шлифовального и никелировочного. В первом отделении медные части, вышедшие из слесарно-токарного цеха, шлифовались и полировались на станках. Во втором отделении они промывались и очищались бензином и известью, а затем опускались в никелировочные ванны.

В пошивочном цехе девочки, работая на швейных машинах, выпускали тысячами сатиновые трусики.

Все производство в целом носило еще примитивный характер, но по сравнению с первоначальными мастерскими оно представляло значительный шаг вперед. Мастерские не отвечали полностью тем педагогическим задачам, которые решал Макаренко. Он с самого начала существования коммуны стремился создать на основе производительного труда воспитанников такой трудовой коллектив, который позволил бы осуществить педагогическое воздействие не только прямым, но и параллельным путем, т. е. построить педагогический процесс «на фоне интересов не только узко педагогического процесса, а борьбы за лучшее учреждение, за его богатство, процветание и добрую славу, за культурный быт, за счастливую жизнь коллектива, за радость и разум этой жизни»¹.

Новые производственно-технические условия давали возможность более успешно решить вопрос о подготовке кадров. «...Наши ребята, — писал Макаренко, — получают образование и коллективное воспитание. Это есть то, что называется новыми кадрами... За три года пребывания в коммуне коммунары становятся квалифицированными рабочими в нескольких областях труда»².

Лучшим подтверждением правильности своих установок Макаренко считал положительные отзывы рабочих Харьковского канатного завода о квалификации подготовленных в коммуне токарей.

Отличительной чертой нового периода была также достаточная самостоятельность коммунаров, явившаяся результатом повышения их общей производственно-технической культуры и коллективного сплочения на основе выполнения общих задач. В первое время, пока коммунары не умели работать, было много наемных рабочих. Это были преимущественно кустари. Они работали, пока система организации труда была сдельно-индивидуальной, но затем в силу взаимного недоверия и подозрительности многие из них не согласились на вводимую в коммуне бригадную организацию труда. Руководство коммуны было

¹ А. С. Макаренко, Методика организации воспитательного процесса, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 99.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 55.

вынуждено освободиться от таких рвачески настроенных людей; оставлены были только те, кто сжился с коммунарами, кто готов был идти по пути рационализации. Коммунары стали подлинными хозяевами своего производства. Особенно ярко это чувствовалось в механическом цехе, о котором Макаренко написал следующие строки в своем «Марше 30 года»: «Нигде не собрано так много настоящих коммунаров, прошедших всю нашу школу, бодрых, веселых, трудолюбивых и удачливых, как в слесарно-токарном цехе. Подавляющее большинство здесь — комсомольцы. Здесь у каждого станка живет молодая, уверенная в себе рабочая мысль»¹. И дальше: «...во всем, на каждом шагу, в каждом кубическом сантиметре воздуха чувствуется здесь, что крепкий, непоколебимо уверенный в себе коллектив мальчиков стал во главе цеха — без всяких постановлений, без протоколов и почти без речей, исключительно благодаря своей сознательности и спайке»².

Об усилении влияния на производственную жизнь коммуны комсомольской организации в связи с ее ростом свидетельствуют следующие факты, отмеченные в посвященной пятилетию коммуны статье руководящего комсомольского работника С. Шведа «Мы в Комсомолии живем»:

«В конце 1929 года ячейка делает свой первый производственный шаг: прикрепляет к каждой мастерской членов бюро ячейки, поднимаются вопросы о браке, о неполадках на производстве».

В свою очередь Макаренко записывает в дневнике коммуны 9 сентября 1930 г.: «Комсомол принял самое деятельное участие в производстве. Нужно отметить вообще большое оживление комсомольской работы в это время».

Таким образом, на новом этапе комсомол возглавил производственную активность коммунаров и задал тон всей производственной жизни коммуны.

В коммуне существовали производственные комиссии, часто собирались производственные совещания, действовал штаб социалистического соревнования.

На заседаниях комиссий и совещаниях обсуждались вопросы технического, технологического и экономического характера, а также вопросы охраны труда.

В «Марше 30 года» Макаренко рассказывает, как коммунары по целым вечерам бились над тонкостями сортирования материалов, неправильностью проводки к никелировочной ванне, новыми приспособлениями у токарных зажимов, капризами расмусного станка, расхождении отделов токарного цеха, недостатками вентиляции в литейном и т. п. Когда обнаружилось, что вследствие неравенства сил машинный цех деревообделочной мастерской не поспевает за сборным цехом, коммунары выдвинули на производственном совещании следующие требования, сформулировав их в форме вопросов:

«Первое: почему до сих пор не поставлена вторая циркулярка?

Второе: почему до сих пор не налажена маятниковая пила?

Третье: почему не исправлен штурвал у фрезера?

Четвертое: почему задерживается точка ленточных пил?»³.

Коммунары часто поднимали вопросы о рациональной расстановке сил, о сокращении числа рабочих.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 56.

² Там же, стр. 56.

³ Там же, стр. 49.

В коммуне царил дух подлинного социалистического соревнования, так как Макаренко сумел ставить перед коллективом очередные задачи, полные глубокого патриотического содержания. Само по себе производство кроватных углов и аудиторных столов не представляло большого интереса для воспитанников.

В романе «ФД-1» Макаренко пишет по этому поводу: «По сложности работы кроватный угол немногим отличался от трусиков, которые изготовляла швейная мастерская. В столярной мастерской производились более сложные и громоздкие вещи: аудиторные и чертежные столы и стулья, но и здесь особенной техникой не пахло... В самом содержании производственной работы было очень мало интересного для коммунаров»¹. Но, несмотря на это, воспитанники проявляли в работе чудеса энергии, ловкости и быстроты, стремясь накопить необходимые средства для строительства настоящего большого завода, производящего дорогостоящее импортное оборудование. На этой новой, высшей ступени развития производственно-технической базы коммуны для Макаренко открывалась возможность полного осуществления идеи соединения производительного труда с обучением.

В связи с поставленной задачей несколько изменилось содержание производственной работы в коммуне: изготовление кроватных углов было прекращено, никелировочный цех был закрыт, но в программу было включено производство ударников для огнетушителей, шестеренок для тракторов, ковбоек и гимнастерок.

Коммунары-металлисты гордились тем, что они простились с «легкой индустрией» — производством кроватных углов.

Охвативший коммунаров энтузиазм в борьбе за строительство нового завода описан Макаренко в ряде его произведений. Но особенно ярко и выразительно нарисованы им картины социалистического соревнования в повести «Флаги на башнях».

В соревновании коммунаров обращало на себя внимание их высокое политическое сознание, патриотическое стремление к производству отечественных электрических сверлилок, ранее ввозимых из Австрии. В авангарде были 79 комсомольцев и 190 воспитанников, получивших за образцовую дисциплинированность звание коммунаров. Для достижения поставленной цели воспитанники приняли решение о сокращении расходов на одежду и питание. Годовой промфинплан, рассчитанный на накопление капитала в 100 000 руб., был обсужден на цеховых собраниях коммунаров.

Одним из самых значительных событий в жизни коммуны было введение заработной платы для учащихся. В результате усилилась ответственность коммунаров, повысилась производительность труда, что дало возможность перейти на полную самоокупаемость коммуны. 1 июня 1930 г. Макаренко записывает в дневнике: «В Коммуне сразу появился капитал — необходимое следствие производительного труда».

Зарплата коммунаров — это большая педагогическая проблема, получившая теоретическое обоснование и практическое осуществление в воспитательной системе Макаренко. В «Педагогической поэме» он писал: «На получаемой зарплате воспитанник вырабатывает умение координировать личные и общественные интересы, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально становится на позиции, общие со всяким другим рабочим. Наконец приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 200.

в образе беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами»¹.

Экономический эффект введения заработной платы не является еще показателем воспитательной ценности нового мероприятия. Нужно было заранее учесть те новые потребности, которые появились у коммунаров в связи с получением денег, заранее принять меры к тому, чтобы отдельные явления в коллективе не стали в противоречие с интересами всего коллектива и интересами воспитания. А такие явления имели место в жизни коллектива. В романе «ФД-1» Макаренко отмечает противоречие между экономической и педагогической стороной, которое обнаруживалось в некоторых случаях при введении оплачиваемого труда воспитанников. Он пишет: «Производство, ... наполненное стандартным трудом с массой материала, тоже, как будто, увлекало коммунаров, это была непривычно дельная разрядка энергии, но у многих коммунаров она переживалась как погоня за заработком. Коммунары отмечали появление так называемых хищников, которые приходили в цех за полчаса до сигнала на работу и угрюмо начинали отбрасывать с верстака деталь за деталью, однообразно, механически, упорно, совершенно не интересуясь, что за деталь, какого она выходит качества и что рядом делает товарищ»².

Получение зарплаты Макаренко считал важным событием в жизни своих воспитанников, поэтому он лично производил выдачу денег, чтобы иметь возможность делать необходимые разъяснения и внушения.

Как же распределялся заработок воспитанника? Макаренко поступал следующим образом: одну четвертую часть причитающихся воспитаннику денег отчислял на содержание младших членов большой семьи коммунаров, которые по своему возрасту и квалификации не окупали себя; другую четверть вносил в сберкассу на имя воспитанника; восьмую часть заработка передавал в распоряжение совета коммунаров на различные виды товарищеской взаимопомощи, в частности, на выплату дополнительной стипендии бывшим коммунарам, обучающимся в высших учебных заведениях, а также на организацию путешествий и других культурных мероприятий; остальные деньги, составлявшие три восьмых месячного заработка, зачислялись на личный счет коммунара.

Система эта была подкреплена соответствующими решениями общественных организаций коммуны и являлась результатом большой педагогической работы.

Что касается расходов на личные нужды, то и здесь был установлен определенный порядок. Воспитанник, получивший почетное звание коммунара, имел право взять из сберкассы через Макаренко необходимые ему деньги и израсходовать их по своему усмотрению, никому не отдавая в этом отчета. Рядовой воспитанник, не завоевавший еще доверия коллектива, должен был довести до сведения Макаренко, на что именно он израсходовал выданную ему из сберкассы сумму.

Таким образом, принятая в коммуне система расходования заработной платы была средством воспитания у коммунаров чувства коллективизма в широком смысле этого слова, чувства ответственности и заботы о младших членах коллектива.

Воспитанники приучались ценить труд и бережно относиться к деньгам, координировать личные и общественные интересы.

Какое громадное значение придавал Макаренко введению заработной платы коммунарам как воспитывающему средству, можно судить хотя

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 566.

² Там же, т. 2, стр. 182—183.

бы на основании того, что впоследствии он счел нужным включить этот вопрос в свою «Методику организации воспитательного процесса» в форме программы педагогического наблюдения. Эта программа содержала следующие вопросы: материальное положение дома — в семье, заработок воспитанника на производстве, сколько он получает денег на руки, как их расходует, дорожит ли деньгами, стремится ли их сберечь, помогает ли семье и кому именно из членов семьи, товарищам, как расходует деньги, имеет ли склонность лучше одеваться, что покупает из одежды и т. п.

Школа коммуны в описываемый период состояла из шести групп семилетки: одна третья, две четвертых, две пятых и одна шестая. 15 сентября 1930 г. состоялось торжественное открытие рабфака Машиностроительного института, что, по выражению Макаренко, «сообщило коммуне характер серьезного политехнически-гармонированного учебно-производственного комбината и открывало большие перспективы в поисках нового, более совершенного производства» (из дневника коммуны). В самом деле, в связи с ростом производственных задач потребность коммунарков в общем образовании настолько выросла, что уже нельзя было ограничиться существованием неполной средней школы. Недаром Макаренко, спустя месяц после открытия рабфака, 17 октября 1930 г. отметил в дневнике, что школа и образование стали наиболее притягательным приложением энергии коммунарков. В свою очередь, расширение образовательной базы неизбежно требовало совершенствования научной основы предприятия. Таким образом получалось гармоничное взаимодействие между образованием и производительным трудом на политехнической основе, которое открывало перед коммуной новые пути развития.

Все коммунарки попрежнему делились на отряды по производственному принципу, а по сменам распределялись в зависимости от принадлежности к школьной группе. Таким образом были организованы отряды: токарно-слесарный цех первой смены, тот же цех второй смены, столляры первой смены, столляры второй смены и т. д.

В половине восьмого утра, после сигнала «На работу», нечетные отряды отправлялись в мастерские, четные — в школу. К этому же времени в здании коммуны собирались учителя, в мастерской — рабочие и инструкторы. В половине двенадцатого по сигналу заканчивались школьные занятия и работа в цехах. В половине второго, после часового перерыва на обед, в коммуне возобновлялась работа. На этот раз четные отряды отправлялись в мастерские, нечетные — в школу. В половине пятого заканчивался восьмичасовой рабочий день коммунарков, основанный на равномерном чередовании обучения с производительным трудом.

Вечерние часы отводились для приготовления уроков, для спортивных занятий и игр, разнообразных видов творческой деятельности и общественно-политической работы.

В рассматриваемом нами периоде развития коммуны имени Дзержинского воспитательная роль производительного труда усилилась. Из сказанного можно сделать следующие выводы:

В производительном труде осуществлялись задачи профессионально-технической подготовки кадров социалистической промышленности. С другой стороны, в процессе производства путем «параллельного педагогического воздействия» разрешались воспитательные задачи широкого масштаба. У коммунарков воспитывалось социалистическое отношение к труду и общественной собственности.

В производительном труде воспитанники коммуны исполняли не только рабочие, исполнительские функции, но и функции организаторские.

Таким образом в коммуне осуществлялась исключительно важная по своему значению задача подготовки организаторов социалистического производства.

В процессе производительного труда у воспитанников коммуны формировалось правильное представление о профессии, которая мыслилась ими как определенная сумма навыков и знаний, открывающая для советского человека возможность участия в общественном производстве, в борьбе за создание социалистического общества и, вместе с тем, служащая ему источником существования.

Заработная плата коммунаров играла роль мощного педагогического фактора, воспитывающего у них умение координировать в производительном труде общественные и личные интересы.

Значительно усложненная система производства потребовала расширения общего образования коммунаров. В свою очередь знания, приобретаемые коммунарами в школе, вырабатывали новое отношение к производительному труду, которое выражалось в стремлении коммунаров к познанию научных основ производства с целью его совершенствования.

ДЕТСКИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД НА ЗАВОДЕ КОММУНЫ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО (1932—1936)

Строительство нового завода, оборудованного по последнему слову современной техники, было большим событием в жизни коммуны; воспитанники видели в нем возможность осуществления своей давнишней мечты — получения технической квалификации, позволяющей им принять непосредственное участие вместе с рабочим классом в реконструкции народного хозяйства СССР, в строительстве социализма. Перед Макаренко открывалась перспектива полного соединения производительного труда с обучением в целях воспитания всесторонне развитых людей, активных членов социалистического общества.

В 1931 г. при деятельном участии Макаренко правлением коммуны имени Дзержинского группе инженеров было предложено произвести выбор такого производственного объекта для строительства, который отвечал бы учебно-воспитательным задачам коммуны, был бы полезным для страны, интересным для воспитанников с технологической стороны и показательным для других предприятий. Кроме того, будущий завод должен был обеспечить самостоятельное хозяйственное существование и дальнейшее развитие коммуны.

В одном из сохранившихся документов в архиве коммуны имени Дзержинского следующим образом сформулированы задачи, поставленные перед проектировщиками завода:

1. Производство преследует учебно-воспитательные цели.
2. Обучающиеся производству являются одновременно слушателями рабфака.
3. Рабфак имеет основой своей задачи подготовку в высшее техническое учебное заведение.
4. Производственное обучение в сочетании с рабфаком должно обеспечить подготовку квалифицированного рабочего.
5. Нормальный срок обучения — 4 года.
6. Число учащихся и работающих — 300 человек, из них 250 мальчиков и 50 девочек.
7. Работа на производстве организуется в две последовательные четырехчасовые смены

8. Средний возраст учащихся — от 15 до 20 лет.

Проектировщики во главе с инженером Н. А. Горбуновым со своей стороны внесли ряд технических требований, конкретизирующих полученное задание. Требования эти сводились к следующим положениям:

1. Производство должно готовить квалифицированных рабочих наиболее дефицитной профессии в современной машиностроительной промышленности — установщиков, наладчиков и инструкторов, обслуживающих массовое производство и станки со сложными настройками и приспособлениями. Предприятие должно быть оборудовано современными станками.

2. Особое внимание должно быть уделено инструментальному отделу, готовящему весь специальный инструмент, приспособления и штампы.

3. Центром тяжести производственного обучения должна быть работа по наладке, так как рациональная эксплуатация современного оборудования зависит от умения настраивать сложные станки.

4. Производство должно охватить широкие технологические процессы для удовлетворения педагогических требований.

5. Характер объекта и масштаб производства должны обеспечить возможность как организации процесса по поточной системе, так и работы по предельным калибрам высокого класса точности.

6. Изготавливаемая продукция должна представлять цельный, законченный механизм и способствовать приобретению разнообразных профессиональных навыков.

7. Объект производства должен обеспечить содержательную работу по испытанию изготовленного материала лабораторным способом. Он должен представлять собой комбинацию двигателя и орудия.

8. Объект производства должен быть значительным по качеству, дефицитным для советского рынка и освобождающим от импорта.

В соответствии с этими требованиями вместе с Макаренко был рассмотрен большой список объектов производства. Выбор пал на переносную электросверлилку типа австрийской фирмы Петравиц, снабженную комплектным универсальным мотором мощностью около $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{8}$ лошадиной силы, работающую от осветительной свечи с напряжением в 110 или 220 вольт как от переменного, так и от постоянного тока. Электросверлилка должна давать 1200 оборотов шпинделя в минуту при максимальном диаметре сверления до 15 мм по железу. Небольшой вес машины — всего около 5 кг — позволял легко переносить ее с места на место в зависимости от условий работы. Электросверлилка получила название «ФД-1» (Феликс Дзержинский, серия № 1). В одноименной повести Макаренко следующим образом описывает электросверлилку и чувства, возникшие у коммунаров в связи с принятием проекта организации нового завода: «Мы видели уже эту электросверлилку, инженеры достали где-то заграничную: алюминиевый кожух, ручка, собачка, все вместе немного похоже на револьвер, только больше — сантиметров сорок в длину и цилиндричнее. Внутри моторчик, механизм, шестеренки — внутренность еще мало понятная, но, говорили инженеры, что в работе нужна точность до одной сотой миллиметра. Если эту сверлилку разобрать, получается много деталей. Одних названий деталей сто одно.

До сих пор сверлилки эти привозились к нам из Америки, Австрии, платили за них золотом. Коммунары на сверлилку смотрели со страхом и уважением:

— Это тебе не масленка, тут тебя один моторчик слопаёт с потрохами. Одна сотая миллиметра — какие очки надевать нужно?

— Правда, что у нас мастеров таких пока что нету, а все-таки сделаем, вот увидите, сделаем, еще как...»¹.

Завод был открыт в завершающем году первой Сталинской пятилетки — 7 января 1932 г. На протяжении ближайшего года, кроме электросверлилки типа «ФД-1», в коммуне было освоено производство электрошлифовалки типа «ФД-2» и электросверлилок типа «ФД-3» и «ФД-4».

Электросверлилки марки «ФД» были пригодны для самой разнообразной работы: шлифования, фрезерования, намотки катушек, нарезания резьбы и вращения отдельных механизмов в качестве двигателя. Электросверлилка, будучи закреплена на штативе, могла во многих случаях заменить нормальный сверлильный станок.

Большое количество деталей, исключительная их точность и универсальный характер производимой машины воспитывали у коммунаров наблюдательность, техническую инициативу, конструкторские способности, точность и аккуратность в работе, а также совершенствовали координацию движений и глазомер.

Завод помещался в большом, специально отстроенном двухэтажном здании. Первый этаж представлял обширный зал, в котором разместились: механический цех, заготовительное отделение и учебная тренировочная площадка. Второй этаж проходил в виде балкона по всем четырем стенам огромного зала. На втором этаже помещались обмоточное и сборное отделения. Литейная группа работала в особом помещении.

В механическом цехе стояло до полусотни прекрасных станков: токарных, фрезерных, револьверных, шлифовальных, строгальных, зуборезных, сверлильных и долбежных. На станках работали преимущественно мальчишки — 126 человек. Девочек в механическом цехе было 20. Занятые в цехе подростки и юноши распределялись по квалификации следующим образом: 1-й разряд — 19 человек, 2-й разряд — 61, 3-й разряд — 38, 4-й разряд — 28 человек; среди них преобладала группа токарей — 64 человека.

В заготовительном отделении производились опиловка, сверление, шихтование, сборка вентиля и выключателей. И здесь были заняты главным образом мальчишки; их было 35, девочек — 3. Квалифицированный состав: 1-й разряд — 11 человек, 2-й разряд — 22, 3-й разряд — 4, 4-й разряд — 1 человек.

В обмоточном отделении производилась сборка коллекторов, намотка катушек и якорей, укладка, проверка, пайка и сушка. Здесь преобладал женский труд: девочек было 55, а мальчиков — 7. По разрядам коммунары делились следующим образом: 1-й разряд — 18 человек, 2-й разряд — 27, 3-й разряд — 15, 4-й разряд — 2 человека.

В сборочном отделении работали на укладке катушек, сборке верхнего и нижнего щитов, оснастке якоря и сборке машинки. Мальчиков — 37, девочек — 3. Распределение по квалификации: 1-й разряд — 3 человека, 2-й разряд — 14, 3-й разряд — 15, 4-й разряд — 8 человек.

По остальным специальностям работали 46 мальчиков и 9 девочек, из них: конструкторов — 3, литейщиков — 16, инструкторов — 15, на тренировочных работах — 16, электротехников — 5.

Приведенные данные относятся к концу 1932 г. Таким образом, всего было занято на производстве подростков и юношей 341 человек. Из них: мальчиков — 251, девочек — 90. Работа на производстве велась под руководством взрослых, количество которых составляло примерно

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 218—219.

одну четвертую часть общего числа детей. Это были инженеры, техники, мастера, инструкторы, счетные работники, хозяйственники, администраторы и наемные рабочие, выполнявшие тяжелую работу (ремонт станков, литье и т. п.).

Все воспитанники коммуны были вовлечены в производственную жизнь. Нашлась работа и для малышей, о которых Макаренко всегда проявлял особую заботу. Дети в возрасте до 13 лет были объединены в особую организацию, получившую название «Союзтранс». О характере этой организации можно судить на основании следующего плаката:

«Коммунарский Союзтранс» принимает поручения:

1. По переноске деталей и инструментов.
2. По выписке и доставке из кладовой деталей и инструментов.
3. По передаче записок и распоряжений.
4. По разыскиванию нужных товарищей.

Обращайтесь к командирам «Союзтранса» тт. Колотилову и Иванову IV.

«Союзтранс» имеет агентуру во всех отделениях коммуны.

«Союзтранс» выполняет все поручения быстро, аккуратно и дешево.

Организация «Союзтранс» была чрезвычайно ценной формой вовлечения в производственную жизнь детей младшего возраста. Эта организация давала основные кадры для учебно-инструментальной бригады. Макаренко удалось, таким образом, очень умело отвлечь детей от озорства, вызываемого бездельем, и направить их энергию и подвижность по пути формирования гражданских и профессиональных интересов. Наличие игрового элемента в организации сообщало ей большую живость.

Для воспитания производственной активности коммунаров, чувства ответственности перед коллективом и организаторских навыков работа на самом заводе электросверлилок была организована следующим образом. Все коммунары, согласно их производственной расстановке, делились на бригады. Бригада объединяла воспитанников, работавших на определенной группе станков в первую и во вторую смену. Бригада выделяла из своей среды бригадира, согласовывая его избрание с администрацией завода. Звание бригадира не означало производственной квалификации. Бригадир выполнял лишь организаторские функции. Он являлся руководителем бригады на производстве в области порядка и дисциплины. Группой бригад, объединяющей определенный производственный участок завода, руководил командир группы, избираемый на тех же основаниях, что и командиры отрядов. Он участвовал в совете командиров и сдавал специальные работы на общих основаниях. Командир группы отвечал за работу группы и прежде всего за выполнение производственного плана.

Особое внимание уделялось на заводе воспитанию производственной дисциплины. От коммунаров требовалось сознательное и точное исполнение своих обязанностей, беспрекословное и быстрое выполнение приказов и распоряжений своих начальников, бережное и аккуратное обращение с заводским имуществом, выполнение установленных норм

выработки в соответствии с принятой производственной программой, участие в социалистическом соревновании и ударничестве.

В случае нарушения производственной дисциплины на коммунаров накладывались дисциплинарные взыскания:

1) Инструктор имел право удалить коммунара с работы на одну смену или представить его к более строгому взысканию.

2) Мастер и начальник отдельного производства имели право перевести коммунара на низшую работу, назначить его на дополнительную работу, объявить выговор в приказе или снизить его в разряде.

3) Главный инженер и начальник производственной части имели право объявить коммунару выговор перед строем или удалить его с производства сроком до трех месяцев.

4) Совет командиров имел право вовсе удалить воспитанника с производства.

Меры наказания имели огромное воспитательное значение. «Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку», — писал Макаренко в статье «Педагогижимают плечами». Под дисциплиной Макаренко понимал «естественное и необходимое состояние каждого коллектива». В той же статье дана прекрасная иллюстрация к педагогике «параллельного действия»:

«Если коммунар не убрал станок, и он покрылся ржавчиной, — пишет Макаренко, — коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя нехватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть, — какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу.

Это, может быть, и жестоко, но это жестокость необходимая. И только потому, что коллектив от нее не отказывается, нам почти не приходится ее применять»¹.

На заводе применялись также и меры поощрений:

а) инструктор имел право перевести коммунара на лучшую работу, представить его к повышению в разряде или к премированию;

б) мастер и начальник отдельного производства имели право повысить коммунара в разряде, премировать его, представить на должность помощника инструктора или инструктора;

в) главный инженер и начальник производственной части имели право назначить коммунара на должность помощника инструктора или инструктора.

Производственное обучение на заводе начиналось с непродолжительного вводного курса учебно-тренировочных работ. Затем воспитанник квалифицировался через непосредственное участие в выполнении производственной программы. После приобретения прочных навыков работы по данному разряду, коммунара переводили в следующий разряд на более квалифицированную работу. На производственное обучение, т. е. подготовку квалифицированного рабочего, затрачивалось от двух с половиной до четырех лет, в зависимости от специальности. Приведем несколько примеров.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 402.

Подготовка слесаря

Работа	Срок
1. Работа в качестве подручного слесаря на заготовительных работах, с испытанием на 1-й и 2-й разряд	12 мес.
2. Работа на простых, легких приспособлениях, с испытанием на 3-й разряд	24 "
3. Работа на сложных лекалах, приспособлениях и штампах, с испытанием на 4-й и 5-й разряд	12 "
Всего	4 года

Подготовка токаря

Станок	Работа	Срок
Простого управления	Зенковка, райберовка, центровка	3 мес.
«Самарский»	Обдирка валиков, проточка щеткодержателей и т. п.	6 "
«Красный пролетарий»	Всевозможные виды токарных работ, требующие чистоты и точности выполнения	9 "
«Эрликон»	Работы высшего класса точности	12 "
	Всего	2½ года

Подготовка фрезеровщика

Станок	Срок
«Хурт» и «Коп»	6 мес.
«Людвиг Лева»	6 "
«Цинциннати»	6 "
«Рейнекер»	6 "
«Вандерер» вертикальный и горизонтальный	6 "
«Вандерер» универсальный	12 "
Помощник инструктора	6 мес.
Всего	4 года

Организация производственного обучения по принципу квалифицированной передвижки имела большое педагогическое значение; эта система являлась постоянно действующим стимулом к непрерывному повышению производственно-технической квалификации. На каждой ступени обучения перед воспитанником открывалась ближайшая перспектива

его роста, новые возможности приложения своих творческих сил на производстве. Такая система производственного обучения была практическим выражением педагогической идеи Макаренко о «системе перспективных линий, по которым располагается завтрашняя радость». Кроме педагогического эффекта, квалифицированная передвижка была выгодна еще и в экономическом отношении. Благодаря ей обеспечивалась полная возможность выполнения производственной программы, что в свою очередь служило источником патриотической радости коммунаров. Следует еще отметить, что такая форма производственного обучения была далека от неполноценных форм ускоренной подготовки кадров: сроки пребывания коммунаров в разрядах рабочей сетки были довольно продолжительными, а процесс производственного обучения сопровождался обучением в школе.

«Наш новый завод, завод электросверлилок, является заводом машиностроительным, — писал Макаренко, — наш институт тоже машиностроительный, это открывало совершенно невиданные горизонты в области отношения производства и учебы. В комсомоле и в педагогическом совете мы не особенно надеялись на пресловутую увязку. До сих пор проблемы этой увязки нигде не решены и по своей сущности недалеко ушли от проблемы комплекса. Поэтому у нас решили ввести в план дополнительные предметы: технологию, электромеханику, станки, организацию производства и литейное дело»¹.

Из этого высказывания Макаренко ясно видно, что он не хотел идти по пути упрощения задач общеобразовательной школы путем увязки преподавания с производственным обучением, так как он прекрасно понимал, что лишь в процессе систематического усвоения основ наук раскрываются общие научные принципы современного общественного производства и достигается та высокая интеллектуальная культура, которая необходима для сознательного рабочего социалистической промышленности. Поэтому Макаренко лишь дополнил задачи общеобразовательной школы преподаванием специальных дисциплин с целью улучшения производственной подготовки коммунаров.

В коммуне была организована также широкая сеть производственных кружков, обеспечивающих рост технической квалификации. Об этих кружках хорошо рассказано в повести «Флаги на башнях»:

«После школы в аудиториях и школьных кабинетах занимаются группы, организованные комсомолом для лучшего проникновения в тайны производства. Тайн этих немало, работа каждой детали представляет очень сложную задачу, разрешение которой связано и с характером станка и с комплектом многих приспособлений. В сборке то и дело выясняется, что эту операцию нужно производить не так, а иначе, что многие детали лучше штамповать, чем точить. В электросверлилке целая система шестеренок, а с ними хлопот больше всего. Целую неделю ходил черный, как уголь, угрюмый и неповоротливый инженер Беглов вокруг зуборезного «Марата». Вместе с Семеном Касаткиным они с замешиванием сердца ожидали выхода очередной шестеренки, а когда шестеренка родилась — ее еще теплое тельце дрожит на ладони Беглова, — Касаткин чуть не со слезами смотрит на ладонь инженера и говорит:

- Опять на концах съело...
- Съело.
- А давайте на модуль один попробуем?

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 2, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 286.

Беглов смотрит в лицо Семена, но видит не серые большие глаза, а исписанный цифрами листик бумаги, на котором он ночью высчитывал работу фреза модуль ноль, семьдесят пять сотых»¹.

Обучение специальным дисциплинам и занятия в производственных кружках способствовали соединению производительного труда с обучением, но решающую роль играло широкое общее образование, получаемое коммунарами в школе параллельно с работой на производстве.

Производственная программа завода успешно выполнялась благодаря высокой производительности труда. В коммуне хорошо была поставлена работа тарифно-нормировочного бюро, в состав которого входили также и воспитанники. На основе тщательного изучения труда воспитанников составлялись нормы выработки и расценки, которые рассматривались и утверждались советом командиров. Для иллюстрации приводим разработанные в 1932 г. нормы выработки по сборке нижнего щита:

Р а б о т а	Норма за 4 часа
Установка шпинделя в щит	25
Запрессовка втулок, райберовка и засверловка	60
Укладка смазки и установка крышек	50
Сборка комплекта промежуточных шестерен	35
Установка промежуточных шестерен	50

Вместе с нормами выработки в коммуне были разработаны и соответствующие им расценки оплаты труда. Описанная выше система заработной платы воспитанников была окончательно узаконена. В документе, получившем романтическое название «Конституция страны ФЭД», вопрос о заработной плате сформулирован следующим образом:

«Получая на заводе зарплату, коммунары обязаны вносить ежемесячно определенную часть ее за свое содержание в коммуну; половину остатка вносить в сберкассу на свое имя до окончания коммуны, а оставшиеся деньги, как карманные, он может расходовать по своему усмотрению, исключая покупку вина или покупку одежды, нарушающей коммунарскую форму»².

Основным методом повышения производительности труда в коммуне было социалистическое соревнование; решающую роль оно сыграло в период становления завода. Запроектированная вначале норма выпуска двадцати пяти электросверлилок в день не выполнялась из-за отсутствия необходимых инструментов, невысокого качества получаемых деталей, неразработанности процесса сборки и отсутствия шарикоподшипников. Но благодаря производственной активности коммунаров, возглавляемой комсомольской организацией, уже в июле 1932 г., т. е. спустя семь месяцев со дня своего пуска, завод вошел в норму, а в конце года программа в 7 000 штук электросверлилок была полностью выполнена.

Непрерывно улучшалось и качество выпускаемой продукции. С целью содействия изобретательству коммунары были вовлечены в работу конструкторского бюро и бюро рабочего изобретательства (БРИЗ). Этот опыт дал положительные результаты: по инициативе воспитанников бы-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 3, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 424—425.

² Там же, т. 2, стр. 422.

ла улучшена, например, сборка электросверлилок, усовершенствован выключатель и т. п.

Прекрасной иллюстрацией производственной активности коммунаров и их технической инициативы является описанная Макаренко в «Педагогической поэме» картина испытания электросверлилки.

«Когда выпустили в сборном цехе большую сверлилку «ФД-3» и поставили ее на пробный стол, давно возмужавший Васька Алексеев включил ток, и два десятка голов, инженерских, коммунарских, рабочих, с тревогой склонились над ее жужжанием, — главный инженер Горбунов сказал с тоской:

— Искрит...

— Искрит, проклятая! — сказал Васька.

Скрывая под улыбками печаль, потащили сверлилку в цех, три дня разбирали, проверяли, орудовали радикалами и логарифмами, шеле-стели чертежами. Шагали по чертежам циркульные ноги, чуткие шлифовальные «Келенбергеры» снимали с деталей последние полусотки, чуткие пальцы пацанов собирали самые нежные части, чуткие их души с тревогой ожидали новой пробы.

Через три дня снова поставили «ФД-3» на пробный стол, снова два десятка голов склонились над ней, и снова главный инженер Горбунов сказал с тоской:

— Искрит...

— Искрит, дрянь! — сказал Васька Алексеев.

С завистью все вспомнили, что американка не искрила. Один лишь Тимка Одарюк стал уверять, что американская электросверлилка тоже искрила.

«Привезли американку в коммуну, поставили на пробный стол. Уже не два десятка голов склонилось над столом, а над всем цехом склонились триста коммунарских тревог. Побледневший Васька включил ток, затаили дыхание инженеры. И на фоне жужжания машинки неожиданно громко сказал Одарюк:

— Ну, вот, говорил же я...

И в тот же момент поднялся над коммуной облегченный вздох и улетел к небесам, а на его месте закружились торжествующие рожицы и улыбки»¹.

И было решено, что советская электросверлилка не должна искрить. Так был превзойден американский образец в советском производстве силой передовой научно-технической мысли советской молодежи, воспитанной в коммуне имени Дзержинского.

Электросверлилка марки «ФД» получила хорошую оценку со стороны советских предприятий, применявших ее в качестве орудия производства.

Стремясь к разнообразному воспитанию коммунаров, Макаренко старался создать необходимое разнообразие на производстве, которое позволяло бы ему перебрасывать воспитанников с одной работы на другую в соответствии с их интересами, наклонностями и способностями. Свою точку зрения на методы развития индивидуальных черт характера Макаренко сформулировал в «Опыте методики работы детской трудовой колонии». Он писал: «Достойной нашей эпохи организационной задачей может быть только создание метода, который, будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохранять свою индивидуальность, идти вперед по линии своих наклонностей».

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 639—640.

И вот, на Электроинструментальном заводе коммуны, по инициативе Макаренко, было организовано одновременно производство фотографических аппаратов. 26 октября 1932 г. уже были выпущены три пленочных фотоаппарата под названием «ФЭД» (Феликс Эдмундович Дзержинский). Вскоре экспертизой профессоров и специалистов Государственного оптического института фотоаппарат «ФЭД» был признан хорошим, не уступающим заграничному образцу, и даже с некоторым преимуществом в оптической части.

28 декабря 1932 г. Электроинструментальный завод коммуны выпустил первую серию фотоаппаратов, а 1 июля 1933 г. был пущен завод «ФЭД». Воспитанные на заводе электросверлилок мастера были переведены на завод фотоаппаратов. Таким образом осуществлялась важная, с педагогической точки зрения, подготовка специалиста широкого профиля, командира станков.

О новом заводе Макаренко рассказывал впоследствии: «Когда мы заставляем ребят делать плохую табуретку, шить плохие ботинки и кое-как сшить рубашку, мы считаем, что это полезный детский труд и детская техника. И я так думал и предлагал своим ребятам такую работу. А поработав с ними 12 лет, я им предложил заграничные, драгоценные станки, сложнейшие, в которых действительно дышит интеграл, предложил делать «лейки», советские «ФЭД». Что такое «лейки»? Это триста деталей, точность которых 0,001 мм. Это производство с заменяемостью частей, точное, сложное, трудное дело. Там, наконец, оптика, которую когда-то знали только немцы, а в царской России не умели вообще делать точной оптики. Я не побоялся предложить это ребятам». (Из стенограммы лекции «Коммунистическое воспитание и поведение», прочитанной 1 марта 1939 г. в Московском Государственном университете.) К каким еще новым педагогическим выводам пришел Макаренко в результате организации производительного труда детей на крупном предприятии, оборудованном по последнему слову новейшей техники?

Прежде всего нужно отметить, что Макаренко придавал большое значение планированию производственного процесса. В понятие «план» Макаренко включал не только количество предполагаемой к выпуску продукции, но и всю ту сложную систему организованных отношений людей к обрабатываемому материалу и друг к другу, без которой немислимо выполнение плана.

Не без основания Макаренко отметил позднее в своей лекции «О трудовом воспитании», что план — «это сложнейшее «оборудование» человеческой деятельности. И такое «оборудование» нужно воспитывать у наших граждан, поскольку они участвуют не в кустарном производстве, а в производстве большого государственного масштаба, организованного по последнему слову техники. Речь идет в данном случае о системе коллективного труда, требующей от каждого участника социалистического производства сознательной целеустремленности, точности, организованности и собранности.

Коммунары имели возможность работать не только в разнообразных цехах электроинструментального завода и завода фотоаппаратов. Они работали также в чертежном цехе, в конструкторском и тарифно-нормировочном бюро, в плановом, контрольном и коммерческом отделах. Конструкторское бюро целиком обслуживалось коммунарами.

В сложившихся уже характерах своих воспитанников Макаренко находил те общие черты, которые развивались у них под влиянием организованной системы разнообразного труда на социалистическом про-

изводстве. Это, по словам Макаренко, черта широты и разносторонности взглядов, общность привычек и точек зрения. Коммунары, прошедшие списанную систему производственного воспитания, могли точно судить о делах и тех цехов, к которым они не имели никакого отношения.

Следовательно, организаторские навыки коммунаров воспитывались не только на руководящей работе, но и путем непосредственного участия в различных производственных процессах, требующих применения умственного и физического труда. Рассказывая о враче, бывшем коммунаре, Макаренко говорил: «Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас отражение тех навыков, которые приобрели они на всяких пройденных ими организационных и производственных работах».

Одним из замечательных результатов, достигнутых в процессе производительного труда подростков и юношей, следует считать воспитание коммунистической морали на основе правильной организации производственного поведения и привития навыков производственной культуры. С восхищением говорит Макаренко об этой стороне воспитательного процесса в лекции «Коммунистическое воспитание и поведение».

«Знаете, что такое станок? Он парадец, красив, он дорог. Он весь блестит, у него медные красивые металлические части. Его нужно беречь, холить. И наши советские мальчики именно так к нему относятся. Какой может быть разговор о порче станка! Пятнышка на станке, неубранной стружки не должно быть! И я увидел, что проблема пятнышка на станке это есть моральный вопрос, это этика. Этика нового человека, еще молодого, но взявшего эту этику от нашего общества, эту новую свою человеческую душу, которая в станке, в работе видит для себя какой-то транспарант для поведения. И у нас молодежь стоит выше какой угодно другой молодежи».

Сложным является вопрос о продолжительности рабочего времени на производстве, о соотношении между временем, отводимым на школьное обучение и на производительный труд. Из предыдущего изложения видно, что школе и производству отводилось одинаковое время, от 3½ до 4 часов, что в основу воспитательного процесса был положен принцип равномерного чередования учебного и производительного труда. Для того чтобы правильно оценить с педагогической точки зрения эту сторону в практике организации производительного труда в коммуне имени Дзержинского, необходимо еще раз дать себе ясный отчет в том, что Макаренко не ограничивался профессионально-технической подготовкой рабочих кадров. Основная цель, которую преследовал Макаренко, заключалась в подготовке всесторонне развитых людей на основе ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом. В области разрешения задач подготовки профессионально-технических кадров Макаренко имел в виду формирование не только специальных навыков и умений рабочего-исполнителя, но и качеств организатора производственного процесса, командира станков. С этой точки зрения совершенно ясна логика равномерного чередования обучения с производительным трудом, не отдающая, подобно обычным формам подготовки рабочих кадров, предпочтения производственно-техническому обучению и выполнению производственной программы.

Но и это соотношение не удовлетворяло Макаренко, постоянно испытывавшего на себе давление со стороны хозяйственников, стремившихся к расширению производственной программы, к увеличению продол-

жительности рабочего времени на производстве или, по крайней мере, к сохранению непосильных для подростков и юношей норм рабочего времени в сочетании с нормами учебного труда. Борясь с нездоровыми хозяйственными тенденциями в педагогическом деле, Макаренко ставил перед правлением коммуны вопрос о передаче заводов коллективу. В обширном докладе правлению коммуны, относящемся, повидимому, к 1931 г., Макаренко писал: «Заметный шаг вперед мы можем сделать только при том условии, если производство коммуны будет в руках коллектива. Если вопрос о самокупаемости перестал быть актуальным, то, собственно говоря, ничто не мешает этому переходу. Риск тут небольшой: все равно сейчас в производстве все связано веревками и еле держится. Пусть коммунарский коллектив серьезно станет на путь улучшения производства. Строить воспитание на одном сдельном заработке далеко не завидно. А мы к этому, кажется, идем». Макаренко был того мнения, что поставленные им педагогические задачи могут быть с успехом разрешены при двухчасовой работе воспитанников на производстве, что в этих условиях попутно могут быть разрешены основные вопросы хозяйственной жизни коммуны. В том же докладе он писал: «Мы вовсе не интересуемся прибылями, если ими не заинтересовано правление».

О продолжительности рабочего времени Макаренко высказался в «Проекте устройства школы». Документ этот не сохранился, но сохранились воспоминания о нем Г. С. Макаренко и Л. М. Салько, которых Макаренко знакомил со своими черновыми набросками, сделанными в феврале 1939 г. В то время Макаренко поставил перед собой новую творческую задачу — организовать коммунистическое воспитание в школе на основе соединения обучения с производительным трудом. «Проект устройства школы» представлял собой плод критического анализа пройденного Макаренко педагогического пути. Он указывал на необходимость базы, функционирующей 4 часа в день при двухсменной работе учащихся на производстве. Весь педагогический процесс строился на подчинении производительного труда воспитанников учебным и воспитательным задачам школы.

Предприятие при школе, по замыслу Макаренко, должно было быть подсобно-механическим, производящим детали для крупного производства. Эту зависимость школьного предприятия от крупного производства Макаренко мотивировал необходимостью включения коллектива учащихся в общий поток социалистического производства, но с сохранением той самостоятельности, которая могла бы обеспечить выполнение поставленных педагогических задач. Чтобы полнее и точнее осветить педагогическую концепцию Макаренко, сумевшего правильно разрешить проблему отношения производительного труда к воспитательным задачам, приведем следующую выдержку из его письма к одному из членов правления коммуны в 1932 г.: «...утверждение, что никакого воспитания не нужно, что воспитывает только работа на производстве — одна из завирательных идей, которыми так полна педагогическая кустарщина. Подобных скороспелых изобретенных, на вид даже революционных, а на самом деле затасканных мещанских «педагогических» афоризмов я слышался достаточно. Скажите, кому нужна была именно тысяча сверлилок, если для этого нужно ввести двенадцатичасовой рабочий день, разрушить всю коммунарскую организацию, покончить с книжкой и всякой другой культурной работой».

Опыт Макаренко, сложившийся в условиях борьбы с ложными педагогическими теориями о приоритете производства перед школой и с вредными хозяйственными установками, берущими курс на прибыль-

ность предприятия, привел его к глубокому убеждению в необходимости подчинить детский производительный труд учебно-воспитательным задачам школы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт соединения производительного труда с обучением, проведенный Макаренко в коммуне имени Дзержинского, имеет громадное принципиальное значение.

Соединение производительного труда с обучением в практике коммуны имени Дзержинского служило задачам подготовки всесторонне развитых людей коммунистического общества и вместе с тем неизбежно влекло за собой повышение производительности труда.

Развиваясь всесторонне, коммунары повышали продукцию производства. И наоборот, добиваясь высокого уровня производства на основе соединения обучения с производительным трудом, коммунары развивались в умственном, нравственном и физическом отношениях.

Именно с этой стороны характеризовал К. Маркс «зародыш воспитания эпохи будущего, когда для всех детей свыше известного возраста производительный труд будет соединяться с преподаванием и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства всесторонне развитых людей»¹.

Проблему уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом Маркс рассматривал в неразрывной связи с общей теорией коммунизма. В «Критике Готской программы» он указывает на то, что «в высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение разделению труда, а вместе с тем и противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой жизненной потребностью; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники коллективного богатства польются полным потоком,... и общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям!»².

В стремлении Макаренко создать известное разнообразие на производстве, позволяющее воспитанникам коммуны принимать участие в процессе производства сообразно со своими наклонностями, интересами и способностями, в зачаточном виде кроются элементы той коммунистической организации труда, о которой Ф. Энгельс писал в «Принципах коммунизма»: «Воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всею системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или их собственных склонностей. Таким образом, воспитание освободит их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда. Таким образом, общество, организованное на коммунистических началах, даст возможность своим членам всесторонне применить их всесторонне развитые способности»³.

Чаяния и стремления передовой общественной и педагогической мысли о воспитании в труде всесторонне развитых людей могли быть воплощены в жизнь лишь после Великой Октябрьской социалистиче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 531.

² Там же, т. XV, стр. 275.

³ Там же, т. V, стр. 478.

ской революции, в условиях социалистического государства, в связи с задачей построения социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

В. И. Ленин выдвинул в качестве одной из важнейших задач в области народного просвещения — воспитание всесторонне развитых людей на основе соединения обучения с детским общественно-производительным трудом. Еще в 1897 г. в полемике с народником Южаковым Ленин писал: «...нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания»¹.

В ленинских документах, относящихся к разработке партийной программы, и в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б) в 1919 г.², сформулирована задача осуществления тесной связи обучения с детским общественно-производительным трудом в целях подготовки всесторонне развитых членов коммунистического общества.

В своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин указал, как в течение долгого ряда лет мы будем «переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*»³.

В сталинских документах о школе содержатся указания о том, чтобы обеспечить действительное соединение обучения с производительным трудом⁴, но с тем, однако, чтобы «весь общественно-производительный труд учащихся был подчинен учебным и воспитательным целям школы»⁵.

И. В. Сталин дал развернутое учение о социалистическом труде. В свете этого учения труд является категорией коммунистической нравственности — делом чести, славы, доблести и геройства.

В своем выступлении на первом Всесоюзном совещании стахановцев в 1935 г. И. В. Сталин указал, как будет осуществляться задача ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом. При социализме, говорил И. В. Сталин, противоположность между трудом умственным и трудом физическим продолжает существовать, при коммунизме противоположность между трудом умственным и трудом физическим уже исчезнет.

Товарищ Сталин учит нас, что только культурно-технический подъем рабочего класса может подорвать основы противоположности между трудом умственным и трудом физическим, что только он сможет обеспечить ту высокую производительность труда и то изобилие предметов потребления, которое необходимо для того, чтобы начать переход от социализма к коммунизму⁶.

М. И. Калинин, основываясь на учении Сталина, говорил в своей речи на вечере, посвященном чествованию учителей-орденоносцев сельских школ: «А когда интеллектуальный труд не будет отличаться от фи-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4-е, стр. 440.

² Там же, т. 24, стр. 435 и т. 29, стр. 91.

³ Там же, т. 31, стр. 32.

⁴ Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г.

⁵ Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 5 сентября 1931 г.

⁶ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 495.

зического? Только тогда, когда все наши люди, весь народ будет образованным, когда мы построим коммунизм»¹.

Коммуна имени Дзержинского представляла собой такое воспитательное учреждение, которое осуществляло задачу подготовки кадров социалистической промышленности высокого культурно-технического уровня, настоящих командиров станков.

В практике коммуны имени Дзержинского коллективный социалистический труд являлся той необходимой формой деятельности, в процессе которой осуществлялись задачи коммунистического воспитания детей. В организованном Макаренко производительном труде так же, как и в труде учебном, воспитанники коммуны обогащались знаниями и вместе с тем приобретали навыки к труду. В труде Макаренко воспитывал пламенных патриотов социалистической отчизны, активных и инициативных деятелей социалистического общества, носителей коммунистической морали.

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании и обучении, изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 164.

А. С. МАКАРЕНКО

(Воспоминания)

Н. В. ПЕТРОВ

*народный артист РСФСР,
лауреат Сталинской премии*

Антон Семенович Макаренко принадлежит к числу тех замечательных людей, воспоминания о которых, или даже простое произнесение их имени, невольно рождают в сознании и бесконечное количество дел, свершенных ими, и образы людей, связанных с этими делами, и огромнейшую борьбу, происходившую во время свершения этих дел во имя утверждения передовых идей, которые организуют, направляют, воспитывают и двигают вперед целые коллективы. Вспоминая о таких людях, видишь прежде всего тот огромный вклад в прогрессивную жизнь человечества, который определяется их жизнью, делами, мыслями, тем богатейшим культурным наследством, которое они оставляют после себя.

А. С. Макаренко оставил нам величайшее богатство в области методики коммунистического воспитания, огромный коллектив советских граждан, воспитанных им подлинными патриотами своей Родины, оставил неизгладимое воспоминание о себе как о необыкновенном, скромном человеке, свершающем большое дело.

Я творческий работник, человек от театра, и не мне, конечно, писать о вопросах методики коммунистического воспитания. Мне бы хотелось сказать именно о человеческой личности Антона Семеновича, о том Макаренко, с которым я встречался в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского в Харькове, о том писателе Макаренко, с которым мы вели споры о путях развития советской драматургии. О той человеческой личности, встречи с которой обогащают тебя, воспитывают, организуют и направляют на правильный жизненный путь, раскрывая перед тобой правильное понимание идейной сущности действительности и тех сложных законов развития жизни человеческого общества, которые формируют идейный и духовный склад человека.

...Ранней осенью 1933 года я приехал в Харьков организовывать «Театр русской драмы».

7 ноября, стоя на трибуне и наблюдая праздничную демонстрацию харьковчан, я был заинтересован одной группой, которая появилась на площади и отличалась от других групп и дисциплиной и особым своеобразием. Поток демонстрантов прервался, где-то затрещал барабан, грянул прекрасно сыгравшийся оркестр, и на опустевшую площадь торжественно вышел знаменосец; рядом с ним шли два маленьких пацана, гордо и четко барабанив в барабаны. Стройными рядами шли девушки в белых платьях, четко отбивая шаг, шли за ними юноши — тоже в бе-

лом. Прекрасный оркестр стройно и радостно сопровождал этому параду молодежи. На трибунах грянули аплодисменты.

— Кто это? — обратился я к соседу.

— Коммуна имени Дзержинского, — с гордостью ответил сосед. Так впервые, стоя на трибуне, познакомился я с питомцами Антона Семеновича.

Недавно прочитанная первая часть «Педагогической поэмы» и парад молодежи на площади в день праздника Октября как-то неразрывно связались в моем сознании, и за этим неразрывным единством всплыл, лично мне еще не знакомый, но уже знакомый мною облик Макаренко.

«Надо познакомиться, надо ближе узнать этого необычного и беспокойного Макаренко», — такие мысли возникли у нас, когда мы возвращались с праздника домой, накануне открытия театрального сезона.

Театры обычно над кем-нибудь шефствуют, и вот мы решили шефствовать над коммуной имени Дзержинского. Сговорившись по телефону и условившись о встрече, мы направились в коммуны.

Каждый из нас слышал о Макаренко как о новаторе-педагоге и с понятным любопытством ожидал этой первой встречи. Каждый из нас по-своему рисовал себе его образ.

Очевидно, театральная профессия, зачастую пользующаяся привычными штампами, и тут услужливо подсказала очередной штамп облика педагога, человека, обязательно сразу же располагающего к себе.

Автомобиль свернул с шоссе. Мы проехали деревянную арку с надписью: «Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского», въехали в небольшой лесок, на опушке которого уже виднелись какие-то строения. Чем ближе мы приближались к цели, тем больше нами овладевало любопытство увидеть этого необыкновенного педагога, занимающегося педагогической деятельностью не в недрах Наркомпроса, а в органах ВЧК и ОГПУ.

Деревья стали редеть, лес кончался, и мы попали в прекрасно распланированную местность, с рядом фабричных корпусов, жилых зданий, асфальтированных дорожек и живописно разбитых цветников. Сразу же почувствовался умелый и мудрый хозяин, строящий жизнь коллектива и организующий для него условия жизни.

Машина остановилась перед центральным двухэтажным зданием с флагами на башнях, мы вошли в подъезд и были остановлены дежурными по коммуне.

Умная распланировка территории коммуны, цветники, чистота и порядок, форма у коммунаров, подтянутость и вежливость дежурного — вот первые впечатления, которые не изгладились в памяти, несмотря на то, что это было много лет тому назад. Дежурный провел нас по длинному коридору и, попросив подождать, вошел в кабинет заведующего учебной частью.

По стенам коридора аккуратно были развешаны стенные газеты, художественно исполненные ребусы, викторины. Во всем чувствовался смысл и вкус, а не внешняя форма. Дверь открылась, и дежурный пригласил нас войти в кабинет Макаренко.

За большим письменным столом, на фоне окна, мы увидели военизированно-подтянутую художавую фигуру человека в очках. В окно за спиной Антона Семеновича врывались лучи солнца, виднелось голубое небо и буйная пестрота красок осенних цветов. Антон Семенович пригласил нас сесть, и начался тот обычный разговор готовыми фразами, когда между разговаривающими еще не установились ясные отношения и когда собеседники изучают друг друга.

Но этот поединок продолжался недолго. Через несколько минут мы поняли, что мы побеждены, что готовые стандартные фразы не вызывают стандартных ответов, что разговор может завязаться не в поверхностно-словесной форме, а в какой-то иной. Мы поняли, что Антон Семенович несколько не интересуется обычной внешней формой шефства и что он сейчас скорее изучает нас для того, чтобы решить, а можно ли нас включить в группу людей, помогающих ему воспитывать детей.

Острый, требовательный, испытующий глаз Макаренко следил за каждым из нас, а каждая стандартно-банальная фраза о шефстве рождала у него саркастическую улыбку, которую он мгновенно сгонял со своего лица. Очевидно, солнце зашло за тучу, в комнате потемнело, начал накрапывать дождь, а за столом строго подтянутая, суровая фигура Макаренко продолжала вести свой беспощадный допрос.

Мы, как пойманные школьники, чувствовали свою какую-то вину, но осознать ее еще не могли, так как слишком смело и открыто, слишком стремительно и неожиданно для нас ринулся Макаренко в атаку.

В этой своеобразной беседе-допросе Антон Семенович вскрывал внимательный педагог изучать каждого из нас.

Группа актеров, приехавшая к педагогу Макаренко, действительно перед нами неподготовленность нашего предложения и продолжал как неожиданно попала на своеобразный экзамен. Казалось, не предложение наше о шефстве интересовало Макаренко, а люди, приехавшие с этим предложением.

Очевидно, к концу нашей беседы требовательный педагог добился своего; очевидно, он прощупал каждого из нас и поверил в нашу искренность, простив нам наше легкомыслие. И когда мы прощались с Антоном Семеновичем, то впервые за всю беседу увидели его обаятельную улыбку и искреннее лукавство его умных глаз. Мы попрощались и отправились к машине. Макаренко, провожая нас, стоял, окруженный группой коммунаров, которые с любопытством рассматривали нас.

Дождь кончился, солнце светило ослепительно, омытые дождем цветы блестели и пестрели своей многокрасочностью. Запомнился этот радостный осенний день, да еще запомнилась прощальная улыбка Антона Семеновича и лукавый взгляд его умных искрящихся глаз.

За первой встречей последовала вторая, третья, четвертая... Мы ездили в коммуну, Макаренко бывал в театре. Коммунары стали нашими постоянными зрителями. Каждый вечер к театру подъезжал автобус коммуны, и тридцать коммунаров, подтянутых, носивших с гордостью свою, изобретенную Макаренко, форму, входили в театр и чинно занимали свои постоянные места.

Коммунары любили, уважали, поддерживали честь своей коммуны. Наблюдая их в общественных местах, я часто удивлялся их образцовому поведению и воспитанности.

Откуда у этих «трудновоспитуемых» ребят бралась выдержка, выправка и такое блестящее владение собой? Этому, конечно, нельзя научить, это можно только воспитать и воспитать не индивидуально, а через коллектив. И эта дисциплина являлась не муштрой, а была воспитанным и сознательным общественным поведением коммунаров и разительно отличалась от их поведения дома, где они были радушными и гостеприимными хозяевами.

Театр шефствовал над коммуной, а по существу Антон Семенович воспитывал наш театральный коллектив. Каждый наш приезд в ком-

муну с лекцией или беседой, с читкой новой пьесы или обсуждением просмотренного спектакля кончался беседами с Макаренко, и мы уезжали, обогащенные новыми впечатлениями, новыми мыслями, новыми чувствами.

И самая большая прелесть этих встреч была в том, что не было повторов. Антон Семенович был неистощим в своей изобретательности и обладал подлинным творчеством в рождении нового.

Каждая встреча приносила новое. Каждая беседа радостно обогащала. И это вечно новое было в природе самого Антона Семеновича, это было существо его богатейшей природы, безгранично многогранной, всегда творчески неожиданной в своих проявлениях и несущей в себе какую-то неиссякаемую, всегда радостную и оптимистическую, неумную человеческую энергию. Умение проникнуть в самые сокровенные тайники человеческой психики, смелое и энергичное активизирование самых незаметных положительных тенденций человека, бесстрашное и правдивое раскрытие темных начал, безграничная вера в силу коллектива и умение создавать и воспитывать этот коллектив — вот чем в совершенстве обладал Антон Семенович.

Воспитание этических начал в коллективе — вот что было фундаментом педагогики Макаренко, и надо удивляться тому мастерству, быстроте и прочности, с которыми рождался этот фундамент, как только Макаренко приступал к работе. Моральные качества граждан будущего коммунистического общества — вот та конечная цель, к которой уверенно шел Макаренко в своей педагогической работе.

Антон Семенович был подлинным сыном своего народа, несущим в себе все лучшие и передовые гуманистические тенденции именно этого народа. Он отличался той богатой натурой подлинно русского человека, которого может родить только наш народ.

Мы хорошо знаем Макаренко-педагога и по его практической деятельности и по его литературным трудам, но мы очень мало знаем о самой личности Антона Семеновича.

И если бы я обладал литературным даром, я бы написал увлекательную книгу о замечательном человеке, где были бы интересные главы: Макаренко дома, Макаренко в коммуне, Макаренко на занятиях, Макаренко в дружеской беседе, Макаренко в театре, Макаренко в гостях, Макаренко на параде, Макаренко купается, Макаренко в споре, Макаренко за шахматами, Макаренко-педагог, Макаренко-писатель, Макаренко среди друзей, Макаренко с врагами — и много еще интересных граней сложной человеческой личности раскрылось бы в этой книге. Но я не писатель, мне не дана возможность выполнить такую работу, и я могу только сожалеть, что мы, близко знавшие Антона Семеновича, не соберемся вместе и не напишем коллективную книгу о Макаренко-человеке.

А что может быть интереснее в человеке, чем сам человек?

Быть человеком — это очень много, но любить человека, а не быть влюбленным в самого себя — еще больше. Антон Семенович обладал обоими этими качествами, он был подлинным человеком, страстно влюбленным в человека.

Можно было поражаться богатству и многогранности человеческой природы Макаренко. Я не случайно перечислил возможные главы не написанной книги о Человеке-Макаренко, так как, вспоминая о нем, вспоминая отдельные встречи и эпизоды нашей совместной жизни, каждый раз поражаешься неожиданности новых черт характера Антона Семеновича. Как-то после спектакля «Далекое» А. Афиногенова Антон Семенович зашел к нам за кулисы и мрачно сел в уборной А. Г. Кра-

мова, наблюдая, как тот разгримировывается. Молчание Макаренко было для нас непонятно и тревожно. Очевидно, спектакль не понравился, подумали мы, — ведь Антон Семенович всегда так интересно, хотя и беспощадно, говорит о нашей работе. Крамов разгримировался, оделся, и мы уже собирались уходить, когда Антон Семенович нарушил это тягостное молчание. «Плакать заставили, подлецы», — сказал он мрачно, пожал крепко нам руки и молча удалился.

Я очень ценю и уважаю слезы зрителя, да еще такого квалифицированного зрителя, как Макаренко, и, вспоминая подлинно взволнованных зрителей, делаю скромный вывод: чем человечнее зритель, тем ближе ему человеческие чувства, и чем крупнее человеческий интеллект зрителя, тем меньше он стесняется проявления этих человеческих чувств.

Я помню слезы на глазах С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе на спектакле «Ярость» в бывшем Александринском театре, помню слезы на глазах А. М. Горького на спектакле «Страх» А. Афиногенова, и много раз мне приходилось наблюдать порывы чувств у зрителя, которые, конечно, ценнее нам, театральным работникам, чем холодок, скепсис и равнодушные люди, прикоснувшись к чаше искусства и неожиданно утративших чуткое человеческое начало.

Помню, как однажды, приехав на репетицию в коммуны, я неожиданно застал Антона Семеновича на сцене со скрипкой в руках, окруженного маленькими пацанами, с которыми он терпеливо разучивал какой-то хор. Пацаны старательно пели, и когда кто-нибудь из них испускал неожиданный козлиный звук, то хохот мгновенно оглашал сцену. Громче всех, моложе и заразительнее смеялся сам Антон Семенович. Но через секунду он стучал смычком о скрипку, водворялась тишина, и снова терпеливо продолжал он обучать свой молодой и непослушный хор до ближайшего следующего козлетона.

Правда, присущая натуре Макаренко, правда чувств — вот что делало его необыкновенно приятным, а иногда и неприятным, когда правда бывала не по сердцу его собеседникам. А бесед было много — и по вопросам театра, и о жизни, и о педагогике, и по общим вопросам развития нашего искусства, о личной жизни, о жизни коллектива, о прошлом, настоящем и лучезарном будущем.

Да разве только беседы?

А сколько проектов, сколько литературных планов, сколько начатых работ, задуманных творческих затей осталось неосуществленными, прерванными нелепой смертью.

* * *

Смерть прервала кипучую деятельность Макаренко, страстно влюбленного в мечту об облике гражданина коммунистического общества. Смелый революционер в педагогике, неутомимый практик в деле воспитания, блестящий теоретик и прекрасный художник, запечатлевший и утвердивший в художественных образах свою практику и теорию — таков облик самого Макаренко как деятеля воспитания юношества.

Антону Семеновичу была чужда отвлеченная философия педагогики, он не был и узким практиком, за сегодняшним днем не видящим грядущего завтра. Это был подлинный революционер, горячо преданный своему делу, безгранично верящий в его правоту, неутомимый и изобретательный в своей практической деятельности. Смелый и глубокий анализ огромной практики рождал самую передовую теорию. Антон Семенович создал опытный участок педагогической практики, преодолевая гигантские трудности, возникающие на пути. Он проверял свою

теорию не в оранжерейно-лабораторных условиях, не под охраной директивы, а в сложнейших условиях реальной жизни, в напряженной борьбе, преодолевая как теоретические споры, так и материально-бытовые затруднения, а главное — организуя и овладевая психикой своего труднейшего коллектива.

Увлекательная «Педагогическая поэма» нам дорога не только как художественное произведение, раскрывающее образы замечательных ребят, вырастающих в подлинных гражданах нашей Родины, но и как книга, потрясающая нас глубиной своей философии: «Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга».

И дальше: «Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза»¹.

Макаренко свою педагогическую систему выработал и написал не в тиши уютного кабинета, он ее не умозрительно выдумал, — а она родилась в недрах бурной и страстной практической деятельности, в борьбе и схватке человеческих личностей, в сложнейших процессах созидания и воспитания коллектива. «Педагогическая поэма» — настолько правдивая и открытая книга, она так чужда литературной выдумке, что невольно преклоняешься перед величием человека Макаренко, который не боится рассказать правду не только о людях, его окружающих, но и о самом себе. Суровая и жестокая правда — вот чем пронизана вся «Педагогическая поэма», вот на каком фундаменте построена педагогическая система Макаренко. Правда, труд и радостная перспектива — вот три кита практической деятельности коммуны.

Однажды кто-то из критиков, разбирая «Флаги на башнях», назвал Антона Семеновича «добрым дядюшкой», который все приукрасил, сгладил все шероховатости и который смотрит на мир через розовые очки.

Критик «просмотрел» правду советской действительности. Он не понял и оптимизма самого Макаренко, который обладал потрясающим свойством — видеть в человеке, главным образом, то положительное, что бывает не столь очевидно, как человеческие безобразия.

А Макаренко именно умел замечать незаметное положительное и, активизируя это положительное, им же и убивать отрицательное.

Много можно говорить о Макаренко как о педагоге-новаторе и на основе его литературных высказываний и на основе изучения его огромной практики.

С каждым годом аудитории на вечерах, посвященных памяти Антона Семеновича, становятся все многочисленнее и многочисленнее. Это показы-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 567.

вает, насколько духовное богатство, оставленное им нашему поколению, жизненно и неиссякаемо, насколько оно вошло в жизнь и как быстро и плодотворно обогащает людей, приобщающихся к этому богатству. На одном из своих выступлений я говорил о «Педагогической поэме» Макаренки и, как работник театра, вспомнил о другом произведении, написанном К. С. Станиславским — «Моя жизнь в искусстве».

Два великих человека нашей эпохи, педагог и художник, оставили нам в наследство две великих книги. Какая страна, какое государство, какой народ за последние 30 лет имеют такие книги по педагогике и по искусству театра? Мы можем гордиться и утверждать, что только в стране, строящей жизнь коммунистического общества, могут родиться такие памятники культуры.

В ПОЛТАВСКОМ УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

(Из воспоминаний об А. С. Макаренко)

В. Н. ТАРАСОВ

доцент Калининского педагогического
института

За тридцать восемь лет педагогической деятельности — два года в учительской семинарии и тридцать шесть лет в учительском и педагогическом институтах — у меня было большое число учащихся. Но из всех моих многочисленных учеников наиболее глубокий след в памяти оставил Антон Семенович Макаренко, мой ученик в Полтавском учительском институте. Это было только что открытое учебное заведение по подготовке преподавателей для высших начальных училищ (бывших городских).

Макаренко был принят в институт в августе 1914 г., а в июле 1917 г. окончил его. Таким образом, Антон Семенович был моим учеником в течение трех лет с момента поступления в институт и до окончания его.

Впервые я встретился с Макаренко во время вступительного экзамена по русскому языку. Мне пришлось давать тему сочинения для поступающих и следить за выполнением работы: преподаватель русского языка и литературы в это время был занят.

Среди державших испытания, одетых преимущественно в пиджаки и рубашки-косоворотки и обутых чаще в сапоги, чем в ботинки, Антон Семенович выделялся своим костюмом. На нем была белоснежная накрахмаленная сорочка с черным галстуком. Брюки были тщательно отглажены, ботинки начищены. Черный сюртук, плотно облегавший его фигуру, и пенсне на черном шнуре еще более усиливали внешний контраст между Антоном Семеновичем и остальными поступающими.

Однако это не помешало Макаренко установить в первые же дни испытаний дружественные отношения с остальными экзаменующимися. Антон Семенович оказался человеком весьма общительным. Незадолго до начала испытания я наблюдал, как поступающие в институт окружили Макаренко тесным кольцом и слушали его с большим интересом. То же можно было видеть и во все последующие дни испытаний.

На первый взгляд Антону Семеновичу можно было дать лет за 30, хотя при поступлении в институт ему было только 26. Несколько суровое выражение лица делало Макаренко старше своих лет, но достаточно было появиться на лице Антона Семеновича легкой улыбке, как оно становилось добродушным, приветливым. Особенно привлекали внимание его умные, серые глаза. Казалось, Антон Семенович ими насквозь мог видеть человека.

Державшим экзамены было предложено написать «сочинение на рассуждение». От поступающих требовалось писать сочинение без черновика. На выполнение работы отводилось четыре часа.

Антон Семенович сидел на парте первого ряда, и я мог хорошо наблюдать его за работой. Меня особенно удивило то, что, как мне казалось, Макаренко писал сочинение без особого напряжения; у него не было длительных пауз обдумывания, как это наблюдалось у других. Предварительно составленный план всей работы освобождал Макаренко от планирования темы по частям.

Антон Семенович справился с заданием в два с небольшим часа. Это вызвало у меня такой интерес к его сочинению, что я решил просмотреть его работу. Сочинение было написано мелким, но четким, красивым почерком. В нем не оказалось ни одного зачеркнутого слова, ни одного исправления. Работа была весьма хорошей по содержанию, логической последовательности, стилю и орфографии.

Ответы Антона Семеновича на устных испытаниях были весьма хорошими по всем предметам, кроме закона божия. По этому предмету он получил неудовлетворительную отметку. Закон божий считали тогда одним из основных предметов, и неудовлетворительная отметка препятствовала поступлению в институт. Но, учитывая отличную подготовку Антона Семеновича по остальным предметам, было решено все же принять Макаренко в институт. Отметка была исправлена, и Антон Семенович принят в число слушателей института.

По социальному составу слушателей Полтавский институт, как и все учительские институты того времени, был демократическим. Здесь учились почти исключительно учителя начальных школ. Большинство слушателей до поступления в институт окончило учительские семинарии. В эти же учебные заведения поступали, главным образом, дети крестьян и рабочих, и в небольшом количестве дети учителей начальных школ и мелких чиновников. По условиям приема в институт от поступающих требовался двухгодичный педагогический стаж, но большинство слушателей Полтавского учительского института имело стаж более двух лет. Были слушатели, которые проработали учителями в начальной школе более десяти лет. Антон Семенович при поступлении в институт имел почти девятилетний педагогический стаж.

Слушатели Полтавского учительского института, как и других институтов, обладали хорошей общеобразовательной подготовкой. Это достигалось весьма тщательным отбором при приеме. Желающих поступить в институт было в 4—5 раз больше, чем мест. При отборе обращалось большое внимание на общее развитие, речь и грамотность поступающих. Испытания начинались диктантом. Последний предлагался такого содержания и объема, что вполне давал возможность определить степень грамотности поступающего. Две-три ошибки в диктанте хотя и не лишали права держать дальнейшие испытания, но уже значительно снижали возможность поступления в институт.

За диктантом следовал экзамен по сочинению (обыкновенно на рассуждение). Неудовлетворительная отметка по сочинению закрывала перед поступающим двери института. В результате письменных испытаний по русскому языку отсеивалось 40—50% поступающих.

Дальнейший значительный отсев давали письменные испытания по математике: требовалось решение довольно трудной задачи.

Контингент принятых, численностью в 25—30 человек, окончательно определялся после устных испытаний по закону божью, русскому языку, математике, истории, географии и естествознанию. Все принятые в институт обеспечивались стипендией в 180 рублей в год.

Учительские институты были тогда единственным, доступным для учителей начальных школ, учебным заведением, в котором они надея-

лись получить достаточную подготовку для успешного преподавания в высших начальных училищах.

Учительские институты, считаясь с хорошей подготовкой слушателей и их сильной заинтересованностью в получении надлежащей подготовки к педагогической деятельности, стремились и подбором педагогического персонала и постановкой учебного дела как можно полнее удовлетворить запросы слушателей.

В учительских институтах университетских городов преподавателями основных дисциплин были иногда окончившие университет, оставленные при нем для подготовки к научной деятельности.

В педагогический коллектив провинциальных учительских институтов часто входили преподаватели, начавшие свою деятельность в учительских семинариях. Хорошая общеобразовательная подготовка слушателей в этих учебных заведениях, обусловленная тщательным отбором при приемных испытаниях, весьма добросовестное отношение учащихся к занятиям вызвали стремление у преподавателей учительских семинарий к лучшей постановке своей дисциплины. Перейти в учительский институт, где возможно вести преподавание на более высокой научной основе, было мечтой для увлекающихся своей дисциплиной преподавателей учительских семинарий. Правда, такой переход не был для них выгодным материально: при одинаковом вознаграждении за труд в учительской семинарии и в учительском институте преподаватели последнего не получали бесплатной квартиры с отоплением, чем обеспечивались преподаватели учительских семинарий; но зато преподавание в учительском институте открывало преподавателям весьма широкие перспективы углубленного изучения своей научной дисциплины и позволяло быть в то же время удовлетворенными тем, что их труд должным образом оценят слушатели института.

Педагогический персонал Полтавского учительского института состоял, главным образом, из бывших преподавателей учительской семинарии. Таких преподавателей по основным дисциплинам было пять, и только один из них перешел в институт из реального училища. При этом из шести преподавателей основных дисциплин двое уже работали в других учительских институтах.

В педагогический коллектив Полтавского учительского института, в годы обучения в нем Антона Семеновича, входили преимущественно молодые преподаватели: директору было немного больше сорока лет, такой же возраст имел и один из преподавателей, каждому из остальных не было и тридцати лет.

Директор института, человек весьма сведущий в педагогическом деле и к тому же простой в обращении, сумел объединить всех преподавателей в дружный коллектив.

Все преподаватели далеко выходили за пределы устаревших учебных программ, стараясь преподаваемую дисциплину преподнести слушателям на уровне последних научных достижений. Урочная система была почти полностью заменена лекционной. Отводилось весьма большое место письменным работам. Последние давались по всем основным дисциплинам. В течение года каждый слушатель должен был, следуя графику, выполнить около 12 письменных работ. Это требовало от слушателей не только широкого использования научно-популярной литературы, но и первоисточников и научных исследований. Работы слушателей подвергались детальному разбору. Темы для сочинений предлагались такие, которые требовали от студентов проявления самостоятельности, творческих способностей и напряжения сил. Слушатели обязаны были представлять свои работы в точно установленные сроки по

составленному на полугодие графику. Такое требование приучало слушателей к систематическому и планомерному труду.

На почве общей заинтересованности преподавателей и слушателей надлежащей постановкой учебного дела, в Полтавском учительском институте между преподавательским коллективом и слушателями установились дружественные и деловые отношения.

Мы, преподаватели, ценили слушателей за их стремление к знаниям, за трудолюбие и настойчивость, слушатели же уважали нас за то, что мы, работая напряженно, старались подготовить их к успешной деятельности преподавателей.

Антон Семенович, отмечая большую роль преподавателей Полтавского учительского института в формировании мировоззрения его и его товарищей, говорил, что благодаря этим учителям «много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронте гражданской войны. Это потому, что они были всегда настоящими людьми и воспитали в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии они создали самые главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему»¹.

В списке принятых в институт слушателей набора 1914 г. Макаренко занимал одно из первых мест: удовлетворительная отметка по закону божию, при отличных отметках по всем остальным дисциплинам, лишила Антона Семеновича права стать на первое место. Но богатые способности, умение работать и настойчивость дали возможность Макаренко исправить положение: во все время пребывания в институте Антон Семенович по успеваемости бесспорно стоял в своей группе на первом месте и окончил институт с золотой медалью.

У Макаренко было большое стремление к углубленному усвоению изучаемых дисциплин. Он основательно изучал рекомендуемую литературу, читал много книг и работал по первоисточникам; вообще чтение для Антона Семеновича было жизненной потребностью.

Он оценил книгу как источник обогащения знаниями, и из получаемой стипендии (15 руб. в месяц) все же находил возможным часть денег уделять на покупку книг. Никто из слушателей института не был таким частым посетителем книжных магазинов, как Макаренко. Он был в курсе новинок на книжном рынке, и мы, преподаватели, иногда узнавали о появившихся новых книгах у Макаренко.

У Антона Семеновича было и весьма бережливое отношение к книге: взятые из моей личной библиотеки книги он всегда возвращал в обложке из газетной бумаги.

Особенно много Антон Семенович читал по литературе и, кажется, делал первые шаги в области литературного творчества: в одно из посещений моей квартиры Макаренко сообщил мне о выступлении со своим литературным произведением в группе учительниц. Но, повидимому, Антон Семенович свои занятия литературным творчеством скрывал и от слушателей и от преподавателей.

Макаренко уделял большое внимание и много времени чтению книг по истории.

Исторический отдел библиотеки только что открытого института не располагал в достаточной мере литературой по истории. Я предложил Антону Семеновичу пользоваться моей личной библиотекой. Макаренко с благодарностью принял предложение и стал частым посетителем

¹ А. Волни, Воспоминания, «Учебно-воспитательная работа в детских домах», Бюллетень, Наркомпрос РСФСР, 1941, № 2—3.

моей квартиры. Этим было положено начало более близким отношениям, установившимся между мной и Антоном Семеновичем. Он изучал произведения историков В. Ключевского, Н. Кареева, Р. Виппера и др.

Весьма сильное впечатление произвел на Антона Семеновича стиль произведений профессора Ключевского. Помню, как Макаренко, возвращая мне «Курс русской истории» Ключевского, с восторгом отзывался о сжатом, ярком стиле этого произведения. Противопоставления, к которым прибегает Ключевский в своем изложении, как: «русские князья владели Русью, не разделяясь, а переделываясь» или: «князья нуждались не в учредительном уме, а в сабле», особенно нравились Антону Семеновичу. Восторгался Макаренко и характеристиками исторических деятелей в «Курсе русской истории», в особенности характеристикой царя Алексея Михайловича.

Из исторических деятелей наибольший интерес и симпатии вызывали у Антона Семеновича люди широкой инициативы, сильной воли и непоколебимой настойчивости, такие, как Юлий Цезарь, Петр I и др.

Увлечение Макаренко историей и глубокие знания его по этой дисциплине отметил педагогический совет института в отзыве, данном Макаренко по окончании им института. В этом отзыве говорится: Макаренко «особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку».

Хорошие знания по истории у Макаренко были отмечены в книге посещений института начальством и попечителем Киевского учебного округа, профессором Деревецким, специалистом по древней истории.

Весной 1915 г. Деревецкий присутствовал на экзамене по древней истории. Обстоятельный рассказ Макаренко об археологических раскопках Шлимана на месте древних городов Трои, Микен, Тиринфа и археолога Эванса на острове Крите очень понравился Деревецкому. Учебная программа 1872 г. для учительских институтов не включала раздела о крито-микенском периоде истории Греции. Еще более благоприятное впечатление произвел Антон Семенович на Деревецкого своими ответами на ряд вопросов, предложенных последним по другим разделам истории древнего мира. За блестящие ответы профессор Деревецкий поблагодарил Макаренко.

Увлечение Антона Семеновича историей создало у слушателей института твердую уверенность в том, что Макаренко непременно станет в будущем ученым-историком. Один из слушателей института Ф. Я. Еремин, моложе Макаренко на один курс, в настоящее время преподаватель Омского железнодорожного электротехникума, пишет в воспоминаниях об Антоне Семеновиче: «Мы все говорили Макаренко, что он непременно будет профессором истории».

Хорошему знанию истории помогал метод работы Антона Семеновича над книгой. Макаренко, прочитывая труды по истории, делал из них выписки, иногда сопровождая последние своими замечаниями. С одной из тетрадей с такого рода выписками мне пришлось познакомиться. Антон Семенович просил меня просмотреть эту тетрадь и дать отзыв о проделанной им работе. Просмотр тетради доставил мне полное удовлетворение. Антон Семенович прекрасно справлялся с выборкой материала из прочитанных книг. При этом запись представляла собой краткое конспектирование, но не списывание прочитанного. Антон Семенович вносил в тетрадь и отдельные фразы, привлекавшие его внимание своим стилем.

Приобретенный Макаренко навык по конспектированию дал ему возможность весьма легко справляться с записью лекций преподавателей. Его записи были хотя и кратки, но содержали все основное из прослушанной лекции. Поэтому неудивительно, что слушатели института широко пользовались его конспектами.

После окончания института Антон Семенович работал преподавателем истории. Интерес его к истории проявлялся и в то время, когда он был организатором колонии и коммуны.

Можно считать, что произведения Макаренко — «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» — представляют собой чрезвычайно своеобразный научно-исторический труд, облеченный в литературную форму. В этих произведениях Антон Семенович изложил не только историю возникновения и развития двух детских учреждений, представлявших собой сплоченные умелым руководством Макаренко воспитательные коллективы. Антон Семенович — педагог-новатор, описывая свой опыт, показал в историческом аспекте сложный процесс внедрения в жизнь и творческого развития системы коммунистического воспитания. Он показал борьбу разных направлений в педагогике и торжество принципов материалистической педагогической науки, которую он так мощно двинул вперед. И в то же время в этих научных и высокохудожественных литературных произведениях Антон Семенович не мог не упомянуть исторических фактов отдаленного прошлого, используя последние как сравнительные образы. В «Педагогической поэме» мы встречаем и «боевого слона Дария Гистаспа», и «олимпийцев», и «архимедовский восторг», и «Рубикон» и т. д.

Антон Семенович проявлял большой интерес и к искусству, в особенности к рисованию. Макаренко предполагал нарисовать несколько портретов наиболее выдающихся исторических деятелей, чтобы использовать эти портреты как наглядные пособия в высшем начальном училище при институте. Но призыв на военную службу в 1916 г. помешал ему осуществить этот план. Макаренко удалось нарисовать только портрет Александра Македонского. Портрет был хорошо выполнен карандашом на большом листе александрийской бумаги и украшал одну из аудиторий института.

Любил Макаренко музыку, пение и был исключительно чуток ко всему изящному и красивому. Даже хороший переплет книги радовал его глаз.

Антон Семенович по своим дарованиям, по глубине научных знаний стоял значительно выше своих товарищей.

Сочинения Макаренко отличались от сочинений его товарищей глубиной мысли, обстоятельным содержанием, логической последовательностью и прекрасным стилем.

Особенно ярко выделялся Макаренко при разборе сочинений и уроков, даваемых слушателями во время педагогической практики. Замечания Антона Семеновича отличались глубиной анализа и были настолько содержательны, что после его выступления слушатели могли дополнить немного. Поэтому, чтобы поднять активность слушателей, приходилось предоставлять Макаренко слово для выступления в последнюю очередь. Отмечая в своем выступлении ошибки, Антон Семенович указывал и пути к устранению этих ошибок. Но, стоя по знаниям выше своих товарищей, Антон Семенович был очень скромн. Ему не нравилось, когда кто-либо из преподавателей выделял его из среды слушателей.

Отношения Антона Семеновича к своим товарищам отличались простотой и задушевностью; он охотно помогал им, если они встречали

затруднения в своей работе; у него было весьма чуткое отношение к слушателям при разборе пробных уроков и письменных работ. Отмечая недочеты урока или письменной работы, Антон Семенович всегда умел найти и положительные стороны. После его замечаний слушатель, даже допустивший существенные недочеты, не терял веры в свои силы и надежду на успех в дальнейшем.

Антон Семенович жил интересами коллектива слушателей и был одним из активных членов последнего. В перерыве между уроками всегда можно было видеть Макаренко среди слушателей.

Будучи человеком веселым и жизнерадостным, он умел передать свое бодрое настроение товарищам. Большое удовольствие доставляли слушателям рассказы Макаренко, полные юмора и остроумия. Любил Антон Семенович и попеть вместе с товарищами в перемены между лекциями. В стройном хоре слушателей можно было всегда слышать баритональный голос Макаренко.

Благодаря богатым умственным способностям и глубоким знаниям Макаренко создал себе авторитет. Простотой и задушевностью своих отношений, своим общительным характером Антон Семенович снискал себе расположение товарищей.

Этим и объясняется его значительное влияние на последних.

Обыкновенно слушатели института называли друг друга или по фамилии, или по имени; но Макаренко они называли чаще Антоном Семеновичем. Такое обращение было проявлением со стороны слушателей симпатии и уважения к нему.

Антон Семенович пользовался любовью и со стороны преподавательского персонала. Макаренко был в наших глазах примерным слушателем. Мы ценили Антона Семеновича за его трудолюбие, настойчивость в достижении намеченных целей и инициативу.

Преподавательский коллектив был уверен, что у Антона Семеновича успешной будет не только педагогическая, но и научная деятельность.

Нравились преподавателям в Антоне Семеновиче его чистосердечность, доброжелательность, искренность.

Антон Семенович часто бывал у меня на квартире, поэтому я знал его лучше, чем других слушателей института.

Наши встречи всегда сопровождалась беседами по вопросам истории. Обыкновенно Макаренко, возвращая взятую у меня книгу, делился впечатлениями о прочитанном, обращался с вопросами, которые возникли при изучении книги. Иногда он приходил ко мне с только что вышедшей новой книгой по истории. В таких случаях Антон Семенович старался кратко ознакомить меня с ее содержанием. Но наши беседы не ограничивались только вопросами истории.

Антон Семенович подробно расспрашивал меня о постановке учебных занятий на историко-филологическом факультете университета и о жизни студентов, которые обучались на заработанные трудом средства. Макаренко, по моему совету, предполагал после окончания института поступить в университет.

Политические события первой половины 1917 г. были предметом наших горячих беседований. Мы радовались: приближавшаяся революция несла нам новую страсть в труде, новую жизнь.

Мы много беседовали и по вопросу национального движения на Украине. Этому вопросу уделяли весьма большое внимание слушатели института, в котором украинцы составляли значительное большинство.

Среди слушателей-украинцев было несколько человек, которых называли «самостийниками». Наиболее эрудированным принципиальным их противником был Антон Семенович; он был в группе товарищей,

стоявших на марксистских позициях разрешения национальных проблем, и жаркий диспут с «самостийниками» кончался обычно их полным идейным разгромом. В «Педагогической поэме» Макаренко дал очень острую сатиру на ханжество и жалкую ограниченность этих людей в образе «воспитателя» Дерюченко.

В июле 1917 г. Антон Семенович окончил институт и перед отъездом из Полтавы зашел ко мне. Это было последнее свидание с Макаренко. При прощании он заявил мне о своем решении поступить в университет.

В августе того же года я выехал из Полтавы в Тверь, так как был назначен преподавателем истории в Тверской (ныне Калининский) институт.

Антону Семеновичу не удалось поступить в университет и стать профессором истории, как желали того его товарищи по институту. Но Макаренко, отличавшийся большой инициативой, громадной силой воли и настойчивостью, обладавший высокими дарованиями, получил в нашей Советской стране богатейшие возможности. Он применил свой талант в педагогической и литературной деятельности и широко известен как педагог-писатель, проложивший новые пути в педагогической науке.

ПЕРЕПИСКА А. С. МАКАРЕНКО С А. М. ГОРЬКИМ
И ЕГО РАБОТА НАД ТЕКСТОМ
«ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ»

Н. А. СУНДУКОВ

I

В течение десяти лет (1925—1935) Антон Семенович Макаренко переписывался с великим русским писателем Алексеем Максимовичем Горьким. В этой переписке ярко раскрываются истоки вдохновляющего влияния Горького на педагогическую и литературную деятельность Макаренко, прозорливость великого писателя, сумевшего разглядеть в первых начинаниях талантливого советского педагога замечательную педагогическую систему, основанную на учении Ленина—Сталина, систему советского воспитания нового человека — строителя социализма. Письма показывают, какое огромное значение придавал Макаренко каждому слову гениального писателя-гуманиста, как высоко и благодарно ценил он совет и помощь Горького — своего наставника и друга. В письмах Макаренко ставил перед Алексеем Максимовичем важнейшие педагогические проблемы, подробно рассказывал ему о больших и малых событиях в жизни колонии, обращался за советом по многим педагогическим вопросам, сообщал о своих литературных замыслах.

Горький с огромным вниманием, любовно следил за деятельностью Макаренко. Он не оставлял без ответа ни одного его вопроса, ни одного сомнения. Своими письмами Горький оказывал моральную поддержку Макаренко, укреплял его уверенность в правоте его педагогических начинаний. Он первый определил выдающееся значение педагогической системы Макаренко и проявил неустанную заботу о колонии и колонистах.

Особенно ярко вырисовывается значение помощи Горького в период, когда Макаренко работал над созданием «Педагогической поэмы». Горький разгадал в Макаренко педагогический талант и проявил большую отеческую заботу в выращивании его как писателя.

Каждое письмо Макаренко — это отчет о жизни и деятельности колонистов, кусок живой истории колонии имени М. Горького. В первом же своем письме он подробно описывает хозяйство и организацию работы в колонии, знакомит Горького с принципами коммунистического воспитания колонистов. «Нам удалось добиться крепкой дисциплины, не связанной с гнетом, — пишет в этом письме Макаренко. — Вообще мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации, могущие понадобиться и взрослым... Наш день — это строгий до минуты трудовой комплекс. Но почему-то он у нас всегда проходит со смехом и шутками»¹.

¹ Письмо А. С. Макаренко от 8 июля 1925 г. (Архив А. М. Горького).

Милостив
 Валентин или М. Горький
 8 мая 1923.

Дорогой Валентин Александрович!

Изрядно победил, но в второй раз и мою полноту Вели-
 хотный афоризм писал в редакции без прикрас, с которыми Вы
 уравниваете, но очевидно не полагает. Наши впечатления не
 были как у меня из афоризма, побивали у Вас в газете, но
 тогда я писал как будто не полагаясь. В общем мы
 знали, что Вы в Сорренто, но ведь мурры есть и
 что то болели. Наконец в "Огонь" мы написали статью
 о Вас и в ней Вашу императрицу угадали, почти
 отчасти по итальянски. Она и послала. В статье
 "Огонь" написано, что в Сорренто без меня Вас
 ауре.

Кто это там? В Поштах 28 августа 1920 года они
 старинны писаны для несовершеннейших правительств.
 А сейчас являющийся этой империей с самого и величаво
 еще тогда же удачно сироты претит величавый вели-
 хотный, который работал в колонии вот уры 5 лет,
 почти все измученный в евангелии. Всенароды отомы и кель-
 торны другие авторитетивали кельма колонии все время
 земли здоровый житие и, по отрывам в педагогическая
 императору, оттаются муррей в России. Это позволяет

Письмо А. С. Макаренко к А. М. Горькому

Марку фронтом

Знаю у Васной постройке - теми до берега и бере-
ню мелеются почитаемы крауды и воопределенны и
воопределены. На дни, как жеждущим, возбудили осо-
ва тесть нести кауды последнему.

Вот и все. Но как раз прозвонили и наинтереснее
сделали этой предумышленною предосторожностью. Както
вот, сам ~~кто~~ приоткрыл что ибуду, то обрече-
вено говорит - "это было до илети" или "после
илети"

Возврат в театр мы все эти 4 год. отменили. Не
диз: Поворот, что форми выходил. Моему мы живем почти
на память.

И наконец в этой деле мы с собою отразили много-
ам, что Вы и сами когда ибуду приедете. Число газети
нас обманывали - пишут, что Вы скоро приедете в Москву.
Мы много раз предсказали себе картину, что было бы, если бы
Вы приехали к нам на чашку чая.

Мы надеялись, что Вы аттестуете или это письмо.
Вам мы все написали оживит и более точный
адрес, мы приехали Вам отмени фотографии,
мы предумышленно кончили и будем присылать Вам
вдали или вдали отмени о нашей работе. Неизлуч
визити Вам мы не реласили, протвердили в просьбу приехать,
так как знаем, что Вам не пожелает приехать здорово.

С. С. Макаренко

Петтава
Росонис или М. Горького
Дом. 17 43
А. С. Макаренко

В этом же письме Макаренко рассказывает, как оживленно проходят в колонии дни великих праздников, как колонисты отмечают свои собственные, ими устроенные, праздники: «День первого снопа», «День первого хлеба». «На эти праздники, — пишет Макаренко, — к нам приезжает много гостей из села, Полтавы и Харькова. Зато 26 марта¹, в день Вашего рождения, мы не приглашаем никого. Нам всем это страшно нравится. Колония вся украшается флагами и зеленью... Ровно в 12 часов к Вашему портрету торжественно выносятся знамя и вся колония до единого человека усаживается за столы. Всегда в этот день у нас печется именной пирог... В этот день мы ежегодно повторяем:

— Пусть каждый колонист докажет, что он достоин носить имя Горького...».

В заключение Макаренко пишет: «Мы надеемся, что Вы откликнетесь на это письмо. Если мы от Вас получим ответ и более точный адрес, мы пришлем Вам снимки фотографические из жизни нашей колонии и будем присылать Вам время от времени отчеты о нашей работе».

В «Педагогической поэме» есть великолепные страницы, посвященные празднованию дня рождения Горького в колонии. Они согреты чувством любви и уважения, которым были проникнуты все колонисты к великому писателю:

«Двадцать шестого марта отпраздновали день рождения А. М. Горького. Бывали у нас и другие праздники, о них когда-нибудь расскажу подробнее. Старались мы, чтобы на праздниках у нас было илюдно, и на столах полно, и колонисты, по совести говоря, любили праздновать и в особенности готовиться к праздникам. Но в горьковском дне для нас было особое очарование. В этот день мы встречали весну. Это само собой. Бывало, расставят хлопцы парадные столы, на дворе обаятельно, чтобы всем вместе усесться на пиршество, и вдруг с востока подует вражеским духом: налетят на нас острые, злые крупинки, сморщатся лужицы во дворе, и сразу отсыреют барабаны в строю для отдачи салюта нашему знамени по случаю праздника. Все равно, поведет колонист прищуренным глазом на восток и скажет:

— А здорово уже весной пахнет!

Было еще в горьковском празднике одно обстоятельство, которое мы сами придумали, которым очень дорожили и которое нам страшно нравилось. Давно уже так решили колонисты, что в этот день мы празднуем «во-всю», но не приглашаем ни одного постороннего человека. Догадается кто-нибудь сам приехать — пусть будет дорогой гость, и именно потому, что сам догадался, а вообще это наш семейный праздник, и посторонним на нем делать нечего. И получалось действительно по-особенному просто и уютно, по-родственному еще больше сближались горьковцы, хотя формы праздника вовсе не были какими-нибудь домашними. Начинали с парада, торжественно выносили знамя, говорили речи, проходили торжественным маршем мимо портрета Горького. А после этого садились за столы и — не будем скромничать — за здоровье Горького... нет, ничего не пили, но обедали... ужас, как обедали!..

...Горьковский праздник был отмечен в этом году особенным образом: по предложению комсомола, было введено в этом году звание колониста. Долго обсуждали эту реформу и колонисты и педагоги, но сошлись на том, что придумано хорошо. Звание колониста дали только тем, кто действительно дорожит колонией и кто борется за ее улуч-

¹ А. М. Горький родился 28 марта.

шение. А кто сзади бредет, пишит, ноет или потихоньку «лается», тот только воспитанник. Правду нужно сказать, таких нашлось немного — человек двадцать. Получили звание колониста и старые сотрудники. При этом было постановлено: если в течение одного года работы сотрудник не получает такого звания, значит, он должен оставить колонию.

Каждому колонисту дали никелированный значок, сделанный для нас по особому заказу в Харькове. Значок изображал спасательный круг, на нем буквы МГ, сверху красная звездочка.

Сегодня на параде получил значок и Калина Иванович. Он был очень рад этому и не скрывал своей радости...»¹.

Первое письмо Макаренко произвело огромное впечатление на Горького, это видно из его ответного письма, датированного 19 июля 1925 г. «Мне очень хотелось бы быть полезным колонии, — писал А. М. Горький. — Передайте мой сердечный привет всем колонистам. Скажите им, что они живут во дни великого исторического значения, когда особенно требуется от человека любовь к труду, необходимому для того, чтобы построить на земле новую, свободную, счастливую жизнь»².

Это письмо, полное теплоты и сердечности, имело большое значение для колонистов и всего состава воспитателей колонии. Своим письмом Горький оказал первую крупную моральную поддержку Макаренко в его педагогическом деле. С этого дня жизнь в колонии потекла заново, все чувствовали какой-то праздник, все в глубине своей души ощущали близость Горького, все гордились этим и радовались.

«Вчера мы получили Ваше письмо, — писал Макаренко Горькому в августе 1925 г. — Я не хочу даже искать слов, чтобы изобразить нашу радость и нашу гордость, — все равно ни одного слова не найду, и ничего не выйдет»³.

В этом письме Макаренко, сообщая о своем педагогическом опыте, впервые ставит перед Горьким проблему «деликатности» по отношению к воспитанникам.

«Наш педагогический коллектив, — пишет Макаренко, — до сих пор одиноки в вопросе о значении деликатности по отношению к нашим воспитанникам. С самого начала мы поставили себе твердым правилом не интересоваться прошлым наших ребят... Мне удалось добиться того, что нам даже дел и характеристик не присылают: прислали к нам хлопца, а что он там натворил, украл или ограбил, просто никому неинтересно. Это привело к поразительному эффекту. Давно уже у нас вывелись разговоры между хлопцами об их уголовных подвигах, всякий новый колонист со стороны всех встречает только один интерес: какой ты товарищ, хозяин, работник? Пафос устремления к будущему совершенно покрыл все отражения ушедших бед».

Горький горячо поддержал Макаренко: «То, что Вы сказали о «деликатности» в отношении к колонистам, — писал Горький 17 августа 1925 г., — и безусловно правильно и превосходно. Это — действительно система перевоспитания и лишь такой оно может и должно быть всегда, а в наши дни — особенно».

Высоко оценивая педагогическое мастерство Макаренко и подробно вникая в жизнь и деятельность колонии, Горький решительно одобрил

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, глава «Кулацкое воспитание», изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 283—286.

² Письма А. М. Горького к А. С. Макаренко цитируются по книге А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», изд-во «Советский писатель», 1940 и «Учительской газете» от 19 июня 1946 г.

³ Архив А. М. Горького.

его новаторские начинания. Здесь сказались горьковская прозорливость, гуманность и чуткость. Алексей Максимович глубоко понял, что проблема «деликатности» по отношению к воспитанникам имеет огромное педагогическое значение в деле коммунистического воспитания колонистов. «Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вредит», — писал он в том же письме.

Применение этого метода привело к прекрасным результатам. Когда однажды один из обследователей коммуны имени Дзержинского задал коммунару вопрос, касающийся его прошлого, тот ответил: «Мы живем такой радостной жизнью и Антон Семенович отделил нас такой непроходимой каменной стеной от нашего прошлого, что мы его забыли».

Мнение Горького имело исключительное значение для Макаренко, убеждало его в правоте проводимых им педагогических начинаний, и он смело закреплял и развивал их в практике своей педагогической работы.

В том же письме от 17 августа 1925 г. Алексей Максимович Горький ставит вопрос о будущем колонистов: «В самом деле, — пишет он, — жалко будет, если эти парни, выйдя за пределы колонии, одиноко разбредутся кто куда и каждый снова начнет бороться за жизнь один на один с нею». Эта замечательная идея Горького была немедленно превращена в жизнь колонии и оформлена организационно.

8 сентября 1925 г. Макаренко сообщает Горькому: «Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» обещает сделаться чем-то в высшей степени интересным. Специальная комиссия заканчивает устав, который после принятия его общим собранием будет Вам прислан на утверждение. Вы подняли вопрос самый важный в нашем быту. Неверное будущее, полное неизвестности и новых страданий, основательно портит наши теперешние дни»¹.

В организации общества взаимопомощи Горький видел живую, действительную форму непосредственной связи колонии с бывшими колонистами, он понимал, что при такой организации помощи вся дальнейшая жизнь воспитанников колонии — станут ли они работать на производстве или учиться на рабфаке — будет проходить в тесном контакте с жизнью колонии.

«Очень обрадован тем, — писал Горький Макаренко в начале 1926 г., — что мой совет устроить общество взаимопомощи понравился Вам и колонистам. Надо бы обратить особенное внимание на помощь тем из них, которые пошли в рабфаки, — рабфаковцам живется особенно трудно, не так ли?»

Регулярная помощь бывшим воспитанникам прочно вошла в быт колонии имени Горького и особенно коммуны имени Дзержинского. Макаренко придавал этому огромное значение. В своей замечательной работе «Методика организации воспитательного процесса» в главе «Выпуск» он пишет: «Особый вопрос представляет помощь бывшим воспитанникам, поступившим в вузы или техникумы. Обычно они живут в другом городе в студенческом общежитии и получают стипендии. Необходимо следить за их материальным благополучием, помогать им в случае нужды и хороших успехов, а если детское учреждение достигло полного хозрасчета, то и регулярно выдавать небольшую добавку к стипендии... Оказывать помощь из фонда нужно и тем, кто выпущен на работу, в случае действительной надобности... Со всеми выпускниками нужно всегда поддерживать связь, переписываться, приглашать

¹ Архив А. М. Горького.

на праздники. Приезд таких выпускников в учреждение нужно всегда приветствовать. Само собой разумеется, что, находясь в гостях в учреждении, выпускники должны помогать воспитательной работе и рассказывать воспитанникам о своей жизни, труде и успехах»¹.

О помощи бывшим воспитанникам Макаренко рассказывает также и в своей повести «Флаги на башнях».

Колония им. Горького за пять лет своего существования выросла и окрепла в организационном и хозяйственном отношении. Сложился крепкий, здоровый коллектив воспитанников и воспитателей. Колония завоевала немалый авторитет и укрепила свое общественное положение. Но Макаренко понимал, что для дальнейшего развития нужна перспектива, он считал, что за общим благополучием всегда наступает благодушие и беспечность, а это ведет к застою, и поэтому деятельно искал для колонии новых форм более широкого поля деятельности.

«Правильно воспитывать коллектив, — пишет Макаренко, — это значит окружить его сложнейшей цепью перспективных представлений, ежедневно возбуждать в коллективе образы завтрашнего дня, образы радостные, поднимающие человека и заражающие радостью его сегодняшней день»².

Макаренко нацеливает колонистов на новую задачу: переезд на другое место, где можно было бы более широко применять накопленный педагогический опыт для осуществления новых больших захватывающих дел.

Макаренко не раз советовался со своими товарищами-колонистами и, наконец, решил избрать новое место для колонии — в Запорожье.

24 ноября 1925 г. Макаренко, сообщая Горькому о том, что колония и колонисты живут идеей переезда на новое место, указывает, что переезд этот связан не только с хозяйственным устремлением, но имеет и более глубокое, педагогическое значение. «Наша злоба дня, — пишет Макаренко, — переезд в Запорожье. Уже давно мы хлопотали о переводе нашей колонии на какой-нибудь простор. В этом вопросе не только хозяйственное устремление... Наш коллектив, разумеется, не скоро мог решиться заговорить о ревизии нашего соцвоса, но на деле уже с 20-го года мы конструировали свою линию, конструировали исключительно в опытном плане... Результаты оказались более удовлетворительными, чем мы ожидали, и в то же время совершенно неожиданными»³.

А в письме от 10 февраля 1926 г. Макаренко четко и определенно формулирует задачи коллектива в связи с переездом на новое место: «Нужно создавать новую педагогику, — пишет Макаренко, — совсем новую. Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании, и мы уже много сделали за 5½ лет. Но первое, что нам нужно, это свобода от делопроизводителей, свобода от всякого хлама, которым мы завалены, а потом уже мы легко избавимся и от педагогических предрассудков. Вот почему мы и стремимся в Запорожье... То обстоятельство, что вместе с нами стремятся и все хлопцы, страшно нас поддерживает и внушает веру в успех.

Сейчас мы живем в большом нервном напряжении и тревоге. Каждое письмо, каждая телеграмма из Харькова возбуждают надежды и разочарование. Большая радость жить в таком движении»⁴.

¹ А. С. Макаренко, Педагогич. соч., изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 203.

² Архив А. С. Макаренко. Рукопись 3-й части «Педагогической поэмы». Глава «У подошвы Олимпа».

³ Архив А. М. Горького.

⁴ Там же.

В проекте, который Макаренко представил в Наркомпрос Украины в 1925 г., главной мыслью является утверждение того, «...что воспитание должно быть организовано как массовое производство, в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время конструированных без всякой романтики и предвзятых догматов...»¹.

В последующих письмах к Горькому Макаренко вновь подробно останавливается на вопросах воспитания, которое, по его мнению, должно быть организовано как массовое производство. Мысль об организации колоний в больших масштабах не покидала его и в дальнейшем. Уже после того как закончилась борьба за Куряж, которую он так подробно описал в своих письмах к Горькому от 8 и 23 мая 1926 г., Макаренко в письме от 5 октября 1932 г. с большой радостью пишет Горькому о том, что, по сообщению московских газет, Моно открывает новую колонию имени Горького. Макаренко убедительно просит Горького поручить заведывание этой колонией ему, так как он имеет на это преимущественное право. В письме от 14 июня 1934 г. Макаренко с большим удовлетворением сообщает Горькому о том, что в Харькове организован комитет для открытия новых детских трудовых коммун на 12 000 человек и что его ввели в состав этого комитета. «Я настойчиво предлагаю всем открыть одну коммуну на 12 000 детей... — пишет Макаренко. — Я представил подробный план, составленный целой группой людей, понимающих в этом деле, и настоящих энтузиастов»². В работу этого комитета Макаренко уходит с головой; с присущей ему страстностью и любовью к своему педагогическому делу он подробно разрабатывает проект организации коммуны на 12 000 детей; детально предусматривает в нем все хозяйственные и организационные вопросы; намечает план размещения этой коммуны; просит на организацию коммуны 33 млн. рублей, с возвратом этих денег в течение десяти лет; обзаводится ежегодно увеличивать состав коммуны на 2 000 человек и с четвертого года существования коммуны перевести ее на хозяйственный расчет. Такие смелые планы могли быть по плечу только ему, педагогу-новатору. И если бы это трудное дело, дело организации коммуны-гиганта, было поручено Макаренко — в успехе можно было бы не сомневаться. Вот что он пишет по этому поводу 14 июня 1934 г. Горькому: «Если бы дали в руки такое дело, да еще если бы назвали новую коммуну Вашим именем, я уже не мог бы ручаться за скорое окончание «Педагогической поэмы». Это, конечно, очень грустно, но отказаться от такой коммуны я все равно не в силах»³.

Когда дело с переездом в Запорожье затормозилось, колонии имени Горького предложили переехать в Куряж. Макаренко прекрасно понимал, что переезд колонии в Куряж — дело важное и ответственное. Здесь именно должна была состояться подлинная проверка его педагогической системы. Придавая переезду в Куряж важнейшее значение, Макаренко пишет об этом Горькому в письме от 8 мая 1926 г.: «Разрешите в этот критический и, может быть, самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщает нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами»⁴.

В мае 1926 г. Макаренко вновь пишет Горькому о Куряже: «Жизнь начинается интересная и страшно напряженная. Самая главная зада-

¹ Письмо А. С. Макаренко от 24 ноября 1925 г.

² Архив А. М. Горького.

³ Там же.

⁴ Там же.

ча — изжить потребительскую философию наших новых питомцев... Мы надеемся, что огромная работа по ремонту и развитию хозяйства поможет нам перевести эту философию на рабочие рельсы»¹.

Для Горького было ясно, что с переездом колонии в Куряж перед Макаренко и всем педагогическим коллективом, перед всеми колонистами встанут новые, более широкого плана, воспитательные задачи. Переживая вместе с колонистами радость переезда колонии в Куряж, Горький пишет 3 июня 1926 г. Макаренко:

«Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно...

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиваться и расцвести, чтобы она обогатила землю еще большими чудесами».

О том огромном значении, которое имели эти замечательные ободряющие напутственные горьковские строки для дальнейшей деятельности Макаренко, свидетельствует он сам в своей статье «Максим Горький в моей жизни»: «Это письмо, как и многие другие письма этого периода, — писал Макаренко, — имело для меня как педагога совершенно особое значение. Оно поддерживало меня в неравной борьбе, которая к этому времени разгорелась по поводу метода колонии имени Горького. Эта борьба происходила не только в моей колонии, но здесь она была острее благодаря тому, что в моей работе наиболее ярко звучали противоречия между социально-педагогической и педологической точками зрения. Последняя выступала от имени марксизма, и нужно было много мужества, чтобы этому не верить, чтобы большому авторитету «признанной» науки противопоставить свой сравнительно узкий опыт. А так как опыт протекал в обстановке повседневной «каторги», то не легко было проверить собственные синтезы. С присущей ему щедростью Горький подсказывал мне широкие социалистические обобщения. После его писем у меня удесят�ерялись и энергия и вера. Я уже не говорю о том, что письма эти, прочитанные колонистам, делали буквально чудеса, ведь не так просто человеку увидеть в себе самом «мудрые силы строителя»².

Еще в письме от 8 сентября 1925 г. Макаренко писал Горькому: «Ваши письма делают у нас чудеса, во всяком случае делают работу нескольких воспитателей»³.

Подчеркивая огромное воспитательное значение горьковских писем, Макаренко 16 июня 1926 г. писал Горькому:

«Думали ли Вы, дорогой Алексей Максимович, что Ваше письмо будет поворотным пунктом в истории нашей борьбы с Куряжской разрухой. С воскресенья 13 июня у нас совершенно новое настроение и новая работа. Ваше письмо получено в субботу. Как раз на воскресенье был назначен мой доклад о Вас...

После доклада я прочитал Ваше письмо. Когда я читал его при получении, мне казалось, что запущенные, одичавшие ребята не поймут великой любви Вашей к Человеку и Вашей веры в человеческую культуру, и я думал, что мне придется много им объяснять, но когда

¹ Архив А. М. Горького.

² А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., изд-во АПН РСФСР, 1949, кн. 4, стр. 203.

³ Архив А. М. Горького.

я прочитал письмо на общем собрании и увидел, как блестели глаза набежавшей слезой, я понял, что эти оборванные худые дети тоже имеют отношение к человеческим идеалам и что это Вы силою своего слова заставили их это почувствовать»¹.

В «Педагогической поэме» в главе «У подошвы Олимпа» Макаренко еще более ярко показал великое воспитательное значение писем Горького.

«...Я должен отметить один исключительный вечер, сделавшийся почему-то переломным в трудовом усилии куряжан. Я, впрочем, не считывал на такой результат, я хотел сделать только то, что необходимо было сделать, вовсе не из практических намерений.

Новые колонисты не знали, кто такой Горький. В ближайшие дни по приезде мы устроили вечер Горького. Он был сделан очень скромно. Я сознательно не хотел придавать ему характер концерта или литературного вечера. Мы не пригласили гостей. На скромно убранной сцене поставили портрет Алексея Максимовича.

Я рассказал ребятам о жизни и творчестве Горького, рассказал подробно. Несколько старших ребят прочитали отрывки из «Детства».

Новые колонисты слушали меня, широко открыв глаза: они не представляли себе, что в мире возможна такая жизнь. Они не задавали мне вопросов и не волновались до той минуты, пока Лапоть не принес папку с письмами Горького.

— Это он написал? Сам писал? Он писал колонистам? А ну, покажите...

Лапоть бережно обнес по рядам развернутые письма Горького. Кто-то задержал руку Лаптя и постарался глубже проникнуть в содержание происходящего.

— Вот видишь, вот видишь: «Дорогие мои товарищи». Так и написано...

Все письма были прочитаны на собрании. Я после этого спросил:

— Может, есть желающие что-нибудь сказать?

Минуты две не было желающих. Но потом, краснея, на сцену вышел Коротков и сказал:

— Я скажу новым горьковцам... вот, как я. Только я не умею говорить... Ну, все равно. Хлопцы! Жили мы тут, и глаза у нас есть, а ничего мы не видели... Как слепые, честное слово. Аж досадно — сколько лет пропало! А сейчас нам показали одного Горького... Честное слово, у меня все на душе перевернулось... не знаю, как у вас...

Коротков придвинулся к краю сцены, чуть-чуть прищурил серьезные красивые глаза:

— Надо, хлопцы, работать... По-другому нужно работать... Понимаете?

— Понимаем! — закричали горячо пацаны и крепко захлопали, провозжая со сцены Короткова.

На другой день я их не узнал. Отдуваясь, кряхтя, вертя головами, они честно, хотя и с великим трудом, пересиливали извечную человеческую лень. Они увидели перед собой самую радостную перспективу: ценность человеческой личности»².

Письма Горького, полные отеческой заботы и теплоты, вселяли огромную веру в коллектив, в его творческие силы, в его огромное воспитательное значение. Все, что писал Макаренко о силе коллектива,

¹ Архив А. М. Горького.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 567—568.

о том, что его можно создать и именно из детей, — все это получило полное одобрение и поддержку со стороны Горького.

Говоря о величайшем значении и огромной силе человеческого коллектива, Макаренко писал 16 июня 1926 г. Горькому: «Я потому и отдался колонии, что захотелось потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперед, а в то же время и русском, с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае, из детей. Раствориться в нем, погибнуть лично — лучший способ расчитаться с собой. Мне удалось посвятить этот коллектив Вам — вот тот великий максимум, о котором я только мечтал...»¹.

Впоследствии Макаренко, излагая подробно план «Педагогической поэмы» Горькому, в своем письме от 18 сентября 1934 г. писал о значении коллектива в коммунистическом воспитании: «Единственно, что я хочу утверждать: в коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудовой коллектив. Поэтому главное усилие организатора должно быть направлено к тому, чтобы создать и сберечь такой коллектив, устроить его, связать, создать тон и традиции, направить...»².

Известно, что в своих поздних работах Макаренко неоднократно возвращается к вопросу о коллективе.

Давая характеристику силе коллектива, Антон Семенович писал по этому поводу в «Педагогической поэме»: «И колонисты и коммунары давно перестали быть группами людей, уединенных от общества. У тех и других сложные общественные связи: комсомольские, пионерские, спортивные, военные, клубные. Между хлопцами и городом проложено множество путей и тропинок, по ним передвигаются не только люди, но и мысли, идеи и влияния.

И поэтому общая картина педагогической работы приобрела новые краски. Дисциплина и бытовой порядок давно перестали быть только моей заботой. Они сделались традицией коллектива, в которой он разбирается уже лучше меня и за которой наблюдает не по случаю, не по поводу скандалов и истерик, а ежеминутно, в порядке требований коллективного инстинкта, я был сказал»³. В статье «Цель воспитания» он пишет о значении коллектива в коммунистическом воспитании: «Такая задача была бы абсолютно непосильной для педагогики, если бы не марксизм, который давно разрешил проблему личности и коллектива».

Развивая эту мысль далее, Макаренко пишет в этой статье:

«В Советском Союзе не может быть личности вне коллектива и поэтому не может быть обособленной личной судьбы и личного пути и счастья, противопоставленных судьбе и счастью коллектива.

В социалистическом обществе много таких коллективов: широкая советская общественность сплошь состоит именно из таких коллективов, но это вовсе не значит, что с педагогов снимается долг искать и находить в своей работе совершенные коллективные формы. Школьный коллектив, ячейка советского детского общества, прежде всего должен сделаться объектом воспитательной работы. Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приеме. В каждый момент нашего воздействия на личность эти

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

³ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 619.

воздействия обязательно должны быть и воздействием на коллектив. И, наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив»¹.

Горький называл Макаренко педагогом нового типа, высоко ценил его педагогическое творчество, принимал горячее участие в обсуждении педагогических принципов, применяемых Макаренко, всецело поддерживал его новаторские начинания. В письме от 12 июля 1926 г. Горький писал Макаренко: «Вас я крепко обнимаю, удивительный Вы человек и как раз из таких, в каких Русь нуждается. Хоть Вы похвал и не любите, но — это от всей души и между нами».

Эта замечательная характеристика Макаренко, данная великим русским писателем, есть высшая награда.

II

Антон Семенович Макаренко ушел из колонии имени Горького в сентябре 1928 г. К этому времени обстановка для его работы в колонии создалась необыкновенно тяжелая. Противники его педагогической системы — украинские националисты — сделали все возможное для того, чтобы колония пришла в упадок. О тяжелом положении колонии Макаренко неоднократно сообщал Горькому и особенно подробно в письме от 25 февраля 1928 г. В этом же письме он сообщает и о своей новой работе в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. «В ноябре (1927 г. — Н. С.), — пишет Макаренко, — ГПУ открыло в новом специально отстроенном доме-дворце детскую коммуну имени Дзержинского. Организацию детского коллектива здесь поручили нашей колонии. Мы выделили в коммуну Дзержинского 62 воспитанника, разумеется, лучших, откомандировали туда же пятерых воспитателей»².

Макаренко высоко ценил колонистов-горьковцев. Поэтому с большой гордостью сообщал Горькому о том, что горьковцы, рассыпавшись по округу, разнесли вокруг «горьковскую» систему. Откомандировывая в коммуну имени Ф. Э. Дзержинского лучших колонистов-горьковцев, он прекрасно понимал, что такое «почкование» принесет в будущем огромную пользу и что этот здоровый, крепкий коллектив со своими лучшими традициями сумеет стать основным ядром в коллективе коммуны.

Письмо Макаренко о тяжелом положении колонии взволновало Горького.

«Очень взволнован и огорчен Вашим последним письмом! — писал он Макаренко 17 марта 1928 г. — Сожалею, что Вы не сообщили о неприятностях, Вами переживаемых, в самом начале их; объясняю это Вашей удивительной деликатностью в отношении ко мне, Вашим нежеланием «беспокоить» меня. Это — напрасно!»

9 мая 1928 г. Горький вновь пишет Макаренко: «Горестное письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменецкой; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости. Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человечья сила... И — позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но, ведь, дело это как-то связано со мною и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи». В этом же письме Горький сообщает о том, что деньги в сумме 20 тыс. руб. колония получит, и пишет о своем желании подарить ребятам инстру-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., изд-во АПН РСФСР, 1949, кн. 4, стр. 224—225.

² Архив А. М. Горького.

менты для духового оркестра и для оркестра балалаечников. «В Россию еду около 25-го мая, — сообщает Горький, — у Вас буду во второй половине июня». В конце письма Алексей Максимович пишет: «Передайте мой сердечный привет ребятам и научите меня сделать что-нибудь приятное для них. Дорогой друг, — я очень хорошо знаю великое значение маленьких радостей, испытанных в детстве».

Надо полагать, что Макаренко написал свое «горестное» письмо Горькому примерно в апреле 1928 г. В этом письме Антон Семенович, повидимому, описал свои переживания и особенно тяжелое положение колонии и колонистов.

Сообщение Горького о приезде в Россию и о том, что он собирается приехать в колонию, с быстротой молнии облетело всю колонию. Среди колонистов главной темой бесед был приезд Алексея Максимовича Горького.

В письме от 8 июня 1928 г. Макаренко пишет Горькому: «Мы живем сейчас исключительно под знаком Вашего приезда, думаем только о Вас, говорим только о Вас; работаем только для того, чтобы увидели Вы нашу работу. И я вместе с ребятами могу сейчас думать, говорить и писать только о Вашем приезде. Ваше последнее письмо для меня какое-то неожиданное, незаслуженное высшее достижение моей жизни, и я не пытаюсь даже искать слова, чтобы выразить Вам чувства благодарности и благоговения. Если Вы еще приедете к нам, мне уже ничего не останется хотеть»¹.

Предстоящий приезд Горького превратился в событие большого общественно-политического значения. Колонисты и воспитатели жили одной мыслью, — как лучше встретить своего дорогого, любимого шефа, рассказать ему о своих достижениях в учебе и в работе. Предстоящему приезду Горького в коммуне посвящались специальные собрания. На одном из собраний колонисты решили:

— Давайте все мы напишем А. М. Горькому наши биографии, — опишем нашу жизнь.

Так родилась замечательная книга под названием «Наши жизни Горькому — горьковцы», которая была подарена колонистами Алексею Максимовичу в день его приезда в колонию.

В этой книге 264 колониста описали подробно, без всяких прикрас, свою жизнь. Ряд биографий написан на украинском языке, отдельные биографии изложены в стихах. Небольшое предисловие к этой книге написал Антон Семенович Макаренко. Вот что пишет он в своем предисловии об этой книге:

«На общем собрании колонистов-горьковцев я спросил:

— Что мы подарим Алексею Максимовичу?

Было высказано много предложений, но все сразу остановились на предложении колониста Петра Дроздюка:

— Напишем всю нашу жизнь и подарим Алексею Максимовичу альбом с нашими биографиями.

Я также поддержал эту мысль. В самом деле, великому Горькому, как писателю и человеку, может быть, всего приятнее будет иметь у себя небольшой человеческий документ — собрание биографий трехсот беспризорных. Мне казалось, что такой сборник будет иметь значение почти исключительно статистическое, поэтому, когда ребята стали подавать мне свои листики для печатания, я требовал от них большей обстоятельности в изложении фактов их жизни.

Но по мере того, как продолжалась моя работа по собиранию материалов, я начал понимать, что значение записок моих колонистов не-

¹ Архив А. М. Горького.

сколько иное. Часто как раз их непосредственность, забывчивость о разных фактах показались мне наиболее характерными. В немудрых строках я находил отражение их мироощущения, части целой философии, той философии, какая может и должна появиться в такой определенной классовой группе, как беспризорные. И я ясно почувствовал, как между лохматыми, напряженно грамотными строчками пробивается настоящий запах нашей эпохи, очень сложный запах, который и для великих талантов изображения не всегда будет под силу»¹.

Некоторые, наиболее яркие отрывки из этой книги, Горький привел в своей статье «По Союзу Советов». «Колонисты сделали мне прекрасный подарок, — писал Горький в статье, — 250 человек написали и подарили мне свои автобиографии». В этой же статье великий писатель, характеризуя Макаренко, писал: «А о нем, на мой взгляд, прекрасно рассказывает вот эта выдержка из написанного им маленького предисловия к биографиям воспитанных им колонистов».

¹ Архив А. М. Горького, ДПГ 20—75—1, стр. 1—2.

«Когда я печатал сотую биографию, я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-нибудь читать. Это концентрированное детское горе, рассказанное такими простыми, такими безжалостными словами. В каждой строчке я чувствую, что эти рассказы не претендуют на то, чтобы вызвать у кого-нибудь жалость, не претендуют ни на какой эффект, это простой искренний рассказ маленького, брошенного в одиночестве человека, который уже привык не рассчитывать ни на какое сожаление, который привык только к враждебным стихиям и привык не смущаться в этом положении. В этом, конечно, страшная трагедия нашего времени, но эта трагедия заметна только для нас, для горьковцев здесь нет трагедии — для них это привычное отношение между ними и миром.

Для меня в этой трагедии, пожалуй, больше содержания, чем для кого-либо другого. Я в течение восьми лет должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей. Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твердым. Я должен быть по отношению к их горю таким же философом, как они сами по отношению к себе.

В этом моя трагедия, и я ее особенно почувствовал, читая эти записки. И это должно быть трагедией всех нас, от нее мы уклониться не имеем права. А те, что дают себе труд переживать только сладкую жалость и сахарное желание доставить этим детям приятное, те просто прикрывают свое ханжество этим обильным и поэтому дешевым для них детским горем»¹.

Эта выдержка из предисловия к книге «Наши жизни Горькому — горьковцы», приведенная Горьким в своей статье, характеризует не только самого Макаренко, но и отношение к нему великого писателя. Горький не только понимал, но и целиком разделял все сказанное в предисловии, ибо каждое слово Макаренко было проникнуто горьковским, социалистическим гуманизмом.

Алексей Максимович Горький приехал в колонию 8 июля 1928 г. 9 июля Горький, вместе с колонистами, посетил коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Это была первая встреча Антона Семеновича Макаренко с Алексеем Максимовичем Горьким.

В статье «Максим Горький в моей жизни» Макаренко пишет по этому поводу: «Эти дни были самыми счастливыми днями и в моей жизни и в жизни ребят. Я, между прочим, считал, что Алексей Максимович — гость колонистов, а не мой, поэтому постарался, чтобы его общение с колонистами было наиболее тесным и радужным. Но по вечерам, когда ребята отправлялись на покой, мне удавалось побывать с Алексеем Максимовичем в близкой беседе. Беседа касалась, разумеется, тем педагогических. Я был страшно рад, что все коллективные наши находки встретили полное одобрение Алексея Максимовича, в том числе и пресловутая «военизация», за которую еще и сейчас покусывают меня некоторые критики и в которой Алексей Максимович в два дня сумел разглядеть то, что в ней было: небольшую игру, эстетическое прибавление к трудовой жизни, жизни все-таки трудной и довольно бедной. Он

¹ М. Горький, «По Союзу Советов», журн. «Наши достижения», 1929, № 2, стр. 28.

понял, что это прибавление украшает жизнь колонистов, и не пожалел об этом»¹.

В «Педагогической поэме» Макаренко так описывает приезд Горького в колонию:

«С апреля месяца главной темой наших дружеских бесед сделался приезд Горького. Алексей Максимович написал нам, что в июле специально приедет в Харьков, чтобы пожить в колонии три дня. Переписка наша с Алексеем Максимовичем давно уже была регулярной. Не видя его ни разу, колонисты ощущали его личность в своих рядах и радовались ей, как радуются дети образу матери. Только тот, кто в детстве потерял семью, кто не унес с собой в длинную жизнь никакого запаса тепла, тот хорошо знает, как иногда холодно становится на свете, только тот поймет, как это дорого стоит — забота и ласка большого человека, человека — богатого и щедрого сердцем.

Горьковцы не умели выражать чувства нежности, ибо они слишком высоко ценили нежность. Я прожил с ними восемь лет, многие ко мне относились любовно, но ни разу за эти годы никто из них не был со мною нежен в обычном смысле. Я умел узнавать их чувства по признакам, мне одному известным: по глубине взгляда, по окраске смущения, по далекому вниманию из-за угла, по чуть-чуть охрипшему голосу, по прыжкам и бегу после встречи. И я поэтому видел, с какой невыносимой нежностью ребята говорили о Горьком, с какой жадностью обрадовались его коротким словам о приезде.

Приезд Горького в колонию — это была высокая награда. В наших глазах, честное слово, она не была вполне заслужена. И эту высокую награду нам присудили в то время, когда весь Союз поднял знамена для встречи великого писателя, когда наша маленькая община могла затеряться среди волн широкого общественного чувства.

Но она не затерялась, и это трогало нас и нашей жизни сообщало высокую ценность.

Подготовка к встрече Горького началась на другой день после получения письма. Впреди себя Алексей Максимович послал щедрый подарок, благодаря которому мы могли залечить последние раны, которые еще оставались от старого Куряжа...

Этот день, наконец, настал.

С утра вокруг колонии табор горожан, машины, начальство, целый батальон сотрудников печати, фотографов, кинооператоров. На зданиях флаги и гирлянды, на всех наших площадках цветы. Далеко протянулся на широких интервалах строй пацанов, на ахтырском шляху верховые, во дворе почетный караул.

В белой фуражке, высокий взволнованный Горький, человек с лицом мудреца и с глазами друга, вышел из авто, оглянулся, провел по богатым рабочим усам дрожащими пальцами, улыбнулся:

— Здравствуй... Это... твои хлопцы?.. Да!.. Ну, идем!..

Знаменный салют оркестра, шелест пацаньих рук, пацаньи горячие очи, наши открытые души разложили мы, как ковер, перед гостем.

Горький пошел по рядам...»².

Известно, что Горький посетил также и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Вот что пишет Горький о коммуне Дзержинского: «Кроме колонии в Куряже, я видел под Харьковом еще колонию имени Ф. Э. Дзер-

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., изд-во АПН РСФСР, кн. 4, 1949, стр. 204.

² А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 629—634.

жинского. В ней только сотня или 120 детей и очевидно она основана для того, чтобы показать, какой, в идеале, должна быть детская трудовая колония для «правонарушителей», для «социально-опасных». Она помещается в двух этажах специально построенного для нее дома в 19 окон по фасаду. Три мастерских — деревообделочная, обувная и слесарно-механическая — обставлены новейшими машинами; снабжены богатым набором инструментов. Отличная вентиляция, большие окна, много света. Дети — в удобной прозодежде, спальни — просторны, хорошее постельное белье, ванны, души, чистенькие светлые комнаты для учебных занятий, зал для собрания, богатая библиотека, обилие учебных пособий, всюду блеск, чистота, — все это — образцово, «на показ», да и дети подобраны тоже «как будто на показ», такие все здоровяки. В этой колонии многому можно научиться устроителям таких учреждений. При колонии — богато обставленный совхоз, летом дети работают в поле»¹.

Вскоре после отъезда Горького из колонии Макаренко оставляет колонию имени Горького и сосредоточивает свою педагогическую работу в коммуне имени Дзержинского. «Я ушел, — пишет Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни» — ощущая в своей душе теплоту моральной поддержки Алексея Максимовича, проверив до конца все свои установки, получив во всем его полное одобрение. Это одобрение было выражено не только в словах, но и в том душевном волнении, с которым Алексей Максимович наблюдал живую жизнь колонии, в том человеческом празднике, который я не мог ощущать иначе, как праздник нового, социалистического общества»².

В этой статье Макаренко дал яркую характеристику той огромной организующей и направляющей роли, которую сыграл Алексей Максимович Горький в его педагогической деятельности.

Своими повседневными заботами о колонии и колонистах, своими волнующими письмами Горький оказал на Макаренко огромное влияние.

Горький впоследствии узнал о том, что Макаренко ушел из колонии имени Горького. «Ваш уход из колонии, — писал Горький Макаренко в письме от 6 декабря 1928 г., — поразил и глубоко огорчил меня». Горький первый дал правильную политическую оценку обстановке, которая в то время создалась вокруг Макаренко и его педагогической системы, указав, что «в это дело замешаны тенденции «националистического» характера».

Известно, что летом 1928 г. враги народа — троцкисты, буржуазные националисты и лжетеоретики от педагогики, пробравшиеся тогда в органы Наркомпроса УССР, подвергли нападкам педагогическую систему Макаренко и всячески пытались опорочить ее, но им не удалось опорочить педагогическую систему Макаренко, его новаторские методы коммунистического воспитания. Макаренко и его педагогическую систему поддержала советская общественность, советское передовое учительство во главе с великим русским писателем Алексеем Максимовичем Горьким.

Антон Семенович Макаренко был марксистски образованным педагогом. Он первый открыто повел борьбу с педологией и педологами.

Вот как Антон Семенович Макаренко описал свои разногласия с так называемыми «учеными мужами», «Олимпом».

«В просторном высоком зале увидел я, наконец, в лицо весь сонм пророков и апостолов. Это был... синедрин, не меньше. Высказывались

¹ М. Горький, «По Союзу Советов», журн. «Наши достижения», 1929, № 2, стр. 28—29.

² А. С. Макаренко, «Педагогическая поэма», изд-во «Советский писатель», 1940, стр. 27.

здесь вежливо, округленными любезными периодами, от которых шел еле уловимый приятный запах мозговых извилин, старых книг и просиженных кресел. Но пророки и апостолы не имели ни белых бород, ни маститых имен, ни великих открытий. С какой стати они носят нимбы и почему у них в руках священное писание? Это были довольно юркие люди, а на их усах еще висели крошки только-что съеденного советского пирога.

Больше всех орудовал профессор Чайкин, тот самый Чайкин, который несколько лет назад напомнил мне один рассказ Чехова.

В своем заключении Чайкин ничего от меня не оставил:

— Товарищ Макаренко хочет педагогический процесс построить на идее долга. Правда, он прибавляет слово «пролетарский», но это не может, товарищи, скрыть от нас истинную сущность идеи. Мы советуем товарищу Макаренко внимательно проследить исторический генезис идеи долга. Это идея буржуазных отношений, идея сугубо меркантильного порядка. Советская педагогика стремится воспитать в личности свободное проявление творческих сил и склонностей, инициативу, но ни в коем случае не буржуазную категорию долга.

«С глубокой печалью и удивлением мы услышали сегодня от уважаемого руководителя двух образцовых учреждений призыв к воспитанию чувства чести. Мы не можем не заявить протест против этого призыва. Советская общественность также присоединяет свой голос к науке, она также не примиряется с возвращением этого понятия, которое так ярко напоминает нам офицерские привилегии, мундиры, погоны.

«Мы не можем входить в обсуждение всех заявлений автора, касающихся производства. Может быть, с точки зрения материального обогащения колонии это и полезное дело, но педагогическая наука не может в числе факторов педагогического влияния рассматривать производство и тем более не может одобрить такие тезисы автора, как «промфинплан есть лучший воспитатель». Такие положения есть не что иное, как вульгаризирование идеи трудового воспитания».

Многие еще говорили, и многие молчали с осуждением. Я, наконец, обозлился и сгоряча вылил в огонь ведро керосина.

— Пожалуй, вы правы, мы не договоримся. Я вас не понимаю. По-вашему, например, инициатива есть какое-то наитие. Она приходит неизвестно откуда, из чистого, ничем не заполненного безделья. Я вам третий раз толкую, что инициатива придет тогда, когда есть задача, ответственность за ее выполнение, ответственность за потерянное время, когда есть требование коллектива. Вы меня все-таки не понимаете и снова твердите о какой-то выхолощенной, освобожденной от труда инициативе. По-вашему, для инициативы достаточно смотреть на свой собственный пуп...

Ой, как оскорбились, как на меня закричали, как закрестились и заплевали апостолы! И тогда, увидев, что пожар в полном разгаре, что все рубиконы далеко позади, что терять все равно нечего, что все уже потеряно, я сказал:

— Вы не способны судить ни о воспитании, ни об инициативе, в этих вопросах вы не разбираетесь.

— А вы знаете, что сказал Ленин об инициативе?

— Знаю.

— Вы не знаете!

Я вытащил записную книжку и прочитал внятно:

«Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке отступить и

сугубо держать дисциплину», — сказал Ленин на одиннадцатом съезде РКП(б) 27 марта 1922 года»¹.

Макаренко называл Горького своим великим другом. Письма, выдержки из литературных произведений, приведенные выше, убедительно показывают, что в этих словах нет преувеличения. Горький был великим другом Макаренко не только в его педагогической деятельности. Выдающийся советский педагог-новатор является «горьковцем», воспитанником великого русского писателя на литературном поприще. Горький помогал Макаренко и мудрым советом и умными, полными глубокого смысла замечаниями, а нередко и просто правил написанное Макаренко.

III

В 1930—1932 гг. Антон Семенович Макаренко написал две небольшие повести: «Марш 30 года» и «ФД-1». Обе эти повести были им написаны в период упорного труда над основным произведением — «Педагогической поэмой».

Повесть «Марш 30 года» Макаренко написал в конце 1930 г., но побоялся послать ее своему великому другу, а послал в ГИХЛ. Впервые об этом произведении Макаренко сообщает Горькому в письме от 5 октября 1932 г.: «На днях выйдет в ГИХЛ'е моя книга «Марш тридцатого года», которая о коммуне много расскажет интересного»².

Повесть «Марш 30 года» впервые вышла в свет в 1932 г. в Государственном издательстве «Художественная литература». К сожалению, в архиве А. С. Макаренко первоначальная рукопись «Марша 30 года» не сохранилась.

17 декабря 1932 г., буквально через несколько недель после выхода в свет «Марша 30 года», Алексей Максимович Горький писал из Сорренто Макаренко:

«Вчера прочитал Вашу книгу «Марш 30-го года». Читал с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой».

Письмо Горького с высокой оценкой книги «Марш 30 года» явилось для Макаренко замечательным событием в его жизни.

Повесть «ФД-1» была написана Антоном Семеновичем Макаренко в марте—апреле 1932 г. и направлена в Государственное издательство «Художественная литература». Как «Марш 30 года», так и «ФД-1» написаны в строгой хронологической последовательности. «Марш 30 года» охватывает жизнь коммуны в период 1927—1930 гг., «ФД-1» — 1930—1932 гг.

О повести «ФД-1» Макаренко сообщает впервые Горькому также в письме от 5 октября 1932 г.: «Кстати о моей литературной деятельности: в ГИХЛ'е принята и вторая рукопись «ФД-1», большой очерк листов на двенадцать»³.

1 января 1933 г. Макаренко вновь сообщает Горькому:

«Сейчас в ГИХЛ'е лежит моя рукопись «ФД-1» из истории последних лет коммуны Дзержинского. В редакции относятся к ней очень сдер-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 630—632.

² Архив А. М. Горького.

³ Там же.

жанно, наверное, она будет издаваться тоже два года, как и «М. 30 г.»¹ («Марш 30 года». — Н. С.).

По замыслу автора, повесть «ФД-1» написана как первоначальный вариант третьей части «Педагогической поэмы». В письме к Горькому от 7 марта 1934 г. Макаренко писал: «Я всегда думал, что история дзержинцев составит тему третьей части «Педагогической поэмы»². Впоследствии автор отказался от этого намерения и изменил план третьей части «Педагогической поэмы». Таким образом, «ФД-1» является оригинальным произведением, не совпадающим как по содержанию, так и по развитию действия с третьей частью «Педагогической поэмы».

Рукопись «ФД-1» сохранилась в архиве Макаренко не полностью. Из 27 глав 19 сохранились частично, совершенно отсутствует пять глав и только три главы сохранились полностью. Повесть «ФД-1» так и не была напечатана при жизни автора³.

Кроме повестей «Марш 30 года» и «ФД-1», Макаренко написал пьесы «Мажор» и «Ньютоновы кольца».

Пьесу «Мажор» Антон Семенович Макаренко закончил в конце 1932 г. Рукопись первого варианта этой пьесы была украдена в поезде, когда он ехал из Харькова в Новороссийск. Этот эпизод с рукописью им подробно описан в рассказе «Случай в походе»⁴.

Осенью 1933 г. Макаренко вторично написал пьесу «Мажор» и представил ее под псевдонимом Андрей Гальченко на Всесоюзный конкурс пьес. Жюри конкурса рекомендовало пьесу к постановке.

Весной 1934 г. Макаренко лично передал рукопись пьесы «Мажор» Горькому. Алексей Максимович одобрил пьесу и посоветовал после исправления предложить ее Московскому Художественному театру. 14 июня 1934 г. Макаренко пишет Горькому:

«Сдал я и «Мажор» в МХАТ, товарищу В. Около месяца поработал над пьесой, считаю, что она теперь лучше, чем была раньше... В. сказал, что с Вами будут советоваться. Здесь в Харькове есть симпатичный и культурный театр русской драмы. Коллектив этого театра очень воодушевленно и красиво шефствует над коммуной им. Дзержинского. Просили дать им «Мажор» к постановке, но я не хочу ставить пьесу в том городе, где так хорошо знают коммуны, — будут копировать, а это совсем не то: в «Магоре» есть много от мечты о ближайших будущих днях»⁵.

Антон Семенович Макаренко передал пьесу «Мажор» в Государственное издательство «Художественная литература». 26 января 1935 г. он пишет Горькому:

«Если Вы помните, весной прошлого года я был принят Вами и представил Вам свою пьесу «Мажор», которая перед тем побывала на конкурсе Совнаркома и удостоилась даже рекомендации.

В общем Вы пьесу мою одобрили, предложили кое-что исправить. Я драматург молодой, и мне легче написать новую пьесу, чем исправить старую. Я все-таки еще поработал над «Магором» и передал ее для печати в Гос. Изд. «Художественная литература». Оттуда я получил очень хороший отзыв, скоро она должна выйти в свет. Ваше положи-

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

³ Повесть «ФД-1» впервые опубликована в кн.: А. С. Макаренко, «Избранные педагогические сочинения», приложение к журналу «Советская педагогика», кн. 4, 1949 г., изд-во АПН РСФСР и во II томе соч. А. С. Макаренко, изд-во АПН РСФСР, 1950.

⁴ Рассказ «Случай в походе» опубликован в журнале «Колхозные ребята», 1937, № 10.

⁵ Архив А. М. Горького.

тельное отношение к моему драматургическому дебюту и потом успех пьесы в «Художественной литературе» меня настолько окрылили, что я даже пренебрег полной неудачей моих попыток пристроить ее в театре (МХАТ отозвался отрицательно, все другие даже не ответили), тем более, что эти попытки не отличались особенной энергией»¹.

Пьеса «Мажор» была издана в 1935 г. Государственным издательством «Художественная литература».

Издательство снабдило книгу следующей аннотацией: «Одобренная на Всесоюзном конкурсе пьеса Гальченко «Мажор» знакомит зрителя с жизнью харьковской трудкоммуны им. Ф. Дзержинского. В пьесе показано, как вчерашние беспризорники становятся подлинными новыми людьми нашего времени и влияют на скептически настроенных инженеров коммуны, заражая их своим энтузиазмом. Пьеса для постановки сложная, с большим количеством массовых сцен, доступная лишь профессиональным театрам».

Пьеса «Ньютоновы кольца» написана Макаренко в 1934 г.

В письме от 26 января 1935 г. Макаренко пишет Горькому по поводу пьесы «Ньютоновы кольца»:

«Короче говоря, я написал еще одну пьесу «Ньютоновы кольца» (почему-то скрываюсь под фамилией Гальченко). Меня увлекла тема изобразить игру мельчайших бликов, зайчиков на очень ограниченном участке нашей борьбы, мне хотелось этой радужной игрой подчеркнуть величие и уверенность нашего движения. Сегодня я прочитал Вашу статью «Литературные забавы», и теперь я понимаю, что меня в моей пьесе интересовала «химия» явлений среди наших людей. Очень возможно, что такой химии у меня не получалось, я не имею никакого понятия о качестве «Ньютоновых колец». Но так как в эту работу я вложил кое-что и так как в ней есть рисунки настоящих живых людей и живых конфликтов, которые я наблюдал вокруг себя, то я осмеливаюсь просить Вас, если позволяет Ваше здоровье и если у Вас найдется время, прочитайте «Ньютоновы кольца», которые я Вам одновременно посылаю. Внимание и забота, которые Вы мне всегда оказывали, позволяют и теперь обратиться к Вам с этой просьбой»².

В феврале 1935 г. Горький пишет Макаренко:

«На мой взгляд «Ньютоновы кольца» пьеса веселая и — если хотите — я могу передать ее в театр Корша или же Вахтангова».

Получив от Горького положительный отзыв, Макаренко в феврале 1935 г. пишет ему:

«Не знаю, как сказать, как благодарить Вас за то, что прочитали «Ньютоновы кольца». Совесть мучит меня, что я затруднил Вас этой работой, но утешаюсь тем, что в «Ньютоновых кольцах» тема тоже педагогическая. Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выражая его не в «небывалых чудесах», а в простой «химии». Перевоспитывается не только Хромов, а и Рязанова, и Луговой, и Ходиков, и Елочка. И не потому перевоспитывается, что стоит над душой гениальный педагог, а потому, что вся атмосфера, весь тон жизни и отношений новые. Конечно, все это тонкие штуки, и поэтому сократить, дописать, доработать пьесу наедине с самим собой я не сумею. Если пьеса того заслуживает, если она станет объектом работы режиссера или театрального коллектива, я с большим успехом смогу ее улучшить. И Вы так пишете. Поэтому, если Вам придется говорить о

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

моей пьесе с режиссером, Вы считайте, что за моими исправлениями остановки не будет»¹.

Пьеса «Ньютоновы кольца» не была опубликована. Авторская рукопись ее сохранилась в архиве А. С. Макаренко, авторская машинопись с правкой Горького хранится в архиве А. М. Горького Института мировой литературы Академии наук СССР им. А. М. Горького.

Вот некоторые из этих исправлений, которые показывают, насколько внимательно Горький относился к каждому слову, к каждой запятой текста.

АННА ПЕТРОВНА.	Слухай, Наташа, говорят, вот этот Хромов самый, арестант будто.
НАТАША.	Что вы, Анна Петровна, как это - арестант?
АННА ПЕТРОВНА.	Арестант. Вредный арестант будто. Видишь, какой? А теперь он, говорят, выпросился: сделаю вам азетены, значит, в расчете будем. Да что не выходит с азетенами - положительный брак. Вот и суди теперь.
НАТАША.	Ну, что вы...
АННА ПЕТРОВНА.	Вот тебе и ну! Этот арестант, а то оптики какие то, а механический начальник - турок, говорят.
НАТАША.	Да и не турок. Что вы все выдумываете?
АННА ПЕТРОВНА.	Турок. Я так мечтаю, что ничего у них не выйдет. Путают они советскую власть и все. А комендант наш, Егор Прокофьевич, думаешь, кто? Этот еще хуже арестанта, - ненормальный какой то...
НАТАША.	И ничего подобного, Анна Петровна, что вы на всех навешиваете? Егор Прокофьевич такой человек... и говорит как: слушаешь, слушаешь, и еще хочется.

Авторская машинопись пьесы «Ньютоновы кольца» с правкой А. М. Горького

В первом акте пьесы в словах Рязановой: «...Этот завод имеет большое техническое значение и политическое значение» Горький зачеркивает после слова «техническое» слово «значение».

В словах Анны Петровны: «...Да что-то не выходит с азетенами — положительный брак» Алексей Максимович зачеркивает слово «положительный» и вместо него пишет «все».

В словах Наташи: «Да и не турок. Что вы все выдумываете?» Горький зачеркивает «Да и не турок».

В словах Наташи: «...Егор Прокофьевич такой человек... и говорит как... слушаешь, слушаешь и еще хочется» Алексей Максимович после слова «человек» вместо «и» пишет «а».

¹ Архив А. М. Горького.

В словах Анны Петровны: «А говорить он, правда, мастер... Смотри, Наташка». Алексей Максимович после слова «Наташка» вместо точки ставит восклицательный знак.

В словах Елочки: «Как же это? Что же мне плакать, что ли? Как же можно так спрашивать, бабушка?» Алексей Максимович зачеркивает слова: «Что же мне плакать, что ли?»

В словах Елочки: «Смотри ты, до чего додумался? Ты мечтатель, ты — мечтатель» Алексей Максимович зачеркивает «Ты мечтатель, ты — мечтатель».

В словах Волкова: «...Во-первых... во-вторых, это просто абстракция, видимость. Ты сообрази...» Алексей Максимович после слова «видимость» зачеркивает «Ты сообрази».

В словах Елочки: «Сообразила, философ какой... А если я этой абстракцией воспитана, живу вместе с ней, обедаю за одним столом...» Алексей Максимович вычеркивает слова «Сообразила, философ какой...».

В словах Волкова: «Да ты мне об этой фикции не говори» Алексей Максимович зачеркивает слово «Да» и пишет слово «Ты» с заглавной буквы.

В словах Поддужного: «А теперь я задержал данного петуха как такового, так ихняя супруга при помощи насилия у меня из рук вырвала» Горький зачеркивает слово «теперь» и вместо него пишет «когда».

В словах Елочки: «Смотри, как у него хорошо выходит» Алексей Максимович после слова «выходит» вместо точки ставит восклицательный знак.

Во втором акте пьесы в словах Абашидзе: «Все равно пропала жизнь — угораздило влопаться — оптическое производство» Алексей Максимович после слова «влопаться» вставляет «в».

В словах Волкова: «...Я могу в решительности моей любви подвергнуть смерти двух дохлых крыс и...» Горький зачеркивает слова «двух дохлых крыс и».

В третьем акте в словах Поддужного: «...Да и отдайте его собственноручно Елене Павловне» Горький зачеркивает слово «да».

В словах Анны Петровны: «Да. Видишь, какой оратор» Алексей Максимович зачеркивает слово «Да».

В словах Купермана: «Вы не стесняйтесь, я тоже раньше не был, а теперь, кажется, меня сюда определили» Горький вместо слова «сюда» пишет «туда».

В словах Купермана: «Кому нужны фирменные таблички.» Алексей Максимович после слова «таблички» вместо точки ставит вопросительный знак.

В словах Купермана: «...Я понимаю, если это, скажем, вино, так нужно написать — розовый мускат или мускат люнель... чтобы публика думала все-таки, ну? Пусть, что хочет думает...» Горький после слов «все-таки» пишет: «что так оно и есть»¹.

IV

Антон Семенович Макаренко приступил к написанию «Педагогической поэмы» в 1925 и окончил ее в 1935 г. Десять лет упорного писательского труда посвятил Макаренко этому выдающемуся произведению. Вся его работа над созданием «Педагогической поэмы» прошла в тесном общении с Горьким и при самом активном участии великого писателя в этой работе.

¹ Архив А. М. Горького, РАВ—ПГ, 29—2—2.

Переписка Макаренко с Горьким свидетельствует о любовном, заботливом отношении Горького к литературному творчеству Макаренко. Но особенно ярко вырисовывается гигантская фигура Горького как учителя, друга и советчика в переписке, касающейся «Педагогической поэмы». Только непосредственная забота и огромная энергия, которую вложил Алексей Максимович в создание «Педагогической поэмы», дали возможность Антону Семеновичу Макаренко с успехом закончить это замечательное произведение.

«Поэма была написана в 1928 г. и... пять лет пролежала в ящике стола, так я боялся представить ее на суд Максима Горького»¹, — писал Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни». В июле 1928 г., в дни, когда Горький гостил в колонии, Антон Семенович впервые лично рассказал ему о том, что он пишет «Педагогическую поэму», и Горький одобрил его начинания. Позже в одном из писем Макаренко просил у Горького разрешения посвятить ему свою «Педагогическую поэму».

Алексей Максимович Горький живо откликнулся на это письмо и с большим интересом и заботой отнесся к изданию «Педагогической поэмы». «За предложение посвятить мне Вашу «Педагогическую поэму» сердечно благодарю, — писал Горький 6 декабря 1928 г. — Где Вы думаете издать ее? Советую — в Москве... Думаете ли Вы иллюстрировать ее снимками? Это надо бы сделать. Не опасайтесь, что этим книга станет дороже».

После такого сердечного, теплого письма Макаренко не только регулярно сообщает Горькому о ходе работы над «Педагогической поэмой», но и делится с ним своими мыслями и планами, которые возникают у него в процессе творческого труда.

«Простите, что я Вас беспокою, — пишет Макаренко Горькому в сентябре 1929 г. — Когда я у Вас был, Вы мне рекомендовали издать мою книгу не у «Народного учителя», а в Госиздате.

В моей книге выходит к последнему времени, когда я прибавил несколько совершенно необходимых теоретических глав, до 20 листов...

...у меня к Вам большая просьба. Не откажите дать для моей книги небольшую рекомендательную записку. Пока что мне нужно только одно: чтобы ее не заложили куда-нибудь далеко и хотя бы прочитали, чтобы судить, годится она или не годится.

Потом, если она будет признана достойной издания, я буду просить Вас просмотреть ее»².

5 октября 1932 г. Макаренко вновь сообщает Горькому о «Педагогической поэме»:

«...а самая дорогая для меня работа, «Педагогическая поэма», изображающая не сладкие достижения, а тяжелейшую борьбу в горьковской колонии..., книга, посвященная Вам, лежит у меня дома: как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой с такой щедрой искренностью»³.

Известно, что Макаренко даже после личной беседы с Горьким еще в 1928 г., после того как великий писатель полностью одобрил его начинания, не счел возможным послать ему свою «Педагогическую поэму». Написанные им повести — «Марш 30 года» и «ФД-1» также не были посланы Горькому. Это можно объяснить тем, что Антон Семенович

¹ А. С. Макаренко, Избр. педагогич. соч., изд-во АПН РСФСР, 1949, кн. 4, стр. 205.

² Архив А. М. Горького.

³ Там же.

Макаренко и сам не был тогда до конца уверен в силе своего писательского таланта. Только после теплого, отеческого письма Алексея Максимовича Горького о «Марше 30 года», полученного Макаренко в декабре 1932 г., у него наступает решительный перелом и появляется уверенность в своих писательских силах.

1 января 1933 г. Макаренко пишет Горькому: «Ваше письмо о моей книге (речь идет о книге «Марш 30 года». — *Н. С.*) — самое важное событие в моей жизни, к этим словам я ничего уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас.

А я о своем писании был очень плохого мнения... Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно — мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время. У меня как будто не было ни того, ни другого»¹.

В «Марше 30 года» Горький увидел произведение талантливого писателя и после этого уже настойчиво требовал от Макаренко, чтобы он больше уделял времени литературной работе.

«Я, стороною, узнал, — пишет 30 января 1933 г. Горький Макаренко, — что Вы начинаете уставать и что Вам необходим отдых. Собственно говоря — мне самому пора бы догадаться о необходимости для Вас отдыха, ибо я, в некотором роде, шеф Ваш, кое-какие простые вещи должен сам понимать. 12 лет трудились Вы и результатам трудов нет цены. Да никто и не знает о них, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете. Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд.

Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг мой. Я просил, чтобы из Москвы Вам выслали денег».

«В теплые места я не поехал, — вспоминая об этом письме, писал Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни», — некогда было, но поддержка и настойчивость Алексея Максимовича преодолели мою трусость: осенью 1933 г. я привез ему свою книгу — первую часть. Через день я получил полное одобрение, и книга была сдана в очередной номер альманаха «Год XVII». Все остальные части тоже прошли через руки Алексея Максимовича»².

Огромный авторитет, моральная поддержка, настойчивость и повседневная помощь Горького дали возможность Макаренко закончить первую часть «Педагогической поэмы». В конце 1933 г. Горький писал Макаренко: «На мой взгляд «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен, как нельзя более. Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о «командирах» говорится много, но армии — не видно.

¹ Архив А. М. Горького.

² А. С. Макаренко, Избр. педагог. соч., изд-во АПН РСФСР, 1949, кн. 4. стр. 205.

Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Куряж?»

Первая часть была впервые опубликована в 24 главах в альманахе «Год XVII», кн. 3, 1933¹. Рукопись первой части в архивах пока не разыскана. Но вопрос о том, сколько глав содержала рукопись, представленная автором Горькому и в редакцию альманаха, в настоящее время можно считать решенным. 7 марта 1934 г. Макаренко писал Горькому: «Следует ли добиваться отдельного издания первой части, или она не стоит того, чтобы ее отдельно издавать? Отдельное издание меня интересует больше всего потому, что можно будет восстановить несколько глав и отдельных мест (всего около 4 печатных листов), не напечатанных в альманахе за недостатком места; мне, как вероятно и каждому автору, кажется, что места эти очень хороши и очень нужны, что без них «Поэма» много в своей цельности теряет»².

Кроме того, в рукописном отделе Института мировой литературы Академии наук СССР им. А. М. Горького разыскано письмо Макаренко, написанное им в 1934 г. по поводу замечаний т. Колдунова³ о первой части «Педагогической поэмы», подготавливаемой для отдельного издания. В этом письме имеется следующая справка Макаренко: «К сведению: в альманахе «Год XVII» купюры сделаны мною лично, т. к. альманах не хотел больше 9 печатных листов. Потом против сокращения протестовал Алексей Максимович, который писал мне, что ничего сокращать не нужно было».

Как известно, первая часть «Педагогической поэмы» в отдельном издании 1934 г. была напечатана в 29 главах. Приведенные выше два отрывка из писем Макаренко дают полное основание считать, что новые пять глав: «Подвижники Соцвоса», «Сражение на Ракитном озере», «Чернильницы по-соседски», «Наш — найкраший», «Шарин на расправе», опубликованные в издании 1934 г., были взяты из рукописи, представленной Горькому и в редакцию альманаха.

Вопрос о том, входила ли 12-я глава «На педагогических ухабах» в первоначальный вариант рукописи, до сих пор вызывал сомнения. Как известно, впервые эта глава была опубликована в первой части «Поэмы», изданной на украинском языке в 1935 г. На этом основании в первом томе сочинений А. С. Макаренко, вышедшем в 1950 г., утверждается, что рукопись главы «По педагогическим ухабам» (так названа эта глава в первом томе) на русском языке не сохранилась и поэтому редакция сочла необходимым опубликовать эту главу в приложениях к данному тому в переводе с украинского языка Г. С. Макаренко. Это утверждение оказалось неточным. В начале 1951 г. рукописный отдел Института мировой литературы Академии наук СССР разыскал авторский машинописный экземпляр данной главы на русском языке.

Этот экземпляр был получен Институтом от Гослитиздата еще в 1939 г. вместе с замечаниями на первую часть «Педагогической поэмы» т. Колдунова и ответом на эти замечания Антона Семеновича Макаренко. Вот что писал в этом ответе Макаренко по поводу 12 главы «На педагогических ухабах»: «Согласен выбросить гл. 12, т. к. положения, высказанные в ней, нужно аргументировать более обстоятельно и не в художественном произведении». Этим именно и объясняется, что глава 12 «На педагогических ухабах» не была включена в отдельное из-

¹ Альманах «Год XVII», кн. 3, вышел в свет в начале 1934 г.

² Архив А. М. Горького.

³ С. А. Колдунов — писатель. Рецензировал «Педагогическую поэму» по поручению Гослитиздата.

дание первой части «Педагогической поэмы» в 1934 г. Таким образом, бесспорно установлено, что рукопись первой части «Поэмы», представленная Горькому и в редакцию альманаха, содержала главу «На педагогических ухабах» и состояла из 30 глав.

Одновременно необходимо отметить, что в 1937 г. первая часть «Педагогической поэмы» в последнем издании при жизни автора опубликована в 27 главах. В это издание не вошли главы: «Сражение на Ракитном озере», «Шарин на расправе», и «На педагогических ухабах». Впервые полностью в 30 главах первая часть «Педагогической поэмы» опубликована в первом томе сочинений А. С. Макаренко Академией педагогических наук РСФСР. В основном тексте публикуется 28 глав и в приложениях 2 главы: «Сражение на Ракитном озере» и «По педагогическим ухабам»¹.

Глава «На педагогических ухабах» представляет большой научный интерес. В этой главе Антон Семенович Макаренко теоретически обосновывает значение и роль коллектива в коммунистическом воспитании *подростающего поколения. Разбросанные в ряде глав первой части «Педагогической поэмы» теоретические положения о коллективе он постарался обобщить в 12 главе и сформулировать основное положение советской педагогики — учение о коллективе. «Советская педагогика, — пишет Макаренко в этой главе, — должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинированной, и наиболее свободной». И дальше, развивая и обосновывая значение и роль советского коллектива, Антон Семенович в этой главе пишет:*

«Я верил, что ни биология, ни логика, ни этика не могут определить нормы поведения. Нормы определяются в каждый данный момент нашей классовой нуждой и нашей борьбой. Нет более диалектической науки, чем педагогика. И создание нужного типа поведения — это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно. И гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны».

Особый интерес в указанных замечаниях представляют высказывания Макаренко о коллективе. Раскрывая основной замысел содержания 11 главы «Сражение на Ракитном озере», Антон Семенович Макаренко писал: «Глава 11-я «Сражение на Ракитном озере» имеет целью показать, что в среде еще совершенно блатных и конечно диких колонистов *уже начинает зарождаться представление об отдельном их коллективе. Это первые элементы коллективного единства* (подчеркнуто мною. — Н. С.). В главе я хотел показать и свое отношение к этому началу. Как видно из текста, я настолько дорожил этим, что сознательно поддерживал тон колонистов, вместе с ними защищая уже родившееся представление о чести колониста, хотя внешняя форма этого представления еще и «дика»².

С такой же предельной ясностью и убедительностью Антон Семенович показал замысел 16 главы «Чернильницы по-соседски». «Написать просто, — пишет далее Макаренко, — как предлагается: «кстати Осадчий скоро вернулся», значит просто отказаться от разрешения конфлик-

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. I, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 13—234, 645—654.

² Рукописный отдел Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького.

та Осадчего. Ведь он ушел из колонии в гордом протесте против предъявленных к нему требований? Почему он в таком случае вернулся? И почему его приняли обратно? Вся суть в том, что протест Осадчего существовал до тех пор, пока ему пришлось попасть в столкновение селянской молодежи и колонистов. Он стал на сторону последних, и поэтому после драки пришел в колонию и свободно говорил со мной. Это он сделать мог только потому, что «по-своему» имел основание считать, что его колонийское достоинство восстановлено. Уважая эту сторону дела, я не вспоминал ничего из только что бывшего конфликта. Выбросить эту главу, значит просто *упростить и ошаблонить картину укрепления коллективных связей* (подчеркнуто мною. — Н. С.). Между прочим, в этой же главе и второй мотив по-моему интересный: выростание коллектива горьковцев облегчалось тем обстоятельством, что в окружающей среде крестьянской, — много было явлений антигосударственных, в данном случае «обрезы»¹.

Развивая далее учение о коллективе, Антон Семенович во второй и третьей частях «Педагогической поэмы» значительно расширил и обобщил теоретические положения и наглядно показал выдающееся значение коллектива в коммунистическом воспитании.

Как видно из писем Макаренко, он неоднократно подробно раскрывал перед Горьким значение и роль коллектива в коммунистическом воспитании. Алексей Максимович высоко оценил педагогическое мастерство и новаторство Макаренко, всячески поддерживал его и оказывал помощь своими советами. Известно, какую высокую оценку дал Горький педагогической системе Макаренко: «Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд». Так писал Горький Макаренко в письме от 30 января 1933 г.

Недаром Макаренко, направляя Горькому рукопись третьей части «Педагогической поэмы», спрашивал у него совета относительно глав «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику». Алексей Максимович настоятельно рекомендовал не исключать эти главы.

Известно, что Алексей Максимович Горький прочитал и одобрил первую часть «Педагогической поэмы» и считал, что сокращать ее не нужно. Вот почему мы считаем полезным в нашей статье впервые опубликовать полный текст авторской машинописи 12 главы — «На педагогических ухабах». Необходимость опубликования 12 главы первой части «Педагогической поэмы» «На педагогических ухабах» диктуется еще и тем обстоятельством, что, как известно, текст указанной главы напечатан в первом томе сочинений А. С. Макаренко в переводе с украинского языка, который, разумеется, не вполне совпадает с текстом авторской машинописи и тем самым в ряде мест не совсем точно передает подлинные формулировки автора.

Приводим полный текст 12 главы:

12. «На педагогических ухабах».

Добросовестная работа была одним из первых достижений колонии имени Горького, к которому мы пришли гораздо раньше, чем к чисто моральным достижениям.

Нужно признать, что труд сам по себе, не сопровождаемый напряжением, общественной и коллективной заботой, оказался мало влиятельным фактором в деле воспитания новых мотиваций поведения. Небольшой выигрыш получался только в той мере, в какой работа отнимала время и вызывала некоторую полезную усталость. Как постоянное правило, при этом наблюдалось, что воспитанники, наиболее работоспособные, в то же время с большим трудом поддавались моральному влиянию. Хорошая

¹ Рукописный отдел Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького.

работа сплошь и рядом соединялась с грубостью, с полным неуважением к чужой вещи и к другому человеку, сопровождалась глубоким убеждением, что исполненная работа освобождает от каких бы то ни было нравственных обязательств. Обычно такая трудолюбивость завершалась малым развитием, презрением к учебе и полным отсутствием планов и видов на будущее.

Я обратил внимание на обстоятельство, что, вопреки первым моим впечатлениям, колонисты вовсе не ленивы. Большинство из них не имело никакого отвращения к мускульному усилию, очень часто ребята показывали себя как очень ловкие работники, в труде были веселы и заразительно оживлены. Городские воришки в особенности были удачливы во всех трудовых процессах, которые нам приходилось применять. Самые заядлые ленивцы, действительные лежебоки и обжоры, в то же время совершенно были неспособны ни к какому преступлению, были страшно неповоротливы и инициативны. Один такой, Галатенко, прошел со мной всю историю колонии, никогда не крал и никого ничем не обидел, но пользы от него было всегда мало. Он был ленив классическим образом, мог заснуть с лопатой в руке, отличался поразительной изобретательностью в придумывании поводов и причин к отказу от работы, и даже в моменты больших коллективных подъёмов, в часы напряженной авральной работы всегда ухитрялся отойти в сторону и незаметно ударить.

Нейтральность трудового процесса очень удивила наш педагогический коллектив. Мы слишком привыкли поклоняться трудовому принципу, становилась необходимой заботой более тщательная проверка нашего старого убеждения.

Мы заметили, что рассматриваемый уединенно трудовой процесс быстро и легко делается автономным механическим действием, не включенным в общий поток психологической жизни, чем-то подобным ходьбе или дыханию. Он отражается на психике только травматически, но не конструктивно, и поэтому его участие в образовании новых общественных мотиваций совершенно ничтожно.

Такой закон представлялся нам несомненным во всяком случае по отношению к неквалифицированному труду, какого тогда очень много было в колонии. В то время самообслуживание было очередной педагогической панацеей.

Ничтожное мотивационное значение работ по самообслуживанию, значительная утомляемость, слабое интеллектуальное содержание работы уже в самые первые месяцы разрушили нашу веру в самообслуживание. По своей бедности, правда, наша колония еще долго его практиковала, но наши педагогические взоры уже не обращались на него с надеждой. Мы тогда решили, что очень бедный комплекс побуждений к простому труду прежде всего определяет его моральную нейтральность.

В поисках более сложных побуждений мы обратились к мастерским. К концу первого года в колонии были кузнечная, столярная, сапожная, колесная и корзиночная мастерские. Все они были плохо оборудованы и представляли собою первоначальные кустарные примитивы.

Работа в мастерских оказалась более деятельным фактором в деле образования новых мотиваций поведения. Самый процесс труда в мастерских более ограничен: он состоит из последовательных моментов развития и, стало быть, имеет свою внутреннюю логику. Ремесленный труд, связанный с более заметной ответственностью, в то же время приводит к более очевидным явлениям ценности. В то же время ремесленный труд дает основания для возникновения группы мотиваций, связанных с будущим колонистов.

Однако средний тип мотивационного эффекта в результате ремесленного обучения оказался очень невзрачным. Мы увидели, что узкая область ремесла дает, правда, нечто, заменяющее антисоциальные привычки наших воспитанников, но дает совершенно не то, что нам нужно. Движение воспитанника направлялось к пункту, всем хорошо известному: довольно несимпатичному типу нашего ремесленника. Его атрибуты: большая самоуверенность в суждениях, соединенная с полным невежеством, очень дурной, бедный язык и короткая мысль, мелкобуржуазные идеальчики кустарной мастерской, мелкая зависть и неприязнь к коллеге, привычка потрафлять заказчику, очень слабое ощущение социальных связей, грубое и глупое отношение к детям и к женщинам и, наконец, как завершение, чисто религиозное отношение к ритуалу выпивки и к застольному пустословию.

Зачатки всех этих качеств мы очень рано стали наблюдать у наших сапожников, столяров, кузнецов.

Как только мальчик начинал квалифицироваться, как только он основательно прикреплялся к своему верстаку, он уже делался и в меньшей мере коммунар.

Интересно, что в очень многих колониях, строивших свой мотивационный баланс на ремесле, я всегда наблюдал один и тот же результат. Именно такие ребята, сапожники в душе, винопийцы, украшенные чубами и цыгарками, выходят из этих колоний и вносят мелкобуржуазные, вздорные и невежественные начала в жизнь нашей рабочей молодежи.

Бедный по своему социальному содержанию, ремесленный труд становился в наших глазах плохой дорогой коммунистического воспитания. В начале второго года

выяснилось, что воспитанники, не работавшие в мастерских или работавшие в них временами, а исполняющие общие и сельскохозяйственные работы, в социально-моральном отношении стоят впереди «мастеровых». Нужно небольшое усилие с нашей стороны, чтобы увидеть: улучшение морального состояния отдельных групп воспитанников происходит параллельно развитию хозяйства и внедрению коллектива в управление этим хозяйством.

Однако вот это самое небольшое усилие было сделать не так легко. Слишком широкая многообразная стихия хозяйства чрезвычайно трудно поддается анализу со стороны своего педагогического значения. Сначала в хозяйстве мы склонны были видеть сельское хозяйство и слепо подчинились тому старому положению, которое утверждает, что природа облагораживает. Это положение было выработано в дворянских гнездах, где природа понималась прежде всего как очень красивое и выложенное место для прогулок и тургеневских переживаний, писания стихов и размышлений о божьем величии.

Природа, которая должна была облагораживать колониста-горьковца, смотрела на него глазами невспаханной земли, зарослей, которые нужно было выполоть, навоза, который нужно было убрать, потом вывезти в поле, потом разобрать. Поломанного воза, лошадиной ноги, которую нужно было вылечить. Какое уж тут облагораживание.

Невольно мы обратили внимание на действительно здоровый хозяйственно-рабочий тон во время таких событий:

Вечером в спальне, после всяких культурных и не очень культурных разговоров, нечаянно вспоминаешь:

— Сегодня в городе с колеса скатилась шина. Что это за история?

Разнообразные силы колонии немедленно начинают чувствовать обязанность отчитываться.

— Я воз осматривал в понедельник и говорив конюхам, чтоб подкатили воз к кузнице, — говорит Калина Иванович, и его трубка корчится в агонии в отставленной возмущенной руке.

Гуд поднимается на цыпочки и через головы других горячится:

— Мы кузнецам сказали еще раньше, — в субботу сказали...

Где-то на горизонте виднеется весьма заинтересованная положением вытянутая физиономия Антона Братченко. Задоров старается предотвратить конфликт и весело бросает:

— Да сделаем...

Но его перебивает ищущий правды баритон Буруна:

— Ну, так что же, что сказали, а шинное железо где?

Братченко экстренно мобилизуется и задирает голову — Бурун гораздо выше его.

— А вы кому говорили, что у вас шинное железо вышло?

— Как кому говорили? Что ж, на всю колонию кричать?

Вот именно в этот момент вопрос можно снять с обсуждения, даже обязательно нужно снять. Я говорю Братченко:

— Антон, отчего это сегодня у тебя прическа такая сердитая?

Но Братченко грозит сложенным вдвое кнутом кому-то в пространство и демонстрирует прекрасного наполнения бас:

— Тут не в прическе дело.

Без всякого моего участия завтра и послезавтра в хозяйстве, в кузнице, в подкатном сарае произойдет целая куча разговоров, споров, вытаскивания возов, тыканья в нос старым шинным железом, шутильвых укоров и серьезных шуток. Колесо, с шиной или без шины, в своем движении захватит множество вопросов, вплоть до самых общих:

— Вы тут сидите возле горна, как господа какие. Вам принеси да у вас спроси.

— А что? К вам ходить спрашивать: не нужно ли вам починить чего-нибудь. Мы не цыгане...

— Не цыгане. А кто?

— Кто? Колонисты...

— Колонисты. Вы не знаете, что у вас железа нет. Вам нужно няньку...

— Им не няньку, а барина. Барина с палкой...

— Кузнецам барина не нужно, это у конюхов барин бывает, у кузнецов не бывает барина...

— У таких, как вы, бывает.

— У каких, как мы?

— А вот не знают, есть ли у них железо. А может у вас и молота нет, барин не купил.

Все рычаги, колесики, гайки и винты хозяйственной машины, каждый в меру своего значения, требуют точного и ясного поведения. точно определяемого инте-

ресами коллектива, его честью и красотой. Кузнецы, конечно, обиделись за «барина», но и конюхам в городе было стыдно за свою колонию, ибо, по словам тех же кузнецов:

— Хозяева, тоже. Они себе катят, а шина сзади отдельно катится... А они, хозяева, на ободке фасон держут.

Смотришь на этих милых оборванных колонистов, настолько мало «облагороженных», что так и ждешь от них матерного слова, смотришь и думаешь:

«Нет, вы действительно хозяева: слабые, оборванные, бедные, нищие, но вы настоящие, без барина хозяева. Ничего, поживем, будет у нас шинное железо, и говорить научимся без матерного слова, будет у нас кое-что и большее».

Но как мучительно трудно было ухватить вот этот неуловимый завиток новой человеческой ценности. В особенности нам, педагогам, под бдительным оком педагогических ученых.

В то время нужно было иметь много педагогического мужества, нужно было идти на «кощунство», чтобы решиться на исповедывание такого догмата:

— Общее движение хозяйственной массы, снабженное постоянным зарядом напряжения и работы, если это движение вызывает к жизни сознательным стремлением и пафосом коллектива, обязательно определит самое главное, что нужно колонии: нравственно здоровый фон, на котором более определенный нравственный рисунок выполнить будет уже не трудно.

Оказалось, впрочем, что и это не легко: аппетит приходит с едой, и настоящие затруднения начались у нас тогда, когда схема была найдена, а остались детали.

В то самое время, когда мы мучительно искали истину и когда мы уже видели первые взмахи нового здорового хозяина-колониста, худосочный инспектор из нар-образа ослепшими от чтения глазами водил по блокнутой и, заикаясь, спрашивал колонистов:

— А вам объясняли, как нужно поступать?

И в ответ на молчание смущенных колонистов что-то радостно черкнул в блокноте. И через неделю прислал нам свое беспристрастное заключение: «Воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой мало занимается. Воспитательная работа среди воспитанников не ведется».

Ведь это теперь я могу так спокойно вспоминать худосочного инспектора. А тогда приведенное заключение меня очень смутило. А в самом деле, а вдруг я ударился в ложную сторону. Может быть, действительно нужно заняться «воспитательной» работой, т. е. без конца и устали толковать каждому воспитаннику, «как нужно поступать». Ведь если это делать настойчиво и регулярно, то, может быть, до чего-нибудь и дотолкуешься.

Мое смущение поддерживалось еще и постоянными неудачами и срывами в нашем коллективе.

Я снова приступал к раздумью, к пристальным тончайшим наблюдениям, к анализу.

Жизнь нашей колонии представляла очень сложное переплетение двух стихий: с одной стороны, по мере того как развивалась колония и выросал коллектив колонистов, рождались и росли новые общественно-производственные мотивации, постепенно сквозь старую и привычную для нас физиономию урки и анархиста-беспорядочного начинало проглядывать новое лицо будущего хозяина жизни; с другой стороны, мы всегда принимали новых людей, иногда чрезвычайно гнилых, иногда даже безнадежно гнилых. Они важны были для нас не только как новый материал, но и как представители новых влияний, иногда мимолетных, слабых, иногда, напротив, очень мощных и заразных. Благодаря этому нам часто приходилось переживать явления регресса и рецидива среди «обработанных», казалось, колонистов.

Очень нередко эти пагубные влияния захватывали целую группу колонистов, чаще же бывало, что в линию развития того или другого мальчика — линию правильную и желательную — со стороны новых влияний вносились некоторые поправки. Основная линия продолжала свое развитие в прежнем направлении, но она уже не шла четко и спокойно, а все время колебалась и обращалась в сложную ломаную.

Нужно было иметь много терпения и оптимистической перспективы, чтобы продолжать верить в успех найденной схемы, и не падать духом и не сворачивать в сторону.

Дело еще и в том, что в новой революционной обстановке мы тем не менее находились под постоянным давлением старых привычных выражений так называемого общественного мнения.

И в наробразе, и в городе, и в самой колонии общие разговоры о коллективе и о коллективном воспитании позволяли в частном случае забывать именно о коллективе. На проступок отдельной личности набрасывались, как на совершенно уединенное и прежде всего индивидуальное явление, встречали этот проступок либо в колорите полной истерики, либо в стиле рождественского мальчика.

Найти деловую, настоящую советскую линию, реальную линию — было очень трудно. Новая мотивационная природа нашего коллектива создавалась очень медленно, почти незаметно для глаза, а в это время нас разрывали на две стороны цепкие руки старых и новых предрассудков. С одной стороны, нас поработал старый педагогический ужас перед детским правонарушением, старая привычка приставать к человеку по каждому пустяковому поводу, привычка индивидуального воспитания. С другой стороны, нас поедом ели проповеди свободного воспитания, полного непротивления и какой-то мистической самодисциплины, в последнем счете представлявшие припадки крайнего индивидуализма, который мы так доверчиво пустили в советский педагогический огород.

Нет, я не мог уступить. Я еще не знал, я только отдаленно предчувствовал, что и дисциплинирование отдельной личности и полная свобода отдельной личности не наша музыка. Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его организации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинирована, и наиболее свободна.

Я верил, что ни биология, ни логика, ни этика не могут определить нормы поведения. Нормы определяются в каждый данный момент нашей классовой нуждой и нашей борьбой. Нет более диалектической науки, чем педагогика. И создание нужного типа поведения — это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно. И гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны.

И только. Никакой мистики нет. И нет никакой хитрости. Все ясно, все доступно моему здравому смыслу.

Я начал ловить себя на желании, чтобы все проступки колонистов оставались для меня тайной. В проступке для меня становилось важным не столько его содержание, сколько игнорирование требования коллектива. Проступок, самый плохой, если он никому неизвестен, в своем дальнейшем влиянии все равно умрет, задавленный новыми общественными привычками и навыками. Но проступок обнаруженный должен был вызвать мое сопротивление, должен был приучать коллектив к сопротивлению, это тоже был мой педагогический хлеб.

Только в последнее время, около 1930 года, я узнал о многих преступлениях горьковцев, которые тогда оставались в глубокой тайне. Я теперь испытываю настоящую благодарность к этим замечательным первым горьковцам за то, что они умели так хорошо замечать следы и сохранить мою веру в человеческую ценность нашего коллектива.

Нет, товарищ инспектор, история наша будет продолжаться в прежнем направлении. Будет продолжаться может быть мучительно и коряво, но это только оттого, что у нас нет еще педагогической техники. Остановка только за техникой»¹.

* * *

Над первой частью «Педагогической поэмы» Макаренко работал 8 лет — с 1925 по 1933 г. После выхода ее в свет Макаренко 7 марта 1934 г. пишет Горькому:

«Спасибо Вам. Благодаря Вашему вниманию, поддержке, а может быть и защите моя «Педагогическая поэма» увидела свет, да еще в таком совершенно уже незаслуженном соседстве с Вашей пьесой»². В этом письме Макаренко подробно сообщает Горькому свои планы, относящиеся ко второй части «Педагогической поэмы», и просит у него совета: «Писать ли вторую часть или не стоит?.. Материал для второй части у меня как будто богатый. Это лучшее время горьковской колонии. В первой части я пытался изобразить, как складывается коллектив, во второй части хочу описать сильное движение развернутого коллектива, завоевание Куряжа и харьковскую борьбу — до самого Вашего приезда. Закончить хочу Вашим приездом в Куряж»³.

¹ Рукописный отдел Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького.

² А. С. Макаренко имеет в виду пьесу А. М. Горького «Достигаев и другие», которая опубликована в альманахе «Год XVII», кн. 3.

³ Архив А. М. Горького.

В марте 1934 г. у Макаренко был уже тщательно продуманный план второй части «Поэмы» и подготовлены необходимые материалы. В июне он сообщил Горькому:

«Я пишу вторую часть «Педагогической поэмы». Подвигается она чрезвычайно медленно, мешают коммунарские дела, напряженные, как всегда»¹. В этом же письме Макаренко писал о создании в Харькове Комитета по организации новых детских трудкоммун.

Горький был огорчен тем, что вторая часть «Педагогической поэмы» пишется медленно, и настоятельно требовал от Макаренко мобилизации всех сил для скорейшего ее окончания. «Очень обрадован намерением правительства широко организовать детские трудкоммуны, — пишет Горький Макаренко в ответном письме, — очень ясно сознаю необходимость Вашего участия в этом прекрасном деле, но — огорчен тем, что вторая часть «Педагогической поэмы» Вашей «подвигается медленно».

Мне кажется, что Вы недостаточно правильно оцениваете значение этого труда, который должен оправдать и укрепить Ваш метод воспитания детей. Вы должны сделать что-то, чтоб «Поэма» была кончена Вами и прочитана в момент организации новых коммун. Этим актом Вы сможете поставить дело правильно, как оно было поставлено в Куряже и в коммуне Дзержинского. Убедительно прошу Вас — напрягитесь и кончайте вторую часть «Поэмы». Настаиваю на этом не только как литератор, а — по мотиву, изложенному выше».

В конце августа 1934 г. Макаренко заканчивает вторую часть «Педагогической поэмы» и направляет ее Горькому. Горький в письме от 10 сентября 1934 г. дает подробную оценку второй части «Поэмы». «Вторая часть «Поэмы», — писал он, — значительно менее «актуальна», чем первая; над работой с людьми и землей преобладают «разговоры». В них много юмора, они придают «Поэме» веселый тон, — это, конечно, еще не порок, если не снижает серьезнейшее тематическое, а также историческое значение социального опыта, проделанного колонией.

Мне кажется, что эта часть «Поэмы» весьма выиграет, если Вы сократите ее. Сократить надо незначительное, чтоб ярче оттенить значительнейшее. Длинновата сцена покупки лошади. Очень хороша свадьба...

Вообще очень прошу Вас внимательно прочитать и местами сократить, а кое-где дополнить рукопись.

Крайне важно дать Вашу работу в форме — по возможности — совершенной».

Отзыв Горького о второй части «Педагогической поэмы» потребовал от Макаренко огромной мобилизации сил на исправление текста. В кратчайший срок он внес необходимые изменения по указанию Горького и 18 сентября 1934 г. писал ему: «Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность и любовь. Одно хорошо знаю, что ни я, ни моя поэма не стоят того исключительного внимания, которое Вы оказываете нам, и не стоят огромного труда, который Вы нам дарите...

Я постарался вычеркнуть все то, что бросается в глаза, всего вычеркнул больше двух печатных листов, но как-нибудь основательно переделать всю часть я уже потому не могу, что вся она построена по особому принципу, который я считаю правильным, но который, вероятно, плохо отобразил в своей работе над книгой...

В первой части «ПП» я хотел показать, как я, неопытный и даже ошибающийся, создавал коллектив из людей заблудших и отсталых. Это мне удалось благодаря основной установке: коллектив должен быть жи-

¹ Архив А. М. Горького.

вой и создавать его могут настоящие живые люди, которые в своем напряжении и сами переделываются.

Во второй части я сознательно не ставил перед собою темы переделки человека. Переделка одного, отдельного человека, обособленного индивида, мне представляется темой второстепенной, так как нам нужно массовое новое воспитание. Во второй части я задался целью изобразить главный инструмент воспитания, коллектив, и показать диалектичность его развития...

В третьей же части я хочу изобразить и сопротивление отдельных лиц в НКП (Народный комиссариат просвещения УССР. — Н. С.). Во второй я хотел показать только первые предчувствия, первые дыхания борьбы. Нападение НКП на мою работу было вызвано именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже.

В третьей же части я хочу показать, как здоровый коллектив легко размножается «почкованием» (дзержинцы)¹.

В этом письме Макаренко впервые так подробно освещает Горькому содержание и планы второй и третьей части «Педагогической поэмы» и совершенно четко устанавливает те педагогические и литературные задачи, которые он поставил, создавая «Педагогическую поэму».

Вторая часть «Педагогической поэмы» была впервые опубликована в альманахе «Год XVIII», кн. 5-я, в 1935 г. В этом же году вторая часть «Педагогической поэмы» выходит отдельными изданиями.

В альманахе и в последующих изданиях вторая часть «Педагогической поэмы» публикуется в 18 главах. Названия глав не изменялись, за исключением 8-й главы, которая в альманахе и в изданиях 1935 г. называется «Водолечебница девятого отряда», а в издании 1937 г. эта глава автором названа «Девятый и десятый отряды».

Текст второй части «Педагогической поэмы», опубликованный в альманахе «Год XVIII», кн. 5-я, без изменений вошел в издание 1935 г. При подготовке текста второй части «Педагогической поэмы» к изданию 1937 г. автором были в него внесены значительные изменения по сравнению с текстом, опубликованным в альманахе «Год XVIII», кн. 5-я, и текстом авторской рукописи.

* * *

Над второй частью «Педагогической поэмы» Макаренко работал не больше одного года и по окончании ее сразу приступает к третьей части. Горький попрежнему проявляет большое внимание к творчеству Макаренко, по-отечески помогает ему в завершении «Поэмы».

Сообщая Горькому о третьей части «Педагогической поэмы», Макаренко 26 января 1935 г. писал ему:

«Начал третью часть «Педагогической поэмы», которую надеюсь представить к альманаху седьмому. Очень хочу, чтобы третья часть вышла самой лучшей, поэтому постараюсь ее закончить раньше, чтобы успеть сделать исправления, а может быть даже написать наново, если потребуется»².

Известно, что Антон Семенович Макаренко в период 1933—1935 гг. написал две пьесы: «Мажор» и «Ньютоновы кольца». Обе пьесы были просмотрены Горьким и получили его положительную оценку. Но главной задачей Горький считал окончание «Педагогической поэмы». Вот почему в феврале 1935 г., сообщая свой отзыв о «Ньютоновых кольцах», он вместе с тем писал Макаренко:

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

«Но — мне хочется ругать Вас. Напрасно Вы прервали работу над «Педагогической поэмой», значение которой гораздо солиднее пьес. Вот уже первые части «Поэмы» вышли, а — где третья? Очень прошу Вас продолжайте эту работу! Я думаю, что 3-ю часть нужно довести до момента Вашего ухода и на ней — кончить».

Макаренко писал Горькому в феврале же 1935 г. следующее письмо: «Ругаете Вы меня или помогаете, а я все равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарности и любви к Вам...

Во всяком случае после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть «Педагогической поэмы», а третью часть чего-то страшно грандиозного...

«Педагогическая поэма» — это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется мне чем-то «священным»...

Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу «Педагогическую поэму», кстати, конец уже недалеко»¹.

В сентябре 1935 г. третья часть «Поэмы» была закончена и отправлена Горькому. 28 сентября 1935 г. Макаренко пишет по этому поводу Горькому: «Сегодня авиапочтой послал Вам третью часть «Педагогической поэмы». Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил...

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи, я никогда этой книжки не написал бы...

Р. С. Второй экземпляр выслал в редакцию альманаха «Год XVIII».

В Москве буду числа 6-го—12-го. Если нужно, вызовите меня телеграммой, а то так не пускают.

В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику»².

Алексей Максимович Горький прочитал третью часть «Педагогической поэмы», внес свои поправки в текст и отправил подготовленный и исправленный им экземпляр авторской машинописи в редакцию альманаха.

О третьей части «Педагогической поэмы» Горький писал Макаренко: «Третья часть «Поэмы» кажется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует, главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику» — нельзя исключать.

Хорошую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил ее в Москву...

¹ Архив А. М. Горького.

² Там же.

Киев, 28 сентября, 1935 г.
 Ул. Леонтовича, 6 кв 21

Дорогой Алексей Максимович!

Безусловно авиопочтой выслал Вам третью часть „Педагогической Поэмы“. Не знаю, конечно, какой она пацухи, но писал ее с большим волнением.

Пак Вы пожелаем в Вашем письме по поводу второй части, я читал все темы педагогического расхождения с Марколароном, это привели к основной теме дано перцу, но главный оптимистический тон я сохранил

Описать Ваше пребывание в Турине я не решился, это значило бы описывать Вас, для этого у меня не хватило совершенно необходимого для этого дела профессионального начальства. Вам и мои коллегам, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев полицумиком наместника Станислава Турцовым Колоний НКВД, ответственности переезда и новой работы очень плотные условия для писания, в сути оставалось не больше трех свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по кинжалу скучно страшно. Меня вырвали из кинжалу в июне, чаще не попрощался с ребятами.

Письмо А. С. Макаренко

Ну — что же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю».

Третья часть «Педагогической поэмы» впервые были опубликована в альманахе «Год XVIII», кн. 8-я, 1935 г.

Необходимо указать, что альманах «Год XVIII», кн. 8-я, подписан к печати 26 февраля 1936 г. Таким образом, хотя на титульном листе 8-й книги альманаха «Год XVIII» значится 1935 г., он вышел в свет в начале 1936 г.

Форьгой! Алексей! Максимович! Большая и непривычная для меня работа „Педагогическая поэма“ окончена. Не нахожу слов, и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям без Вашего нажима и прямо небывающей жерми помощи, я никогда этой книжки не написал бы.

У меня сейчас странное ощущение. Работа окончена, но остались чужие кое-какие невыписанные письма, кое-какая техника, привычки к этой совершенно особенной, валяющейся работе.

А в то же время я вдруг ощущаю, как будто всю свою ^{жизнь} до конца выложили, нечего больше сказать.

Я очень хочу надеяться, что Вы не бросите меня в этой неожиданной пустоте.

Посоветуйте, как сначала наладить мое писательское самочувствие, куда обратиться, как собрать те элементы стиля, которые вероятно все таки есть в моей работе?

Искренне преданный Вам
Александр Биб

Р.В. Второй журнал выслан в редакцию „Известия — Москва“ 10-го VIII.

В Москве буду часа 6-го — 12-го. Если нужно вышлите мне телеграмму, а то так не пишется!

В случае надобности, я думаю, можно выработать главы „Уточнение Олимпа“ „Помощь маминке“.

АБ

ж А. М. Горькому от 28 сентября 1935 г.

(Архив А. М. Горького)

Подлинный текст третьей части «Педагогической поэмы» сохранился наиболее полно. Имеются два авторских машинописных текста: один в Центральном государственном литературном архиве МВД СССР и другой в архиве А. М. Горького Института мировой литературы Академии наук СССР с правкой Горького, а также авторский рукописный текст в личном архиве А. С. Макаренко.

В альманахе и во всех последующих изданиях третья часть «Педагогической поэмы» опубликована в 15 главах. Названия глав не изменялись.

V

РАЗНОЧТЕНИЯ И ВАРИАНТЫ В ТЕКСТЕ „ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ“

После опубликования «Педагогической поэмы» в альманахе Антон Семенович Макаренко продолжал упорно работать над ее текстом. Особенно тщательно он готовил текст «Поэмы» для отдельных изданий. Его переписка с Горьким свидетельствует о том, что он внимательно прислушивался к советам великого писателя и друга, учитывая все его пожелания и замечания.

Подготавливая текст первой части «Педагогической поэмы» для отдельного издания в 1934 г. и особенно издания 1937 г., он внес в него значительные изменения (сокращения и дополнения) по сравнению с текстом, опубликованным в альманахе «Год XVII», кн. 3-я; значительной переработке подверглись также тексты второй и третьей части «Педагогической поэмы» при подготовке их к печатанию отдельными изданиями, по сравнению с текстом, опубликованным в альманахе «Год XVIII», кн. 5-я и 8-я.

Работа Макаренко над текстом «Педагогической поэмы» представляет большой интерес. Мы позволим себе привести ряд сравнительных авторских текстов: текста отдельного издания 1937 г. — последнего издания, вышедшего при жизни автора, в сравнении с текстом, опубликованным в альманахе «Год XVII», кн. 3-я, и «Год XVIII», кн. 5-я и 8-я, и с текстом авторской рукописи.

Материалы разночтений и вариантов имеют, безусловно, историческую ценность. В этих сравнительных текстах видна кропотливая работа Макаренко над совершенствованием текста «Педагогической поэмы».

В общем комплексе всех вариантов и разночтений можно проследить замыслы автора по расширению и сокращению различных эпизодов, изъятие из ранних текстов некоторых персонажей, расширение характеристик отдельных персонажей «Поэмы» и т. п. Сравнительные тексты разночтений и вариантов будут представлять интерес для преподавателей педагогики и литературы.

* * *

Часть первая «Педагогической поэмы»

Приводим наиболее существенные изменения, которые автор внес в текст первой части «Педагогической поэмы» в издание 1937 г., по сравнению с текстом, опубликованным в альманахе «Год XVII», кн. 3-я. Поскольку текст «Педагогической поэмы» издания 1937 г. перепечатан без существенных изменений в первом томе сочинений А. С. Макаренко в издании Академии педагогических наук РСФСР, то все ссылки будут даны, для удобства читателя, не по изданию 1937 г., а по первому тому сочинений А. С. Макаренко.

Так, например, автор изменил название главы «Взрывы» (см. альманах «Год XVII», кн. 3, стр. 128), и во всех последующих изданиях она называется «Осадчий». Есть основание предполагать, что Макаренко изменил в издании 1934 г. название главы «Взрывы» потому, что к этому времени «взрыв» приобретает уже для него значение определенного педагогического приема, содержание которого не было еще достаточно раскрыто в главе «Взрывы». Кроме того, новое название «Осадчий» придает всему эпизоду этой главы характер обособленного случая, как это и было в действительности.

В издании 1937 г. глава «Осадчий» подверглась значительной переработке. В нее внесено существенное дополнение, раскрывающее переживания Макаренко, от слов: «В полном беспамятстве я искал на столе что-нибудь тяжелое...» кончая словами: «Он смотрел на меня спойкойно, серьезно» (А. С. Макаренко, Соч., т. 1, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 106). В то же время из этой главы исключены тексты, ранее опубликованные в альманахе, где говорится о появлении Остромухова в колонии и издевательствах над ним со стороны Карабанова и других колонистов. Так, например, после слов: «Фамилия первого была Остромухов» (см. Соч., т. 1, стр. 101, строка 13-я снизу), в альманахе «Год XVII», кн. 3-я, сказано:

«Привел его милиционер как раз во время обеденного перерыва в хслодный и вьюжный неприветливый день. Остромухову не повезло с самого начала. Только что он со своим конвоиром вышел из лесу на нашу поляну, их заметил Карабанов. Присмотрелся внимательно и узнал: тот самый Остромухов, который когда-то из губрозыска водил его к следователю. Этого оскорбления не могло забыть его бандитское сердце: вст такой маленький, незаметный, чахоточный Остромухов осмелился конвоировать его, Карабанова, «з диди, з прадида» казака.

Увидев Остромухова, Карабанов взвел кулаки и закричал:

— Ой, держите меня, я его убью!

Услышав боевой возглас Карабанова, Остромухов, с презрением забыв о милиционере, моментально повернулся и побежал в лес. Растерявшийся милиционер схватился за револьвер, но Карабанов сказал ему с особенным выражением бандитской экспрессии:

— Брось, на чорта он тебе сдался. Без одного жида будэ ярмарка.

Остромухов лесом пробрался в город и заявил, что он в колонию не хочет идти: он боится Карабанова. Но настойчивая комиссия не сжалилась над ним, и Остромухова, трепещущего и в предсмертной тоске, привели в колонию» (см. альманах «Год XVII», кн. 3-я, стр. 129).

После слов: «Но самое большее, что мне удалось, — это уговорить их не трогать евреев» (т. 1, стр. 103, 12-я строка сверху) в альманахе сказано:

«Карабанов при этом кокетничал и доказывал, что ненавидит он Остромухова не потому, что он еврей, а потому, что «не могу забыты, як эта блоха водила меня под конвоем» (см. альманах «Год XVII», кн. 3-я, стр. 131).

Во всех последующих изданиях, после альманаха, глава «Осадчий» заканчивается словами: «Будь здоров» (см. Соч., т. 1, стр. 106). Таким образом, Макаренко расчленил главу «Взрывы», и весь остальной текст этой главы после слов: «Будь здоров» послужил началом следующей 14 главы «Чернильницы по-соседски» (см. альманах «Год XVII», кн. 3-я, стр. 134—135 и Соч., т. 1, стр. 106—112).

В главе «Габерсуп» Макаренко исключил текст о Косте Ветковском, так, например, после слов: «Первым заболел Костя Ветковский» (т. 1, стр. 120, строка 17-я сверху) в альманахе сказано: «Его влияние в колонии было огромно: он был самый культурный колонист, умен, приветлив, собран, очень вежлив. Но в то же время он умел, не теряя достоинства, быть хорошим товарищем и очень много помогал ребятам в их школьных делах. Его все любили» (см. альманах «Год XVII», кн. 3-я, стр. 135, строка 11-я сверху).

После слов: «И нет у меня никакой уверенности, что ребята едут именно лечиться» (т. 1, стр. 125, строка 9-я сверху) в альманахе было: «В общей свалке несчастья они меньше всех могут надеяться на счаст-

ливый случай, а тем более на чью-либо заботу» (см. альманах «Год XVII», кн. 3, стр. 139, строка 25-я сверху).

В главе «Игра в фанты» Макаренко расширил текст в последующих изданиях, по сравнению с текстом, опубликованным в альманахе «Год XVII». Так, например, автором был добавлен ряд новых абзацев — «Я видел, что если хлопцы и удерживаются от слишком явных обид крестьянам, то удерживаются только потому, что жалеют меня» (т. 1, стр. 140, строка 19-я снизу). Абзац от слов: «Ой, я их не люблю, этих граков...», кончая словами: «Если бы не вы, этим куркулям хлопотно пришлось бы» (т. 1, стр. 141, строка 3-я сверху). Абзац: «Вы заведующий колонией Горького? — Да. — Ну, так бы и сказали! Давно б поехали. Он энергично бросился собираться в дорогу»; от слов: «Я направил победителей в канцелярию...», кончая словами: «После такой ультрапедагогической речи и я направился в канцелярию» (т. 1, стр. 144, строка 7-я сверху и стр. 145, строка 20-я снизу). Абзац от слов: «Начальство и Мусий Карпович пожали мне руку, что-то говорили величественно-великодушное, но я их не слышал...», кончая словами: «Прямо передо мной была дверь в мою комнату, в которой стояли «дачка» и некрашенный стол, а на столе лежала пачка махорки» (т. 1, стр. 146, строка 19-я сверху) и абзац: «В сосновом лесу нет тени в полдень, но здесь всегда замечательно прибрано, далеко видно, и стройные сосенки так организованно, в таких неприятельных мизансценах умеют расположиться под небом» (т. 1, стр. 146, строка 8-я снизу).

В главе «О живом и мертвом» автор также расширил текст по сравнению с альманахом; например, печатается текст договора с хозяйственной частью ГубРКИ и, кроме того, введены новые тексты от слов: «Калина Иванович строго говорил Козырю...» до слов включительно: «Козырь растерянно стоит в толпе и никак не может понять, какие важные обстоятельства могли помешать посчитать спицы» (т. 1, стр. 153—155, строка 16-я сверху), и абзац: «Да, понимаете, наш колесник спицы не посчитал, не знает, на сколько спиц делать колеса. И размеры ж...» (т. 1, стр. 156, строка 11-я сверху).

В главе «Вредные деды» автор добавил новый текст по сравнению с альманахом, ввел новый абзац: «Летом по вечерам чудесно в колонии. Просторно раскинулось ласковое живое небо, опушка леса притихла в сумерках, силуэты подсолнухов на краях огородов собрались и отдыхают после жаркого дня, теряется в неясных очертаниях вечера прохладный и глубокий спуск к озеру. У кого-нибудь на крыльце сидят, и слышен невнятный говор, а сколько человек там и что за компания — не разберешь» (т. 1, стр. 162).

И тексты: от слов «—...Значит, утром и приходят люди в церковь, смотрят — нет ни одного попа...» кончая словами: «все это глубокое безразличие к их судьбе, такое же вот безразличие, какое бывает при истреблении клопов» (т. 1, стр. 162—163, строка 14-я снизу); от слов «Тихие, прекрасные летние вечера, полные журчащих бесед, хороших, ласковых настроений и неожиданно звонкого смеха, переходили в прозрачные торжественные ночи...», кончая словами: «Но этот покой прикрывал очень сложные и беспокойные события» (т. 1, стр. 169, строка 16-я снизу); от слов: «Ну, не дед, так как-нибудь иначе...» до слов: «Воображаю, сколько за эти полночи вы прибавили к этому арбузу» включительно (т. 1, стр. 170—172, строка 4-я снизу), и слова: «Я благодарил ребят за прекрасный арбуз» (т. 1, стр. 172, строка 10-я сверху).

В главе «Сортовые семена» автор добавил два абзаца, начиная от слов: «И новые люди, и новые заботы...» до слов: «...какой бы то ни

было разболтанности и несообразного, вялого движения» включительно (т. 1, стр. 187, строка 14-я сверху).

В главе «Хожение Семена по мукам» автор в последующих изданиях после слова «возражение» (этим словом кончается первый абзац в альманахе «Год XVII», кн. 3-я, стр. 182) добавил: «...иногда приветливо и сухо, в самых скупых выражениях приводил небольшую ниточку аргументов и заканчивал безапелляционно: «Делайте так, как я вам говорю» (т. 1, стр. 188, строка 21-я снизу).

В главе «Командирская педагогика» введены новые тексты от слов: «Начинался допрос...», кончая словами: «Ребята начинают делиться впечатлениями работы» (т. 1, стр. 197—198, строка 16-я сверху).

Часть текста главы «Командирская педагогика» от слов: «Два с лишним года мы ремонтировали «Трепке»...», кончая словами: «Белухин отдает рапорт дежурному по колонии», автор перенес в главу «Изверги второй колонии» (т. 1, стр. 203—206, строка 14-я сверху и альманах «Год XVII», кн. 3-я, стр. 195-197, строка 3-я сверху).

Глава «Родимчик, Дерюченко и контральто», опубликованная в альманахе «Год XVII», стр. 197—201, в последующих изданиях значительно переработана и получила название: «Изверги второй колонии». В эту главу вошли указанные выше отрывки из главы «Командирская педагогика», затем следующие тексты из главы «Родимчик, Дерюченко и контральто», от слов: «Педагоги не хотели идти на работу в колонию...», кончая словами «...вокруг воротничка украинской вышитой сорочки» (т. 1, стр. 209, строка 4-я сверху); от слов: «Родимчик был столь же полезен в колонии, как и Дерюченко, но он был еще и противнее...», кончая словами: «Я был в партии и заслужил, чтобы к моей короле не было подобного отношения» (т. 1, стр. 209—210, строка 17-я снизу) и абзац «— Позвольте, товарищ Родимчик, как же так? Все же королева ваша — это частное хозяйство, как же можно все это смешивать? Наконец вы же педагог. В какое же положение вы ставите себя по отношению к воспитанникам?» (т. 1, стр. 210, строка 13-я снизу).

В эту главу автор включил ряд новых текстов; от слов: «На рапорте отметка Родимчика о времени прибытия, об исполненной работе...», кончая словами «Как уже было указано, виноваты в этом были многие обстоятельства, а больше всего отсутствие ядра и плохая работа воспитательского персонала» (т. 1, стр. 206—209, строка 20-я сверху), и абзацы:

«Этому человеку все же приходилось проделывать дела, кощунственно безразличные по отношению к украинской державности: дежурить по колонии, заходить в свинарню, отмечать прибытие на работу сводных отрядов, а в дни рабочих дежурств работать с колонистами. Это была для него бессмысленная и ненужная работа, а вся колония — совершенно бесполезное явление, не имеющее никакого отношения к мировой идее» (т. 1, стр. 209, строка 19-я сверху).

«Я тупо смотрел на этого человека и сразу даже не мог сообразить, есть ли какая-нибудь возможность с ним бороться» (т. 1, стр. 210, строка 16-я снизу).

От слов: «В чем дело? — затрещал Родимчик. — Я вовсе не хочу ничего даром...», кончая словами: «Родимчик ушел; дело он «так оставил» и дня через три выехал» (т. 1, стр. 210—212, строка 9-я снизу).

Значительная же часть материала главы «Родимчик, Дерюченко и контральто» автором изъята из текста и не вошла в последующие издания. В частности были исключены тексты, в которых давалась подробная характеристика Дерюченко, полностью исключены тексты, характеризующие приход в колонию Ольги Самсоновны.

Текст главы «Завоевание комсомола» подвергся незначительным изменениям по сравнению с альманахом. Автор исключил одну фразу. После слов: «...вместе с нами готовы были искать новое и радоваться каждой новой крупинке» (т. 1, стр. 220, строка 13-я сверху) в альманахе сказано: «Они не скрывали от нас, что в сельском хозяйстве мало понимают, что узел педагогических проблем, может быть, известен мне больше, чем им» (см. альманах «Год XVII», кн. 3-я, стр. 208, строка 17-я сверху).

Кроме того, автором в главу внесено небольшое дополнение, новый абзац: «Даже первые походы наших аргонавтов, преследующие цели эстетического порядка, вроде исследования красот местного девичьего элемента или демонстрации собственных достижений в области причесок, фигур, походов и улыбок, — даже эти первые проникновения колонистов в селянское море приводили к значительному расширению социальных связей. Именно в этих деревнях колонисты впервые познакомились с комсомольцами» (т. 1, стр. 213, строка 2-я сверху).

В последней главе первой части «Педагогической поэмы» — «Начало фанфарного марша» автор добавил, по сравнению с альманахом, ряд новых текстов, а именно:

Абзац: «Дерюченко вдруг заговорил по русски. Это противоестественное событие было связано с целым рядом неприятных происшествий в дерюченском гнезде. Началось с того, что...» (т. 1, стр. 220, строка 3-я снизу).

Абзац: «В знак протеста Антон запрягал по родильным делам самых нелюбимых и не рысистых лошадей, объявляя фаэтон испорченным и подавал шарабан, на козлы усаживал Сороку — явный признак того, что выезд не парадный» (т. 1, стр. 221, строка 11-я снизу).

Абзац: «В этой печальной истории Братченко больше не принимал участия, но история на этом не окончилась. Тараса Дерюченко еще не было на свете, когда в историю случайно зацепилась посторонняя тема, которая, однако, в дальнейшем оказалась отнюдь не посторонней. Тема эта для Дерюченко была тоже страдательной. Заклучалась она в следующем» (т. 1, стр. 222, строка 12-я сверху).

Абзац от слов: «...что я позволял себе прямую буфонаду на общем собрании...», кончая словами: «колонисты хохотали от души, и после этого для них не такими бедными казались ситцевые заплатки на штанах и промасленные серенькие «чепы» (т. 1, стр. 227, строка 15-я сверху).

Абзац от слов: «Георгиевский в глазах колонистского общества был существом двуликим...», кончая словами: «...но я в таких случаях всегда склонен верить колонистам» (т. 1, стр. 228, строка 7-я сверху).

Абзац от слов: «В дни пролетарских праздников колония с барабанным грохотом вступала в город...», кончая словами: «Получался очень нарядный, веселый строй несколько селянского рисунка» (т. 1, стр. 232—233, строка 3-я снизу).

И абзац: «Не оглянувшись и тогда, когда колонна колонистов, разрывая тишину полей барабанным треском, прошла мимо Ракитного озера, мимо крепости Андрия Карповича по хуторской улице и спустилась в луговую низину Коломака, направляясь к новому мосту, построенному колонистами» (т. 1, стр. 233—234, строка 1-я снизу).

Часть вторая «Педагогической поэмы»

После письма Горького (июнь 1934 г.) Макаренко значительно переработал текст второй части «Педагогической поэмы». Работа Макаренко над текстом второй части «Педагогической поэмы» представляет огром-

ный интерес. Те значительные сокращения, которые он сделал в рукописи, подготавливая ее к опубликованию в альманахе, а также значительные изменения (дополнения и сокращения), которые он внес в текст, подготавливая его к изданию в 1937 г., по сравнению с текстом, опубликованным в альманахе, свидетельствуют о том, с какой тщательностью автор готовил текст «Поэмы». Приводим наиболее важные различия и варианты, выявленные нами при сличении авторской рукописи и текста, опубликованного в альманахе, с текстом издания 1937 г. Различия и варианты второй части «Педагогической поэмы» по своему содержанию и разносторонности, нам кажется, представляют значительный интерес для читателей.

В главе «Отчужден» исключен абзац после слов: «Им дело, а они насмешки, и больше никаких данных» (т. 1, стр. 253, строка 3-я сверху) в альманахе сказано:

«Боевые действия начались на первом участке фронта — вокруг мельничного склада. Это был длинный добротный деревянный сарай, крытый железом. Мы мечтали обратить его в театр. В нашем документе было сказано, что имение, бывшее Трепке, передается нам со всеми постройками и остатками построек. После этого следовало перечисление построек, и почему-то указанный склад был в этом списке пропущен, хотя и стоял на нашей территории, на границе нового сада. Комсомольцы с боем отвоевали этот сарай от селянской верхушки» (см. альманах «Год XVIII», кн. 5, стр. 21, строка 3-я сверху).

В главе «Доминанты» были исключены следующие тексты: после слов «Вокруг Зиновия Ивановича скоро организовался кружок художников; они выпросили у совета командиров маленькую комнату в мезонине и устроили ателье» (см. т. 1, стр. 264—265, строка 2-я снизу) в рукописи сказано¹:

«Скоро для них нашлась большая работа.

По инициативе Петра Ивановича Горовича, два раза в неделю мы устраивали вечерние проработки отдельных, более или менее широких тем. Работа эта очень увлекала нас, и проводили мы ее особым коллективным способом. Например, на моей обязанности лежало всегда одно: составить конспект и подобрать литературу. Для этого нужно было не только рыться в наших книгохранилищах, но и по всему городу выпрашивать статьи и книги, нужно было подбирать художественную литературу, отрывки из романов, статьи из хрестоматий. Весь этот материал разбивался на небольшие подтемы, и один из воспитателей с группой ребят приступал к подготовке целой кучи рефератов.

На обязанности Зиновия Ивановича и его кружка лежало готовить иллюстрации, карты, диаграммы, вести рекламную работу. Посещение таких проработок ни для кого из колонистов не было обязательным; реклама, следовательно, имела огромное значение. Темы этих проработок были примерно такого порядка: «Робеспьер», «Цусима», «Солнечное затмение», «Как Юденич Петроград брал», «Самые дикие люди», «Советская Венгрия». Рекламу кружок Буцая любил подавать в карикатурных формах и даже для солнечного затмения умел находить карикатурные линии». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «— Сепию всю на Лешего истратили» (т. 1, стр. 265, строка 16-я сверху) в рукописи сказано:

«Другие художники и меценаты смеются, но Зиновий Иванович как

¹ Все различия по рукописи приводятся по материалам лаборатории по изучению педагогического наследия А. С. Макаренко Института теории и истории педагогики АПН РСФСР.

будто не замечает игры и продолжает рокотать:

— Для Лешего можно было бы и сажей ограничиться.

Лапоть не унимается и басит дальше:

— Сажа для вас осталась, Зиновий Иванович.

— А я при чем?

— А вы в правом углу, — уже чистым животом произносит Лапоть и отодвигается подальше от Зиновия Ивановича. Работники картона любопытно поднимают головы и наслаждаются. Зиновий Иванович, с серьезным удивлением, округлив черные мохнатые брови и выпятив губы, рассматривает неожиданную для него деталь рекламного листа. На листе сверху написано:

КОЛОНИСТЫ,
ПРИХОДИТЕ ЗАВТРА 21 ДЕКАБРЯ
НА ДОКЛАД ГРУППЫ КОВАЛЯ
«ВО ЧТО ВЕРЯТ ДИКИЕ ЛЮДИ»

Под этим воззванием должен быть нарисован Федоренко, считающийся самым догадливым колонистом; он должен держать за шиворот колониста Кузьму Лешего, а под такой картиной должна быть подпись:

— Тихон Несторович, ось я Лешего спиймав, чи тягты його на доклад?

Но вместо ансамбля, намеченного по плану, представлен на картоне гораздо более сложный:

Красномордый Федоренко держит за шиворот Лешего, а листом чистой бумаги прикрыт контур самого Зиновия Ивановича, стоящего над прорубью и согнувшегося в самом жалком положении. Зиновий Иванович еще не раскрашен.

Художники: Шелапутин, Соловьев, Настя, Жевелий и Витька Богоявленский; меценаты: Кудлатый, Задоров, Коваль, Бурун неистово хохочут. Лапоть осторожно поглядывает на Зиновия Ивановича из-за стола, а Зиновий Иванович подымает правую бровь:

— И что же? Ну и испортили плакат. Какое же это имеет отношение к теме. Надо же все-таки со смыслом делать.

— А как же, со смыслом, — продолжает на самом низком регистре Лапоть, — вот...

Он снимает еще один чистый листик бумаги, прикрывающий еще одну неизвестную деталь. На картоне четкая надпись:

— Тихон Несторович, ось я Лешего та водяного спиймав, чи тягты их на доклад?

Теперь все затихает, как перед бурей, но Зиновий Иванович спокойно говорит:

— Да. В таком случае правильно: оставьте для Кузьмы сепию, а для меня сажу.

Завтра утром плакат будет вывешен на самом видном месте и доставит колонистам несколько минут «истинно блаженных». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

В главе «Театр» автором были исключены следующие тексты:

После слов: «Теперь даже немного стыдно в этом признаться, но почти все свободное время мы приносили в жертву театру» (т. I, стр. 268, строка 18-я снизу) в рукописи сказано:

«Колонисты очень редко бывали в городском театре, это очень дорого стоило и требовало от нас хотя бы минимальной парадности в costume».

Несколько чаще посещали мы железнодорожный клуб, в котором смотрели кинокартины, но и такое развлечение оказывалось на поверку хлопотливым и трудным делом: нужно было прошагать около семи километров, возвращаться очень поздно, и все-таки снова семь километров, а в шесть часов уже играли подъем.

Собственный театр возник у нас еще в старой колонии, но там не было отдельного помещения, нужно было для спектакля выносить свою столярную мастерскую и совершать каторжную работу приспособления: на тех же столярных верстаках, пользуясь разными материалами, устраивать помост, прилаживать кое-как декорации. А за декорациями не оставалось никакого пространства ни для уборных артистов, ни для закулисных передвижений, ни для сценических эффектов. Наконец, во всей столярной можно было поместить не больше шестидесяти человек. Одним словом, это было в высшей степени жалкое начинание». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «Трудно даже описать тот восторг, который охватил нас, когда мы получили в полное свое распоряжение мельничный сарай» (т. 1, стр. 268, строка 14-я снизу) в рукописи сказано:

«Едва ли так торжествовали и радовались московские артисты, когда в свое время начинали спектакли в Большом театре. Но необходимо признаться, что на театр мы смотрели как на развлечение, как на очень хорошее культурное дело для колонистов. Рассчитывали, что благодаря небольшой группе драмкружка, все остальные колонисты приобщатся к культуре театра». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

В главе «Стрелы амура» исключены тексты.

После слов: «Педагогика, как известно, решительно отрицает любовь, считая, что «доминанта» эта должна наступать только тогда, когда неудача воспитательного воздействия уже совершенно определилась» (т. 1, стр. 294, строка 21-я снизу) в рукописи сказано:

«...когда индивид начинает плевать на все проподанные ему мудрые указания и с удивительной непоследовательностью вступает на такую линию развития, которая даже не упоминается в системе научно-организованного педагогического влияния». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «— С этим нужно решительно бороться» (т. 1, стр. 294, строка 3-я снизу) в рукописи сказано:

«Я не скрывал наметившихся в колонии процессов и открыто пошел на дискуссию, надеясь, что для моих размышлений такая дискуссия даст хорошую пищу.

Калина Иванович осудил решительно:

— Нада ему штанишки спустить да поговорить по-отеческому. Не-хай в люди выбьется, а потом уже можно и к бабе подойти.

И Екатерина Григорьевна была против:

— Рано. Это остановка в развитии. Чобот дальше не пойдет. И Опришко кончен.

Павел Иванович Журбин был настроен веселее:

— Да куда ему идти, Опришку или Чоботу? Они будут хорошими селянами.

Буцай басил:

— Чорт его забирай, я пока не вижу никакого селянина. Опришко пропадет за этой самой Марусей Лукашенко. А старый Лукашенко больше на куркуля похож, он Опришку все равно гарбуза поднесет.

Меньше всех была склонна к компромиссу Лидочка:

— Господи, и зачем вы все это говорите, о каком гарбузе? Как будто Опришко собирается жениться. Все это сплошное свинство и больше

ничего: Маруська — распущенная девчонка, а Опришку больше ничего и не нужно. Гадость и все.

Лидочка обижалась по-настоящему, лицо ее покрывалось красными пятнами, и они не могли скрыть от меня раздражения неудачницы, уже зародившейся старой девы. У самой Лидочки дела обстояли очень неважно. Не заметили мы как-то, что в педагогическом подвиге нашем безобразно организовано было отделение личной жизни. В красной повязке дежурного, в спецовке рабочего отряда, в вечерней группе колонистов незаметно растрчена была Лидочкина молодость.

Лидочка не была большим человеком, но все, что было в ее расстройстве: искренность, молодое оживление, простая симпатия к людям, обаяние свежего лица и хорошая честная добросовестность, — все это она не торгуясь выложила на педагогический жертвенник, наивно полагая, что всех этих вещей у нее неистошимый запас. И четвертый год еще не окончился, а заметно стало для меня, что запас иссякает, есть еще искренность, но в некоторых местах она покрылась зеленым налетом обиды, в симпатии к людям запутались серые линии подозрительности и недоверия, и в обаянии свежего лица нехватает того, что безвозвратно истрачено за четыре года.

Участие Лидочки в дискуссии не упрощало положения. Организация педагогического процесса в моих глазах начинала приобретать черты вопросов проклятых, субъекты перепутывались с объектами, получалась какая-то педагогическая каша. Я не отказывал себе в удовольствии подумать:

А не прочитать ли чего-нибудь из педагогической литературы? Эта великая наука, может быть, поможет мне в таком пустяке, как любовь, тем более, что любовь принадлежит, кажется, к самым древним явлениям в человечестве» (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

Глава, которая в альманахе носила название «Водолечебница девятого отряда», в издании 1937 г. получила новое наименование «Девятый и десятый отряды» и была значительно сокращена автором. Из первоначального текста этой главы изъято около трех страниц от слов: «И девятый отряд, и заведующий мельницей Денис Кудлатый...», кончая словами: «Бо кажутъ, вин можеть и до дому выехаты...» В первом томе сочинений А. С. Макаренко указанные тексты восстановлены (т. 1, стр. 316—319, строка 1-я сверху).

В главе «Свадьба» исключены тексты:

После слов: «Надо обратнo стариков прибавить»... (т. 1, стр. 341, строка 2-я сверху) в рукописи сказано:

«У них дисциплины нет, вот и все, — уверенно заявляет Задоров.— Надо крепче держать. Раз постановили, кончено, кто-то должен быть командиром. Вы вот устройтесь по-нашему — командиры должны быть. Вот мне Белухин приятель, а если нужно, так так зарычит... «Есть» и все. Что ты ему скажешь? А у вас из-за пустяка и говорят, и говорят, и говорят...

— Да нет... — говорит Нестеренко.

Волохов улыбается:

— Какой там нет. Вчера прихожу — спор, кто должен в воскресенье ехать за кучера, чуть не за грудки берутся. А потом другое: бросили сеялку за воротами, так виноватого не найдут.

— А у вас не бывает так, что виноватого нету? И у вас бывает.

Хлопцы хохочут:

— Как же это так? Нет виноватого, значит командир раззява. Он и виноват.

— У вас, как начнут ссориться, так чего только ни вспомнят? У нас вон пацаны живут и то никогда не ссорятся. А работы у нас куда больше.

— Вы, молодой человек, неправильно говорите, — начинает «париться» председатель. — У вас народ какой? Надел шапку на голову и весь тут. Это другое дело, а возьми ты, когда у него и жена, и дети, и чорт его там разберет, еще кто. А вы смотрите, какие вы есть: выросла дивчина, так вы ее в отдел, к Николаенку отдали. Пускай, значит, там живет себе, а нам не мешает...

— Постой, — смеется Коваль, — ты еще Ольги не знаешь...

— Она еще набьет когда-нибудь морду Павлу Павловичу да и вернется в колонию, — говорит Карабанов.

— И худобу ему оставит? — спрашивает Нестеренко.

— Ну, Ольга не такая, — отвечает Волохов. — Ольга бить не будет, а стреножит Павла и поведет, куда нужно. Вот бы вам такую в коммуны, а?

— Я и от Павла не отказался бы, — шутит Нестеренко, — хоть бы и от стреноженного.

У Задорова загораются глаза:

— Если бы была компания наших, ну, человек хоть пять, честное слово, пошел бы хлеб делать.

— Правильно, — кричит Кузьма Петрович.

Он сегодня единственный человек, не стоящий твердо на ногах, но ему это прощается, ибо и сегодня он перевязан рушником.

— Правильно. Если так хлеб робить, что больше смотреть на бога, так ну его к бесу. А как через сто лет хлеб будут делать, как? Повернут тебе ручку — жито, нажмут тебе кнопку — пшеницы, другую кнопку — гречка». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

В главе «Лирика» исключены следующие тексты:

После слов: «А може, и так, что счастье наше сегодня отут и кончается, бо колонии жалко, так жалко... як бы никто не бачив, задрав бы голову и завыв, ой, завыв бы... аж тоди, може, и легче б стало...» (т. I, стр. 343, строка 16-я сверху) в рукописи сказано:

«Я вам так скажу, Антон Семенович, тут у нас социализм... Ну, чего ты, як дурень з печи?»

Карабанов серьезно злится на Белухина, который вдруг захохотал и показывает на Семена вытянутым, шельмующим пальцем.

— Ну, чего ты? Ты лучше подумай, что такое социализм, ты знаешь?

— Чудак ты, Семен, — грустно прекращает смех Белухин. Раз я на «весьма» выдержал в рабфак Харьковского сельскохозяйственного института, так значит я знаю, что такое социализм, а вот почему ты не знаешь?

— А что я такое сказал?

— Социализм? Просто собралась у нас хорошая компания, ну, семья, что ли, жалко, конечно, расставаться, а нужно, если... Нужно, чтобы был настоящий социализм, а так, если все засядем с приятелями, так никакого тебе социализма никогда не будет.

— Бреешь, Матвей, бреешь, и я тебя возьму за петельки, если ты и дальше будешь так брехать. Какая тут тебе семья? Тут тебе коммуна, настоящая коммуна, ты смотри: от каждого по способности и каждому по потребности. Вот тебе нужен рабфак, — на тебе рабфак, нужен тебе табак, — на тебе табак, нужен театр, — на тебе театр...

— Заехал, — говорит Матвей.

— Я вже бачу, что из тебя ничего путного не выйдет, будешь ты пар-

шивый интеллигент, агроном, тай годи. Если бы все люди жили так, как у нас в колонии, чего тебе еще нужно. Вот это и есть социализм.

— Что же, посмотрим, — говорит серьезно Матвей, — ты прав или я? И не буду я никаким интеллигентом, агрономом тоже не буду...

— А как же ты?

— А так же...

Белухин вдохновенно задирает кулак к потолку:

— Для социализма нужно еще много. Тебя тут Антон Семенович отогрел, перышки тебе высушил, а ты уже и зачирикал: ах, как хорошо, социализм, социализм...

Белухин очень смешно и зло показывает, как Семен трепыхает крыльшками, подсказывает и чирикает. Семен первый закатывается хохотом и стучит кулаком по столу:

— Правильно, ты не агроном, ты — актер.

— Ну, какой же я актер? Меня даже из шестого А сводного выгнали. Нет. А я пойду в Красную Армию.

Все вдруг пораженно притихли.

— Тю, — говорит Семен, — а какого ж ты, извините, полез в раб-фак?

— А это я вроде разведки. Что там за народ? Да и подучусь. А я пойду в военную школу. Надо еще воевать, воевать, воевать. Я пойду воевать. Ух, и воевать же буду. Ты не смотри, что я добрый. Я, брат, тебе...

Матвей размахивается как будто шашкой, и мы слышим шум стали и упавшей вражеской головы.

— Правда, Антон Семенович? — спрашивает меня Белухин.

Я улыбаюсь Белухину и говорю:

— Разве правда одна на свете? Агроном тоже правда». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «Из угла кабинета смотрит на нас злым глазом Вершнев» (т. I, стр. 343, строка 21-я сверху) в рукописи сказано:

«...известный давно специалист по правдам, Семен обращается к нему с вопросом:

— А чего ты молчишь, Колька?

— Я теперь уже медик. Значит, буду лечить и агрономов и военных, а правда не в том, — правда только одна, а не то, что много...

— Смотри ты, — говорит Семен, — только одна? Ты уже добрался до нее?

Николай строго поднимается с дивана, подходит к столу и как будто даже со слезами говорит:». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «И правильно: есть люди, а есть и человеки» (т. I, стр. 343, строка 6-я снизу) в рукописи сказано:

«— Я человек? — спрашивает Карабанов.

— Ты человек.

— А я? — спросил и Матвей.

— И ты тоже.

— И я? — присоединился и я к общему любопытству.

— Ого, — сказал Вершнев.

Семен рассмеялся.

— Что же тут хитрого? Значит, если в колонии, так все человеки?

— А что же? Так и нужно. Тут все человеки. Потом разойдутся в разные стороны, и кто его знает еще, чем станут, а здесь, понимаешь ты, коллектив. Матвей все врал: семья, компания. Он ничего не понимает. А я все понял.

— А зачем ты пошел в медицинский?

— Вот: хочу хорошо знать, что такое человек». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «— Хорошо, запишу, — соглашается уступчиво Екатерина Григорьевна» (т. 1, стр. 346, строка 1-я сверху) в рукописи сказано:

«Ядро и в самом деле было выделено. В совете командиров нужно было заменить Карабанова, Белухина, Вершнева, Ночевную. Это оказалось не трудным делом. В восьмом отряде выдвинули командиром Шнайдера, у кузнецов — Волохова, в пятом отряде — Марусю Левченко, а секретарем стал Лапоть. Вот и вся операция. И совет командиров вчера разумно, весело и просто решил все, что выпало ему на долю, и организовал выпуск рабфаковцев. На совете был и Петр Иванович Горюнич, поэтому и у него не было паники:

— Я думаю, что ничего страшного или печального не происходит, — говорит он. — Не нужно падать духом, Екатерина Григорьевна, мы выпускаем нашу продукцию, только и всего. Без этого же нельзя. Конечно, вы привязались к ребятам, так что же делать? Вот и посмотрим, какие из них выйдут студенты. Я думаю, что мы будем довольны. Не держать же готовую продукцию на складе?

— Не совсем так, — сказал тихо Иван Иванович Осипов. — Это не простая продукция. Она стоит души. Я, например, чувствую себя не в силах выпускать новую продукцию. Мне кажется, что теперь я могу делать только брак. Вот и Наташа...

Наталья Марковна подтвердила:

— Устали.

Я не поверил им:

— Как это устали? Устали, — нужно хорошо выспаться, потом утром поспать, хорошо позавтракать, еще выспаться и все...

— Это не такая усталость, — сказала Наталья Марковна, — раньше работали и ни о чем другом не думали. А теперь мы не можем. Все в голову лезут разные мысли: хочется пойти в театр, одеться лучше, почитать на свободе, видеть каких-то новых людей и новые места, хоть вечером принадлежать себе или своей семье. Нельзя же так, как мы. Вам хорошо, холостякам.

— А вот я и не холост, а мне здесь лучше, чем где угодно, — сказал Журбин.

— Поработайте с наше — четыре года, что вы запоете?

— Вам нужен отпуск, — сказал я.

— Нет, не поможет отпуск. Так работать всю жизнь нельзя. И никто этой работы не видит, и никто спасибо не скажет.

Что я мог сказать Наталье Марковне? Не мог же я утешить ее тем, что наше дело проблемное. Не решать же нам проблемы на моем крыльце?

Неожиданно за проблемы взялась Лидия Петровна. Она презрительно и немного вульгарно повела на меня нарочно сделанной миной:

— Надоела уже эта колония. Кого мы здесь услаждаем? Кто ни приедет, говорит, что мы неправильно воспитываем, а мы только угрождаем себе.

— Почему неправильно? — несмело спросил Буцай.

— Неправильно. Вот и тот инспектор говорил: надо, чтобы была общественная работа. И надоело. Я тоже хочу ехать учиться. Почему Карабанову можно, а мне нельзя?

— Так ведь вы выучились?

— А если я еще хочу?

— Вы хотите переменить квалификацию?

— Конечно, хочу, — немного даже визгливо для тихого вечера отвстала Лидочка. — Какая у нас квалификация? Я думала, что я буду педагогом, а здесь что я делаю? Бураки полоть и выдавать обед, для этого не нужно быть педагогом и получать высшее образование...

— А вас научили воспитывать людей?

— Отстаньте, пожалуйста, — со злыми слезами сказала Лидочка, вы все умные, когда всего перепробовали, а я здесь, как в монастыре. Вот выпустили рабфаковцев и опять начнется старое. Как будто у меня не такие нервы, как у всех. Смотрите, в городе сколько людей живет? Почему им можно?

Тихий звездный вечер таким образом закончился в диссонансе. Лидочка не сказала нам спокойной ночи, Осиповы были подавлены собственной откровенностью, Екатерина Григорьевна была расстроена и печальна. Поэтому на...» (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «А хороший сапожник так и лучше доктора может быть» (т. 1, стр. 348, строка 6-я сверху) в рукописи сказано:

«Ветковский задумчиво перепрыгнул через лужицу и поднял на меня красивые глаза:

— Антон Семенович, ну, а вот, если я не хочу учиться? Не всем же быть инженерами и докторами? А чем я могу быть?

— А чем ты хочешь быть? — спросил Кудлатый.

— Я ничем не хочу быть... — начал Костя.

— Ну, значит, и будешь ничем.

— Нет, я не в том смысле. А я могу быть чем угодно, ну, хоть и сапоги чистить. Я считаю, что это не важно. Надо только интересно жить, чтобы все видеть.

— Это глупости, — сказал я. — Нельзя всего видеть, да и не нужно. Что ты за наблюдатель такой? Надо найти интересную работу и работать, тогда и увидишь больше.

— Так как же такая работа?

— А ты поступи в кондукторы, много будешь видеть. Одних станций сколько, — сказал Кудлатый.

— Ты вот, Денис, смеешься все, а сам, наверное, куда-нибудь собираешься.

— Есть мне когда пустяками заниматься, — собираться я буду. У меня мельница на плечах, и вас же обувать нужно сегодня. А из меня что-нибудь выйдет». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

В главе «Осень» исключен текст:

После слов: «Митькин голос обнаруживает отдаленное сходство с голосом Шере, и поэтому Эдуард Николаевич не бросает стебелька» (т. 1, стр. 350, строка 14-я сверху) в рукописи сказано:

«Выделявая акробатические антраша, ребята с носилками спускаются в яму, и в яме начинается спор:

— На этом месте его положить нельзя. Посмотрите, видите, какие два лежат, от них ничего хорошего нельзя ожидать...

— Глупости, самое хорошее место. Эти два ничего. Этот, хоть и с прыщами, но у него доброе лицо.

Наконец, счастливый баловень судьбы — розовый бурачок, уютно укладывается на место, комсводотряда стоит уже наверху, снова всматривается в кучу и хмурит брови:

Какой же теперь взять? Мне они все не нравятся.

Ребята смотрят на Шере и ожидают, что он скажет, для этого, собственно говоря, и была затеяна вся церемония. Шере подымает перчатку:

— Разумеется, предложенный способ самый идеальный, и при известном навыке все это можно проделать довольно быстро. Но вы слабо подготовлены. В ваших движениях, товарищи, еще очень много неповоротливого. Я поэтому предложил бы произвести сначала маленькую тренировку. Например, сегодня вечером.

— Ой, — кричит комсводотряда. — Отставить способ, закапывай его как попало, — он снова переходит на голос Шере, — только, пожалуйста, осторожнее». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

В главах «Осень» и «Гримасы любви и поэзии» исключен материал, характеризующий Чарского и его неудачный роман с Лидией Петровной. Из главы «Осень» изъят следующий текст, после слов: «Осень протекала мирно» (т. 1, стр. 360, строка 11-я снизу) в альманахе сказано: «Осень протекала мирно и безмятежно, но к концу осени начались события. Первым событием был приезд Чарского. Чарский окончил в Москве педагогический институт организаторов и был командирован к нам украинским наркомпросом не то для изучения колонии, не то для организации чего-то в колонии. Ни я, ни сам Чарский точно не знали, для чего он приехал. Он было сделал попытку сидеть у нас в качестве комиссара, но я предложил ему вести обычную работу воспитателя, и Чарский горячо приветствовал эту мысль. Чарский был черен и худ, хорошо говорил и кроме того писал стихи и даже печатался, в глубине души считая себя прежде всего поэтом. В первый же вечер он читал в общем собрании свои стихотворения, в которых довольно оригинально раскрывались мелкие детали жизни: вечера, встреченные на улице девушки, фонари современного города и лужицы после дождя. У него, конечно, был талант, и глаза Лидочки загорались от его стихов, как ветки сухого дерева над костром.

Чарский до поры до времени мало интересовался педагогической работой в колонии и не сходил ни с кем из колонистов, никого из них не зная в лицо. Я полагал, что как-нибудь проживет этот гость в колонии и уедет, и решил не тратить на него ничего из своих запасов. Все-таки для меня было непривычно видеть эту бездельную крикливую фигуру с вечно мокрыми красными губами в рабочей обстановке колонии, и совершенно уже оказалось не по моим силам, когда поздно вечером он вваливался в кабинет, от него пахло водкой и потом, а я должен был прерывать работу и выслушивать его разглагольствования о великом будущем человечества, которое должно будто бы наступить единственно благодаря развитию поэтического отношения к жизни. Спасибо Журбину: присмотревшись к Чарскому, он стал нарочно приходить в кабинет, чтобы его послушать. Журбин любил монстров и умел возиться с ними.

Заметили в колонии, что Чарский все чаще и чаще стал бывать у Лидочки в комнате. Лидочка повеселела и с непривычной для меня смелостью стала высказывать некоторые обобщения, имеющие прямое отношение к колонии:

— У нас разве самоуправление? Это не самоуправление, раз оно организовано сверху. У нас нет никакой самоорганизации, и это вовсе не советское воспитание, а авторитарное. У нас все держится на авторитете Антона Семеновича. А в советском воспитании должна быть самоорганизация.

Я не хотел вступать в спор с Лидочкой. В ее жизни что-то происходило, пусть пробует жизнь до конца.

Колонисты к Чарскому относились с негодованием и говорили: «Зачем дачники в колонии живут?» (см. альманах «Год XVIII», кн. 5-я, стр. 115—116, строка 6-я снизу).

А из главы «Гримасы любви и поэзии» исключен текст: после слов: «...угрожая трусиками и голошейками на две недели раньше, чем полагалось бы по календарю» (т. 1, стр. 369, строка 3-я снизу), в альманахе сказано:

«Обгоняя календарь, и Чарский еще на сырой земле парка проснулся однажды рядом с деревенской Венерой, такой же пьяненькой, как и он, после очередного банкета в примитивном гончаровском притоне. Собранный в первый раз в поле сводный отряд, обнаружив эту гримасу любви и поэзии, решил не утруждать себя излишним анализом и представил Чарского и Венеру в мой кабинет, нисколько не заботясь о сбережении педагогического авторитета воспитателя.

Венеру я отпустил, а Чарскому сказал коротко:

— Я думаю, что вашу организаторскую деятельность в колонии можно считать законченной.

Чарский с презрением посмотрел на меня:

— Вы не воображайте, товарищ заведующий, что меня так же легко выгнать, как и Опришка. И я вам советую иногда помнить, что советская власть умеет справляться с такими жандармами, как вы. Я сюда командирован вовсе не для того, чтобы по вашей команде вставлять очки всей советской общественности. Уеду тогда, когда найду нужным. А о вашей «деятельности» все равно будет известно и в Харькове, и в Москве. От суда вы не убежите.

Он гордо вышел из комнаты. Я послал за дежурным командиром и приказал запрягать Молодца, чтобы отвезти Чарского на вокзал. Пришел взволнованный Калина Иванович и зашептал:

— Ты не связывайся с этим паразитом. Он такого может наделать, понимаешь... а пускай себе живет. Что ж ты поделаешь, всякие люди бывают, а ему тоже ж хлеб хочется кушать...

— Прокормится и без нас, Калина Иванович.

— А потом такое дело, как бы сказать, деликатное: мабуть же ты чув, Лидия Петровна не вдержалась как будто. Он это все читав, читав и дочитався, значить. Говорять, что и женится обещав, паразит. Так пускай жениться...

Но Лидочка, узнав об утренней находке сводного отряда, ринулась в подушку и в течение часа отдавала дань обычному человеческому предрассудку: страдать во время неприятностей и мучиться от катастроф. Я пришел в ее комнату и застал там целую компанию утешителей: Екатерину Григорьевну, Буцаю и Силантия. Силантий настойчиво улыбался и говорил:

— Здесь это, ничего такого. Девки это привыкли считать, как говорится, тронули ее, видишь... Ну, так как же: для того же и сделано, а беды, здесь это, никакой нету. Видишь, какая история. А человек он, как говорится, поганый, это верно. Так и для меня ж поганый, может еще и хуже, здесь это, я ж не реву, и больше никаких данных. Уедет пускай, и вся тебе история.

Лидочка сидела на кровати, у нее распухли глаза и нос и спустился один чулок на незашнурованный ботинок, — все признаки человека, вкусившего жизнь с горького ее конца. Я сказал:

— Силантий говорит правду. А впрочем, как хотите. Я приказал выводить Чарского из колонии, но если он вам нужен, можно оставить.

Лидочка заплакала громко и снова повалилась на подушку, но вдруг поднялась и сказала:

— Выгоните его, сейчас же выгоните, гадость какая!

Дежурный командир Ступицын доложил мне, что приказание исполнено» (см. альм. «Год XVIII», кн. 5-я, стр. 125—126, строка 10-я снизу).

Из главы «Не пицать!» исключены тексты, связанные с переживаниями Лидии Петровны после разрыва с Чарским. В альманахе глава начиналась так:

«Лидочка несколько дней не выходила из комнаты, но в середине апреля приехали на весенний перерыв рабфаковцы, и наши неприятности немного притупились. Встречать гостей вышла и Лидочка, до конца оплакавшая свою молодость, в которой оказался такой большой процент брака. У нее над бровями легла маленькая злая складка, но она доверчиво-родственно улыбнулась мне и сказала:

— Простите все мои слова, Антон Семенович. Теперь я уже совсем ваша — колонийская. Что хотите, то со мной и делайте.

— Чего это вы так, Лидочка. Глупости какие, у вас вся жизнь впереди.

— Не хочу я больше жизни, довольно. А колонию я люблю. Милая колония.

Лидочка на секундочку прижалась к моему плечу и украдкой вытерла последнюю слезу.

Колонисты встретили Лидочку весело и бережно и старались ее развеселить, рассказывая разные смешные вещи. Лидочка смеялась просто и открыто, как будто у нее не было испорчено никакой молодости. А потом захватили ее в свои объятия рабфаковцы» (см. альманах «Год XVIII», кн. 5-я, стр. 127, строка 5-я сверху).

Во всех последующих изданиях Чарский как персонаж «Педагогической поэмы» больше не упоминается. Кроме того, из этой главы исключено описание буйства пьяного Опришко. Так, например, после слов: «Он ходил по колонии мрачнее тучи, задирали пацанов, на другой день напился пьяным и буянил в спальне» (т. 1, стр. 366, строка 23-я сверху), в альманахе сказано: «...угрожая совету командиров разными казнями:

— Разумных понаседало там в совете. Я их по-очереди могу поучить, как относиться к человеку. Если я прошу, так я колонист или нет? Почему одному можно, а другому нельзя? А кто давал право Антону разводить таких командиров? Кудлатый лижетя к началству, а что — ему не придется? И ему придется поговорить со мною глаз на глаз.

Он ивырвался табуретками и размахивал финкой, пользуясь тем, что все старшие были на работе, он же как командир отряда коровников имел время неучтенное.

— Все равно один раз пропадать. Або зарежу кого, або сам зарежусь.

Пацаны меня позвали к нему. Он лежал в кровати в ботинках и сказал мне, не подымая головы:

— Пошли вы... с вашими командирами!.. И завтра выпью!.. И все!..

Я подумал, что при Карабанове и Задорове Опришко себе не позволил бы такой свободы. Я решил не предпринимать ничего, пока он не протрезвится. Но в спальню вошли Братченко и Волохов, и я уступил им руль. Антон по обыкновению держал в руке кнут, и этим кнутом осторожно коснулся плеча Опришка. Опришко поднял голову, и я увидел, как беспокойство вдруг овладело им, на наших глазах выдавливая из него опьянение, Антон сказал тихо:

— Я с тобой с пьяным говорить не буду. А завтра поговорим.

Опришко закрыл глаза и дышать перестал.

— А только хоть ты и пьяный, а сообрази: будешь еще тут разозряться, мы тебя в проруби отрезвим. В той самой, где Зиновий Иванович купается.

Антон и Волохов вышли и кивнули мне — уходить. Я вышел с ними. Антон сказал:

— Счастье его, что вы там были... А завтра ему все равно конец...

На другой день собрался совет командиров» (см. альманах «Год XVIII», кн. 5-я, стр. 122, строка 3-я сверху).

Исключены также из этой главы тексты, в которых даны характеристики воспитанников колонии: Евгеньева, Назаренко, Перепелятченко.

Так, например, после слов: «Даже старые наши хвосты, такие, как Евгеньев, Назаренко, Перепелятченко, перестали нас мучить» (т. 1, стр. 371, строка 21-я сверху) в альманахе было сказано:

«Евгеньев пришел в колонию давно и начал с заявления, что без кокаина он жить не может, что если давать ему кокаин, то, может быть, постепенно он от кокаина отвыкнет. Мы удивленно выслушали его и решили посмотреть, что получится, если все-таки кокаина ему не давать. С ним начались припадки, сначала редкие в спальне, потом все чаще и чаще; бывало и так, что сводному отряду приходилось прекращать работу и возиться с Евгеньевым. Я посылал его к докторам в город, но доктора отказывались его лечить, рекомендуя обратиться к специалистам в Харьков. Неожиданно Евгеньева вылечил сводный отряд под командой Лаптя, давно утверждавшего, что болезнь у Евгеньева не опасная. Во время одного из припадков Евгеньева раскачали и бросили в Коломак, а потом собрались к берегу посмотреть, вылезет Евгеньев из Коломака или не вылезет. Евгеньев, очутившись в реке, немедленно вынырнул и поплыл к берегу. Лапоть встретил его и спросил кротко:

— Помогло?

Евгеньев, улыбаясь, сказал еще более кротко:

— Помогло. Давно нужно было так сделать... Эти доктора ничего не понимают...

Действительно, больше припадков у Евгеньева не было, и он сам нам потом рассказывал, что научился припадкам в одном реформаториуме.

Перепелятченко был труднее. Это был очень дохлый, вялый, изможденный человек. Все у него валилось из рук, и он сам валился на первую попавшуюся скамью или травку. Таких колонисты обычно не выносили, и мне часто приходилось спасать Перепелятченко от издевательств, на которые он отвечал только слезливыми жалобами да стонами. В течение двух лет жил этот организм в колонии и надоел всем, как надоедает мозоль в походе. Я уморился защищать его от насилиев, произносить речи, добиваясь сознательного отношения к слабому человеку, но однажды и я рассердился. Пришел ко мне Перепелятченко и пожаловался, что Маруся Левченко ударила его по щеке. Я посмотрел на Перепелятченка с негодованием, но позвал Марусю и спросил:

— За что?

— Да что же он: ухаживать еще лезет — щипается.

— Правильно она тебя треснула, — сказал я Перепелятченку.

Перепелятченко посмотрел на меня жалобно и застонал:

— Так что ж? Значит, меня будут все бить? Меня и убить могут.

— Чем такому расти, как ты, жалкому, так лучше пусть тебя убьют. Я тебя больше защищать не буду.

Перепелятченко улыбнулся недоверчиво:

— Вы должны меня защищать.

— А вот я не буду. Защищайся сам.

— Я буду защищаться, так мне еще больше будет попадать.

— Пускай попадает, а ты защищайся...

К моему удивлению Перепелятченко принял мой совет всерьез и в ближайшие же дни вступил в драку с каким-то задирчивым соседом в столовой. Их обоих привел ко мне дежурный командир. Оба размазывали кровь на лицах, желая продемонстрировать как можно более кровавое зрелище. Я обоих прогнал без всякого разбирательства. Перепелятченко после этого настолько вошел во вкус драчливых переживаний, что уже приходилось других защищать от его агрессии. Хлопцы обратили внимание на это явление и говорили Перепелятченко:

— Смотри, ты даже потолстел как будто, Перепелятченко.

И в самом деле, на наших глазах изменялась конституция этого существа. Он стал прямее держаться, у него заблестели глаза, заиграли на костях мускулы.

И Евгений и Перепелятченко давно уже не беспокоили нас даже в часы серьезных авралов и четвертых сводных.

Другое дело Назаренко. Он и с виду был хорош и учился прекрасно, обещая быть потом незаурядным студентом, и умен был без сомнения, и развит. Но это был эгоист самого глупого пошиба, свою собственную пользу не способный видеть дальше ближайшего первичного удовлетворения. Несмотря на свой ум и развитие, он не мог справиться с этим эгоизмом, не умел и прикрыть его какой-нибудь политикой, а открыто и злобно ощеривался всегда, если ему казалось, будто что-нибудь грозит его интересам. В сводных он ревниво следил, чтобы ему не выпало больше работы, чем товарищу, и вообще старался тратить сил как можно меньше, глубоко убежденный, что работа для здоровья вредна. Почти невозможно было заставить его сделать что-нибудь вне расписания. В этом случае он шел на самый острый конфликт и доказывал, что никто не имеет права назначать его на дополнительную работу. Назаренко не вступал в комсомол только потому, что не хотел иметь никаких нагрузок. Он рассчитывал, что проживет жизнь и без комсомола, ибо хорошо знал свои способности и делал на них откровенную ставку.

Я серьезно подозревал, что колонию он ненавидит и терпит ее только, как наименьшее из всех предложенных зол. Учился он настойчиво и успешно, и все считали его наилучшим кандидатом в рабфак.

Но когда пришло время выдавать командировки в рабфаки, мы с Ковалем отказались внести в список фамилию Назаренка. Он потребовал от нас объяснений. Я сказал ему, что не считаю его закончившим воспитание и еще посмотрю, как он будет себя вести дальше. Назаренко вдруг понял, что все это значит еще один год пребывания в колонии, сообразил, что все приобретения его эгоизма за год ничто в сравнении с такой катастрофической потерей. Он обозлился и закричал:

— Я буду жаловаться. Вы не имеете права меня задерживать. В институтах требуются способные люди, а вы послали малограмотных, а мне просто мстите за то, что я не выполнял всех ваших приказов.

Коваль слушал, слушал этот крик и наконец потерял терпение:

— Слушай ты, — сказал он Назаренку, — какой же ты способный человек, если не понимаешь такого пустяка: нашим советским рабфакам такие, как ты, не нужны. Ты шкурник. Пусть будут у тебя в десять раз большие способности, а рабфака ты не увидишь...

После этого разговора Назаренко круто изменил политику, и Коваль печалился:

— Ну, что ты будешь делать, Антон Семенович? Смотрите, как гад прикидывается. Ну, что я могу сделать, он же меня обманет, сволочь, и всех обманет.

— А вы ему не верьте...» (см. альманах «Год XVIII», кн. 5, стр. 128, 8-я строка снизу, и стр. 129, 130, 131).

В главе «Трудные люди» были исключены следующие тексты:

После слов: «В полный рост встал перед мной глазами какой-то грозный кризис, и угрожали полететь куда-то в пропасть несомненные для меня ценности, ценности живые, живущие, созданные, как чудо, пятилетней работой коллектива, исключительные достоинства которого я даже из скромности скрывать от себя не хотел» (т. 1, стр. 379, строка 9-я сверху) в рукописи сказано:

«Надо было ухватить быка за рога. В чем дело? Правда, во всей истории колонии было очень мало колонистов, собиравшихся посвятить себя сельскому хозяйству. В таком случае, какое же значение имело то обстоятельство, что почти круглый год колонисты, как муравьи, трудились на своих полях? И никаких наград колонист не мог получить ни в этой жизни, ни в будущей, и будущее это было в высшей степени неизвестное и неуверенное.

И тем не менее нигде я не видел столько смеха и шуток, столько открытого дружелюбного взгляда, столько охотного стремления к коллективу, так мало наклонности к бузотерству, к скандалу, к спору. А между тем я ни на йоту не уменьшал своего требования к колонисту, все равно к кому, — к воспитаннику, к воспитателю, к себе самому. Одним из моих положений, определяющих работу, давно уже было: как можно больше требования к колонисту, как можно больше уважения к нему. И мое требование давно уже перестало быть моим, а сделалось традицией коллектива, которым он дорожит, как главной особенностью своей чести». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «Нет, я крепко верю, что для мальчика в шестнадцать лет нашей советской жизни самой дорогой квалификацией является квалификация борца и человека» (т. 1, стр. 379, строка 21-я снизу) в рукописи сказано:

«А настоящий человек, тот, которого предлагают писать с большой буквы, родится в коллективе. Новый коллектив новейшей нашей истории не может быть создан за три-четыре года, это верно, мы, может быть, только слабо ощутили самые главные его черты. Но и главные черты этого нового коллектива, вот эти драгоценные особенности нового человека-коллективиста я не променяю ни на какие квалификации.

Нет, дело не в квалификации. Я ведь и в последние дни явно ощущаю напряженный пульс колонии, для меня нет сомнений в том, что колония несет в себе большую здоровую силу, в противном случае не встретили бы колонисты с таким безмятежным спокойствием смерти Чобота». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «Формы бытия свободного человеческого коллектива — движение вперед, форма смерти — остановка» (т. 1, стр. 379, строка 9-я снизу) в рукописи сказано:

«Но так как мы еще не умерли, значит у нас есть какое-то движение? Какое? Движение внутреннее? Вероятно, это антитезис: потенциальное напряжение коллективных сил. Чорт возьми, здесь можно обнаружить целую кучу интереснейших законов, но мне некогда заниматься этим делом, мне пока что поручена не выработка законов, а колония имени Горького». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «Надо все-таки проверить» (т. 1, стр. 380, строка 17-я снизу) в рукописи сказано:

«— Хорошо, как вы будете проверять?»

— А вот поговорим с вами, потом с комсомолом, с ребятами, что-нибудь выясним.

— Есть, что-нибудь выяснить, — сказал я по-горьковски.

— Да, между прочим, у вас так вот отвечают. Вы считаете это необходимым. Это, как во флоте, да?

— Да, во флоте тоже так.

— И вообще у вас военизация?

— Нет, у нас нет военизации.

— А как же: командиры, отряды, приказания?

— Ну да, все это есть, так разве это военизация?

— Ну все-таки». (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

После слов: «Правда, Сергей Васильевич?» (т. 1, стр. 381, строка 10-я сверху) в рукописи сказано:

«Чайкин ерзнул на стуле и прохрипел:

— Интересно, конечно, как всякое высказывание в педагогике. Наша область такая, знаете, широкая, такая еще не разработанная, что всякая мысль интересна. Но для нас важно, в каком отношении все это стоит к принципам социального воспитания.

Я знал, что он разумел под принципами социального воспитания: это были его собственные измышления в написанной им брошюрке.

— Об этом мы потом поговорим, — сказала Брегель. — Я думаю, очень возможно — ваша система советская, но в таком случае все то, что мы там у себя думаем, никуда не годится. Вы понимаете, может быть вы правы, а мы ошибались?

Она смотрела на меня откровенно с насмешкой. Я ей ответил:

— Это не только возможно, а это и есть на самом деле. Вы там у себя очень много путаете.

— Допустим, — великодушно согласилась Брегель. — Все это нужно рассмотреть при свете принципов социального воспитания. Здесь, конечно, мы этого делать не будем, для этого есть научпедком. Но я прошу вас, Сергей Васильевич, те вопросы, которые очевидно возникают у вас, сейчас высказать» (ЦГЛА, ф. 332, ед. хр. № 23).

Часть третья «Педагогической поэмы»

Работая над третьей частью «Поэмы», автор учел все указания Горького, относящиеся ко второй части. Подготавливая текст третьей части «Поэмы» к опубликованию в альманахе, Макаренко внес значительные сокращения, по сравнению с тем, что было им написано в рукописи. Но особенно большие изменения были внесены автором в текст третьей части «Поэмы» при подготовке его к изданию в 1937 г. Ниже мы приводим наиболее существенные различия и варианты, выявленные при сличении текста 1937 г. с текстом, опубликованным в альманахе, и текстом рукописи автора.

Так, в главе «Передовой сводный» в абзаце: «Хлопцы выжидательно поглядывали на меня и иронически на Юрьева», автор добавил: «Их боевые щупальцы были наэлектризованы до высшей степени и жадно ощупывали первый харьковский предмет — Юрьева» (см. т. 1, стр. 439, строка 7-я сверху).

В этой же главе исключены некоторые тексты. Так, например, после слов: «За ним тащится и царапает землю толстая суковатая палка» (т. 1, стр. 442, строка 13-я сверху) в альманахе сказано:

«Юрьев вдруг спрашивает:

— Скажите, Антон Семенович, если бы вы сказали: «Буду стрелять», а вам бы ответили: «Стреляй», что вы сделали бы?

— Разумеется, стрелял бы!

Джуринская сердится:

— И зачем вы наговариваете на себя, Антон Семенович?

Маликов хлопнул в ладоши:

— И наши хлопцы так говорили!..

Любовь Савельевна возмущенно оглядела грязное личико Маликова. Юрьев надул губы:

— Это он только говорит так. Не стрелял бы!

Волохов возмутился:

— Как это: не стрелял бы? Антон Семенович обязательно стрелял бы. И правильно! А как же иначе? Раз сказал...

— Успокойтесь, — сказал я Любови Савельевне, — в данном случае ошибка была сделана тогда, когда было сказано: «Буду стрелять». Таких вещей, понимаете, нельзя говорить. А если уж сказали, так и стреляйте, хотя бы последнюю пулю и пришлось всадить в собственную глупую голову» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 153, строка 9-я сверху).

Далее после слов: «Выделим для приемки одного из наших воспитанников» (т. 1, стр. 443, строка 16-я снизу) в альманахе сказано:

«Дежурный в светлых штанах вдруг просыпается:

— Этими фасонами никогда не обманете, товарищ! Какая демократия, подумаете...» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 154, строка 8-я снизу).

После слов: «— Я воспитаннику не буду сдавать, — начинает топорщиться заведующий» (т. 1, стр. 443, строка 14-я снизу) в альманахе сказано:

«— Почему?

— Не буду и все. Мы должны сдать ответственному лицу.

Я подпишу акт.

— Теперь вы говорите подпишу, а потом скажете: я не принимал» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 154, строка 3-я снизу).

После слов: «Как я мог так легкомысленно броситься в это совершенно губительное дело?» (т. 1, стр. 447, строка 4-я снизу) в рукописи сказано:

«В колонии Горького я освоил только сто двадцать, да и то за несколько лет, да и то с каким нечеловеческим напряжением. Как же я мог решиться взять на свою ответственность всю эту бесконечную толпу спален, набитую сотнями одичавших людей. Какое я имею право рисковать нашим делом, делом моих товарищей, большим пезаконченным опытом, таким нужным, таким важным». (Архив А. С. Макаренко).

В этой же главе Макаренко исправил текст абзаца. В альманахе было написано так: «Они усаживаются на кроватях вокруг нас, и несмело смотрят на меня их бледные улыбки. Я никак не могу разобрать, почему мне так жаль их. Может быть, потому, что они бледные, что у них бескровные губы и осторожные взгляды, а может быть потому, что у них заплатанные платя. Это возможно. Я мельком думаю: нельзя девочкам давать носить такую дрянь, это может обидеть на всю жизнь. Но неужели мне только поэтому жаль их?». (Альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 160 и т. I, стр. 449.)

После слов: «На них с молчаливым презрением смотрели из сумерек Костя Ветковский и Волохов» (т. 1, стр. 452, строка 8-я снизу) в рукописи сказано:

«Горьковцев я все время видел среди куряжан. По-двое, по-трое они проникали в самую толщу куряжского общества, о чем-то говорили, почему-то иногда хохотали, в некоторых местах вокруг их стройных подвижных фигур собирались целые гроздья внимательных слушателей. Было уже совершенно темно, когда Волохов нашел меня и взял за локоть.

— Антон Семенович, идемте ужинать. И поговорить надо. Это ничего, что мы позвали ужинать товарища Гуляеву?

В нашем «пионерском уголке» так приятно было увидеть Гуляеву в кругу моих друзей. Как-то хорошо и уютно было подумать, что наш отряд не совсем заброшен, что с нами уже в первый вечер делит наш ужин и наши заботы эта милая женщина, член партии, счастливо заброшенный на этот смитник.

Кудлатый доставал из чемоданов и раскрывал свертки, собранные в дорогу практичной Екатериной Григорьевной. Гуляева, радостно улыбаясь, пристраивала огарок свечи в горлышко одеколонного флакона.

— Чему вы так радуетесь, — спросил я.

— Как же мне не радоваться, — ответила Гуляева, — ваш «передовой сводный»... не знаю, как это сказать... ну... вообще, мне это очень нравится. Только... как же вас все зовут?

За ужином мы рассказали Гуляевой о передовом сводном. Хлопцы весело тараторили о том, о сем, не оглядываясь на черные окна. А я оглядывался. За окнами был Куряж... Ох... да ведь не только Куряж, там же за сотней километров есть еще колония им. Горького». (Архив А. С. Макаренко).

В главе «Бытие» исключены некоторые места, а именно: после слов: «Глядя на его удаляющийся затылок, я позавидовал лучезарной удаче этого человека: он сейчас свободен, как воробей, никто вдогонку ему даже камнем не бросил» (т. 1, стр. 452, строка 2-я снизу) в альманахе было сказано: «Завтра он приступит к «работе» на новом месте, а если кто-нибудь попытается отравить его, подлежит уголовной ответственности, как за умысел на жизнь человека. За его спиной я вижу белоснежные крылья безответственности, позволяющие человеку грациозно парить над миром и безнаказанно действовать голосовыми связками, которые по трагическому недосмотру природы в стандартном порядке вставляются в каждую глотку» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 163, строка 16-я сверху).

После слов: «Надо с чего-нибудь начинать?» (т. 1, стр. 457, строка 6-я сверху) в рукописи сказано:

«А мне нужно было только одно: собрать этих куряжан, поговорить с ними, посмотреть им в глаза, вот этим, таким уже для меня привычным педагогическим осязанием ощутить их личности.

Ведь у них должны быть личности, — у куряжан. Расползающаяся во все стороны угрюмо молчаливая их толпа меня удивляла, злила, но не пугала. Куряжане не банда и не собрание протестантов, это случайное соединение одичавших маленьких людей, у которых нет ничего общего, кроме территории двора и спален, и которые, почти не мешая друг другу, три раза в день набрасываются на котел, приготовляемый для них соевосом». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «На душе стало удобнее, мы стряхнули с себя неповоротливую, дохлую, подготовительную стадию и приступили к педагогической работе в Куряже» (т. 1, стр. 459, строка 7-я сверху) в альманахе сказано:

«Мой мозг стал работать точнее и спокойнее. Прежде всего он отступал неожиданную для меня формулировку: очевидно, мы начинаем с организации бытия... чорт возьми, а ведь это даже для Куряжа годится! Правильно, начнем с бытия» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 169, строка 8-я сверху).

В главе «Все хорошо» исключены тексты, где говорится о первом и втором сортах беспризорных.

После слов: «Второй сорт» тоже ездит, но предпочитает задний буфер-трамвая, и ему неизвестно, какой прекрасный вокзал в Жмеринке и какие строгости в Москве» (т. 1, стр. 469, строка 10-я снизу) в альманахе сказано:

«Кое-кто может спросить: почему же и первый сорт и второй только ищут работы, нигде не задерживаются и все-таки не работают. Во-первых, многие находят работу и работают, но пусть каждый спросит себя самого: согласится ли он переехать на работу в другой город, если ему не дадут квартиру, подъемные, вагон для перевозки вещей, какую-нибудь пайковую карточку? Беспризорные не требуют ни подъемных, ни вагона, но квартирное довольствие и их интересует. Вся беда в том, что им не всегда удается договориться относительно квартиры и коммунальных услуг» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 178, строка 20-я сверху).

В главе «Пять дней» были исключены тексты:

После слов: «В моей душе были нарушены какие-то естественные балансы, и я чувствовал себя неудобно» (т. 1, стр. 492, строка 11-я снизу) в рукописи сказано:

«Бывало раньше возвращаешься в свою колонию и всегда немного волнуешься: сотни живых людей, да еще не умеющих жить, это все-таки довольно тяжелая штука. Поэтому я не любил уезжать из колонии и всегда отказывался от отпуска, отпуск в колонии был невозможен, а вне колонии обращался в сплошную нервную настороженность и ежеминутное ожидание каких-то страшных известий. Но сейчас я уезжал из колонии, не беспокоясь о ней, потому что куряжская проблема закрывала собой все беспокоящие темы. Но и за Куряж волноваться не было оснований, потому что, что особенно нового могло произойти в Куряже. Поэтому, подъезжая к Харькову, я находился в состоянии совершенно непривычного покоя, и от этого покоя было неудобно». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «А когда приедут горьковцы? Через пять дней? Ох, и интересно, какие все эти горьковцы?» (т. 1, стр. 496, строка 12-я снизу) в рукописи сказано:

— «Интересно, — сказал я... и, набрав полные легкие воздуха, бесстрашно нырнул в самые глубины беспризорной куряжской жизни. Холодные привычные волны заботы потащили меня вниз, туда, где с илистого дна растут древние, как ихтиозавр, проблемы человеческого поведения. На длинных, предлинных их стеблях качаются среди водяных кувшинок красивые бледные цветы, прекрасные слова и мысли великих людей и великих педагогов. По долгу службы и, кроме того, из приличия я обязан ходить вокруг этих цветов, осторожно «отряса лапку», оказывать им знаки почтения и время от времени убедительным голосом выражать восторг перед «вековым наследством». (Архив А. С. Макаренко).

В главе «Триста семьдесят третий бис» исключены следующие тексты. После слов: «Бродя по перрону, я поглядывал в сторону Куряжа и вспоминал, что неприятель сегодня показал некоторые признаки слабости духа» (т. 1, стр. 509, строка 17-я сверху) в рукописи сказано:

«Все-таки почувствовали куряжане, что мои главные силы всего в тридцати километрах, и самое главное, что они не стоят на месте, а довольно быстро едут и прямо к Куряжу. Куряжане сегодня встали рано, умывались даже, даже подметали в спальнях. Целыми десятками они бродили поближе к нашему штабу, и на их лицах разлито было то невыразительное томление, которое всегда бывает у людей перед приездом нового начальника. Собираясь в Люботин, я вышел на крыльцо пионерской комнаты, окруженный орлами передового сводного, и увидел..

что большинство куряжан не может, физически не в состоянии удалиться от нашей группы больше, чем на пятьдесят метров. Они стоят у стен домов, у кустов сирени, у ворот монастыря, сидят на изгородях. Между ними с небывалой еще свободой летают, как ординарцы в военном стане, пацаны Вани Зайченко. Я отметил тонкое чувство стили в десятом отряде, я в душе отсалютовал этой милой группе мальчиков, таких прекрасных и таких благородных, что в сравнении с ними «благородство» какого-нибудь дворянина просто отвратительное лицедейство. Я заметил также, как принарядились сегодня девочки, из каких-то чудесных сундучков вытащили они светленькие кофточки и новенькие румянцы, между ними я вижу и Гуляеву, которая приветствует меня праздничной улыбкой. Разве это враги? Но где-то на периферии моего поля зрения бродят многие хмурые фигуры, а в дверях клуба стоят коротковцы и с деловым видом что-то обсуждают. Пожалуйста, отступления все равно не будет. Я вынул из кармана фельдмаршальский жезл, основательно взмахнул им в воздухе и сказал Горовичу нарочито громко и повелительно:

— Петр Иванович, горьковцы войдут в колонию около двух часов дня. Выстройте воспитанников для отдачи чести знамени.

Петр Иванович щелкнул каблуками, чутко повел талией и поднял руку в спокойном уверенном ответе:

— Есть, товарищ заведующий.

Я не знаю, насколько я имел величественный вид, усаживаясь на тряскую крикливую дребезжащую и чахоточную линейку, но туземцы смотрели на меня с глубоким почтением.

И все-таки я ни одной минуты не был уверен, что генеральный бой окончится в мою пользу. Ведь я нуждался вовсе не в знаках почтения, для меня необходимо было придушить весь этот дармоедческий стиль, для которого знаки почтения, как известно, вовсе не противопоказаны». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «— Запросился триста семьдесят третий бис. Через двадцать минут придут» (т. 1, стр. 509, строка 2-я снизу) в альманахе сказано:

«Мои переживания представляют себе немногие. Нет, влюбленные тоже не смогут это сделать. То напряжение и радость, и надежды, и прочие чувства, которые испытывают влюбленные, ожидая где-нибудь у памятника Котляревскому любимое существо, — пустяки, говоря между нами. Ко мне приближалось не просто существо, а коллектив в сто двадцать человек. Коллектив — это не обыкновенный стандартный комплект: глаза, голос, формы, походка, душа и туфельки. Это целое море граней и переливов личности. А в моем коллективе личности юные, не испорченные еще никаким эгоизмом — ни любовным, ни карьерным, ни квартирным. И я готовил этому другу не объятия и поцелуи, не воркованье любовной болтовни и не завтрак в кондитерской, я готовил, собственно говоря, одни неприятности, между которыми отсутствие спален была не самая главная» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 214, строка 15-я сверху).

После слов: «На перроне стояли Брегель, Халабуда и товарищ Зоя» (т. 1, стр. 517, строка 1-я сверху) в альманахе сказано:

«У товарища Зои даже щеки тряслись от испуга, и она казалась такой маленькой, как будто карлицей служила у графа Соцвосо» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 220, строка 13-я снизу).

После слов: «О, товарищ Зоя, Вас нагло обманули! Я настолько черствый человек, что здравый смысл всегда предпочитаю самой горячей любви» (т. 1, стр. 517, строка 16-я снизу) в альманахе было:

«Зеленые глаза товарища Зои с ненавистью встретили мой ответ, но сдаваться они и не думали.

— Да? У вас сощвос основан на здравом смысле? — спросила Зоя язвительно.

Но я ответил ей по-ангельски скромно:

— Чем богат, тем и рад, товарищ Зоя (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 221, строка 21-я сверху).

После слов: «Я удивленно пожал плечами и приложил руку к сердцу» (т. 1, стр. 518, строка 16-я сверху), в альманахе сказано: «Товарищ Зоя вздрогнула от отвращения.

Автомобиль унесся вперед, и я долго обижался на него, потому что нам в новых трусиках и в чистых сорочках пришлось идти в полосе пыли, которую он протянул за собою» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 222, строка 9-я сверху).

В главе «Гопак» сокращен текст, где был приведен разговор Макаренко с Зоей о воспитании. После слов: «Я не знаю, какое это положение, острое или тупое, если людей нужно воспитывать по образцу свиней» (т. 1, стр. 526, строка 6-я сверху) в альманахе сказано:

«Я внимательно присмотрелся к этому заблудшему существу и попытался ласково ей растолковать:

— Товарищ Зоя, если наше воспитание будет вообще успешным, вы же не станете протестовать?

— Смотри какой успех, и для кого он кажется успехом.

— Как для кого кажется? Для вас и для меня.

— Наверное, у нас разные вкусы, товарищ Макаренко. По моему мнению, воспитание должно быть основано на науке, а по вашему — на здравом смысле и на правилах свиноводства.

— На какой это науке? — спросил я уже не так ласково.

— Ах, вы даже не знаете, на какой науке? Да, я и забыла, что вы не читаете педагогической литературы. Вероятно, поэтому ваш идеал воспитания — свиньи.

Товарищ Зоя так покраснела, так была некрасива и так очевидно для меня глупа, что я получил возможность снова возвратиться к ласковому тону:

— Нет, идеал у меня другой.

— Не свинья?

— Нет.

— А кто?

— Вы.

Брегель бесшабашно треснула об землю своей важностью и расхохоталась» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 227, строка 12-я сверху).

В главе «Преображение» также исключены некоторые тексты; так, например, после слов: «Куряжская корка по частям отваливалась с организмов куряжан, подтверждая мою постоянную точку зрения: куряжане оказались обыкновенными мальчиками, оживленными, говорливыми и вообще «радостным народом» (т. 1; стр. 546, строка 22-я снизу) в альманахе сказано:

«Пушкин в свое время хорошо разобрался в мальчишеской сущности. Какая жалость, что в настоящее время в ней не разбираются многие высококвалифицированные умы. В этот день мне то и дело приходила в голову кощунственная мысль: если самого выдержанного моралиста освободить от денег, пиджака, галстука, семьи, квартиры, в течение месяца подержать в Куряже в качестве воспитанника, не брить и не стричь, раза два отколотить, раза три поиздеваться, честное слово, какие инте-

ресные наблюдения можно было бы после этого производить над выдержанным моралистом!» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 246, строка 17-я сверху).

После слов: «Только теперь увидели их все, и все неотрывно привязались к ним взглядом, позабыв об обеде» (т. 1, стр. 550, строка 12-я снизу) в альманахе было сказано:

«В своей душе я ощущаю сложную тонкую машину, от которой проведены невидимые провода к глазам, к мозгам, к мускулам, к нервам, к совести, к классовому чутью всех этих четырехсот колонистов. Одним только прикосновением к той или иной кнопке я разрешаю и создаю целые страницы переживаний у этих маленьких людей. Я ощущаю в себе неизмеримое могущество и рядом с ним ощущаю что-то страшно широкое, размахнувшееся тысячами километров полей, лесов и морей, во все стороны, то, что является основанием моего могущества — СССР. Все это я ощущаю в духовной тесноте и в духовном просторе и в тот же самый момент отмечаю направленный на меня взгляд Веры Березовской и думаю: «Да, вот Вера... Надо с ней сегодня же поговорить, как она себя чувствует... очень важно». И о другом думаю. Передо мной, как живая, встает красивая талия тонкого сукна вицмундира, ослепительно-элегантный пластрон, синий покой бархатного воротника и серебряная звездочка в петлице статского советника, а над всем этим выхоленное лицо, мешки под глазами и порошковые, холостые глаза, смотрящие на меня не потому, что я человек, и не потому, что я работник, а только «на основании существующих законоположений и вследствие занимаемой мною должности». Какая волнующая разница между тогдашней моей позой чинуши и сегодняшним моим творческим простором.

И четыреста праздничных детей, государственных детей, собранных в этой столовой, таких еще сырых и диких, сколько несут в себе высоко принципиальных различий от моих давних учеников, не испивших в своем детстве ключевых бурлящих нарзанов коллектива! Даже самое слово это в то время не существовало» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 250, строка 9-я сверху).

В главе «У подошвы Олимпа» исключены следующие тексты: после слов: «Мой опыт, между прочим, решительно утверждает, что расстояние между элементами чистого сознания и прямыми мускульными расходами довольно значительно и что совершенно необходима некоторая цепь связующих более простых и более материальных элементов» (т. 1, стр. 554, строка 16-я снизу) в рукописи сказано:

«Первые месяцы в Куряже для меня были полны крупных и мелких задач в области этой именно проблемы. Я сам находился в положении довольно трудном. Предыдущая работа в колонии имени М. Горького была построена на иных материальных отношениях. В начале колонии, совершенно безоружный педагогически, я разрешил задачу организации человеческого усилия при помощи крайнего волевого давления. В дальнейшем мне повезло. Колония росла в количестве колонистов очень медленно, вновь прибывающие ее члены составляли ничтожную часть целого, и я мог спокойно допустить очень постепенное и длительное освоение новичков, уверенно ожидая того момента, когда сложнейшая система внутрикollectивных мотиваций окончательно захватит новичка и вооружит его многими приспособлениями и привычками, необходимыми в борьбе с мускульным сопротивлением». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «На небесах и поближе к ним, на вершинах педагогического «Олимпа», всякая педагогическая техника в области собственно воспитания считалась ересью» (т. 1, стр. 556, строка 9-я снизу), в альманахе сказано:

«Уже и раньше на меня косо смотрели с небес, но раньше я подвизался в провинции, на меня редко падали лучи великих светил, да и сам я старался не прыгать чрезмерно над поверхностью земли. А сейчас тучи клубились над самой моей головой, из них то и дело гремел гром и сверкали молнии. Я оказался в неприятном соседстве с богами. Они рассматривали меня невооруженным глазом, и спрятаться от них со всей своей техникой я был не в состоянии.

Боги были разные — партийные и беспартийные. Впоследствии оказалось, что почти все они состоят в близком родстве с некоторыми земнородными — Троцким, Петлюрой, Ефремовым, но в то время они умели казаться непогрешимыми.

Трудно сказать, отражалось ли указанное родство на педагогических доктринах богов? Для этого нужно специальное исследование. Я тогда квалифицировал программу Олимпа как довольно хитро составленную композицию из революционной терминологии, толстовства, кусочков анархизма, совершенно нематериальных остатков эсеровского «хождения в народ», барской высокомерной благотворительности и интеллигентского обычного «вяканья». Все это каким-то снадобьем склеивалось вместе, я долго не мог разобрать, что это за снадобье, а потом-таки догадался: это было обыкновенное христианство, не какой-нибудь там дезинфицированный очищенный экстракт, не какая-нибудь паутинка из его этических волокон, вообще не «неохристианство», а обыкновенное бабское православие, с любовью к ближнему, с воскресением Лазаря, с нечистой силой и со всеми десятью заповедями.

Уже и раньше я пытался заговорить о педагогической технике, но как только я произносил «те...», меня бросали в котел с горячей святой водой, и начиналась очень неприятная для меня процедура изгнания беса» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 256, строка 18-я сверху).

После слов: «— Макаренко хороший практик, но в теории он разбирается очень слабо» (т. 1, стр. 557, строка 17-я сверху) в рукописи сказано:

«Между тем я всегда честно старался разобраться в педагогической «теории», но с первых же строчек у меня немедленно разжижались мозги, и я не знал даже, как квалифицировать всю эту «теорию»: бред сумасшедшего, сознательное вредительство, гомерическая дьявольская насмешка над всем нашим обществом или простая биологическая тупость. Я не мог понять, как это так случилось, что огромной практической важности вопрос о воспитании миллионов детей, то-есть миллионов будущих, и при этом советских, рабочих, инженеров, военных, агрономов решается при помощи простого темного кликушества и при этом на глазах у всех». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «Точно так же не нужна и опасна какая бы то ни было организация детей, а необходима «самоорганизация» (т. 1, стр. 557, строка 8-я снизу) в альманаче сказано:

«На самой верхушке Олимпа сидел некий теоретик, которому удалось выпустить книжку об основах социального воспитания. Эта книжка на протяжении ряда лет сделалась чем-то, напоминающим дыбу графа Петра Толстого в эпоху Петра. Опираясь на нее, провинциальные теоретики действительно жили выматывали из всякого человека, заподозренного в том, что он практический работник. Автор не признавал детского самоуправления, если в его организации участвовали воспитатели, и такое самоуправление называл «шкрабьим». Для того чтобы самоуправление было настоящим, по всем правилам теории, оно должно проходить стадию подполья. На такой дыбе положение шкрабов получалось вообще «миленькое». В этой теории я действительно разбирался слабо. Я об-

наружил полную неспособность теоретически мыслить и в других отделах, и этой беде очень мало помогло неоднократное колесование меня на разных конференциях. Мне доказывали: «Нельзя хулигана удалить из класса, а нужно бороться с условиями, создающими хулиганство». Замученный до потери сознания, я уже не мог спорить и сопротивляться, я соглашался бороться с условиями, создающими хулиганство, но в провинциальной простоте я полагал, что одним из таких условий является упомянутый автор. Таким образом снова обнаружилось мое теоретическое невежество» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 257 — 258, строка 2-я снизу).

После слов: «Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше» (т. I, стр. 567, строка 21-я сверху) в рукописи сказано:

«Имея на своей педагогической заботе только беспризорных, я тем не менее обязан всегда стоять в плоскости только что приведенных теорем. Организация перспективы и претворение перспектив с личных форм на формы общественные является главной моей работой. Но всякая радостная перспектива, если уже она организована, неизменно повышает тон всей жизни и прежде всего повышает способность человека к работе. В этом вопросе не всегда наблюдается применение строго эгоистической логики. Здесь дело решается не столько логикой, сколько повышением какого-то общего модуса жизни. Зарплата не потому только повышает производительность труда, что человек хочет как можно больше зарабатывать, но главным образом потому, что представление о будущем заработке и связанных с ним перспективах неизменно повышает общее ощущение личности, ее энергию, улучшает ее отношение к миру.

Это еще более заметно в области перспективы коллективной. Завтрашняя радость коллектива не может логически связаться с сегодняшней работой отдельной личности. Она связывается с нею только эмоционально, и эти эмоции часто гораздо плодотворнее какой угодно меркантильной логики.

Правильно воспитывать коллектив, это значит окружить его сложнейшей цепью перспективных представлений, ежедневно возбуждать в коллективе образы завтрашнего дня, образы радостные, поднимающие человека и заражающие радостью его сегодняшний день». (Архив А. С. Макаренко).

В главе «Первый сон» исключены тексты, где дается характеристика Шере. Так, после слов: «Эдуард Николаевич уменьшил сон, удлинил как будто ноги, вычеркнул из распорядка дня разные излишества вроде завтраков, обедов и ужинов — и все-таки не успевал всего сделать» (т. I, стр. 569, строка 2-я снизу) в альманахе сказано:

«Только Таранец придумал, как нужно кормить Шере: он наловчился на ходу засовывать в его карман завернутый в бумагу бутерброд, а часов в восемь посылал какого-нибудь Петьку или Тоську с приказом:

— Найди Шере и повякай немножко, чтоб он шамал: там у него в кармане!

И теперь и тогда я с восхищением и благодарностью думаю об Эдуарде Николаевиче. Если он теперь на каких-нибудь советских полях уменьшил темпы, если он женился, обзавелся оседлостью, ревматизмом и пижамой, я скорблю, потому что в общем технологическом процессе жизни для Шере имеются определенные графики.

Шере был большого класса агроном с широкой мыслью и с постоянным броском в будущее и в то же время с неослабным вниманием к каждой крупинке почвы. Шере не мог пробежать мимо и не устроить маленькую орбиту вокруг любой точки, где копошатся и работают

люди. И по этим бесчисленным своим орбитам он носится не как сверкающий бездельный метеор, а как бесшумный молчаливый челнок в основе, он не делает ни одного лишнего движения, не произносит ни одного лишнего слова, от него не отскакивает ни одна лишняя искра.

Поэтому не было такой области в колонии, где бы Шере не принимал участия, и все больше и больше он втягивался в работу наших мастерских» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 269, строка 23-я сверху).

В главе «Жизнь покати́лась дальше» были сделаны значительные сокращения. Так, например, после слов: «Только благодаря им для нашей работы хватало кислорода» (т. 1, стр. 591, строка 19-я сверху) в рукописи сказано:

«...и до некоторого времени мы имели возможность терпеливо выдерживать гипнотизирующие ненавидящие взгляды, направленные на нас с высот педагогического Олимпа.

Колония в это время неустанно крепила коллектив, находила для него новые, более усовершенствованные, формы, применяясь к все возрастающей силе и влиянию комсомола, постепенно уменьшала авторитарное значение заведующего. Уже наш комсомол, достигший к этому времени полутора ста членов, начинал играть заметную роль не только в колонии, но и в городских комсомольских организациях. Рядом с этим и благодаря этому пошла вглубь культурная работа колонии. Школа уже доходила до шестого класса. Отбиваясь от безумного бездельного комплекса, мы все-таки не называли нашу школу никакими официальными названиями, а шла она у нас под флагом подготовительных к рабфаку групп. Это позволяло нам в школе сильно нажимать на грамотность. Разумеется, это лишало наших учеников всякой возможности вкусить сладости и высот «развитого ассоциативного мышления», но зато синица в руки нам всегда попадалась прекрасная: экзамены в рабфак наши ребята всегда выдерживали с честью». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «Сколько в этот день было ярких переживаний, слез умиления и удивленных восторгов у харьковских интеллигентов, старушек, газетных работников и уличных мальчишек!» (т. 1, стр. 592, строка 15-я сверху) в альманахе было сказано:

«И вот что удивительно: принципиально все оркестр отвергали, но когда он заиграл, всем захотелось получить его на торжественный вечер, на встречи, на похороны, на проводы и на праздничные марши. И если раньше мне грозили бичи и скорпионы за то, что я заводил оркестр, теперь они начали грозить мне за то, что я отказывал в оркестре, жалая хлопцев. И больше по телефону:

— Алло! Говорят из секции внешкольной работы. Срочно пришлите ваш оркестр. Сегодня в пять часов похороны нашего сотрудника.

— Я не пришло.

— Как?

— Не пришло, говорю.

— Это говорят из секции...

— Все равно, не пришло.

— По какому праву?

— По праву хозяина оркестра.

— Мы будем жаловаться. Значит, если человек умирает...

— Умирайте без музыки.

— Вы будете отвечать!

— Есть, отвечать.

— Хорошо» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 291, строка 13-я сверху).

В главе «Помогите мальчику» автором исключен ряд текстов.

Так, например, глава «Помогите мальчику» в рукописи начинается так:

«Сразу за первым снегом события пошли небывало ускоренными темпами, каких еще не бывало в моей жизни. Было похоже, как будто мы понеслись не по рельсам, а по корявой булыжной дороге, нас подбрасывало, швыряло в стороны, мы еле-еле держались за какие-то ручки. В то же время никогда не было в колонии такой простой дисциплины, такого прямодушного доверия. Именно в это время я получил возможность испытать закаленность коллектива горьковцев, которую он сохранил до последнего момента. Мы неслись вперед, потеряв точные покойные рельсы. Впереди нас мелькали то особенно радужные дали, то тревожно-серые клубы туманов. Двадцать отрядов горьковцев сурово гляделись в них, но почти механически выслушивали будничные простые слова решений и спокойно бросались туда, куда нужно, не оглядываясь и не следя за соседом». (Архив А. С. Макаренко).

В этой же главе были исключены тексты: после слов «Для мастерских предоставлено два зала. В углу одного из них я увидел сапожную мастерскую и очень удивился» (т. 1, стр. 605, строка 7-я сверху) в альманахе было:

«Мы этому самому ребенку рассказываем об индустриализации, о Днепрострое, об автомобильных заводах. Даем ему газету, в которой он читает о технике, а работать заставляем в сапожной или столярной мастерской, при этом работать так, как работали только сапожники в старой России, заставляем «сучить дратву» и стругать шерхеблем. А этот самый беспризорный давно знает, что на обувных и деревообделочных фабриках вовсе не так работают. Он стремится на завод, он хочет быть механиком, металлистом, шофером, радистом, летчиком, станковым или электромонтером, а мы ему даем архаическое сапожное шило и заставляем делать ручную табуретки, которых сейчас никто уже ручную не делает. А потом обвиняем беспризорного в лени. Так же ленивы были и «мальчики» у старых сапожников, но старые сапожники умели, по крайней мере, заставить «мальчика» «сучить дратву», а нас такое положение не удовлетворяет: нам обязательно нужно чтобы мальчик сам увлекся этой захватывающей работой» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 303, строка 3-я сверху).

После слов: «Кража в коллективе вызывает к жизни раскрытие тайных дум, уничтожает необходимую деликатность и терпеливость коллектива, что особенно губительно в обществе, состоящем из «правонарушителей» (т. 1, стр. 609, строка 2-я снизу) в рукописи сказано:

«Горьковское общество всегда отдавало себе отчет в вопросе о кражах, колонисты всегда рассматривали кражу, как определенно враждебный акт по отношению ко всем, и интересы всех всегда открыто ставило против интересов личности, как бы они не были священны». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «Брегель, кажется, не заметила этих мелких событий, она о чем-то оживленно говорила с Джуриной» (т. 1, стр. 612, строка 19-я сверху) в рукописи сказано:

«Кудлатый дал слово мне, и мое положение было трудное. Не затевать же боя с Брегель в присутствии всей колонии. Я поэтому ни слова не сказал о возможном наказании Ужикова, но крепко насадил на кражу. В таких случаях всегда полезно говорить о законах коллективной жизни предпочтительно перед темами индивидуальными». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «Я чувствовал в себе странное упрямство, не упрямство прямоты, не упрямство торжества, нет, упрямство горечи и какой-то неопределенной беспросветности моей работы» (т. 1, стр. 612, строка 15-я снизу) в рукописи сказано:

«В этот вечер я остро почувствовал, вдруг понял, что этим людям не нужны никакие колонии, никакие жизни пацанов, никакие качества будущих людей. Я понял, что вся моя работа все равно будет осуждена. Я был почти приговорен.

Поэтому у меня не было желания ни спорить, ни убеждать» (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «Это средство хорошо, это плохо, следовательно, нужно всегда употреблять первое средство» (т. 1, стр. 612, строка 7-я снизу) в рукописи сказано:

«А почему оно называется хорошим? Где-нибудь оно проверено? Где-нибудь исчислены его результаты? Нет. Только потому оно хорошее, что в его словесном определении есть два-три хороших слова: человек, труд, коммунизм.

Представлять себе воспитательную работу, как простую цепь логических категорий, просто неграмотно. Сказать, что это средство хорошо, а это плохо — просто безобразно.

Необходимо, чтобы кто-нибудь вошел в мое положение. Ведь никакой такой простой и короткой логики в моей работе нет. Моя работа состоит из непрерывного ряда многочисленных операций, более или менее длительных, иногда растягивающихся на год, иногда проводимых в течение двух-трех дней, иногда имеющих характер молниеносного действия, иногда проходящих, так сказать, инкубационный период.

Всякая такая операция представляет очень сложную картину, так как она должна иметь в виду и воспитательное влияние на целый коллектив, и влияние на данную личность, и влияние на окружающую среду, и сбережение материальных ценностей, наконец, она должна ставить и меня и воспитательский коллектив в наиболее выгодное положение.

Идеально проведенной операцией будет такая, при которой все указанные цели достигаются. Но как раз в большинстве случаев задача принимает характер коллизии, когда нужно бывает решить, какими интересами и в какой степени можно пожертвовать и полезно пожертвовать. Для того, чтобы такая коллизия благополучно разрешилась или даже приняла характер гармонии, нужно бывает пережить огромное напряжение. В таком случае задача требует от меня сверхъестественной изворотливости и мудрости, широкого точного маневра, а иногда сложной игры, настоящей сценической игры.

Чего добилась Брегель своей блестящей речью? Представим себе, что суд уступит ей и учредит помощь и покровительство Ужикову. Колонисты останутся в положении виноватых, коллектив переживет неясную напряженность действия, опыт общественного бессилия, а Ужиков останется в колонии на прежней позиции, стоящей против всех, да еще усложненной тем обстоятельством, что теперь на целые годы в нем будут видеть точку приложения Брегельского тормоза». (Архив А. С. Макаренко).

В главе «Награды» были исключены следующие тексты: после слов «— Набрали хороших детей, одели и показывают. Вы беспризорных возьмите!» (т. 1, стр. 619, строка 11-я сверху) в альманахе было:

«Как нужно было рассматривать такое заявление: как признание нашего торжества или как осуждение нашей работы? Я раньше никогда не предполагал, что воровство и хулиганство могут считаться обязательны-

ми особенностями детского воспитательного коллектива. Во всяком случае я понял, что моя ставка на аргументацию опытом была бита: опыт объявлялся не только несуществующим, но и невозможным в реальной действительности» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 315, строка 6-я снизу).

После слов: «Вы беспризорных возьмите!» (т. 1, стр. 619, строка 11-я сверху) в рукописи сказано:

«До того все перевернулось в этих головах, что пьянство, воровство и дебош в детском учреждении они уже стали считать признаками успеха воспитательной работы и заслугой ее руководителей. Более печального фона и более грустного положения для моего самочувствия я никогда в жизни не встречал. То, что являлось прямым результатом разума, практичности, простой любви к детям, наконец, результатом многих усилий и моего собственного каторжного труда, то, что должно было ошеломляюще убедительным образом вытекать из правильности организации и доказывать эту правильность, — все это объявлялось просто несуществующим. Правильно организованный детский коллектив, очевидно, представлялся таким невозможным чудом, что в него просто не верили, даже когда наблюдали его в живой действительности.

Я истратил очень немного времени, чтобы разводить руками и удивляться. Коротко я отметил в своем сознании, что по всем признакам у меня нет никакой надежды убедить олимпийцев в моей правоте. Теперь уже было ясно, что чем более блестящи будут успехи колонии и коммуны, тем ярче будет вражда и ненависть ко мне и к моему делу». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «Они требуют от вас не широких размахов волн и не бьющей в глаза эмоции, а сложнейшей тактики» (т. 1, стр. 619, строка 19-я снизу) в рукописи сказано:

«...и настоящего, высокой квалификации, знания. Они больше читают, больше мыслят. И если в нездоровом коллективе вы рады первому элементарному благополучию, и каждый шаг вперед есть уже достижение, то здесь на ваших глазах и на вашей ответственности развернуты сотни полноценных жизней, и каждая из них должна быть обслужена вами». (Архив А. С. Макаренко).

После слов: «— Я и не обращаю, — утешил я хлопцев» (т. 1, стр. 633, строка 1-я сверху) в рукописи сказано:

«В комсомольской организации начались бурные дни. Темы моего доклада и решения ученых горячим взрывом покатались по колонии. До сих пор я крепко скрывал от колонистов свои отношения к Олимпу. Сейчас для меня стало очевидным, что единство тона и уверенности в колонии уже невозможны. Я не мог допустить, чтобы традиции и формы колонии в глазах самих колонистов становились сомнительными и тем более «не советскими». С другой стороны, я не мог позволить образования в среде комсомольцев какой бы то ни было «моей» группы или «партии», требования общественной дисциплины обязательны были прежде всего для меня». (Архив А. С. Макаренко).

В главе «Эпилог» сокращены тексты, где говорится о коллективе и его значении. Так, после слов: «...Коллектив есть группа взаимодействующих индивидов, совокупно реагирующих на те или иные раздражители» (т. 1, стр. 638, строка 15-я сверху) в альманахе сказано:

«Попробуйте спросить авторов этой чепухи, чем коллектив отличается от колонии полипов? ...Нет, другие люди напишут новые слова о коллективе, и они прежде всего напишут о том, как коллектив нужно беречь, как нужно его воспитывать для борьбы и как нужно дорожить его счастливой жизнью.

Ибо коллективы, как и люди, могут умирать не только от старости, они могут погибать в полном развороте сил, надежд и мечты, их так же в течение одного дня могут задушить бактерии, как они могут задушить человека. И будущие книги напишут, какие порошки и дезинфекции нужно употреблять против этих бактерий. Уж и сейчас известно, что самая малая доза НКВД очень хорошо действует в подобных случаях. Я сам имел возможность видеть, как быстро издох профессор Чайкин, как только приблизился к нему уполномоченный ГПУ, как быстро сморщилась его ученая мантия, как отвалился от его головы позолоченный нимб и звеня покатился по полу, и как легко профессор обратился в обыкновенного библиотекаря. На мою долю выпало счастье наблюдать, как законопился и начал расплзаться Олимп, спасаясь от едких порошков чекистской дезинфекции, как дрыгали сухие ножки отдельных козявок, как по дороге к щелям или к сырому углу они замирали без единой сентенции. Я не сожалел и не корчился от сострадания, ибо в это время я уже догадался: то, что я считал Олимпом, было не что иное, как гнездо бактерий, несколько лет назад уничтожившее мою колонию.

Наша жизнь сильнее бактерий. Пусть умер горьковский коллектив, пусть на его месте, на вековых площадках Куряжа пытались зародиться новые коллективы, пусть много этих зародышей погибали на отравленной почве, коллектив горьковцев не умер бесследно. Не только люди живут в потомстве, есть потомство и у коллективов, и дети их живут красивее, богаче и счастливее отцов» (альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 332—333, строка 8-я снизу).

После слов: «Семь лет жизни дзержинцев — это тоже семь лет борьбы, семь лет больших напряжений» (т. I, стр. 638, строка 15-я снизу) в альманахе сказано:

«И как когда-то у горьковцев, каждый наш день был счастливым днем, так же свободно катились мы по стальным гладким рельсам, так же играли над нами радуги нашей заботы, так же упирались в небо прожекторы нашей мечты» (см. альманах «Год XVIII», кн. 8-я, стр. 333, строка 8-я снизу).

VI

Алексей Максимович прочитал все три части «Педагогической поэмы», внес свои исправления в первую часть и особенно тщательно просмотрел вторую.

Макаренко, после письма Горького, внес значительные исправления во вторую часть «Педагогической поэмы» и вновь направил ее Горькому. Можно предполагать, что Горький при повторном чтении второй части «Поэмы» внес свою правку. К сожалению, до сего времени еще не разысканы рукописи первой и второй части «Педагогической поэмы» с правкой Горького. Авторский машинописный текст третьей части «Педагогической поэмы» с правкой Горького сохранился и в настоящее время находится в архиве А. М. Горького.

Поправки Горького имеют историческую ценность, некоторые из них, внесенные в текст третьей части «Педагогической поэмы», приводим ниже.

В главе «Гвозди» Горький сделал следующие поправки.

Глава начиналась словами: «Послезавтра я должен был приступить к приему Куряжской колонии».

Вместо «Послезавтра» Горький исправил «Через день».

Второй абзац этой главы также подвергся исправлению. У Макаренко было написано: «В колонии и страхи, и надежды, и нервы, и сияющие глаза, и лошади, и возы, и расхोdivшиеся, как буря, волны мелочей,

забытых нотабене и затерявшихся веревок, — все это сплелось в такой сложный узел, что никакой уверенности у меня не было в способности хлопцев развязать его успешно».

Горький исправил этот абзац следующим образом: вместо слова «расходившиеся» написал слово «бурные», уничтожив запятые перед словом «как» и после слова «буря», взял слово нотабене в кавычки; вместо слова «сложный» написал «сложнейший», вычеркнув слова «никакой уверенности у меня не было» и вместо них написал новую фразу: «я не верил»; вместо «способности» — «способность».

В редакции Горького этот абзац читается так:

«В колонии и страхи, и надежды, и нервы, и сияющие глаза, и лошади, и возы, и бурные как буря волны мелочей, забытых «нотабене» и затерявшихся веревок, — все сплелось в такой сложнейший узел, что я не верил в способность хлопцев развязать его успешно».

Макаренко пишет: «Кто не знает, что такое гвозди, бывшие в употреблении? Их нужно при помощи разных хитрых приспособлений выдергивать из старых досок, из разломанных умерших вещей, и выходят оттуда гвозди ревматически кривые, с исковерканными головами».

Горький поправляет: вместо слов «Кто не знает» он пишет «Не многие знают»; после слова «кривые» он пишет «ржавые», вместо слова «головами» Горький пишет «шляпками».

В редакции Горького этот абзац получил следующую форму: «Не многие знают, что такое гвозди, бывшие в употреблении!»

Их нужно при помощи разных хитрых приспособлений выдергивать из старых досок, из разломанных умерших вещей, и выходят оттуда гвозди ревматически кривые, ржавые с исковерканными шляпками...».

В этой же главе Макаренко пишет: «Я то и дело пересматривал их состав и, раскладывая его на кучки, классифицируя с точки зрения человеческой ценности». Горький после слова «зрения» добавил слово «социально».

Далее Макаренко пишет: «Мой глаз в то время был уже достаточно набит, и я умел с первого взгляда по внешним признакам, по неуловимым гримасам физиономии, по голосу, по походке, еще по каким-то мельчайшим завиткам личности, может быть даже и по запаху сравнительно точно предсказывать, какая продукция может получиться в каждом отдельном случае». Горький после слова «случае» добавил следующие слова: «из этого сырья».

У Макаренко было написано: «По бокам его яркорыжей головы торчат огромные, прозрачно розовые уши, безбровое, усыпанное крупными веснушками лицо все стремится куда-то вниз, тяжелый отекий нос слишком перевешивает прочие предметы. Аркадий всегда смотрит из-под-лобья, но лучше было бы, если бы он вовсе не смотрел, — такое крепкое отвращение вызывают его тусклые глаза, вечно испачканные какими-то органическими отложениями, слизью, болячками».

В этот текст Горький вносит следующие поправки: после слова «перевешивает» зачеркивает слова «прочие предметы» и пишет вместо них: «все другие части лица»; слово «из-под-лобья» пишет «исподлобья»; после слова «слизью» уничтожает запятую и зачеркивает слова «какими-то органическими отложениями» и вместо слова «болячками» пишет: «желтого цвета». Таким образом, в редакции Горького этот абзац читается так: «По бокам его яркорыжей головы торчат огромные, прозрачно розовые уши, безбровое, усыпанное крупными веснушками лицо все стремится куда-то вниз — тяжелый отекий нос слишком перевешивает все другие части лица. Аркадий всегда смотрит исподлобья, но лучше было

ва, а которой он разбирается уже лучше меня и ...
 блюдет не по случаю, не по поводу скандалов ...
 ежеминутно в порядке ~~определенного~~ инстинкта

Как ни трудно было мне, ~~как ни~~ туманно было впереди, моя жизнь это время
 была счастливой жизнью. Нельзя описать совершенно исключитель-
 ные впечатления счастья, которые ~~можно испытать~~ в детском об-
 ществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, иду-
 щем с вами вперед. В таком обществе даже неудача не печалит,
 даже огорчение и боль кажутся высокими ценностями.

Коллектив горьковцев был для меня роднее коммунаров. В
 нем были крепче и глубже дружеские связи, больше людей с вы-
 сокой себестоимостью, острее борьба. И горьковцам я был нуж-
 нее. Дзержинцам с первого дня выпало счастье иметь таких ше-
 фов, как чекисты, а у горьковцев, кроме меня и небольшой груп-
 пы воспитателей, близких людей не было. И поэтому я никогда
 не думал, что настанет время, и я уйду от горьковцев, я во-
 обще не способен был представить себе такое событие. Оно
 могло быть только предельным несчастьем в моей жизни.

Приезжая в колонии, я приезжал домой, и в общем собрании
 колонистов, и в совете командиров, даже в тесноте сложнейших
 коллизий и трудных решений я отдыхал понастоящему. В это
 время закрепилась надолго одна из моих привычек: я потерял
 умение работать в тишине. Только когда рядом, у самого мое-
 го стола, звенел ребячий галдеж, я чувствовала себя понастоя-
 щему уютно, моя мысль оживала и веселее работало воображе-
 ние. И за это в особенности я был благодарен горьковцам.

Авторская машинопись 3-й части «Педагогической поэмы»,
 Глава «Награды» с правкой А. М. Горького.

(Архив А. М. Горького.)

бы, если бы он вовсе не смотрел, — такое крепкое отвращение вызывают его тусклые глаза, вечно испачканные слизью желтого цвета».

В главе «Все хорошо» Макаренко пишет: «Эти мерзавцы даже не учли того обстоятельства, что для них приготовлен был очень жирный и вкусный суп, а на хлеб положены кубики масла». Горький заменяет слово «мерзавцы» словом «черти».

Далее в этой главе Макаренко пишет: «Никто не подошел к Мише Овчаренко, который возле самой соборной паперти был оборудован наново. У Миши разложены на ступенях паперти новые, вчера купленные лопаты, грабли, метлы, в руках у Миши новенький блокнот, тоже вчера купленный».

Горький вносит следующие поправки: после слова «паперти» он зачеркивает слова: «был оборудован наново. У Миши» и вместо слова «разложены» пишет: «разложил»; после слова «ступенях» зачеркивает слово «паперти», вместо запятой после слова «метлы» ставит точку. После слова «руках» зачеркивает букву «у». В редакции Горького этот абзац гласит:

«Никто не подошел к Мише Овчаренко, который возле самой соборной паперти разложил на ступенях новые, вчера купленные лопаты, грабли, метлы. В руках Миши новенький блокнот, тоже вчера купленный».

В главе «Идиллия» Макаренко пишет: «Калина Иванович вспоминает разные случаи жизни, а я способен ощущать только его сегодняшнюю старость и обижаться за нее перед... мирозданием». Горький в этом абзаце зачеркивает слова: «перед... мирозданием». Далее Макаренко пишет: «Они, паразиты, все по-своему и грубияны, конечно, а я не люблю, если человек грубиян». Горький исправляет: вместо слова «паразиты» пишет «чорты».

В главе «Преображение» Макаренко пишет: «Ошарашенные командой куряжане еле успели оглянуться и упереться руками в доски столов, чтобы встать, как были вторично ошарашены громом нашего энергичного оркестра. Целые очереди движений, естественных, раздражительных, испуганных, добросовестных, — разных движений затолпились у них в дверях сознания, и насилу насилу духовные их милиционеры навели в этих очередях сносный порядок». Горький после слова «оркестра» зачеркнул все до конца абзаца.

В главе «У подошвы Олимпа» Макаренко пишет: «...очень многие работы только потому и возможны, что человек умеет страдать». Горький исправляет: вместо слова «умеет» пишет «приучен» и после слова «страдать» добавляет «и терпеть».

В этой же главе Макаренко пишет: «Менее опытный человек утешил бы себя соображениями такими: ребята не привыкли к трудовому усилию, у них нет ухватки, уменья работать».

Горький вносит следующие исправления: вместо слова «у них нет» пишет: «не имеют», «ухватки» берет в кавычки; вместо слова «уменья» пишет: «не умеют». В его редакции этот абзац выглядит так:

«Менее опытный человек утешил бы себя соображениями такими: ребята не привыкли к трудовому усилию, не имеют «ухватки», не умеют работать...».

В главе «Первый снап» Макаренко пишет: «...и его немедленно подхватывал летний услужливый ветер и пер куда-то далеко на какие-то свалки истории». Горький вместо слова «пер» пишет: «уносил».

В этой же главе Макаренко пишет: «В нашем дворе стало светло и просторно, прибавилось неба и зеленые украшения и привольные дали горизонта расположились вокруг нас, как гирлянды». Горький зачеркивает слова «как гирлянды» и пишет: «широчайшей рамой».

тезиса автора, там: "Профинпидан есть лучший воспитатель". Такие положения есть нечто иное, как вульгаризированные идеи трудового воспитания.

Многие еще говорили и многие молчали с обсуждением. Я наконец ободился и ^{с Г. П. С. С. А.} ~~желанием~~ ^{зажигая} ~~вылил~~ в огонь ^{каменное} ~~железное~~ ведро керосина:

- Пожалуй, вы правы, мы не договоримся. Я вас не понимаю. По вашему, например, инициатива есть как-то нечто. Она приходит неизвестно откуда, из чистого, ничем не вызванного безделья. Я вам третий раз говорю, что инициатива придет тогда, когда есть задача, ответственность за ее выполнение, ответственность за потерянное время, когда есть требование коллектива. Вы меня все-таки не понимаете, и снова твердите о какой-то выхолощенной, освобожденной от труда инициативе. По-вашему для инициативы достаточно смотреть на свой собственный нут.

Ой, как исчерпались, как на меня закричали, как закристелись и закричали апостолы. И тогда, увидев, что пожар в полном разгаре, что в Рубиновке далеко назад, что терять все равно нечего, что все уже потеряно, я ^{сидя} ~~зажигая~~ в ^{сидя} ~~самодельном~~ ^{самодельном} ~~посуде~~ ^{посуде} ~~горю~~ ^{горю} ~~еще~~ ^{еще} ~~однажды~~ ^{однажды} ~~попытался~~ ^{попытался}.

- Вы не сможете судить ни о воспитании, ни об инициативе, в этих вопросах вы не разбираетесь.

- А вы знаете, что сказал Ленин об инициативе?

- Знаю.

- Вы не знаете.

Я вытаращил записную книжку и прочитал четко:

- "Инициатива должна состоять в том, чтобы в порядке ответственности строго держать дисциплину" - речь на одиннадцатом съезде

Авторская машинопись 3-й части «Педагогической поэмы».

Глава «Награды» с правкой А. М. Горького.

(Архив А. М. Горького.)

Далее в этой главе Макаренко пишет: «— Мистерия труда? — М-может быть. Но зачем это так усложнять. По-моему тут что хорошо: они счастливы, они организованы и они умеют работать». Горький зачеркивает слова: «М-может быть. Но...». Пишет «зачем» с заглавной буквы и после слова «это» ставит знак вопросительный.

В главе «Награды» Макаренко пишет: «Дзержинцы появлялись на людях в хороших суконных костюмах, освеженных широкими белыми воротниками, у них был хор инструментов белого металла». Горький этот абзац исправляет так:

«Дзержинцы появлялись на людях в хороших суконных костюмах, украшенных широкими белыми воротниками, у них был оркестр духовых инструментов из белого металла».

В этой же главе Макаренко пишет: «Они сделались традицией коллектива, в которой он разбирается уже лучше меня и за которой наблюдает не по случаю, не по поводу скандалов и истерик, а ежеминутно в порядке обычного инстинкта». Горький зачеркивает слово «обыкновенного» и пишет: «требований коллективного» и после слова «инстинкта» пишет: «я бы сказал». В редакции Горького этот абзац гласит: «Они сделались традицией коллектива, в которой он разбирается уже лучше меня и за которой наблюдает не по случаю, не по поводу скандалов и истерик, а ежеминутно, в порядке требований коллективного инстинкта, я бы сказал».

«Нельзя описать совершенно исключительные впечатления счастья, — пишет Макаренко, — которые можно испытать в детском обществе, выросшем вместе с вами, доверяющем вам до конца, идущем с вами вперед». Горький вместо слов «можно испытать» пишет: «испытываешь».

Далее в указанной главе Макаренко пишет: «Многие еще говорили и многие молчали с осуждением. Я наконец обозлился и нечаянно вылил в огонь полное ведро керосина». Горький исправляет: вместо слова «нечаянно» пишет «сгоряча» и после слова «огонь» зачеркивает слово «полное». И далее: «И тогда, увидев, что пожар в полном разгаре, что все Рубиконы далеко позади, что терять все равно нечего, что все уже потеряно, я швырнул в синедрин последний горящим поленом». Горький вносит следующие исправления: зачеркивает слова — «швырнул в синедрин последний горящим поленом» и пишет «сказал»¹.

VII

Антон Семенович Макаренко является выдающимся педагогом нашего времени. Все его произведения, в том числе и художественные, посвящены педагогическим вопросам и имеют огромное воспитательное значение. В одном из писем Макаренко не случайно писал Горькому: «Видите, я не очень отравлен драматургией и помню Ваше указание — писать о педагогическом деле».

После окончания «Педагогической поэмы» Антон Семенович Макаренко создает еще ряд замечательных произведений. Вслед за «Поэмой» им была написана повесть «Флаги на башнях» (1938), одно из его последних больших художественных произведений, которое является продолжением «Педагогической поэмы». Содержание и значение этой повести Макаренко определил так:

«В «Педагогической поэме» меня занимал вопрос, как изобразить человека в коллективе, как изобразить борьбу человека с собой, борьбу коллектива за свою ценность, за свое лицо, борьбу более или менее на-

¹ Архив А. М. Горького.

пряженную. В «Флагах на башнях» я задался совсем другими целями. Я хотел изобразить тот замечательный коллектив, в котором мне повезло работать, изобразить его внутренние движения, его судьбу, его окружение.

Это — счастливый коллектив в счастливом обществе. И я хотел показать, что счастье этого коллектива, нередко выражающееся в глубоко поэтических формах, заключается тоже в борьбе, но не в такой напряженной борьбе с явными препятствиями, с явными врагами, как было в колонии, а в борьбе тонкой, в движении внутренних человеческих сил, часто выражаемых внутренними, еле заметными тонами. Все это — очень важные и сложные вопросы. Только в коммуне имени Дзержинского я особенно остро понял, почувствовал, что недостаточно охватил еще всю сложность процесса воспитания нового человека.

Этот процесс, происходящий не только внутри самого коллектива, он происходит во всем нашем социалистическом обществе. Это — процессы труда и внутренних отношений, роста самого человека, и, наконец, многочисленные чрезвычайно тонкие внутренние междумальчишеские и междудонолистские отношения. Все это я и стремился показать»¹.

Одним из выдающихся педагогических произведений Макаренко является «Книга для родителей» (1937). Он задумал написать этот труд в 4 томах, но преждевременная смерть прервала эту работу. Первый том «Книги для родителей» пользуется широкой популярностью среди читателей. «Надо писать книги о семейном воспитании, надо работать над философскими обоснованиями системы нравственного воспитания в советской семье, — указывал Антон Семенович Макаренко в одном из писем, — необходимо организовать широкую сеть родительских университетов по вопросам семейного воспитания. В единой системе советской политической и хозяйственной плановой жизни, ни на одном участке не может быть терпима стихийность воспитания. Семья должна воспитывать в общей системе и плане государственных задач и целей борьбы за коммунизм. Семью нетрудно этому научить, но надо активно учить»².

Выступая на Станкозаводе им. С. Орджоникидзе по поводу «Книги для родителей», Антон Семенович Макаренко так определил характер ее содержания: «В первом томе я еще ни о какой педагогике собственно не говорю и поэтому решительно отвожу обвинения — почему о школе я не сказал, о чтении, о культурном воспитании и т. д. Не сказал потому, что это у меня будет сказано в других томах, не мог сказать все в первом томе. Здесь я хотел сказать о структуре семьи.

Что я пытался сказать? Прежде всего, я пытался сказать, что семья есть коллектив, т. е. такая группа людей, которая объединяется общими интересами, общей жизнью, общей радостью, а иногда и общим горем. Я хотел доказать, что советская семья должна быть трудовым коллективом.

Во-вторых, я хотел коснуться нескольких тем, относящихся к структуре этого коллектива.

Что меня в этой структуре заинтересовало? Прежде всего, величина семьи. Я являюсь сторонником большой семьи. Изображая семью Веткиных, исключительно сложную, — я ничего не выдумывал, все это взято из тех многочисленных примеров, которые я наблюдал...

Точно так же я изобразил семью, где единственный ребенок, не для того, чтобы показать, как неправильно его воспитывают, а для того,

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 3, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 451—452.

² А. С. Макаренко, Избр. педагог. соч., приложение к журналу «Советская педагогика» в 4 книгах, кн. 2, стр. 4, изд-во АПН РСФСР, 1950.

чтобы осудить стремление иметь только одного ребенка... Это тоже вопрос структуры семьи.

Вопрос о структуре семьи встает и в том случае, когда семья распадается...

К структуре семьи я отнес вопрос и о родительском авторитете... К структуре семьи относится отчасти половое воспитание...

К структуре семьи я отношу также неправильное расположение семейных сил, когда мать превращает себя в прислугу своих детей, — это структура семьи неправильная... Я коснулся еще одного вопроса, относящегося к структуре семьи, вопроса о солидарности в семье, и хотел показать, что эта солидарность иногда из-за пустяков начинает разрушаться¹.

В 1937 г. Антон Семенович выступает по радио с циклом лекций для родителей «О воспитании детей». В «Лекциях о воспитании детей» автор дает не только практические советы родителям, но и излагает теоретические положения советской системы воспитания детей в семье.

Еще задолго до создания «Книги для родителей» и повести «Флаги на башнях» Антон Семенович задумал написать большой труд о советском воспитании. В 1931 г. им был разработан общий предварительный план этой работы. В 1932 г. он написал предисловие, три раздела вступления («Цель воспитания», «Коллектив» и «Педагогическая логика») и главу «Организационный период»². В одном из писем (февраль 1935 г.) Антон Семенович писал по поводу этой работы Горькому: «А после «Педагогической поэмы» я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле... Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен — это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему, но увидел, что такую книгу нужно писать в полном отрешении от текущей работы и обязательно «с книгами в руках», просмотрев все высказывания старого опыта, истории, художественной литературы. Вы даже представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за 30 лет работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет, если все это исчезнет вместе со мной»³.

В 1935 г. Антон Семенович Макаренко написал работу «Методика организации воспитательного процесса». В этой работе автор в сжатой форме изложил основные вопросы методики организации воспитательного процесса в детской трудовой колонии.

В 1937—1939 гг. Антон Семенович деятельно сотрудничает в различных газетах и журналах и пишет ряд общественно-политических, педагогических и критических статей, очерков и рассказов. Статьи Макаренко, опубликованные в эти годы, характеризуют Антона Семеновича как крупного советского публициста и общественного деятеля.

Свыше десяти статей его опубликовано в газетах «Правда» и «Известия»; 25 статей опубликовано в «Литературной газете» и других газетах; 16 статей опубликовано в различных журналах.

В эти годы Антон Семенович пишет ряд литературно-художественных произведений. Повесть «Честь» (1937), которая публикуется в журнале «Октябрь», кн. XI, XII—1937 г.; кн. I, V, VI—1938 г. и ряд литературных сценариев: «Колонисты», «Настоящий характер», «Командировка» и др.

¹ А. С. Макаренко, Соч., т. 4, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 439—442.

² Материалы этого труда опубликованы под назв. «Опыт методики работы детской трудовой колонии» в кн. А. С. Макаренко «Педагогические сочинения», изд-во АПН РСФСР, 1948, стр. 85—114, 279—281.

³ Архив А. М. Горького.

В 1938 г. Антон Семенович читает лекции для ответственных работников Наркомпроса РСФСР «Проблемы школьного советского воспитания». В этих лекциях автор охватывает ряд основных проблем методики коммунистического воспитания подрастающего поколения.

Антон Семенович Макаренко был великим патриотом своей родины и как патриот горячо любил педагогическое дело. Он глубоко и систематически изучал труды Ленина и Сталина. Учение Ленина и Сталина о воспитании явилось тем животворным источником, из которого Макаренко черпал знания и силы.

На основе учения Ленина и Сталина Макаренко сумел высоко поднять и разработать основные принципы методики коммунистического воспитания, определить и показать на ряде ярких примеров своей педагогической деятельности величайшее значение коллектива как основной и важнейшей формы в деле коммунистического воспитания, в деле воспитания коммунистической нравственности, долга и чести, воли и характера. В его педагогических трудах мы находим замечательные советы по вопросам физического и эстетического воспитания. Большой любовью и вниманием пользуются его труды, посвященные проблемам семейного воспитания.

Антон Семенович Макаренко создавал передовую педагогическую теорию в острой борьбе с враждебными марксизму-ленинизму буржуазными и мелкобуржуазными теориями. Он боролся с мелкобуржуазной теорией «свободного воспитания» и с лженаукой — педологией. Антон Семенович начал борьбу с педологией тогда, когда никто из научных работников не выступал с критикой этой вредной теории. В этом сказалось его глубокое знание и понимание марксистско-ленинского учения о воспитании, твердость и последовательность проведения в жизнь принципов коммунистического воспитания.

Педагогическая система и педагогические идеи Макаренко могли найти такое широкое практическое применение лишь в условиях советского социалистического строя. В статье «Максим Горький в моей жизни» Макаренко писал: «...после Октября передо мной открылись невиданные перспективы». Будучи выдающимся педагогом, Макаренко блестяще осуществил на практике задачи коммунистического воспитания и сформулировал ряд принципиальных положений, обогативших советскую педагогическую науку.

Мы все любим и ценим педагогические и художественные произведения Антона Семеновича Макаренко. В этих произведениях и в письмах к Горькому он выступает перед нами правдивым, скромным, большевистски принципиальным, горячо любящим свое дело педагогом-писателем. Он был носителем коммунистической морали и всю жизнь старался прививать эти качества своим воспитанникам.

Вся педагогическая и литературная деятельность Макаренко проходила под постоянным заботливым влиянием Горького. С именем Горького связана вся деятельность Макаренко. Горький поднял его и как замечательного советского педагога-новатора и как выдающегося писателя. Макаренко с большой любовью и вниманием относился к советам Алексея Максимовича и высоко ценил их. «До самых последних дней Максим Горький оставался моим учителем», — писал Макаренко в статье «Максим Горький в моей жизни».

Алексей Максимович Горький в своей статье «По Союзу Советов» так характеризует А. С. Макаренко:

«Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты действительно любят его и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они сами создали его. Он — суровый по внешности, малословный человек, лет за сорок,

с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из «идейных». Говорит хрипло, сорванным или простуженным голосом, двигается медленно, всюду поспевает, все видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает моментальный фотографический снимок с его характера. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной головке... А. С. Макаренко умеет говорить детям о труде с тою спокойной, скрытой силою, которая и понятней, и красноречивее всех красивых слов»¹.

В своем последнем письме к Горькому Макаренко обратился к нему как к своему другу и учителю с вопросами, которые волновали его как писателя.

«Посоветуйте, — пишет Макаренко Горькому, — как сначала наладить мое писательское самочувствие, куда броситься, как сохранить те элементы стиля, которые, вероятно, все-таки есть в моей работе?»².

«Вы спрашиваете, — пишет Горький 8 октября 1925 г., — «как сохранить элементы стиля» и т. д. Очень просто: ведите аккуратно ежедневную запись наиболее ясных мыслей, характерных фактов, словесной игры: удачных фраз, афоризмов, «словечек». Пишите ежедневно хоть десяток строк, но так экономно и туго, чтобы впоследствии их можно было развернуть на две, три страницы. Дайте свободу Вашему юмору. Делая все это, Вы не только сохраните приобретенное работой над «Поэмой», но расширите его».

На протяжении десяти лет регулярной переписки Алексей Максимович Горький не оставлял без ответа ни одного вопроса, ни одного проека, ни одной мысли, ни одного сомнения Макаренко. Своими письмами Горький вселял веру в творческие силы Макаренко, оказывал ему огромную моральную поддержку, он не только давал дружеские советы, но и сам принимал непосредственное участие в обсуждении того или другого педагогического приема. Мы не располагаем рукописями первых двух частей «Педагогической поэмы» с правкой Горького, но мы видим его заботливую руку, отчески исправляющую отдельные слова, целые фразы, предложения и даже запятые в третьей части «Педагогической поэмы» и в пьесе «Ньютоновы кольца».

Письма Макаренко и Горького имеют огромную историческую ценность и, вместе с тем, представляют большой педагогический интерес. В этих письмах ярко отражены творческая деятельность Макаренко и большая роль Горького в литературно-педагогической деятельности Антона Семеновича Макаренко.

Ниже публикуется переписка Макаренко с Горьким. Приводим 21 письмо Макаренко к Горькому и 16 писем Горького к Макаренко³.

¹ М. Горький, «По Союзу Советов», журнал «Наши достижения», 1929, № 2, стр. 27—28.

² Архив А. М. Горького.

³ Письма А. С. Макаренко публикуются с разрешения архива А. М. Горького Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького. Письма А. М. Горького к А. С. Макаренко перепечатываются из книги А. С. Макаренко «Педагогическая поэма», изд-во «Советский писатель», 1940, и «Учительской газеты» от 19 июня 1946 г.

Письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому, публикуемые впервые, подготовлены к печати Н. А. Сундуковым. Некоторые письма даны с незначительными сокращениями. Примечания к письмам Макаренко — Н. А. Сундукова.

ПЕРЕПИСКА А. С. МАКАРЕНКО с А. М. ГОРЬКИМ

(тексты писем).

Полтава, Колония им. М. Горького
8 июля 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Трудно поверить, но я второй год не могу получить Ваш точный адрес. Писал в редакции всех журналов, в которых Вы участвуете, но ответа не получал. Наши воспитатели писали кое-кому из людей, побывавших у Вас в гостях, но тоже ответом нас никто не порадовал. В общем мы знали, что Вы в Сорренто, но ведь нужно знать и что-то большее. Наконец в «Огоньке»¹ мы нашли статью о Вас и в ней Вашу литературную фамилию, написанную по-итальянски. Так и посылаем. В статье «Огонька» написано, что в Сорренто все знают Ваш адрес.

Кто мы такие? В Полтаве 25 августа 1920 года была открыта колония для несовершеннолетних правонарушителей. Я состою заведующим этой колонией с самого ее основания, мне тогда же удалось собрать крепкий коллектив воспитателей, который работает в колонии вот уже 5 лет, почти без изменений в составе. Благодаря этому и некоторым другим обстоятельствам наша колония все время жила здоровой жизнью и, по отзывам в педагогической литературе, считается лучшей в России. Это позволяет нам со спокойной совестью носить Ваше имя. Мы просили о присвоении колонии Вашего имени в 1921 году, и теперь гордимся, что носим его с честью. Выбирая Вас своим шефом, мы руководствовались не простым желанием носить имя известного всему миру лица, а какой-то глубокой родственностью между Вами и нами. Эту родственность мы видим и чувствуем не только в том, что и Ваше детство подобно детству наших ребят и не только в том, что многие типы в Ваших произведениях это наши типы, но больше всего в том, что Ваша исключительная вера в человека, нечто единственное во всей всемирной литературе, помогает и нам верить в него. Без такой веры мы не могли бы 5 лет работать без отдыха в колонии. Теперь эта вера стала и верой наших хлопцев, она создает в нашей колонии здоровый, веселый и дружный тон, которому удивляются все, кто у нас бывает. Когда меня спрашивают, какое главное доказательство успешности нашей работы, я отвечаю: наши мальчики, присланные к нам принудительно, по постановлению судебных органов, носящие позорное клеймо правонарушителя, через несколько месяцев уже гордятся тем, что они колонисты, да еще горьковцы. Я бы сказал — пожалуй чересчур гордятся, задирают носы, важничают и на всех остальных людей смотрят несколько свысока. Всякий воспитанник, пробывший в колонии 1 год, также и каждый служащий получают от Педагогического Совета почетное звание колониста.

Разрешите более подробно описать нашу колонию. Сейчас мы помещаемся в 10 верстах от Полтавы в имении б. помещиков Трепке. Получили мы это имение еще в 1920 году в совершенно разрушенном виде и до ноября 1924 года ремонтировали его, а сами ютились в старой колонии малолетних преступников, верстах в трех. Истратили мы на ремонт 14 000 рублей и около 20 000 детских рабочих часов.

Колония стоит на реке Коломаке. При ней 40 десятин пахотной земли, 3 десятины луга, парк и сад.

¹ Речь идет о журнале «Огонек» № 26 (117) 1925 г.

В настоящее время в колонии живет 130 хлопцев и 10 девочек (возраст от 14 до 18 лет). Воспитателей 8.

К нашему счастью нас никто никогда не баловал особенным вниманием. Поэтому мы пережили много тяжелых дней. Две зимы хлопцы не имели теплой одежды и обуви, но работы не прекращали. Только с 1923 года, когда мы стали опытно-показательной колонией Наркомпроса УССР, нам стало легче, и мы даже начали обрастать всяким добром. Сейчас мы уже арендуем паровую мельницу, имеем 7 лошадей, 4 коровы, 7 штук молодняка, 30 овец и 80 свиней английской породы. Имеем свой театр, в котором еженедельно ставим пьесы для селян — бесплатно. Театр собирает до 500 человек зрителей.

Живем мы в общем хорошо. Правда, у нас всегда бывает до 30% новеньких, еще не привыкших к дисциплине и труду, которые всегда приносят в нашу общину беспорядочный дух городской улицы, рынка, вокзалов и притонов. Под влиянием дружной семьи более старых колонистов этот дух очень быстро исчезает и только в редких случаях нам приходится приходить в отчаяние.

Колония организована, как открытое учреждение. Кому в ней не нравится, может свободно уходить. В то же время мы завоевали право общим собранием принимать в колонию тех детей, кто к нам непосредственно обращается с улицы.

Все хозяйство колонии находится в руках колонистов. Они владеют всеми кладовыми, амбарами, вообще всеми ключами. Разделены колонисты на 16 отрядов, во главе каждого отряда командир. Совет командиров высший хозяйственный орган колонии.

Нам удалось добиться крепкой дисциплины, не связанной с гнетом. Вообще мы думаем, что нашли совершенно новые формы трудовой организации, могущие понадобиться и взрослым.

В течение года мы выпускаем в жизнь до 40 юношей. Часть из них идет на производство, часть в армию, наиболее способные в рабфаки. Рабфаковцы это наша гордость. По ним равняются, за ними тянутся все живые силы...

Наш день — это строгий до минуты трудовой комплекс. Но почему-то он у нас всегда проходит со смехом и шутками. Особенно оживляемся мы в дни великих праздников. Между ними мы имеем наши собственные праздники. «День первого снопа»¹, когда мы первый раз выезжаем в поле с жнейками, и день «Первого хлеба», когда выпекается первый хлеб из собственного зерна. На эти праздники к нам приезжает много гостей из села, Полтавы и Харькова. Зато 26² марта, в день Вашего рождения, мы не приглашаем никого. Нам всем это страшно нравится. Колония вся украшается флагами и зеленью (сосны у нас свои). В столовой белоснежные скатерти, все в праздничных костюмах, но ни одного чужого человека. Ровно в 12 часов к Вашему портрету торжественно выносятся знамя и вся колония до единого человека усаживается за столы. Всегда в этот день у нас печется именинный пирог. Произносятся короткие, но горячие и душевные речи. В этот день мы ежегодно повторяем:

— Пусть каждый колонист докажет, что он достоин носить имя Горького.

¹ Праздник первого снопа Макаренко описал в «Педагогической поэме» в главе «Первый сноп» (А. С. Макаренко, Соч., т. 1, стр. 569—590).

² Алексей Максимович Горький родился 28 марта 1868 года. Празднование дня рождения А. М. Горького Макаренко описал в «Педагогической поэме» в гл. «Кулацкое воспитание» (см. Соч., т. 1, стр. 283—286).

Обед заканчивается множеством сладостей — это единственный день, когда мы позволяем себе некоторую роскошь.

Знамя у Вашего портрета стоит до вечера и возле него меняется почетный караул из воспитанников и воспитателей. На меня, как заведующего, возложена особая честь нести караул последнему.

Вот и все. Но как раз простота и немногословие делают этот праздник особенно прекрасным. Наши хлопцы, если припоминают что-нибудь, то обыкновенно говорят: «Это было до именин» или «после именин».

Вечером в театре мы все эти 4 года ставим «На дне». Говорят, что хорошо выходит. Пьесу мы знаем почти на память.

И наконец в этот день мы с особенной страстью мечтаем, что Вы к нам когда-нибудь приедете. Часто газеты нас обманывают — пишут, что Вы скоро приедете в Москву. Мы иногда вслух рисуем себе картину: что было бы, если бы Вы приехали к нам на целый месяц.

Мы надеемся, что Вы откликнетесь на это письмо. Если мы от Вас получим ответ и более точный адрес, мы пришлем Вам снимки фотографические из жизни нашей колонии и будем присылать Вам время от времени отчеты о нашей работе. Надежду видеть Вас мы не решаемся претворить в просьбу приехать, так как знаем, что Вам не позволяет приехать здоровье.

Полтава
Колония им. М. Горького
ящ. № 43
А. С. Макаренко

А. Макаренко.

(Архив А. М. Горького, КГ- П 48-2-1)

Гр. А. С. Макаренко!

Примите сердечную мою благодарность за Ваше письмо, очень обрадовавшее меня, а также и за обещание прислать снимки с колонии и колонию. Может быть пришлете и отчет о работе, если отчет имеется?

Мой адрес: Italia. Sorrento. M. Gorki. Италия. Сорренто. М. Горькому.

Есть ли в колонии библиотека? Если есть — не могу ли я пополнить ее? Буде Вы нуждаетесь в этом — пошлите список необходимых Вам книг в Москву, Кузнецкий мост, 12, «Международная книга», Ивану Павловичу Ладыжникову.

Мне очень хотелось бы быть полезным колонии. Передайте мой сердечный привет всем колоницам. Скажите им, что они живут во дни великого исторического значения, когда особенно требуется от человека любовь к труду, необходимому для того, чтоб построить на земле новую, свободную, счастливую жизнь.

Привет работникам, это всегда — самые великие герои в истории человечества, в деле, цель которого — свобода и счастье!

19.VII—25.

М. Горький.

Дорогой Алексей Максимович!

Вчера мы получили Ваше письмо. Я не хочу даже искать слов, чтобы изобразить нашу радость и нашу гордость, — все равно ни одного слова не найду, и ничего не выйдет. Сегодня с утра задождило — бросили молотью и все пишут Вам письма. Кому-то вчера на собрании после чтения Вашего письма пришла в голову мысль: общее письмо никуда не годится, пускай каждый напишет Вам записку. Насилу убедил хлопцев, что Вам будет очень трудно читать столько писем. Тогда решили писать по отрядам — сейчас вся колония представляет нечто вроде «Запорожцев».

Репина, умноженных на 15 — число наших отрядов: такие же голые загоревшие спины и такие же оживленные лица, нет только запорожского смеха. Писать письмо Максиму Горькому не такая легкая штука, особенно, если писаря не очень грамотные. Дождь перестал, и наш агроном, у которого тоже усы еще не успели вырасти, волнуется молча: все же ему стыдно признаться, что молотьба выше всех писем.

Все же я серьезно боюсь, что и письма хлопцев и мое собственное составят для Вас слишком тяжелое бремя, а ничего не поделаешь, — слишком большой зуд рассказать Вам все и как-нибудь описать Ваше великое для нас значение. Вы вот написали: «Мне очень хотелось бы быть полезным колонии». А мне эту строку Вашу даже неудобно читать как-то. Если Вы станете для нас полезным в каком-либо материальном отношении, то это будет профанацией всего нашего чувства к Вам. Я очень хорошо знаю, что это общее наше настроение. Разрешите мне несколько подробнее на этом остановиться.

Наш педагогический коллектив до сих пор одинок в вопросе о значении деликатности по отношению к нашим воспитанникам. С самого начала мы поставили себе твердым правилом не интересоваться прошлым наших ребят. С точки зрения так называемой педагогики — это абсурд: нужно якобы обязательно разобрать по косточкам все похождения мальчика, выудить и назвать все его «преступные» наклонности, добраться до отца с матерью, короче говоря вывернуть наизнанку всю ту яму, в которой копошился и погибал ребенок. А собравши все эти замечательные сведения, по всем правилам науки строить нового человека.

Все это ведь глупости: никаких правил науки просто нет, а длительная вивисекция над живым человеком обратит его в безобразный труп. Мы стали на иную точку зрения. Сперва нам нужно было употреблять некоторые усилия, чтобы игнорировать преступления юноши, но потом мы так к этому привыкли, что в настоящее время самым искренним образом не интересуемся прошлым. Мне удалось добиться того, что нам даже дел и характеристик не присылают: прислали к нам хлопца, а что он там натворил, украл или ограбил, просто никому неинтересно. Это привело к поразительному эффекту. Давно уже у нас вывелись разговоры между хлопцами об их уголовных подвигах, всякий новый колонист со стороны всех встречает только один интерес: какой ты товарищ, хозяин, работник? Пафос устремления к будущему совершенно покрывл все отражения ушедших бед.

Но вне колонии мы не в состоянии бороться со всеобщей бестактностью. Представьте себе: у нас праздник, мы встречаем гостей, мы рады, оживлены, мы украшаем гостей колосьями и цветами, показываем свою работу, хозяйство, демонстрируем свое улыбающееся здоровье и гордо задираем носы, когда выносят наше «наркомпросовское» знамя. Гости приветствуют нас речами. Такими:

«Вот видите. Вы совершали преступления и не знали труда. А теперь вы исправляете и обещаете...»

А был и такой случай:

— Бандиты на вас не нападают?

— Нет, не нападают.

— Хе-хе! Бандиты своих не трогают?

Я не умею описать ту трагическую картину, которая после таких речей и разговоров наступает. Видим ее только мы, воспитатели. Суровая сдержанность, крепкое задумчивое молчание надолго. Никто из колонистов не будет делиться с другим своим оскорблением, но до вечера Вы не услышите смеха, а обычно у нас половина слов произносится с улыбкой.

Мы с большим трудом сбросили с себя официальное название колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Но сбросили для себя только. Иногда хорошие люди пишут о нас статьи в газетах и журналах, статьи хвалебные, но их приходится прятать от хлопцев, потому что начинаются они так (по-украински) «Вчора в колонії малолітніх злочинців...»

Даже не правонарушителей, а «злочинців». Убийц і мошеніков, когда они сидят в тюрьме, называют «заключенными», т. е. определяют их внешнее положение, а детей почему-то «правонарушителями», т. е. пытаются определить их сущность.

Мы поэтому особенно крепко привязываемся к тем людям, которые к нам относятся, как к обыкновенным людям, которые просто разговаривают с нами, не опасаясь за свой карман. И с особенной злостью мы находим утерянные кошельки и забытые портфели и галантно вручаем владельцам...

Я сам не понимаю хорошо, почему в представлении наших хлопцев наше шефское имя является самым убедительным и неотразимым аргументом против смешивания нас с «преступниками», но это так. Отрывок из недавней речи:

— ...вы ничего не понимаете, товарищ. Если вы ехали в колонию малолетних преступников, то значит не туда попали. Здесь колония Максима Горького.

Ваше имя и Ваша личность для нас для всех лучшее доказательство, что мы тоже люди. В день Вашего рождения у нас серьезно ставится девиз «Каждый колонист должен доказать, что он достоин носить имя Горького». А теперь, когда мы почувствовали Вас не только как символ, а как живую личность, когда мы все держали в руках лист, который держали и Вы, и когда мы слышали Ваши слова, обращенные к нам, о свободной и счастливой жизни, нам сам черт не брат. Ваше шефство для нас большое счастье и много, очень много сделано нашими воспитателями только благодаря Вам. Сейчас у нас серьезно ставится вопрос о переводе колонии в новое имение с 1000 десят. и об увеличении ее населения до 1000 детей. Мы ставим единственное условие, чтобы колония осталась горьковской.

Простите, что так много написал.

Отчета печатного у нас нет. Вместо него посылаю Вам книжку Маро¹. В ней на стр. 61—77 описание колонии, правда, немного устаревшее. В конце августа празднуем 5-летний юбилей и готовим юбилейный сборник. Тогда Вам пришем. На днях вышлю Вам большие снимки, а пока посылаю несколько последних любительских.

Теперь мы будем писать Вам часто. За подарок (книги) благодарим Вас крепко, но Вам не нужно думать ни о какой материальной помощи. Вы для нас дороги и страшно «полезны» только тем, что живете на свете. Хлопцы просили у Вас портрет. У нас действительно нет хорошего портрета и достать нигде — есть только маленькие. Большой я сам нарисовал углем по репинскому портрету. Сейчас снимаем копию с портрета в «Огоньке». Но у Вас ведь тоже большого портрета нет.

Если Вы будете в России, Вы когда-нибудь подарите нам знамя. Может быть, Вы не согласитесь со мной, что это будет страшно хорошо. И «полезно». Простите за шутку.

¹ Речь идет о книге Маро (М. И. Левитина) «Работа с беспризорными», изд-во «Труд», Харьков, 1924.

Хлопцы заваливают мой стол своими письмами. И спрашивают: «А это ничего, что мы так написали?» После этого можно еще пять лет поработать в колонии.

А. Макаренко.

[1925 г. август]¹

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—2)

Дорогой А. С.

Я очень тронут письмами колонистов и, вот, отвечаю им, как умею. В самом деле, жалко будет, если эти парни, выйдя за пределы колонии, одиноко разбредутся кто куда и каждый снова начнет бороться за жизнь один на один с нею.

Ваше письмо привело меня в восхищение и тоном его, и содержанием. То, что Вы сказали о «деликатности» в отношении к колонистам, и безусловно правильно и превосходно. Это — действительно система перевоспитания и лишь такой оно может и должно быть всегда, а в наши дни — особенно. Прочь вчерашний день с его грязью и духовной нищетой. Пусть его помнят историки, но он не нужен детям, им он вредит.

Сейчас я не могу писать больше, у меня сидит куча иностранцев, неловко заставлять их ждать. А Вам хочется ответить хоть и немного, но сейчас же, чтоб выразить Вам искреннейшее мое уважение за Ваш умный, прекрасный труд.

Крепко жму руку.

М. Горький.

17.VIII—25.

Sorrento.

Полтава, Колония им. М. Горького.
8 сентября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я опять пересылаю целую кучу писем. Они во всех отношениях неудачны, наши хлопцы не умеют в письме выразить то, что они чувствуют, да это ведь часто и наши взрослые не умеют. К тому же вся наша верхушка в числе 19 человек уехала на рабфаки.

А чувствуем мы много. Ваши письма делают у нас чудеса, во всяком случае делают работу нескольких воспитателей. Простите за такой «рабочий» взгляд на Вас, но ведь Вы сами этого хотели. Нужно быть художником, чтобы изобразить наши настроения после Ваших писем. С внешней стороны как будто нечего протоколировать. Сидит за столом председатель и возглашает: «Слушается предложение Максима Горького!» А в это время зал никак не может настроиться на деловой лад. Глаза у всех прыгают, чувства тоже прыгают, и все это хочет допрыгнуть до Вашего портрета и что-нибудь сделать такое... Ночью в куренях² мечтают о том, как будут Вас встречать, когда Вы приедете, какую Вам дадут комнату, чем будут кормить. Наши хлопцы ведь всегда были одиноки: отцы, матери, дедушки, бабушки — все это растеряно давно, мало кто помнит о них. А любовь у них требует выхода и вот теперь такое неожиданное и великое счастье — можно любить Вас. Раньше у нас был шеф великий писатель Максим Горький, ведь из хлопцев больше половины

¹ В квадратные скобки заключена примерная дата, устанавливаемая по содержанию письма.

² Курень — название войскового подразделения у запорожцев, здесь под куренем автор подразумевает отряд.

не могли Вас ощущать, как писателя. А теперь у них шеф живой человек, великий тоже, но не писатель, а человек, большой и расточительно-ласковый по отношению к нам, на зло всем милиционерам, которые нас «тыряли» по участкам и угрозыскам.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев»¹ обещает сделать-ся чем-то в высшей степени интересным. Специальная комиссия заканчивает устав, который после принятия его общим собранием будет Вам прислан на утверждение. Вы подняли вопрос самый важный в нашем быту. Неверное будущее, полное неизвестности и новых страданий, основательно портит наши теперешние дни. Патронирование выпущенников налаживается с трудом, в особенности в таком захолустьи, как Полтава.

Хлопцы писали Вам под впечатлением юбилейного праздника, но едва ли из их писем Вы этот праздник представите себе. Нас чествовали, как следует. Были гости из Харькова, 8 сотрудникам, работающим в колонии с самого начала, Полтавский окрисполком наделил подарками. Наркомпрос мне дал звание «красного героя труда», а Полтава командирует меня в «научную» командировку в Москву и Ленинград на два месяца, на какое дело ассигновали 200 рублей. К сожалению, едва ли я этой командировкой воспользуюсь: не умею осторожно тратить деньги, а поэтому мне нехватит, самое же главное, не сумею на такое долгое время бросить колонию — за пять лет я не оставлял ее больше, как на 2—3 дня. Сейчас же у нас обычный осенний кризис. Старики-колонисты ушли учиться, а на их место присылают новых. Переварить два десятка совершенно разболтавшихся, разленившихся, диких хлопцев трудно. По опыту я знаю, что нужно не меньше 4-х месяцев, чтобы увидеть на их мордах первую открытую человеческую улыбку доверия и симпатии. В особенности трудно с новыми девочками. Пережившие всякие ужасы, вступившие на путь проституции, озлобленные, вульгарные, они очень нескоро начинают нас радовать. С ними не с чего начать, у них нет совсем уважения к себе и нет никаких надежд.

По закону в колониях, подобных нашей, запрещено совместное воспитание. Я добился давно присылки девочек в качестве опыта, и теперь именно совместное воспитание много мне помогает. В настоящее время я вожусь с 17-летней девочкой Крахмаловой. На ее глазах, когда ей было 11 лет, ее мать убили, облили керосином и сожгли. Крахмалова после того перебивала во многих притонах, тюрьмах и колониях, отовсюду бежала, везде обкрадывала. У этой девочки прелестное лицо, невинное и серьезное, но взгляд жесткий и какой-то остановившийся. Она у нас живет с месяц, послушна и вежлива; но я не знаю, с какой стороны к ней подойти. На авось, просто по чутью, я просил воспитателей не обращать на нее никакого внимания, держать строго деловой и вежливый тон, чуждый лишнего слов и сентиментов. Только к концу месяца я наконец поймал первый ее внимательный взгляд, в котором жажда тепла смешана с гордой осторожностью. В этот именно момент я дал ей ключ от своей комнаты и поручил принести портфель, но... она отказалась от ключа и убежала, а теперь смотрит еще более внимательно, но страшно угрюмо и дико... Жду чего угодно.

Простите, что я разболтался. Вы теперь страшно заняты, мы это знаем по Вашему письму акад. Ольденбургу², а мы надоедаем Вам своими письмами и своими буднями. Все мы очень хорошо знаем, что посту-

¹ «Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» было организовано в колонии им. М. Горького по предложению Алексея Максимовича Горького.

² Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934), академик, востоковед.

паем эгоистично, но ничего с собой поделаться не можем. Мы эгоистичны, как дети, а Вы такой родной и наш «собственный». Один из наших пацанов так и говорит:

— Когда Горький приедет, так он уже у нас будет жить?

А другой отвечает:

— Вот, если он приедет, так такое будет! Он никуда и не захочет ехать. Он тогда уже будет совсем нашим.

Посылаю Вам снимки нашего юбилея. Получили ли Вы посылку с снимками и книжкой?

Не чересчур ли мы надоедаем Вам? Если будете нам писать, то одну-две строчки, не обращайтесь внимания на наши аппетиты.

Будьте здоровы и радостны.

Полтава
почт. ящ. № 43

А. Макаренко.

(Архив А. М. Горького, КГ-П 48-2-3)

А. Макаренко

Получил письмо колонистов и Ваше, очень радуюсь тому, что отношения между мною и колонией принимают правильный характер. Я прошу и Вас, и колонистов писать мне всякий раз, когда это окажется желаемым, — а тем более, — нужным.

Я послал колонии снимки Неаполя и Сорренто, получили Вы их? И написал в Москву, чтоб колонии выслали все мои книги.

Мне хотелось бы, чтоб осенними вечерами колонисты прочитали мое «Детство», из него они увидят, что я совсем такой же человек, каковы они, только с юности умел быть настойчивым в моем желании учиться и не боялся никакого труда. Веровал, что действительно: «учение и труд все перетрут».

Очень обрадован тем, что мой совет устроить общество взаимопомощи понравился Вам и колонистам. Надо бы обратить особенное внимание на помощь тем из них, которые пошли в рабфаки, — рабфаковцам живется особенно трудно, не так ли?

Скажите колонистам, приславшим мне письмо, что я сердечно благодарю их, но ответить им сейчас же не имею возможности, очень занят. Желаю им всего доброго и бодрости духа. Вам — тоже.

Будьте здоровы.

М. Горький.

[Начало 1926]

Полтава, Колония им. М. Горького.
24 ноября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я надеюсь, что Вы не будете на меня сердиться за то, что я на время прекратил поток наших писем к Вам. Мы чересчур злоупотребляли Вашим расположением к нам и, вне всякого сомнения, много отнимали у Вас дорогого времени. Хлопцы немного дулись на меня за то, что я решительно запротестовал против целых ворохов бумаги, которые они опять наладили в Сорренто. Я считаю, что только изредка мы имеем право беспокоить Вас и то должны чувствовать угрызения совести.

В колонии сейчас хорошо. Наша злоба дня переезд в Запорожье¹.

¹ Антон Семенович Макаренко описал этот эпизод в «Педагогической поэме» в гл. «Запорожье» (см. Соч., т. I, стр. 383—394).

Уже давно мы хлопотали о переводе нашей колонии на какой-нибудь простор. В этом вопросе не только хозяйственное устремление. По моему мнению, наше советское воспитание так, как оно определяется в нашей литературе, и в особенности, как оно сформировалось на практике, не представляет ничего ни революционного, ни советского, ни просто даже разумного. Мы оказались без определенной системы, без строгой линии, а самое главное, без какого бы то ни было воспитания. Наши педагоги просто не знают, что они должны делать, как держать себя, а наши воспитанники просто живут в наших детских домах, т. е. едят, спят, кое-как убирают после себя. Картина очень печальная. В Управлениях люди зарылись в чисто материальные планы, в статистику и отчеты, а на фронте кое-как вольтят, чтобы благополучно провести день до вечера без скандалов. Нельзя никого винить в этом. Мы перекроили нашу жизнь по новым выкройкам, которые давно были заготовлены, а о воспитании и о его планах никто у нас серьезно не беспокоился...

Наш коллектив, разумеется, не скоро мог решиться заговорить о ре-визии нашего соцвоса, но на деле уже с 20-го года мы конструировали свою линию, конструировали исключительно в опытном плане... Результаты оказались более удовлетворительными, чем мы ожидали, и в то же время совершенно неожиданными. В Харьковском институте народного образования, где наш опыт особенно пристально рассматривался, есть группа наших противников, которая меня иначе не называет, как «атаманом шайки».

Тем не менее я решился настаивать на правильности нашего пути и представил в Наркомпрос проект. Главную его мысль является утверждение, что воспитание должно быть организовано как массовое производство, в огромных коллективах, хозяйственно ответственных и самостоятельных, в то же время конструированных без всякой романтики и предвзятых догматов... Мой проект был поддержан фактически успехом нашей колонии и бросающейся в глаза спаянностью всей нашей общины. Так или иначе, а к настоящему дню мы уже имеем постановление о преобразовании нашей колонии в Центральную для Украины. Предлагают нам имение Попова в 30 верстах от Александровска. В имении 1200 десятин пахотной, какой-то прекрасный дом — замок. Имение сейчас занято коммуной «Незаможник», но коммуна страшно задолжалась, дом развален, в итоге мы принимаем наследство чаеоторговца. В субботу выезжает наша комиссия для осмотра имения. Вы не сможете себе представить, какой у нас подъем. Хлопцы на собраниях встречают меня аплодисментами. Интересно: нам было предоставлено на выбор: либо имение Попова либо князя Голицына под Харьковом (500 десят.). Голицынское вполне исправно. Голосование общего собрания дало за Запорожье 111 голосов, за Голицына 27. Мотивы такие: дальше от центра, больше земли, близко Днепр.

Дело поднимаем трудное. Я не сентиментальный человек, но меня до слез трогает моя шайка. Казалось, чего бы нужно. Четыре года мы восстанавливали руины здесь. Наполовину зимою ходили босые и раздетые. Теперь у нас все в порядке, чистота и уют, свое электричество и даже прибыль — 120 английских свиней и прочее. А вот вот все же бросают это и едут на новые места в разваленный дворец, в опустошенную степь.

Но зато 1200 десятин. Какой там размах будет, дорогой Алексей Максимович! Хлопцы знают, что будет трудно. Для того, чтобы обработать 1200 десятин с нашими 120 хлопцами, нужны тракторы, сноповязалки, паровые гарнитуры, много всего прочего. Дворец стоит без окон и дверей (незаможники жили в конюшне). Один посев будет стоить больше 10 000 рублей. Наркомпрос, конечно, нам денег не даст,

какой ему смысл давать да и нет их у него в таком количестве. Единственный выход — кредитная операция и труд. Значит, нам в первые годы предстоят солидные лишения, и хлопцы об этом хорошо знают. И все же они все как будто начинены ракетами и выстрелами, и нас, «педагогов», увлекают за собой.

Простите, что пишу о таких вещах, которые, может быть, только для нас интересны, но так хочется, чтобы и Вы представили наши радости и поняли нас. Ведь для нас так важно, страшно важно, что на месте вольницы запорожской мы поставим флаг с Вашим именем. У нас уже и сейчас решено, что мы будем хлопотать о переименовании ст. Полово в станцию «Колония им. М. Горького».

Занимаемся усиленно и довольно интересно. Рабфаковцы все идут хорошо. Спасибо, что Вы беспокоитесь о них. Мы им помогаем деньгами и вещами. Живут они хорошо. Писали нам о том, что писали Вам.

Желаю Вам здоровья и хорошего настроения.

А. Макаренко.

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—4)

Колония им. М. Горького
10 февраля 1926 года.

Дорогой Алексей Максимович!

Вы меня так расхвалили в Вашем письме от 13 декабря, что я постеснялся даже показать письмо Ваше хлопцам, сказал им только, что Вы переехали в Неаполь, что Вы нездоровы и что Вы передаете им привет. От частых и обильных писем я продолжаю хлопцев удерживать. Сейчас у нас такой порядок, что письма Вам будут посылаться только по постановлению Совета Командиров. Иногда мне кажется, что когда Вы получаете наши листы, то должны хвататься за голову, а потом принимают валерьянку. У Вас такая большая напряженная работа, Вам так мешают всякие посетители, а тут вдруг почтальон приносит письмо Ваших провинциальных родственников. Мы искренно сочувствуем Вам, дорогой Алексей Максимович, и удивляемся, что Вы так терпеливо и так ласково нам отвечаете, но в то же время мы ничего не можем сделать с собой, от природы, как и всякие провинциалы, мы эгоисты и должны писать Вам о поросятах и о бешеных собаках. Мы прекрасно знаем, насколько мы большие эгоисты, ибо мы сознательно пользуемся своим исключительным правом любить Вас. Вы нам раз навсегда простите нашу надоедливость и считайте в числе крестов, выпавших на Вашу долю, Полтавскую колонию. Вы же знаете, что мы уверены, что Вы когда-нибудь к нам приедете. Как видите, мы и до этого доходим.

Живем мы «средне». С Запорожьем заминка, кажется, просто волокита. Коммуна незаможников, сидящая в имении Попова, просто не спешит ликвидироваться. До тепла досидит, а с теплом поцарапает букерами десятин сорок. Ее не может особенно беспокоить, что сотни десятин останутся не возделанными. Мы не имеем никаких рук и связей и можем давить только нашим делом... Если нынешняя волокита окончится ничем, нам остается только два пути: или обратиться к Петровскому с деловой истерикой или занять Запорожье явочным порядком. Последний план вовсе не шутка и, представьте, он вероятно принесет и наибольшую пользу. Просто достанем где-нибудь две тысячи, погрузимся в вагоны и выгрузимся в Запорожье. Замок Попова стоит пустой, значит поселиться будет где, а за лето что-нибудь сделаем. Обращение к Петровскому может помочь только в том случае, если мы сумеем уве-

рять его, что наш план достоин внимания. А у нас план огромный и с первого взгляда может показаться химерой...

Нужно создавать новую педагогику, совсем новую. Наш коллектив чувствует себя в силах принять участие в этом создании, и мы уже много сделали за 5½ лет. Но первое, что нам нужно, это свобода от делопроизводителей, свобода от всякого хлама, которым мы завалены, а потом уже мы легко избавимся и от педагогических предрассудков. Вот почему мы и стремимся в Запорожье. Там экономическая мощь и общий размах помогут нам посадить бухгалтеров на их место.

То обстоятельство, что вместе с нами стремятся и все хлопцы, страшно нас поддерживает и внушает веру в успех.

Сейчас мы живем в большом нервном напряжении и тревоге. Каждое письмо, каждая телеграмма из Харькова возбуждают надежды и разочарование. Большая радость жить в таком движении.

Альбомы Сорренто и Неаполя мы получили. Вы нас балуете своим вниманием. В одном только хлопцы разочарованы — видно только крышу Вашего дома, а у нас огромный интерес к Вашей частной жизни, винюваты, каемся.

«Общество взаимопомощи колонистов-горьковцев» еще не имеет устава. Не хочется его делать здесь. Все кажется, что Запорожье нам откроет невиданные просторы в этом деле. Фактически несколько пунктов проводятся в жизнь. Мы уже разыскали около четверти бывших воспитанников, некоторым оказывают помощь. Рабфаковцы все поддерживаются.

Простите большое письмо. Чисто провинциальная манера, ничего с собой поделывать не можем.

Желаем Вам полного выздоровления и всякой радости.

А. Макаренко.

Ваша похвала мне может меня заставить действительно взять Запорожье штурмом. Никогда в жизни мне никто таких слов не говорил. А все-таки хвалить человека особенно крепко не стоит. Он от этого начинает «воображать».

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—5)

Полтава, Колония им. М. Горького
25 марта 1926 года.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам большое за заботу о нас. Возможно, что объективно мы не заслужили такого внимания. Ваше предложение... вызвало у нас целую дискуссию, которая заняла целую неделю. На первом общем собрании голоса поделились. 69 высказалось за то, что мы имеем право воспользоваться Вашей помощью, 66 за то, что так поступить мы не должны. Я отказался руководиться мнением такого незначительного большинства и предложил хорошенько продумать вопрос прежде, чем голосовать. После этого в течение 4-х дней мы вели горячие споры. Представители большинства доказывали, что наше стремление в Запорожье есть здоровое стремление, которое пойдет на пользу всего государства, а поэтому мы должны воспользоваться помощью Вашей. Представители противоположной точки зрения, по моему мнению, были все-таки правы. Они говорили:

— Хотите иметь помощь, так выбирайте шефом Госбанк или Совнархоз, а если Вы имеете шефом Горького, то не воображайте, что вы мо-

жете надоедать ему своими делишками. Не хитрая штука, что Горький напишет письмо и вам поднесут Запорожье. Зачем нам тогда работать, было б с самого начала обратиться к Горькому и нам бы все дали. Мы добиваемся Запорожья потому, что мы его заслужили.

— В какое положение Вы ставите Горького. Почему он будет просить за нас? Потому что мы носим его имя? А если мы оскандалимся с Запорожьем?..

А откуда Горький знает, какие мы? Из наших писем? Какое мы имеем право ставить Горького в такое положение.

Я любовался своими хлопцами...

В колонии мне всегда приходилось доказывать, что мы не можем профанировать Ваше имя в нашем собственном представлении принятием от Вас материальной помощи. Это означало бы, что мы чересчур носимся с собой, это значит, что мы себя недостаточно уважаем.

В данном споре я и воспитатели держались совершенно таинственно, хотя мою точку зрения многие чувствовали. На втором собрании картина получилась иная. За Вашу помощь 27, против 101.

Двадцать семь пробовали продолжить войну.

— Ну, как теперь написать Горькому. Он нам предлагает помощь, а мы важничаем!

Вы нас должны понять, Алексей Максимович. Как раз Вы, одни во всей мировой литературе, сумели сказать, что человек это прекрасно. И другие пробовали говорить это, но у них человек получался или вроде петуха, или вроде сумасшедшего, только у Вас человек сумел свою гордость совместить с любовью к людям и с трепетным уважением к чему-то высшему. Может быть, в моих словах эта экскурсия в литературу звучит дико, но ведь Вы меня между строк поймете.

А для нас так хорошо ощущать Вашу близость к нам во всей ее чистоте. Ну в самом деле, разве можно Вам кого-то просить о каком-то Запорожьи. Для таких дел есть другие люди. Вы нам могли оказать эту помощь, потому что Вы многим помогаете, мы это хорошо знаем, но нам, имеющим честь носить Ваше имя и честь быть с Вами в общении, нужно избавить Вас от всякой заботы.

Может быть и впереди нам придется описывать Вам свои нужды, это так естественно, но никогда Вы не читайте в наших письмах необходимости нам помогать. С нашей стороны было бы просто гадко смстреть на Вас, как на человека, который может нам принести пользу.

От Запорожья мы отказались (даже телеграфно). Запорожский Окрисполком не желает нас пускать на свою территорию, боится, что колонисты «терроризируют население». Поэтому он значительные куски уже роздал кое-кому. У нас была еще возможность надеяться — мы передали дело в Совнарком Украины, но и Совнарком отказал нам — слишком дорогой ремонт требуется. Совнарком (какая-то комиссия Совнаркома) уверен, что мы с ремонтом не справимся. Дальше идти уже некуда. Теперь мы требуем себе место под Харьковом. Нам предлагают имение б. Куряжского монастыря¹ в 7 верстах от Харькова. В имени этом сейчас детская колония, в педагогическом отношении яма, ужаснее которой я не видел в жизни. Мы соглашаемся переехать туда со всем имуществом с условием, чтобы нам оставили из тамошних колонистов не более 200 и убрали куда-нибудь весь персонал. Наш Наркомпрос приходит в ужас — боится, что мы не только ничего не сделаем с этими двумястами, но и сами потеряем свою стройность и дисциплину. Посмотрим. Дело, кажется, выгорит. Задача страшно трудная, но у нас есть еще пафос.

¹ Антон Семенович Макаренко в «Педагогической поэме» описал переезд колонии в Куряж. (См. Соч., т. I, стр. 415—568).

Сегодня мы чистимся, моемся, штукатурим, красим. Сейчас 10 часов вечера, а все в колонии работает и поет. Зарезали целое стадо гусей. К сожалению, не можем поставить пьесу, так как окружены на своей горе со всех сторон водой. Страшно досадно. У нас уже приготовлены «Враги». Завтра в 2 часа «обед со знаменем», речи, декламации, а вечером моя лекция о детских типах в Ваших произведениях. К сожалению, некогда написать даже хороший конспект, а подумать пришлось много. У меня есть способность разбираться в художественных данных, но в условиях моей жизни разобраться в целом море Ваших детских лиц, страшно трудно. Поэтому я, вероятно, буду нести ересь. Но ведь меня будут слушать только наши хлопцы и воспитатели.

Простите за такое длинное письмо.

Преданный Вам А. Макаренко.

Мы получили прекрасные альбомы из Москвы от Е. П. Пешковой¹. Как Вас благодарить за ласку. В марте в нашей школе были разработаны комплексы для младших: «Где живет Горький», для старших «Италия». Альбомы эти мы изучили вдоль и поперек. Но... только крыша Вашего дома в Сорренто говорит прямо о Вас...

А. М.

Полтава, ящик 43.
Колония им. М. Горького

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—6)

Полтава 8 мая 1926 года.

Дорогой Алексей Максимович!

Только вчера окончилась страстная борьба за Куряж. Я уже Вам писал, что потерпев поражение в войне за Запорожье, мы поставили вопрос о передаче нам имения б. Куряжского монастыря в 7 верстах от Харькова. В первые же дни вопрос как будто был решен окончательно, но потом нашлись другие претенденты и заварилась целая каша, потому что «Засватана дівка всім гарна». Харьковская Комиссия Помощи детям, которой принадлежит нынешняя весьма неудачная колония в Куряже, не хотела передавать колонию нам, главным образом, потому, что не хотела признать своей неудачи и надеялась в будущем поправить дело. Мы требовали от комиссии 20 000 рублей на ремонт домов, приведенных в негодность. Комиссия соглашалась дать нам 50 000, но с тем условием, чтобы колония попрежнему называлась «Куряжской колонией им. 7 ноября» и была ответственна перед Помдетом. На общем нашем собрании единогласно было заявлено категорическое требование, чтобы колония называлась «Харьковской колонией им. М. Горького» и подчинялась Наркомпросу. Помдет на это не согласился, и, пользуясь тем, что ставки жалованья Наркомпроса очень малы (воспитатель у нас получает 48 рублей), гораздо ниже ставок Помдета, предложил перейти в Куряж нашему персоналу. Когда наши хлопцы узнали об этом, возмущению не было границ. Воспитателей стали подозревать в желании «продать Горького». Нужно сказать, что эти подозрения были неосновательны. Разумеется, каждому лучше жить под Харьковом и получать 90 рублей, но без меня и без наших хлопцев ехать в Куряж на растерзание 200 ма-

¹ Екатерина Павловна Пешкова — жена А. М. Горького.

лыми хулиганами никто бы не решился. Независимо от этого каждому воспитателю имя Ваше дорого, как наше знамя.

В последнем счете мы одержали победу. Договор подписан. Копию Вам посылаю. У нас страшный подъем.

В то же время мы переживаем очень большое напряжение. В Куряже все работники снимаются. 200 детей, какие там имеются, представляют из себя огромный клубок копошащихся в грязи распущенных подростков, привыкших к пьянству и матерной ругани. Перебросить в Куряж наших 130 хлопцев немедленно, значит создать там сразу два враждебных лагеря. Наши будут задирать носы и задаваться, куряжане от стыда и старого озлобления будут смотреть на нас, как на завоевателей. Поэтому я решил ехать один. Надеюсь, что мне удастся заразить куряжан хоть небольшим пафосом, увлечь моей верой в их человеческую ценность (Вашей верой). Тогда они смогут встретить наших хлопцев с некоторым достоинством, тем более, что я постараюсь их организовать и поставить на работу.

Не скрою, я немного побаиваюсь. Мне еще не приходилось сразу нагружать свою волю и нервы такой массой человеческого несчастья, принявшего уже формы застаревших язв.

Завтра я с двумя воспитанниками выезжаю в Куряж принимать колонию. Вам будем сообщать о нашей работе.

Разрешите в этот критический и, может быть, самый интересный момент в жизни нашей колонии приветствовать Вас от имени всей колонии и благодарить за ту энергию и бодрость, которую сообщает нам одно Ваше имя, не говоря уже о живом общении с Вами.

Преданный Вам А. Макаренко.

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—7)

Дорогой Алексей Максимович!

Пишем из Куряжа. Сюда собрался первый наш эшелон — 4 воспитателя, 11 воспитанников и старший инструктор. Вот уже две недели спим на столах и кое-как организуем новую жизнь. Трудно представить себе большую степень запустения хозяйственного, педагогического, просто человеческого. 200 детей живут не умываясь, не зная что такое мыло и полотенце, загаживают все вокруг себя, потому что нет уборных, ствыкли от всякого подобия работы и дисциплины. Но дети в общем хорошие, мы надеемся, что за лето их удастся привести в некоторый порядок. Очень надеемся на организующее влияние горьковцев. Послезавтра они уже грузятся в вагоны и числа 27-го, вероятно, будут здесь. Как нашим хлопцам, так и работникам придется, вероятно, еще долго жить во временной обстановке, т. к. здания все крайне запущены, требуют большого ремонта.

Жизнь начинается интересная и страшно напряженная. Самая главная задача — изжить потребительскую философию наших новых питомцев. Ко всему они подходят с единственным вопросом: нельзя ли потребить? Очень любят лечиться: приблизительно 30% больных всякими болезнями. Мы надеемся, что огромная работа по ремонту и развитию хозяйства поможет нам перевести эту философию на рабочие рельсы.

Положение наше затрудняется тем, что борьба за Куряж еще и не окончена. Наши враги пустили в дело последнее средство — пытались опорочить Полтавскую колонию и добились даже посылки в Полтаву

представителя РКИ для обследования. Это очень понизило было наше настроение — просто стало обидно. Разве можно обследовать колонию, которая вся запакована в ящики, откуда уже уехал заведующий и большая половина персонала?

Теперь к этой обиде привыкли. Как-то хочется смотреть больше вперед.

Мешают очень церкви, колокольни бывшего монастыря в самом центре нашей усадьбы. В главном храме совершаются служения, и мы представляем соединение двух стихий несоединяемых. Нужно много положить энергии, чтобы добиться сноса церкви.

К нам вчера вечером приехали гости Софья Владимировна Короленко¹ и заведывающий Полтавской колонией им. Короленко Ф. Д. Иванов. Они являются нашими наследниками — занимают нашу полтавскую усадьбу. Вчера они меня «накрыли». В Полтаве мы сторговались, что посевы мы уступаем им за 1600 рублей, а в Харькове они завлекли меня в кабинет к важному лицу, и я, по своей провинциальной скромности, принужден был уступить посевы за 1200 рублей. За это я их тут же в кабинете выругал «интеллигентами».

Но люди они страшно хорошие и так приятно, что они навестили нас в нашей яме.

Дорогой Алексей Максимович, к Вам большая просьба: если Вам не трудно и если Вы находите удобным, напишите несколько слов благодарности президиуму Харьковского Окрисполкома... Они оказали нам огромное доверие, защищая нашу колонию и выдержав большую борьбу из-за нашего перевода. Это обстоятельство в особенности понуждает нас все сделать, чтобы колония Вашего имени и под Харьковом справилась с задачей.

Будьте здоровы. Приветствуем Вас в самый критический момент нашей работы.

Преданные Вам горьковцы.
А. Макаренко.

Наш новый адрес: Харьков, Песочин, Почтов. Отделение. Колония им. М. Горького.

[1926 г. май]

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—8)

А. Макаренко.

Сердечно поздравляю Вас и прошу поздравить колонию с переездом на новое место.

Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам!

Прекрасное дело делаете Вы, превосходные плоды должно дать оно.

Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избородили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полужвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни.

¹ Софья Владимировна Короленко — дочь писателя Владимира Галактионовича Короленко.

Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиваться и расцвести, чтобы она обогатила землю еще большими чудесами.

Привет.

Sorrento
3.VI.26.

М. Горький.

Харьков, 16 июня 1926.

Думали ли Вы, дорогой Алексей Максимович, что Ваше письмо будет поворотным пунктом в истории нашей борьбы с Куряжской разрухой. С воскресенья 13 июня у нас совершенно новое настроение и новая работа. Ваше письмо получено в субботу. Как раз на воскресенье был назначен мой доклад о Вас. Мне посчастливилось быть в ударе. Ребята в течение 2½ часов были захвачены рассказом о Вашей жизни. Очень помогли выдержки из «Детства» и «В людях», которые были мною прочитаны. Страшно Вы понравились куряжанам. Много задавали вопросов, и каждый захотел подержать в собственных руках Ваше письмо. Потом целый день толпились возле Вашего портрета, который мы выставили только утром.

После доклада я прочитал Ваше письмо. Когда я читал его при получении, мне казалось, что запущенные, одичавшие ребята не поймут великой любви Вашей к Человеку и Вашей веры в человеческую культуру, и я думал, что мне придется много им объяснять, но когда я прочитал письмо на общем собрании и увидел, как блестели глаза набежавшей слезой, я понял, что эти оборванные худые дети тоже имеют отношение к человеческим идеалам и что это Вы силою своего слова заставили их это почувствовать.

Вечером все писали Вам письма. Интересны письма куряжских отрядов, если у Вас найдется время, может быть, Вы их прочитаете (Это отряды 9, 16, 17, 18, 19, 20, 22). Многие хотели писать отдельно от отряда, но им не позволили. Только письмо Котова я посылаю, ибо он ни за что не хотел помириться с запрещением и представил мне письмо в запечатанном конверте, спросил, сколько нужно марок, и ходил целый вечер по колонии, упрасивал всех воспитателей позаимствовать ему 28 копеек на марки.

В понедельник все мы поражались величиною радости и энергии, с которой ребята работали и жили. Впервые здесь мы вздохнули с облегчением. Нужно при этом отметить, что куряжане взялись за работу даже охотнее полтавцев, хотя, конечно, далеко уступают им по выдержке и умению работать. Благодаря «горьковскому» дню, как наши воспитатели называли воскресенье, первый, самый тяжелый, период овладения Куряжем окончился вдруг в один день нашей блестящей победой. Сейчас мы живем уже хорошо. Начали бороться с грязью, красим, штукатурим, моем. К сожалению, куряжское голое состояние совершенно растворило наши запасы одежды, и вид мы имеем кромешный. Очень много страдаем от паразитов. Окончательно очиститься успеем, вероятно, только осенью, т. е. сейчас каждую лишнюю копейку ухлопываем на ремонт. Хочется кое-что сделать и в организации мастерских, а в особенности свинарни, молочной фермы и оранжереи. Зато цветники мы уже разбили везде, где успели убрать сор. Монастырские стены, которым 212 лет, развалили. От этого стало больше света и воздуха, расширился двор, открылись прекрасные виды на всю долину. По секрету Вам, как родно-

му, признаемся, что думаем блеснуть на празднике Первого снопа¹ и после этого выцыганить что-нибудь.

Настроение у всех прекрасное, жизнерадостное — хорошо строить — Вы ударили нас по самому человеческому месту.

По Вас прямо скучают. Как будто раньше видели Вас и давно уже пора повидаться. На Вашем портрете разглядывают морщинки и спрашивают, какого Вы роста и какой у Вас голос. Я говорю, что Вы высокий, худой, говорите басом, очень сердитый и страшно добрый. А какого цвета Ваши усы, затруднился определить. Мечтают все о Вашем приезде. В тех шершавых письмах, которые хлопцы Вам шлют (плоды обучения на «родном» языке), они пишут правду. 15-й отряд (они гордятся тем, что ближе всего к Вам — работают в пекарне) прекрасно, хоть и глупо, выражает общие чувства: «В эту минуту готовы обнять Вас в своих молодых, но крепких объятиях и крепко расцеловать». Если Вы к нам приедете, то Вам придется плохо, потому что некоторые обладатели молодых, но крепких объятий производят очень внушительное впечатление. Но что же делать, дорогой Алексей Максимович? Я сам, кажется, забыл свою давнюю любовь к Вам, как к писателю, а люблю сейчас Вас, как мальчишка.

Мы все очень тронуты Вашим письмом к Г., у нас у всех тепло на душе, как будто нашли крепкую любящую руку отца, которая нам поможет и защитит и приласкает. Только Вы напрасно, дорогой Алексей Максимович, хвалите меня (письмо напечатано в газетах)². Я боюсь личной известности, страшно боюсь и, кроме того, совершенно не заслуживаю особенного внимания Вашего. Я потому и отдался колонии, что захотелось потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном и идущем вперед, а в то же время и русском, с размахом и страстью. Задача как раз по моим силам. Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае, из детей. Раствориться в нем, погибнуть лично — лучший способ рассчитаться с собой. Мне удалось посвятить этот коллектив Вам — вот тот великий максимум, о котором я только мечтал...

Простите, что я о себе. Мое желание, чтобы Вы меня поняли, конечно же никуда не годится — мы не имеем права затруднять Вас такими пустяками. То что наша жизнь так крепко связана с Вашим именем — мы переживаем, как совершенно незаслуженную милость к нам кого-то — судьбы? Но мы Вас крепко любим, так крепко, что стесняемся Вам об этом говорить, а вдруг Вы этих сентиментов не любите.

Простите, что так много мы все написали. Спасибо Вам, что живет Ваша душа у нас, живая, родная, мы так ее прекрасно чувствуем.

Преданный Вам А. Макаренко.

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—9)

Балуете Вы меня, Антон Семенович, похвалами Вашими. Ведь я знаю, что для колонии я не делаю ничего, что, хоть немного, облегчило бы жизнь и работу колонистов. Не делаю, да и не могу ничего

¹ Праздник Первого снопа описан А. С. Макаренко в «Педагогической поэме» (см. т. I, стр. 569—590).

² А. М. Горький по просьбе Макаренко написал письмо из Сорренто (Италия) председателю Харьковскому окрисполкома. Письмо опубликовано в газ. «Известия» от 16 июня 1926 г. В этом письме А. М. Горький писал: «Хотя я знаком с колонией только по переписке с ее ребятами и заведующим ее А. С. Макаренко — человеком, видимо, исключительной энергии и крепкой любви к делу, но мне кажется, что колония заслуживает серьезнейшего внимания и деятельной помощи».

делать. Вот, разве посылать Вам для библиотеки книги, переводы с иностранных языков, прочитанные мною? Книг таких набралось бы не мало. Хотите? Буду посылать.

Очень волнуют меня милые письма колонистов, с такой радостью читаю я эти каракули, написанные трудовыми руками. Пожалуйста — прочитайте им мой ответ.

Вас я крепко обнимаю, удивительный Вы человечище и как раз из таких, в каких Русь нуждается. Хоть Вы похвал и не любите, но — это от всей души и между нами.

— Будьте здоровы, дорогой дружище.

12.VII.26.
Sorrento

А. Пешков.

P. S. А что, как живет та диконькая девица, о которой Вы мне писали? Помните — недоверчивая, все молчала? Напишите о ней¹.

А. П.

Дорогой т. Макаренко —

обладая способностью «воображать», я, разумеется, представлял себе, как должно быть трудно Вам командовать тремя сотнями юношей, не очень склонных к дисциплине и организованному труду. Но — представляя это, — я, конечно, не могу *почувствовать* всю сложность Вашего положения.

А, вот, теперь я это чувствую и — понимаю. Научили меня почувствовать и понять, что такое Вы и как дьявольски трудна Ваша работа, — два бывших воришки, авторы интереснейшей книги «Республика Шкид». «Шкид» — сокращенное название «Школы имени Достоевского для трудно воспитуемых». Они — воспитанники этой школы — описали ее быт, свое в ней положение и изобразили совершенно монументальную фигуру заведующего школой, великомученика и подлинного героя Виктора Николаевича Сорина. Чтоб понять то, что мне от души хочется сказать Вам, — Вам следует самому прочитать эту удивительную книгу.

Я же хочу сказать Вам вот что: мне кажется, что Вы именно такой же большой человек, как Викниксор, если не больше его, именно такой же страстотерпец и подлинный друг детей, — примите мой почтительный поклон и мое удивление пред Вашей силой воли. Есть что-то особенно значительное в том, что почувствовать Вас, понять Вашу работу помогли мне такие же парни, как Ваши «воспитуемые», Ваши колонисты. Есть — не правда ли?

Ну, вот и все, что мне хотелось сказать Вам.

Прочтите «Республику Шкид», издано Госиздатом, — напишите мне Ваши мысли об этой книге и о главном ее герое Викниксоре.

Крепко жму руку.

М. Горький.

P. S. Само собою разумеется, что Вы можете пользоваться для сборника моими письмами. Портрет выслан Вам из Москвы.

Колонистам — пишу, прилагаю письмо для них.

И еще раз — жму Вашу руку.

28.III.27.
Sorrento

А. П.

¹ А. М. Горький имеет в виду письмо А. С. Макаренко от 8 сентября 1925 г., в котором Макаренко описал случай с Крахмаловой.

Харьков, 25 февраля 1928.

Дорогой Алексей Максимович!

Мы страшно много пережили за последние полгода, много работы и много борьбы и чуть-чуть не погибли. Еще и сейчас наше положение опасно. Хуже всего то, что я начинаю чувствовать усталость.

Разрешите рассказать Вам все по порядку.

В июле и в августе развал в детских колониях и городках достиг высшей точки. Почти не было колоний, которая не была бы отягчена актом прокуратуры или Р. К. И.

В это время мне предложили объединить работу всех 18 колоний Харьковского округа. Я не мог принять это предложение без определенных условий. Семь лет работы в горьковской колонии сделали-таки из меня специалиста по беспризорным и правонарушителям. Я поэтому мог представить органический план широкой реформы организации этих ребят с таким расчетом, чтобы они составили единое для округа общество, объединенное не только общим управлением, но и общим планом работы, общими внешними формами быта, общим хозяйствованием, взаимной помощью и прочее.

Случилось то, чего я даже не мог предполагать раньше: со мной как будто не спорили, но даже ни разу и не выслушали, по частям растащили весь мой план, отказали по мелочам на самых формальнейших основаниях в очень важных организационных деталях, а, кроме того, в самом подборе персонала прямо задавили самыми дикими кандидатами.

Во всей этой борьбе я нажил кучи врагов, и началась самая обыкновенная история: обрушились на колонию им. М. Горького. Осенью мы выпустили на производство до 70 ребят, разослали по другим колониям десятка два. В ноябре ГПУ открыло в новом специально отстроенном доме-дворце детскую коммуну имени Дзержинского. Организацию детского коллектива здесь поручили нашей колонии. Мы выделили в коммуну Дзержинского 62 воспитанника, разумеется, лучших, откомандировали туда же пятерых воспитателей. Еще раньше по другим колониям были назначены 6 воспитателей. Таким образом, к декабрю горьковская колония так щедро раздала свои силы, что сама оказалась в очень тяжелом положении. Кроме того, наш штат увеличили на 50 мальчиков (довели до 400), и мы буквально завалены новенькими. Они принесли к нам чesотку, вшей, разгильдяйство и особенную потребительскую философию детских домов.

Горьковцы, рассыпавшись по округу, разнесли вокруг «горьковскую» систему. Это и послужило причиной всяких нападков. Ведь у нас обычно так: в десятках и сотнях случаев дело просто гниет и гибнет, растут самые дикие, деморализованные и слабенькие людишки. Все смотрят на это безобразие, опустивши руки. Но стоит образоваться одному серьезному дельному пункту, как все на него набрасываются: прежде всего гребуют идеологии, да еще какой-то такой, о которой вообще никто толком ничего не знает. Во всяком случае простая идеология работы и культуры объявляется каким-то страшным грехом. Во-вторых, стоит случиться одному случайному промаху, как немедленно подымается такой вой и такая истерика, что требуются чрезвычайно крепкие нервы, чтобы все это выдержать.

А как можно говорить об отдельных наших промахах? Законом у нас запрещено учреждать колонии для правонарушителей свыше 60 мальчиков (обязательно без совместного воспитания). Но вот мне все же дали 400. Ко мне их сплошь и рядом привозят в черной карете.

и сдают из-под револьвера. У меня нет карцера, и я ни одного за 8 лет не возвратил в тюрьму. Почему можно думать, что подросток только потому, что попал в колонию, сразу делается пайнкой?

У нас, правда, нашлись и друзья, но я в сущности не имел ни одной свободной минутки для борьбы. Я поэтому ушел из Управления колониями и теперь кое-как отбиваюсь от всяких кирпичей вдогонку. Горьковской колонии я не бросал, но на прямой работе в колонии работали мои помощники. Их переменялось четверо, и все они не выдержали больше месяца. В довершение всего наши сметы страшно порезали в этом году.

В результате мне приходится с горьковцами начинать чуть ли не новую жизнь. Правда, в колонии осталось ядро стариков около 100 человек и кадры воспитателей. Но отсутствие средств, ветхость монастырских построек, их непригодность, наконец, страшно суровая зима, все это страшно усложнило ребячью жизнь, сделало ее настоящим подвигом. Все это далеко выходит за пределы какой угодно педагогики, эти 400 жизней «второстепенной необходимости», как выражается в письме к Вам 26-ой отряд.

Рядом с горьковской колонией — коммуна Дзержинского. Дворец, паркет, дубовая мебель, 19 электромоторов, мастерские по последней технике, души, ванны, прекрасное платье, богатые спальни, обильная пища. И там тоже почти все горьковцы, воспитанные, выдержанные, бодрые, чистые. И воспитатели горьковцы и, наконец, я — заведующий. 3 дня в неделю я провожу там, три дня у себя. Бросить дзержинцев не могу, не на кого. Боюсь, что уйду, а мой преемник наделает глупостей и опять будут есть живьем горьковскую колонию и горьковскую систему.

Сейчас вокруг коммуны Дзержинского завязался интересный узел. ГПУ, учреждение замечательной четкости, представило мой воспитательный план на утверждение Наркомпроса (УССР) и потребовало ответа: «Так или не так?»

Одобрить мою «еретическую» укладку Наркомпросу страшно, это значит, рекомендовать ее всем, — не одобрить, значит нужно предложить иную, а это значит принять на себя ответственность прежде всего за целостность дворца, душ, ванн и пр.

Сажу и жду. В коммуне благодущная педагогика, уют, тепло, нега, хорошее настроение и маленькая расслабленность. У горьковцев в спальнях обувь примерзает к полу, валится везде штукатурка, в каторгу обратилась топка печей «Горячим» сводным отрядом, сотни новеньких, не могущих пройти по лестнице, чтобы не плюнуть, срывается «мат», светят иногда голые колени — отчаянная борьба за жизнь, за каждую латку, за отгрызки ботинок, но зато веселый дружный тон, дисциплина, смех, гремит оркестр — играет «Веселого горьковца», сыпятся язвительные словечки по адресу дзержинцев, ждущих весны и с весной того, чего ждущих семь лет, с чем уже ушли многие из колонии, — ждущих Вашего приезда. Сомнений в том, что Вы к нам заедете, нет ни у одного, вопросы и проблемы только в одном: как Вас принять, как встретить, как пицать от восторга и радости, когда Вы приедете.

Я лучше их знаю, как Вы будете нужны в каждом уголке России, и я не уверен даже, имеем ли мы право просить Вас захватить к нам, но несколько строк в 18 томе о нашей колонии все-таки дают и мне некоторую надежду. Мы все сделаем, чтобы к Вашему приезду победить нашу бедность, чтобы не оскорбить Вас никаким неприятным впечат-

лением. Да нам и весна поможет. Дзержинцы также убеждены, что Вы навестите их.

Простите, что затруднили Вас нашими письмами.

Все наши педагоги и служащие просили меня передать Вам их любовный привет и гордость, что они горьковцы.

Навсегда преданный Вам

А. Макаренко.

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—13)

Уважаемый т. Макаренко —

очень взволнован и огорчен Вашим последним письмом! Сожалею, что вы не сообщили о неприятностях, Вами переживаемых, в самом начале их; объясняю это Вашей удивительной деликатностью в отношении ко мне, Вашим нежеланием «беспокоить» меня. Это — напрасно! Знали бы Вы, как мало считаются с этим другие мои корреспонденты и с какими просьбами обращаются ко мне! Один просил выслать ему в Харбин — в Манчжурию! — пианино, другой спрашивает, какая фабрика красок в Италии вырабатывает лучшие краски, спрашивают, водится ли в Тирренском море белуга, в какой срок вызревают апельсины и т. д. и т. д.

А Вы, человек, делающий серьезнейшее дело, церемонитесь. Напрасно.

Чем я могу помочь Вам и колонии? Очень прошу Вас — напишите мне об этом. Я уже написал в «Известия», чтоб к Вам послали хорошего корреспондента, который толково осветил бы жизнь и работу колонии, но это, разумеется, не важно, а вот, чем бы я мог быть практически полезен Вам?

Прошу Вас передать ребятам мой сердечный привет и пожелания им всего доброго.

Могу прислать много книг различного содержания, но ненужных мне. Присылать?

На первый раз посылаю небольшой пакет.

Крепко жму Вашу руку. Ребятам скоро напишу длинное письмо, напишу и Вам, а сейчас прошу меня простить, — приехали иностранцы и я должен принимать их. Утомительное занятие!

А. Пешков.

17.III.28.
Sorrento

Дорогой т. Макаренко, —

горестное письмо Ваше получил вместе со статьей Остроменецкой; читая статью, едва не разревелся от волнения, от радости. Какой Вы чудеснейший человек, какая хорошая, человеческая сила. Настроение Ваше, тревогу Вашу — я понимаю, это мне знакомо, ведь и у меня растопывали кое-какие начинания, дорогие душе моей, напр. — «Всемирную литературу». Но — не верю я, что Ваше прекрасное дело может погибнуть, не верю! И — позвольте дружески упрекнуть Вас: напрасно Вы не хотите научить меня, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь? Вашу гордость борца за свое дело я также понимаю, очень понимаю! Но, ведь, дело это как-то связано со мною и стыдно, неловко мне оставаться пассивным в те дни, когда оно требует помощи.

Мне известно стало, что Вами заявлено требование субсидии в 20 т. Я осведомлен, что деньги эти Вы получите. Книги Вам буду посылать, семь пакетов посылаю вместе с этим письмом, из Москвы вышлю все свои книжки. Было бы хорошо, если б Вы составили список нужных Вам и послали его в Москву, Чистые Пруды, Машков переул. 1, кв. 16.

Затем: мне очень хочется подарить ребятам инструменты для духового оркестра и для оркестра балалаечников. Разрешите. Может быть, среди ребят окажутся талантливые музыканты. А я имею возможность приобрести все это очень дешево. В Россию еду около 25-го мая, у Вас буду во второй половине июня.

Передайте мой сердечный привет ребятам и научите меня сделать что-нибудь приятное для них. Дорогой друг, — я очень хорошо знаю великое значение маленьких радостей, испытанных в детстве.

Крепко жму Вашу талантливую руку, будьте здоровы!

А. Пешков.

9.V.28.
Sorrento

Харьков, 8 июня 1928.

Дорогой Алексей Максимович!

Мы живем сейчас исключительно под знаком Вашего приезда, думаем только о Вас, говорим только о Вас; работаем только для того, чтобы увидели Вы нашу работу. И я вместе с ребятами могу сейчас думать, говорить и писать только о Вашем приезде. Ваше последнее письмо для меня какое-то неожиданное, незаслуженное высшее достижение моей жизни, и я не пытаюсь даже искать слова, чтобы выразить Вам чувства благодарности и благоговения. Если Вы еще приедете к нам, мне уже ничего не останется хотеть.

Мы все крепко уверены, что Вы у нас будете во второй половине июня. Но так как в этой половине 15 дней, то мы и не можем считать дни до Вашего приезда, а нам это страшно нужно.

Чтобы реальнее для нас сделался Ваш приезд, посылаю к Вам двух ребят. Один из них Шершнева — наш бывший воспитанник, теперь студент Харьковского Медицинского Института, очень славный душевный человек, умеющий искать правду жизни без лишних криков и истерик. Это одно из моих «достижений», которое далось мне довольно трудно. Другой Митька Чевелий — один из самых первых горьковцев, мой друг, теперь дзержинец, человек, не обладающий большими способностями, но сумевший из чисто воровской «психологии» сделать искреннюю, горячую и благородную натуру.

Они оба Вам не надоедят, так как оба по-горьковски лаконичны, сделают дело и уедут. В области выражения чувств они также умеют быть сдержанными.

Дорогой Алексей Максимович, не откажите им сказать, когда Вы приедете, сколько времени думаете у нас пробыть, кто еще приедет с Вами? Наши желания по всем этим вопросам мы даже не смеем высказывать, но, конечно, они у нас максимальны.

Я в страшном затруднении: Вы хотите подарить нам два оркестра и еще что-то для всех колонистов. Конечно, Ваша воля, дорогой Алек-

сей Максимович, но, поверьте, нам страшно будет неловко вводить в такие расходы, ведь духовой оркестр стоит несколько тысяч. Может быть, совершенно невозможно, чтобы благодаря нашему существованию, Вы переживали материальную заботу, а для нас так трудно связать Ваше имя с материальной ценностью. С другой стороны, всякая вещь, связанная с Вашим именем, дорога для нас, независимо от того, сколько она стоит. И если Вы хотите доставить ребятам радость сверх той радости, какая заключается в Вашем приезде, то подарите им какую-нибудь небольшую вещь вроде пюжика, чтобы она всегда могла остаться на память о Вашем приезде.

У Вас так много забот сейчас и Вы так заняты в Москве, что я позволю себе не послушаться Вас и не посылаю списка книг.

В Москве так много Вам приходится видеть людей и говорить с ними, что мне страшно совестно затруднять Вас еще нашей делегацией. Вы простите.

Преданный Вам А. Макаренко.

9.VI.28.

Сейчас получили перевод 20 000 рублей по Вашему приказу. Я даже не способен понять, что случилось. И я не способен ничего сказать, кроме слов удивления и преклонения перед Вашей живой личностью. Но здесь есть недоразумение. Я просил у разных учреждений 20 000. Наконец, я получил 16 000 рублей в Харькове на ремонт. Вы, конечно, об этом не знали. Я очень виноват перед Вами, что не сообщил Вам об этом, и у Вас осталось преувеличенное знание о нашей нужде. Я очень боюсь, что сейчас дело непоправимо, но я буду ждать встречи с Вами, чтобы просить у Вас прощения и совета, как поступить.

Преданный Вам А. Макаренко.

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—14)

Харьков
27 июня 1928 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Наши хлопцы, бывшие у Вас, рассказывали, сколько Вы писем получаете, и теперь прямо стыдно писать Вам длинное письмо.

Но и коротко нам так легко рассказать о себе. Мы ждем Вас, в этих словах вся наша жизнь. Ждем между пятым и десятым. Если Вы приедете в Харьков, мы на вокзале Вас потихоньку встретим так, что никто не будет знать. Вы обещали нам написать о дне и часе Вашего прибытия. Я этот день и час скрою даже от колонистов, чтобы действительно Вас никто не беспокоил. У нас в колонии мы также не будем Вас затруднять никакими речами. Вы у нас даже сможете отдохнуть.

Никаких подарков не нужно больше, дорогой Алексей Максимович, и так мы Вам уже чересчур дорого стоим.

Ждем.

Искренно преданный Вам

А. Макаренко

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—15)

Дорогой Антон Семенович —

Ваш уход из колонии поразил и глубоко огорчил меня. У меня было обещание в Харькове «не мешать» Вам в работе Вашей. В Москве я тоже говорил о том, чтобы Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого. И все-таки! Очень боюсь, что в это дело замешаны тенденции «националистического» характера.

Пишу в Москву, настаивая на необходимости Вашего возвращения в Кураж. В январе будет напечатана моя статья о «беспризорных» и колонии, созданной Вашей энергией. Разрушать такие дела — преступление против Государства, вот как я смотрю на эту историю.

Антон Семенович — Вы энергичный, умный человек. Я знаю, как должно быть больно Вам, но не падайте духом! Все наладится.

За предложение посвятить мне Вашу «Педагогическую поэму» сердечно благодарю. Где Вы думаете издать ее? Советую — в Москве... Думаете ли Вы иллюстрировать ее снимками? Это надо бы сделать. Не опасайтесь, что этим книга станет дороже.

Крепко обнимаю Вас, дорогой друг, будьте здоровы!

А. Пешков.

6.XII.28.

Передайте привет мой колонистам Дзержинского. А своих видите? Они, ведь, наверно, знают, где Вы?

А. П.

Дорогой Алексей Максимович

Простите, что я Вас беспокою. Когда я у Вас был, Вы мне рекомендовали издавать мою книгу не у «Народного Учителя», а в Госиздате.

В моей книге выходит к последнему времени, когда я прибавил несколько совершенно необходимых теоретических глав, до 20 листов¹. Такую солидную книгу мне самому не хочется издавать в «Народном Учителе».

Наконец мне просто хочется поступить так, как Вы советуете. Вы, вероятно, имеете для этого основания.

В связи со всем этим у меня к Вам большая просьба. Не откажите дать для моей книги небольшую рекомендательную записку. Пока что мне нужно только одно: чтобы ее не заложили куда-нибудь далеко и хотя бы прочитали, чтобы судить, годится она или не годится.

Потом, если она будет признана достойной издания, я буду просить Вас просмотреть ее.

Если Вы такую записку пошлете в ГИЗ, попросите Петра Петровича мне об этом сообщить.

В моей книге 3 части. Первую я отправлю в ГИЗ немедленно после того, как получу письмо от Петра Петровича.

Преданный Вам и любящий Вас

А. Макаренко.

Харьков,
почтовый ящик № 309
А. С. Макаренко
[1929 г., сентябрь, октябрь]

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—17)

¹ Речь идет о «Педагогической поэме».

Харьков, 5 октября 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Вместе с коммунарами-дзержинцами я приветствовал сорокалетие Вашей работы, и наше приветствие было напечатано в «Правде» в номере, посвященном Вам¹. Заметили ли Вы его?

А сейчас у меня появилась надежда, что Ваш юбилей поможет возродиться идее горьковской колонии, правда, уже в другом месте. Третьего дня в московских газетах было напечатано, что МОНО решило открыть образцовую коммуны для беспризорных Вашего имени². Мне показалось, что я имею преимущественное право просить поручить эту коммуны мне. Кого просить? Может быть, в Москве меня мало знают. Я решился затруднить Вас напоминанием о себе.

Это письмо, вероятно, выйдет длинным, простите за это, но, мне думается, Вы не будете сердиться за мой рассказ, если вспомните, что мы с Вами долго переписывались.

После Вашего посещения колонии им. Горького³, если Вы помните, я из колонии должен был уйти, так как не хотел поступиться ни одним словом из своих педагогических верований. Вы тогда выступили на мою защиту, но даже Ваше слово не пробило толщу наробразовских предрассудков и завирательной болтовни. Я спас остатки своего дела в коммуне им. Дзержинского, куда вместе со мной перекочевала сотня горьковцев и часть персонала. Они и до сих пор еще называют себя «старыми горьковцами».

Мне кажется, что Вам коммуна им. Дзержинского не совсем понравилась⁴. Вас, вероятно, смутило кажущееся внешнее богатство. Но за этим богатством скрывался хороший рабочий ребячий коллектив, воспитанный в горьковской колонии. За прошедшие с тех пор четыре года дзержинцы многого достигли: давно уже перешли на полную самообразовательность, открыли у себя рабфак, построили новый во всех отношениях замечательный завод, приняли много новых беспризорных. Сейчас это во всех отношениях интересное учреждение, красивое и культурное, делающее большую и нужную работу. В этом году мы выпустили в вузы двадцать четыре человека.

Я не спускал глаз с горьковской колонии, она пережила много тяжелых дней. В ней несколько раз менялись заведующие, это было плохо. Еще хуже было то, что наробраз провел настоящую победоносную войну против всех остатков «макареновщины», разогнал всех моих помощников, а многие ребята и сами ушли. В результате всех этих мероприятий к весне этого года колония страшно обеднела и упала во всех отно-

¹ Приветствие было напечатано в газете «Правда» от 25 сентября 1932 г. № 266. В этом приветствии коммунары писали: «Бывшие беспризорные шлют Вам горячий привет. Вы у нас были в 1928 г., когда наша коммуна была еще маленькой. Наша коммуна растет. Мы приняли в этом году в нашу семью 180 беспризорных с улицы. Мы открыли завод ручных электрических сверлилок. Мы открыли рабфак при Машиностроительном институте и в этом году выпускаем 24 коммунара в вузы и втузы. Мы строим и будем строить вместе с рабочим классом социализм под руководством славной партии Ленина. Мы очень просим вас 29 декабря этого года, в день пятилетия нашей коммуны, приехать к нам».

² Корреспонденция об открытии под Москвой образцовой коммуны для беспризорных им. А. М. Горького была напечатана в газете «Правда» 2 октября 1932 г., № 273 (5438).

³ А. М. Горький посетил колонию им. М. Горького 8 июля 1928 г. После отъезда из колонии А. М. Горького Антон Семенович 3 сентября 1928 г. был вынужден уйти из колонии им. М. Горького.

⁴ Алексей Максимович Горький посетил коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 9 июля 1928 г.

шениях: побег, воровство, пьянство, об этом писались целые страницы в харьковских газетах.

В марте «старые горьковцы» и живущие в коммуне и давно вышедшие в самостоятельную жизнь, врачи, агрономы, педагоги, поставили вопрос о возрождении колонии. Горьковские ребята, а они все знают о старом блеске колонии, встретили эту мысль с настоящим энтузиазмом. Было несколько встреч и общих собраний дзержинцев и горьковцев, побывал и я в колонии. Намечалось объединение двух колоний на началах федерации под моим общим руководством. В Наробразе давно исчезли старые противники моей системы, давно уже признаны достижения коммуны Дзержинского, возражений с этой стороны не было. Но не захотели такого объединения мои теперешние шефы. Мне пришлось отказаться от продолжения горьковской истории.

Сообщение в московских газетах об открытии новой коммуны Вашего имени меня снова взволновало. Я предъявляю мое право на работу в колонии Вашего имени и считаю, что это право никто оспаривать не может: с двадцатого года я, кажется, один во всем Союзе стоял во главе коллектива горьковцев. Ведь нас объединяло не только официальное Ваше шефское имя, но и реальное объединение наше вокруг Вашей личности, жизни и Вашей мысли. Много моих воспитанников сейчас работают в Союзе, и они до сих пор с гордостью называют себя горьковцами и не теряют связи ни со мной, ни друг с другом. И вот мы, горьковцы, считаем, что организация новой коммуны горьковцев должна быть нашим делом. Нас интересует в данном случае не только желание снова работать в горьковской колонии, но и чисто деловые соображения: ни для кого не секрет, что детские дома и колонии у нас плохо живут, и работать в них до сих пор не умеют. А колония Вашего имени должна быть во всех отношениях образцовой. Мы чувствуем за собой и силу, и опыт такую колонию создать. И есть какая-то красота в том, что новую Вашу колонию создадут не бюрократические деятели, а Ваши старые друзья — горьковцы.

Важно еще одно обстоятельство: в той же телеграмме из Москвы сказано, что создается и техникум им. М. Горького для подготовки работников внешкольного типа — педагогов. Прямо не пойму, почему именно внешкольного, когда у нас совершенно нет работников для детских домов, а готовить их наши педвузы не умеют. Я считаю, что при коммуне имени Горького надо иметь техникум для подготовки работников таких коммун. Я не хвастун, но ручаюсь, что такой техникум могу создать только я, и может быть еще три-четыре человека в Союзе, ведь для этого нужно иметь огромный опыт работы с беспризорными, а у нас этого опыта редко кто выдерживал больше двух-трех лет. Для подготовки таких работников нужна совершенно особая программа. В глубине души я думаю, что эта программа пригодится вообще для создания советской школы воспитания, но это пусть так и будет в глубине.

Я Вас прошу: помогите сделать это большое и нужное дело, помогите это дело сделать нам, горьковцам. Сколько их я смогу насобирать, я еще хорошо не знаю, но за успех я ручаюсь.

Никаких своекорыстных мотивов у меня, конечно, нет. В коммуне им. Дзержинского меня ценят и любят, хорошо платят, и дело способно удовлетворить работника, но здесь уже все сделано, осталось наводить последний лоск. Правда, и здесь не дают мне полной свободы творчества, и здесь находятся охотники потребить то, что добыто огромным моим напряжением, но ведь от этого нигде не избавишься...

Я знаю, что первые годы в новой коммуне для беспризорных всегда каторга, но к этому влечет по привычке, а ведь в Москве пахнет горьковской колонией — вот, даже странно как-то представить, что колония им. Горького и вдруг без меня.

Я наверное слишком многословен, а Вы и так уже увидели и почувствовали мою правду.

Я не знаю, как это сделать, мне кажется, что Вы имеете право выбирать заведующего Вашей коммуной. Мне бы хотелось участвовать в самом проектировании колонии, потому что тогда легче всего наделать всяких глупостей.

В МОНО меня когда-то знали, о коммуне им. Дзержинского знают наверняка. На днях выйдет в ГИХЛ'е моя книга «Марш тридцатого года»¹, которая о коммуне много расскажет интересного. Может быть, и это поможет.

Кстати о моей литературной деятельности: в ГИХЛ'е принята и вторая рукопись «ФД-1»², большой очерк листов на двенадцать, а самая дорогая для меня работа, «Педагогическая поэма», изображающая не сладкие достижения, а тяжелейшую борьбу в горьковской колонии, полную не только пафоса, но и преступлений, между прочим моих собственных, книга, посвященная Вам, лежит у меня дома: как-то страшно выворачивать свою душу перед публикой с такой щедрой искренностью.

Все-таки простите за такое длинное письмо. Но если Вы его прочитали, я почему-то уверен, что колония им. Горького будет в моих руках, серьезно, иначе быть не может, это было бы просто недопустимо.

Преданный Вам

А. Макаренко.

Харьков, 54,
Коммуна им. Дзержинского
А. С. Макаренко

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—18)

Дорогой Антон Семенович —

Вчера прочитал Вашу книгу «Марш 30-го года». Читал с волнением и радостью, Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренно поздравляю с этой книгой. Вероятно немножко напишу о ней. Колонисты Куряжа не пишут мне. Не знаю о них ничего. Прискорбно, какие хорошие ребята были там.

Крепко жму Вашу руку.

Передайте ребятам привет мой, скажите, что я страшно рад был прочитать, как они живут, как хорошо работают и хорошо, дружески по-настоящему — относятся друг к другу.

М. Горький.

17.XII.32.
Sorrento

¹ Повесть «Марш 30 года» А. С. Макаренко написал в конце 1930 г. Впервые опубликована в 1932 г. Гос. изд-вом «Художественная литература».

² Повесть «ФД-1» Антон Семенович Макаренко написал в марте—апреле 1932 г. Рукопись сохранилась в архиве А. С. Макаренко не полностью. Опубликована во 2 томе сочинений, стр. 147—301.

Дорогой и глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Ваше письмо о моей книге — самое важное событие в моей жизни¹, к этим словам я ничего уже не могу прибавить, разве только то, что я просто не понимаю, как это можно иметь такую большую душу, как у Вас.

А я о своем писании был очень плохого мнения. Писательский зуд просто оказался сильнее моей воли, а по доброй воле я не писал бы. Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно — мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть — молодежь, нужно об этой прелести рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время. У меня как будто не было ни того, ни другого. Пишу сразу в чистовку, получается неряшливо, а через каждые две строчки меня «пацаны» отрывают, писать приходится все в том же «кабинете».

Поэтому все, что я написал, меня смущало. Сейчас в ГИХЛ'е лежит моя рукопись «ФД-1» из истории последних лет коммуны Дзержинского. В редакции относятся к ней очень сдержанно, наверное, она будет издаваться тоже два года, как и «М. 30 г.». А самая дорогая для меня книга, давно законченная, «Горьковцы»², листов на 20, лежит у меня в столе, там слишком много правды рассказано, и я боюсь.

Есть еще у меня и пьеса³. Даже стыдно писать Вам о таком обилии.

Недавно я писал Вам в Москву, наверное Вы не получили моего письма. В нем я писал и о колонии в Куряже. В московских газетах было сообщение об открытии «образцовой колонии» им. М. Горького. Я просил Вас поручить эту колонию нам «горьковцам». На это дело пошли бы лучшие ребята, выпущенные из колонии в Куряже, теперь педагоги, врачи.

Куряжскую колонию возродить уже нельзя. В прошлом году дзержинцы поставили вопрос об объединении с Куряжем в «дивизию», но начальство не согласилось. Колония живет плохо, после меня переменялось уже четыре заведующих, глупости там наделаны непоправимые, коллектива нет, проходной двор. Монастырское старье давно нужно было развалить, нужно было строить, богатеть, а там до сих пор штукатурка 1928 года. Нехорошо. Коммуна Дзержинского на днях праздновала свое пятилетие⁴. Ребята постановили передать Куряжу помощь 10.000 рублей, но это чепуха. Там деньги не помогут. Там нужна большая работа, все нужно сначала. А если сначала, так лучше уже на новом месте. Ваше имя в Куряже нужно снять.

Простите за длинное письмо. Ваши слова ребятам я передал на общем собрании. Они горды и сейчас Вам пишут.

¹ Речь идет о книге «Марш 30 года». А. М. Горький первый дал одобрительный отзыв на эту книгу. См. письмо Горького к Макаренко от 17 декабря 1932 г.

² Речь идет о «Педагогической поэме».

³ Здесь Антон Семенович имеет в виду пьесу «Мажор».

⁴ Коммуна им. Дзержинского 29 декабря 1932 г. праздновала свой пятилетний юбилей. К пятилетнему юбилею был выпущен сборник «Второе рождение» (Харьков, 1932 г.). В этом сборнике Макаренко опубликовал следующие свои статьи: «Педагогижимают плечами», «Один день коммуны», «Перевернутые страницы», «Конституция страны ФЭД». (См. А. С. Макаренко, Соч., т. 2, стр. 397—425).

Посылаю Вам наш юбилейный сборник.
Спасибо за Ваше внимание и поддержку, если можно за это благодарить.

Преданный Вам А. Макаренко.

Харьков, 54,
Коммуна Дзержинского
1.1.1933 г.

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—19)

Дорогой Антон Семенович.

Я, стороною, узнал, что Вы начинаете уставать и что Вам необходим отдых. Собственно говоря — мне самому пора бы догадаться о необходимости для Вас отдыха, ибо я, в некотором роде, шеф Ваш, кое-какие простые вещи должен сам понимать. 12 лет трудились Вы и результатам трудов нет цены. Да никто и не знает о них, и никто не будет знать, если Вы сами не расскажете. Огромнейшего значения и поразительно удачный педагогический эксперимент Ваш имеет мировое значение, на мой взгляд.

Поезжайте куда-нибудь в теплые места и пишите книгу, дорогой друг мой. Я просил, чтобы из Москвы Вам выслали денег.

Будьте здоровы, крепко жму руку. Всего доброго!

30.1.33 г.

А. Пешков.

Дорогой Антон Семенович —

на мой взгляд «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш — уместен, как нельзя более. Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о «командирах» говорится много, но армии — не видно.

Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Куряж?

М. Горький.

[Конец 1933]

7 марта 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо Вам. Благодаря Вашему вниманию, поддержке, а может быть и защите, моя «Педагогическая поэма»¹ увидела свет, да еще в таком совершенно уже незаслуженном соседстве с Вашей пьесой².

Для меня выход «Поэмы» — важнейшее событие в жизни. Я не способен судить, насколько это важно или нужно для людей. Здесь, в своей харьковской каторге, я вообще слишком мало ощущаю из широ-

¹ Первая часть «Педагогической поэмы» была впервые опубликована в альманахе «Год XVII», в кн. 3, 1933 г. Этот номер альманаха был подписан к печати в конце декабря 1933 г. и вышел в свет в начале 1934 г.

² Макаренко имеет в виду пьесу Горького «Достигаев и другие», которая опубликована в альманахе «Год XVII», кн. 3.

кой литературной жизни и не могу даже следить за критическими статьями, не знаю даже, есть они или нет.

И меня очень затрудняет вопрос о том, что дальше делать с поэмой? Следует ли добиваться отдельного издания первой части, или она не стоит того, чтобы ее отдельно издавать? Отдельное издание меня интересует больше всего потому, что можно будет восстановить несколько глав и отдельных мест (всего около 4-х печатных листов), не напечатанных в альманахе за недостатком места¹; мне, как вероятно и каждому автору, кажется, что места эти очень хороши и очень нужны, что без них «Поэма» много в своей цельности теряет.

Писать ли вторую часть или не стоит?..

Материал для второй части у меня как будто богатый. Это лучшее время горьковской колонии. В первой части я пытался изобразить, как складывается коллектив, во второй части хочу описать сильное движение развернутого коллектива, завоевание Куряжа и харьковскую борьбу — до самого Вашего приезда. Закончить хочу Вашим приездом в Куряж.

Вторая часть для меня труднее, чем первая. Я не представляю себе, как я справлюсь с такой трудной задачей: описывать целый коллектив и в то же время не растерять отдельных людей, не притушить их яркости. Одним словом, боюсь.

Не знаю также, уместно ли разбавлять повествование теоретическими отступлениями по вопросам воспитания, у меня есть такой зуд — хорошо ли это?

И еще одно затруднение. Ваш приезд — это кульминационный пункт развития коллектива горьковцев, но это и его конец. До Вашего еще приезда мне удалось спасти 60 человек в коммуне Дзержинского. Эти 60 человек и продолжают традиции горьковцев уже на новом месте. Я всегда думал, что история дзержинцев составит тему третьей части «Педагогической поэмы». На деле, однако, мне не удалось сохранить цельность развития коллектива. Здесь набежало много людей, они дружно растащили коллектив в разные стороны, и в настоящее время вместо одного цельного явления, я стою перед целой кучей проблем, получившихся исключительно благодаря неумению многих людей.

Для окончания «Поэмы» здесь нет хорошей правды, врать не хочу, окончить же 28-м годом тоже как будто неудобно.

Простите, дорогой Алексей Максимович, что затрудняю Вас своими делами. Просто хочу поделиться с Вами. Если Вы только одним словом отзоветесь — стоит ли писать продолжение? — мне больше ничего и не нужно. А что выйдет, я все равно Вам покажу, тогда будет видно.

Страшное спасибо Вам за Ваше письмо Серафимовичу. Оно многим людям показывает дорогу.

Желаю Вам здоровья и радости.

Преданный Вам А. Макаренко.

Харьков, 54,
Коммуна им. Дзержинского

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—21)

¹ Первая часть «Педагогической поэмы» была напечатана в альманахе «Год XVII». кн. 3, в 24 главах. Отдельное издание первой части «Педагогической поэмы» вышло в 1934 г. в 29 главах.

Харьков, 54, коммуна им. Дзержинского
14 июня 1934 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно должен был написать Вам, но не хотел тревожить Вас моими делами во время таких горестных для Вас событий¹, которые и мы здесь встретили с глубокой и искренней печалью. Непереносимо тягостно было представить себе Ваше страдание, так это все не вяжется с Вашей личностью и с любовью к Вам. Нет ничего отвратительнее для меня знать, что и по отношению к Вам возможны подобные издевательства этих дурацких мировых неустройств. Так это возмутительно, и так себя неуютно чувствуешь в мире: ведь по справедливости и по здравому смыслу умирать должны только те люди, которые уже не нужны для жизни.

Я пишу вторую часть «Педагогической поэмы». Подвигается она чрезвычайно медленно, мешают коммунарные дела, напряженные, как всегда. К коммунарным делам прибавилось еще одно, увлекательное до высшей степени. Здесь в Харькове организован Комитет для открытия новых детских трудовых коммун на 12 000 человек. И меня ввели в состав комитета. Я настойчиво предлагаю всем открыть одну коммуну на 12 000 детей на берегу Днепра недалеко от Черкасс или при впадении Сейма в Десну. Я представил подробный план, составленный целой группой людей, понимающих в этом деле, и настоящих энтузиастов. План деловой и точный. Я прошу 33 миллиона выдать в течение 3-х лет. Обязуюсь потом возратить эти деньги в течение десяти лет, а сверх того, ежегодно увеличивать коммуны на 2 000 человек. Вообще, начиная с четвертого года, коммуна должна быть на хозрасчете.

О деньгах никто не спорит. На борьбу с беспризорностью ежегодно расходуются гораздо большие деньги и без всяких материальных и педагогических последствий. И если открыть не одну, а двенадцать коммун на 12 000 человек, то это будет стоить не 33 миллиона, а больше ста.

Не денег жалеют, а просто боятся поднять серьезное большое дело, боятся тронуться с насиженного, хотя и дрянного места, на котором давно стоит беспризорный вопрос. Я уже многих убедил, но многие еще сомневаются и чего-то боятся.

Если бы дали в руки такое дело, да еще если бы назвали новую коммуны Вашим именем, я уже не мог бы ручаться за скорое окончание «Педагогической поэмы». Это, конечно, очень грустно, но отказаться от такой коммуны я все равно не в силах.

Первая часть «Педагогической поэмы» давно сдана в «Советскую литературу», но с изданием там не спешат, говорят, что до августа она в производство не пойдет². Почему так долго, не знаю, может быть, так и нужно. Вероятно, украинский перевод выйдет раньше³, так как «Радянська література» спешит обогнать Москву, справедливо считывая, что читатель будет читать по-украински только в том случае, если рядом нет лучшего.

Сдал я и «Мажор»⁴ в МХАТ товарищу В. Около месяца поработал над пьесой, считаю, что она теперь лучше, чем была раньше, но бабы

¹ Макаренко имеет в виду смерть сына А. М. Горького Максима Алексеевича Пешкова, Максим Алексеевич Пешков умер в мае 1934 г.

² Первая часть «Педагогической поэмы» вышла отдельным изданием в 1934 г.

³ Первая часть «Педагогической поэмы» вышла на укр. языке в 1935 г.

⁴ Пьеса «Мажор» была написана А. С. Макаренко в сентябре—октябре 1933 г.

прибавить не сумел — я еще очень слабый техник. В. сказал, что с Вами будут советоваться. Здесь в Харькове есть симпатичный и культурный театр русской драмы. Коллектив этого театра очень воодушевленно и красиво шефствует над коммуной им. Дзержинского. Просили дать им «Мажор» к постановке, но я не хочу ставить пьесу в том городе, где так хорошо знают коммуны, — будут копировать, а это совсем не то: в «Мажоре» есть много от мечты о ближайших будущих днях.

В конце июля коммунары уезжают в отпуск. Становимся лагерем в Сосновом лесу на берегу Днепра. Как и в прошлом году, ребята воображают, что это замечательная вещь — лагерь на Днепре, и собираются приглашать Вас. Главное, чем они собираются Вас завлечь, это маленький пароходик в распоряжении лагеря. Ездить на пароходике по Днепру и снимать берега собственной «Лейкой» — конечно, высшее блаженство.

Между прочим, «Лейки» (по нашему — «ФЭД» — «Федьки») нашего нового завода выходят не плохие. Остался еще недоступным секрет одного лака. Когда этот секрет будет осилен и «ФЭД» примет настоящий нарядный вид — коммунары мечтают, что Вы примете от них образец — ведь это тоже «наши достижения».

Простите за длинное письмо.

Преданный Вам А. Макаренко.

В «Литературной газете» было напечатано, что в Союз Писателей принят Макаренко¹. По некоторым данным это я. Но я так не верю в это счастье, что боюсь страшно разочарования. Недавно жена была в Москве, но я ей прямо запретил заходить в ССП, а вдруг скажут:

— Н-нет... это другой товарищ.

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—22)

Дорогой мой друг Антон Семенович —

спасибо за письмо!

Очень обрадован намерением правительства широко организовать детские трудкоммуны, очень ясно сознаю необходимость Вашего участия в этом прекрасном деле, но — огорчен тем, что вторая часть «Педагогической поэмы» Вашей «подвигается медленно».

Мне кажется, что Вы недостаточно правильно оцениваете значение этого труда, который должен оправдать и укрепить Ваш метод воспитания детей. Вы должны сделать что-то, чтоб «Поэма» была кончена Вами и прочитана в момент организации новых коммун. Этим актом Вы поможете поставить дело правильно, как оно было поставлено в Куряже и в коммуне Дзержинского. Убедительно прошу Вас — напрягитесь и кончайте вторую часть «Поэмы». Настаиваю на этом не только как литератор, а — по мотиву, изложенному выше.

Крепко жму руку, будьте здоровы и — за работу!

М. Горький.

[1934]

¹ А. С. Макаренко был принят в члены Союза советских писателей 1 июня 1934 г.

Дорогой Антон Семенович!

Вторая часть «Поэмы» значительно менее «актуальна», чем первая; над работой с людьми и землей преобладают «разговоры». В них много юмора, они придают «Поэме» веселый тон, — это, конечно, еще не порок, если не снижает серьезнейшее тематическое, а также историческое значение социального опыта, проделанного колонией.

Мне кажется, что эта часть поэмы весьма выиграет, если Вы сократите ее. Сократить надо незначительное, чтоб ярче оттенить значительнейшее. Длинновата сцена покупки лошади. Очень хороша свадьба.

Я «придираюсь», потому что глубоко убежден в серьезнейшем значении «Поэмы», в правде метода, в поучительности опыта. Но чтоб опыт был ясен читателю, — даже и тогда, когда он — профессионал-педагог, — Вам необходимо более четко изображать постепенность перерождения ребят. В этой части личная Ваша фигура и работа оставляет ребят несколько в тени. И это — потому что работу Вы освещаете словами, тогда как освещение ее требует фактов. Незаметно, как ребята пришли к необходимости учиться в рабфаках, решение это является неожиданным.

Вообще очень прошу Вас внимательно прочитать и местами сократить, а кое-где дополнить рукопись.

Крайне важно дать Вашу работу в форме — по возможности — совершенной.

Крепко жму руку.

М. Горький.

10.IX.34 г.

Дорогой, родной Алексей Максимович!

Не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою благодарность и любовь. Одно знаю хорошо, что ни я, ни моя поэма не стоят того исключительного внимания, которое Вы оказываете нам, и не стоят огромного труда, который Вы нам дарите.

О второй части¹ у меня нет ясного представления: то она кажется мне очень хорошей, гораздо лучше первой, то чрезвычайно слабой, ничего не стоящей. Писал я ее в ужасных условиях, во время большой напряженной работы в коммуне, в летнем походе коммунаров: в вагоне, на улицах городов, в передышках между торжественными маршами.

И поэтому и по моей неопытности и слабости в ней, конечно, много недостатков, которые я в особенности ясно увидел после Вашего отзыва: много «разговоров», выпирает моя фигура, есть лишнее зубо-скальство.

Я постарался вычеркнуть все то, что бросается в глаза, всего вычеркнул больше двух печатных листов, но как-нибудь основательно передумать всю часть я уже потому не могу, что вся она построена по особому принципу, который я считаю правильным, но который, вероятно, плохо отобразил в своей работе над книгой.

Я очень прошу Вашего внимания к следующему:

Моя педагогическая вера: педагогика — вещь прежде всего диалектическая — не может быть установлено никаких абсолютно правильных педагогических мер или систем. Всякое догматическое положение,

¹ Вторая часть «Педагогической поэмы» впервые опубликована в альманахе «Год XVIII», кн. 5. 1935.

не исходящее из обстоятельств и требований данной минуты, данного этапа, всегда будет порочным.

Единственно, что я хочу утверждать: в коммунистическом воспитании единственным и главным инструментом воспитания является живой трудовой коллектив. Поэтому главное усилие организатора должно быть направлено к тому, чтобы создать и сберечь такой коллектив, устроить его, связать, создать тон и традиции, направить..

В первой части «ПП» я хотел показать, как я, неопытный и даже ошибающийся, создавал коллектив из людей заблудших и отсталых. Это мне удалось благодаря основной установке: коллектив должен быть живой и создавать его могут настоящие живые люди, которые в своем напряжении и сами переделываются.

Во второй части я сознательно не ставил перед собою темы переделки человека. Переделка одного, отдельного человека, обособленного индивида, мне представляется темой второстепенной, так как нам нужно массовое новое воспитание. Во второй части я задался целью изобразить главный инструмент воспитания, коллектив, и показать диалектичность его развития.

Инструментовку коллектива я хотел изобразить в следующих главных чертах:

1. Пролетарская классовая направленность — отрицание индивидуального крестьянского хозяйства.
2. Превалирование интересов коллектива над интересами личности.
3. Дисциплина.
4. Бодрость.
5. Коллективный труд и хозяйство.
6. Образовательный и культурный процесс.
7. Настоящие живые люди (Калина, Силантий, Мария Кондратьевна).
8. Стремление вперед, обязательное развитие.
9. Традиции, в том числе и внешние.
10. Эстетическое оформление жизни.

Может быть, это все мне плохо удалось, это другое дело.

В третьей части я этот коллектив хочу показать в действии: в массовой переделке уже не отдельных личностей, а в массе — триста куряжан. В третьей части у меня богатый материал для изображения такой переделки и доказательства того, что силами коллектива эта переделка легче и быстрее.

В третьей же части я хочу изобразить и сопротивление отдельных лиц в НКП. Во второй я хотел показать только первые предчувствия, первые дыхания борьбы. Нападение НКП на мою работу было вызвано именно обстоятельствами активной деятельности коллектива горьковцев в Куряже.

В третьей же части я хочу показать, как здоровый коллектив легко размножается «почкованием» (дзержинцы).

Это моя схема. Очень возможно, что я не умел и не умею рассказать все так, чтобы и читателю было ясно. Страшно хорошо, что это обнаруживается сейчас: в третьей части я теперь постараюсь все прояснить, если хватит у меня способности.

Еще раз спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович. Ужасно тяжело, что я не увидел Вас, и еще тяжелей, что Вы хвораете.

Желаю Вам здоровья и бодрости.

Преданный Вам

А. Макаренко.

Дорогой Алексей Максимович

Если Вы помните, весной прошлого года я был принят Вами и представил Вам свою пьесу «Мажор», которая перед тем побывала на конурсе Совнаркома и удостоилась даже рекомендации.

В общем Вы пьесу мою одобрили, предложили кое-что исправить. Я драматург молодой, и мне легче написать новую пьесу, чем исправить старую. Я все-таки еще поработал над «Мажором» и передал ее для печати в Гос. Изд. «Художественная литература»¹. Оттуда я получил очень хороший отзыв, скоро она должна выйти в свет. Ваше положительное отношение к моему драматургическому дебюту и потом успех пьесы в «Художественной литературе» меня настолько окрылили, что я даже пренебрег полной неудачей моих попыток пристроить ее в театре (МХАТ отозвался отрицательно, все другие даже не ответили), тем более, что эти попытки не отличались особенной энергией.

Короче говоря, я написал еще одну пьесу «Ньютоновы кольца»² (почему-то скрываюсь под фамилией Гальченко). Меня увлекла тема изобразить игру мельчайших бликов, зайчиков на очень ограниченном участке нашей борьбы, мне хотелось этой радужной игрой подчеркнуть величие и уверенность нашего движения. Сегодня я прочитал Вашу статью «Литературные забавы»³, и теперь я понимаю, что меня в моей пьесе интересовала «химия» явлений среди наших людей. Очень возможно, что такой химии у меня не получилось, я не имею никакого понятия о качестве «Ньютоновых колец». Но так как в эту работу я вложил кое-что и так как в ней есть рисунки настоящих живых людей и живых конфликтов, которые я наблюдал вокруг себя, то я осмеливаюсь просить Вас, если позволяет Ваше здоровье и если у Вас найдется время, прочитайте «Ньютоновы кольца», которые я Вам одновременно посылаю. Внимание и забота, которые Вы мне всегда оказывали, позволяют и теперь обратиться к Вам с этой просьбой.

Начал третью часть «Педагогической поэмы», которую надеюсь представить к альманаху седьмому. Очень хочу, чтобы третья часть вышла самой лучшей, поэтому постараюсь ее закончить раньше, чтобы успеть сделать исправления, а может быть даже написать ново, если потребуется.

Простите, что письмо на машинке — уже две недели, как лежу в постели, немножко надорвался — нервы.

Харьков
Коммуна Дзержинского
26 января 1935.

Преданный Вам А. Макаренко.

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—24)

[1935 г., февраль]

Дорогой Антон Семенович —

на мой взгляд «Ньютоновы кольца» пьеса веселая и — если хотите — я могу передать ее в театр Корша или же Вахтангова.

¹ Пьеса «Мажор» была впервые опубликована в 1935 г. под псевдонимом Андрей Гальченко, Гос. изд-во «Художественная литература».

² Пьеса «Ньютоновы кольца» написана Антоном Семеновичем Макаренко в 1934 г.

³ Статья А. М. Горького «Литературные забавы» опубликована в газ. «Правда» 24 января, № 28, 1935 г.

Но — мне хочется ругать Вас. Напрасно Вы прервали работу над «Педагогической поэмой», значение которой гораздо солиднее пьес. Вот уже первые части «Поэмы» вышли, а — где третья? Очень прошу Вас, продолжайте эту работу! Я думаю, что 3-ю часть нужно довести до момента Вашего ухода и на ней — кончить.

Будьте здоровы! Работайте.

А. Пешков.

[1935 г., февраль]

Дорогой Алексей Максимович!

Ругаете Вы меня или помогаете, а я все равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарности и любви к Вам. И я страшно злюсь на себя и на наш век за то, что теперь люди такие деловые и суровые, что они умеют только возиться с материей, что явления в собственных душах такие для них стали непосильные.

Спасибо, что обругали. Это у Вас так сильно и ласково выходит, что мне может позавидовать любой мой воспитанник. Секрет педагогического воздействия таким образом еще и до сих пор для меня проблема. Во всяком случае после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть «Педагогической поэмы», а третью часть чего-то страшно грандиозного.

Это, однако, не мешает «жалкому лепету оправданий». «Педагогическая поэма» — это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется мне чем-то «священным». Я не могу писать поэму в сутолоке моей работы в коммуне. Для поэмы мне нужен свободный вечер или какое-нибудь уединение. А пьесы я набрасываю в коммунарском кабинете в трехминутных перерывах между деловыми разговорами, выговорами, заседаниями, удовлетворяя писательский зуд, который так поздно у меня разгорелся в значительной мере благодаря Вашему ко мне вниманию. Теперь я уже не в состоянии пройти безучастно мимо интересных людей и коллизий. А так как мне записывать некогда, то хочется написать скорей, пока не забыл ничего.

Оправдался? Кажется нет. Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу «Педагогическую поэму», кстати, конец уже недалеко.

А после «Педагогической поэмы» я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле... Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. Если у меня хватит здоровья, я уверен — это будет очень важный и капитальный труд. Я однажды приступил к нему¹, но увидел, что такую книгу нужно писать в полном отрешении от текущей работы и обязательно «с книгами в руках», просмотрев все высказывания старого опыта, истории, художественной литературы. Вы даже представить себе не можете, Алексей Максимович, сколько у меня скопилось за 30 лет работы мыслей, наблюдений, предчувствий, анализов, синтезов. Жалко будет, если все это исчезнет вместе со мной. Я потому и буду просить, чтобы мне дали возможность жить в Москве, поближе к книгам и к центрам мысли и работать.

Мне понадобится два года.

¹ Макаренко имеет в виду начатый им в 1931—1932 гг. большой труд «Опыт методики работы детской трудовой колонии». Книга осталась незаконченной. Автором были написаны только «Предисловие», «Вступление» и глава «Организационный период». Эти материалы опубликованы в кн.: А. С. Макаренко. Педагогические сочинения, изд-во АПН РСФСР, М.-Л. 1948.

Видите, я не очень ограмлен драматургией и помню Ваше указание — писать о педагогическом деле. Но сейчас мои мозги очень скомканы коммуной: ведь у нас 520 ребят, а я уже достаточно заморился.

Не знаю, как сказать, как благодарить Вас за то, что прочитали «Ньютоновы кольца». Совесть мучит меня, что я затруднил Вас этой работой, но утешаюсь тем, что в «Ньютоновых кольцах» тема тоже педагогическая. Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выражая его не в «небывалых чудесах», а в простой «химии». Перевоспитывается не только Хромов, а и Рязанова, и Луговой, и Ходиков, и Елочка. И не потому перевоспитывается, что стоит над душой гениальный педагог, а потому, что вся атмосфера, весь тон жизни и отношений новые. Конечно, все это тонкие штуки, и поэтому сократить, дописать, доработать пьесу наедине с самим собой я не сумею. Если пьеса того заслуживает, если она станет объектом работы режиссера или театрального коллектива, я с большим успехом смогу ее улучшить. И Вы так пишете. Поэтому, если Вам придется говорить о моей пьесе с режиссером, Вы считайте, что за моими исправлениями остановки не будет.

Спасибо еще раз за Ваше великое человеческое внимание ко мне и за ласку.

Ваш преданный Вам А. Макаренко.

Харьков, 54,
Коммуна им. Дзержинского
А. С. Макаренко

(Архив А. М. Горького, КГ—П 48—2—25)

Киев, 28 сентября 1935 г.
ул. Леонтовича, 6, кв. 21

Дорогой Алексей Максимович!

Сегодня авиапочтой выслал Вам третью часть «Педагогической поэмы»¹. Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистический тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Куряже я не решился, это значило бы описывать Вас, для этого у меня нехватило совершенно необходимого для этого дела профессионального нахальства. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД. обстоятельства переезда и новой работы — очень плохие условия для писания, в сутки оставалось не больше трех свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович! Большая и непривычная для меня работа «Педагогическая поэма» окончена. Не нахожу слов и не соберу

¹ Третья часть «Педагогической поэмы» впервые опубликована в альманахе «Год XVIII», кн. 8, 1935.

чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи, я никогда этой книжки не написал бы.

У меня сейчас странное ощущение. Работа окончена, но остались уже кое-какие навыки письма, кое-какая техника, привычка к этой совершенно особенной, волнующей работе.

А в то же время я вдруг опустошился, как будто всю свою жизнь до конца выложил, нечего больше сказать.

Я очень хочу надеяться, что Вы не бросите меня в этой неожиданной пустоте.

Посоветуйте, как сначала наладить мое писательское самочувствие, куда броситься, как сохранить те элементы стиля, которые, вероятно, все-таки есть в моей работе?

Искренно преданный Вам А. Макаренко.

P. S. Второй экземпляр выслал в редакцию альманаха «Год XVIII». В Москве буду числа 6-го—12-го. Если нужно, вызовите меня телеграммой, а то так не пускают.

В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику».

А. М.

(Архив А. М. Горького. КГ—П 48—2—26)

Дорогой Антон Семенович —

Третья часть «Поэмы» кажется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжцами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. «Соцвосовцев» Вы изобразили так, как и следует, главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику» — нельзя исключать.

Хорошую Вы себе «душу» нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил ее в Москву.

Вы спрашиваете, «как сохранить элементы стиля» и т. д. Очень просто: ведите аккуратно ежедневную запись наиболее ясных мыслей, характерных фактов, словесной игры: удачных фраз, афоризмов, «словечек». Пишите ежедневно хоть десяток строк, но так экономно и туго, чтобы впоследствии их можно было развернуть на две, три страницы. Дайте свободу Вашему юмору. Делая все это, Вы не только сохраните приобретенное работой над «Поэмой», но расширите его.

Напоминаю Вам сказанное в «Поэме» о «чекистах». Так же, как Вы, я высоко ценю и уважаю товарищей этого ряда. У нас писали о них мало и плохо и писали не от удивления пред героями, а, кажется, «страха ради иудейска». Сами они, к сожалению, скромны и говорят о себе молча. Было бы очень хорошо, если б, присмотревшись к нарком-внудельцам, Вы написали очерк или рассказ «Чекист». Попробуйте. Героическое Вы любите и умеете изобразить.

Если Вас тяготит «бюрократическая» работа и Вы хотели бы освободиться от нее — давайте хлопотать. Я могу просить, чтоб Вас возвратили к ребятам.

Ну — что же? Поздравляю Вас с хорошей книгой, горячо поздравляю.

М Горький

Р. С. Вы, конечно, использовали не весь материал — дайте десяток портретов беспризорников. Говорят, что теперь они — грамотнее, легче идут на работу, быстрее дисциплинируются. И, будто бы, причиной ухода из семьи на улицу служат: мачехи, вотчимы и «скука жизни» в семье. Отцам-матерям некогда заниматься детьми, детям не о чем говорить с родителями.

М. Г.

[Осень. 1935 г.]

* * *

Письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому далеко не исчерпывают эпистолярное наследство А. С. Макаренко. Многие еще не разысканы, а имеющийся архивный материал почти не разработан. Это дело безусловно потребует большой научно-исследовательской работы и ждет еще будущих исследователей. Но мы надеемся на то, что и публикуемые впервые письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому и другие материалы А. С. Макаренко окажут известную помощь педагогам и научным работникам в деле правильной оценки и критического освоения педагогического наследства выдающегося советского педагога.

1181

1924

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка		Напечатано	Следует читать
	св.	сн.		
64		2	в Барнаульский	и Барнаульский
92		20	работой	заботой
138	19		В этой своеобразной беседе-допросе Антон Семенович вскрывал внимательный педагог изучать каждого из нас.	В этой своеобразной беседе-допросе Антон Семенович вскрывал перед нами неподготовленность нашего предложения и продолжал как внимательный педагог изучать каждого из нас.
138	22		Строку не читать.	

Зак. 1984.

Цена 13 р. 50 к.